

Крас
Вудинг

КЛЕЙМО
ПОРЧИ,
или ТКАЧИ
САРАМИРА

На престол Сарамира вот-вот взойдет чудовище...

Крас Вудинг

Бей
Дракона

КЛЕЙМО ПОРЧИ,
или ТКАЧИ САРАМИРА

Bek
Apatoria

CHRIS WOODING

«The Weavers of Saramyr»

Крас Будинг

КЛЕЙМО ПОРЧИ, или ТКАЧИ САРАМИРА

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44
Б88

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Chris Wooding
THE WEAVERS OF SARAYMR-

First published by Gollancz Ltd, London

Перевод с английского Ю. Бухтеевой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С. Шумилова

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения издательства Gollancz Ltd,
an imprint of The Orion Publishing Group Ltd
и литературного агентства Synopsis.

Подписано в печать 20.06.08. Формат 84x108¹/32.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 3000 экз. Заказ № 8887.

Вудинг, К.

1388 Клеймо Порчи, или Ткачи Сарамира : [фэнтези. роман] / Крис Вудинг; пер. с англ. Ю. Бухтеевой. — М.: ACT: ACT МОСКВА, 2008. — 414, [2] с. — (Век Дракона).

ISBN 978-5-17-054149-2 (ООО «Издательство ACT»)

ISBN 978-5-9713-9329-0 (ООО Издательство «ACT МОСКВА»)

Люди Сарамира не могут, не должны пострадать от таинственной Порчи. Гарантия тому — могущество магов — Ткачей, чья сила вот уже много веков хранит Сарамирскую империю от демонического Зла, угрожающего ей разрушением. Каждый порченый подлежит немедленному уничтожению — иначе последствия будут ужасны. Ибо всякий, отмеченный клеймом Порчи, обладает колдовскими способностями, слишком огромными и непредсказуемыми, чтобы не представлять опасности для обитателей Сарамира.

Так было.

Но теперь главный из Ткачей узнает: наследница престола — порченая.

Кто рискнет убить законную принцессу, любимую дочь жестокой, решительной императрицы?

Но, с другой стороны, кто захочет видеть на троне женщину, способную в одночасье превратиться в одержимое демонами чудовище?

Страна — на грани гражданской войны.

Потомки знатнейших семейств уже склестнулись в битве за сарамирскую корону. Императрица отказывается верить Ткачам, считая их подозрения пустым вымыслом.

Катастрофу уже не остановить?..

УДК 821.111-312.9

ББК 84 (4Вел)-44

© Chris Wooding, 2003

© Перевод. Ю. Бухтеева, 2008

© ООО Издательство «ACT МОСКВА», 2008

Глава 1

В первый раз Кайку умерла, когда ей исполнилось двадцать.

Она не помнила, как попала сюда. Воспоминаний не осталось, их смыла накатившая волна экстаза, непередаваемое ощущение покоя и умиротворения, заполнившее все фибры ее души. А потом она увидела такую красоту, что, если бы смогла, заплакала бы от восторга. Мир, сотканный из миллионов крошечных золотых нитей. Нити мерцали, притягивая взгляд, манили, ведя за собой, вперед, к невидимой цели. Потом они разошлись, и на мгновение ей открылось нечто огромное и чудесное, подобное китам, которых она несколько раз видела, когда отдыхала на побережье в гостях у Мисани. Она попыталась запомнить рисунок, но в следующее мгновение видение пропало. И переплетенный золотом мир исчез.

«Неужели я на полях Омеха?» — подумала она. Не может быть. Для этого пришлось бы пройти через Ворота, где стоит Йору — смешной, пузатый карлик с красным лицом и клыками, как у кабана. Поговаривали, что у него всегда припасен кувшин вина, чтобы скоротать ночь. Нет, это не поля. Значит, это путь в царство мертвых.

Она не испытывала ни сожаления, ни печали. Сердце переполняла гармония, для всего прочего места не оставалось. Ради того чтобы пережить нечто подобное, монахи медитируют долгие годы, сидя скрестив ноги и закрыв глаза. Ради этого старики в курильнях посасывают свои трубки, набив их измельченным корнем амакса. Полное забвение. Предел мечтаний.

Внезапно тело ее дернулось, в груди возникло жжение. Золотой покров нитей дрогнул и исчез. А потом ее с силой рвануло наверх, туда, откуда она пришла. Вдали возникли очертания Ворот, послышался смех Йору. Страж кивнул на прощание и отхлебнул вина. Ей хотелось кричать, но связки сковал лед. Звук застыл в горле. Восторг от увиденной красоты померк, в сердце осталась пустота. Она отчаянно боролась, но напрасно. Жжение становилось все сильнее. Невидимые руки тянули ее назад...

Она открыла глаза, не понимая, что происходит.

Кто-то несколько раз сильно нажал ей на грудь. Сердце дрогнуло и забилось. Легкие с шумом расправились, наполнившись воздухом. Смерть ушла из тела. Спаситель склонился над ней, но лицо было слишком близко, чтобы узнать его. Черные волосы касались ее щеки.

По телу прошла судорога, и хватка ослабла. Незнакомец поднялся с колен. Кайку наконец смогла оглядеться.

Она лежала на матрасе в своей комнате. Стоявшая рядом служанка Азара откинула упавшие на лицо волосы и внимательно посмотрела на хозяйку темными глазами.

— Вы живы! — Голос ее прозвучал как-то непривычно, даже странно.

Кайку растерянно огляделась. Она была напугана и ничего не понимала. Только чувствовала, что случилась беда. За окном нависли тяжелые лиловые тучи. Шум дождя лишь усиливал ужасный рев грозы. Такого разгула стихии в их краях не случалось давно. Несколько дней назад отец предсказал лунную бурю и, похоже, не ошибся.

Обстановка комнаты выглядела чужой. Причудливые Узоры на ставнях больше не радовали взгляд, а когда в створки

бился ветер, то казалось, что за окном шипит змея. Потолок приобрел зловещий лиловый оттенок. Даже маленький алтарь в честь бога Оха в углу спальни изменился. Бутоны цветов, будто вступивших в сговор с ураганом, кивали в такт разыгравшейся за окном буре, а красиво инкрустированные пиктограммы, обозначавшие имя главного бога, тряслись и вибрировали.

Позади Азары Кайку увидела обутую в сандалию ногу. Женщина в белой ночной рубашке лежала без движения на дощатом полу.

Кария.

Кайку резко села, оттолкнув от себя Азару. Казалось, вторая служанка просто спит. Но девушка знала: Кария больше никогда не проснеться.

— Что с ней? — задыхаясь, спросила она, дотронувшись до плеча умершей.

— Нет времени объяснять, — нетерпеливо бросила Азара. — Надо выбираться отсюда.

— Я никуда не пойду, пока ты не расскажешь, что случилось! — рассердилась Кайку. Она не собиралась терпеть дерзкие выходки прислуги.

Азара больно схватила госпожу за плечи. Девушка не на шутку перепугалась и сникла в руках служанки.

— А теперь послушай меня, — прошипела Азара.

Кайку повиновалась. Она никак не могла прийти в себя. Всегда кроткая и тихая Азара обращалась с ней сейчас пугающе грубо.

Среди ужасного завывания ветра раздался рык, приглушенный звуком дождя. На крыше послышался топот, словно там передвигалось огромное насекомое. Кайку посмотрела вверх, затем перевела взгляд на Азару. Глаза ее широко раскрылись от ужаса.

— Шин-шин, — прошептала служанка.

— Где мама? — вскрикнула Кайку, резко вскакивая с постели.

Она рванулась к висевшей на двери занавеске, но Азара схватила ее за запястье и грубо оттащила назад. Лицо служан-

ки было мрачным, и Кайку без слов поняла, что произошло самое страшное: семье уже не помочь. И поняв это, обессиленно упала на колени и почти лишилась чувств.

Когда она подняла залитое слезами лицо, Азара уже держала в одной руке ружье, а в другой — уродливую маску темно-красного цвета, изображавшую злого духа. Служанка засунула маску за пазуху и внимательно оглядела Кайку с ног до головы.

На мгновение ей стало жаль юную хозяйку.

Пушистые каштановые волосы сбились в бесформенную грязную копну. Из одежды осталась только белая ночная рубашка. На правой руке блестел браслет, украшенный драгоценными камнями. Девушка не снимала его даже на ночь. На заплаканном лице пролегли грязноватые дорожки от слез. Бедняжка не имела ни малейшего представления, что с ней случилось. Еще пять минут назад она была мертва, сердце остановилось, кровь начала остывать в жилах. Кайку пожалела, что служанка вернула ее с того света. Но Азара имела на этот счет свое мнение.

Кто-то громко, надрывно закричал. Бабушка.

Служанка схватила Кайку за руку и потянула к занавеске. Дом сотрясался от порывов ветра. В следующее мгновение снаружи раздался рык шин-шина. Что-то ударилось о ставни. Кайку еще сильнее затряслась от страха.

Азара взяла ее за руку и заглянула в глаза. В них читались паника и ужас.

— Послушайте меня, госпожа, — медленно и отчетливо, словно разговаривая с глухой, произнесла служанка. — Мы должны бежать. Понимаете? Я отведу вас в безопасное место.

Кайку покорно кивнула. Ее покладистость обрадовала Азару.

— Идите за мной. — Служанка шагнула к занавеске, откинула ее и вышла на балкон.

Руито ту Макаима, отец Кайку, был некогда известным ученым. Дом он построил на огромной поляне за городом, где его со всех сторон окружал густой лес. Перед домом разбили

сад, в котором царили безупречная чистота и порядок. Высокие могучие деревья обрамляли территорию сада, надежно скрывая его от посторонних глаз.

Здание красиво смотрелось на фоне живой природы. Стальная простота бледных стен фасада дополнялась декоративными деревянными ставнями и изогнутыми каменными перемычками в форме рожек. Во всем чувствовался вкус. И даже сейчас, среди грохочущей стихии, дом был необычайно красив.

На верхнем этаже находился длинный балкон. Отсюда можно было полюбоваться садом камней, миниатюрным водопадом и крошечным мостом. Все комнаты, включая и спальню Кайку, выходили на балкон, на котором сейчас и оказались беглянки. Азара держала ружье наготове.

Несмотря на непогоду, ночь встретила их летней духотой. Ливень хлестал по стенам дома. Дождевая вода заполняла резные желоба и стекала вниз, в сад. Воздух наполнился грохотом тысяч капель. У Кайку душа ушла в пятки. Она слышала, как громко колотится сердце.

Азара еще раз осмотрелась и решила выбираться другим путем. Пустой балкон вызывал подозрения. Служанка еще крепче скжала длинный, инкрустированный символами в форме изогнутой волны ствол ружья. Кайку рассеянно отметила, что оружие дорогое и вряд ли могло принадлежать Азаре. Наверное, она нашла его в доме.

Девушка проследила за дулом и подпрыгнула от неожиданности. Что-то темное перелезало через валуны, ограждавшие поляну. Существа на четырех длинных веретенообразных ногах быстро двигались к дому. Все происходило настолько стремительно, что Азара решила выждать и стрелять не стала.

Прижимаясь к стене дома, они медленно пробирались к лестнице, ведущей вниз. Кайку была настолько напугана, что еле передвигала ноги, но усилием воли заставляла себя идти. Она чувствовала себя разбитой и беспомощной. Азара же держалась спокойно и уверенно, ничем не выдавая охватившего ее беспокойства. Кайку оставалось лишь следовать за служанкой.

Верхней площадки лестницы они достигли без происшествий. Внизу было темно. Фонари не горели. Небо вновь сотряслось от очередного удара грома. Кайку инстинктивно взглянула наверх. Постоянно меняющий направление ветер гонял по небу рваные облака. Тучи то смыкались и двигались по кругу, то разрывались от очередной вспышки молнии.

Кайку хотела что-то сказать, когда увидела шин-шин.

Демон ночи выполз из темноты на другом конце балкона, и девушку пронизал ужас. Она видела только очертания монстра — все остальное скрывал покров ночи, — но и этого оказалось достаточно. Туловище его походило на человеческое, но передние лапы и предплечья были намного длиннее. Шин-шин напоминал идущего на четырех кульях человека, только гораздо выше ростом. Глаза блестели в темноте подобно лампам, горящим во мраке.

Азара выругалась и потянула Кайку за собой вниз по лестнице. Дважды просить ее не пришлось. В голове билась одна лишь мысль: как спастись. За спиной раздавался глухой стук лап. Кайку и Азара стремглав пронеслись на первый этаж.

Комнаты соединял широкий, просторный коридор с резными деревянными сводами. Дом построили с таким расчетом, чтобы спасаться от летнего зноя, поэтому дверей не было — их заменяли ярко выкрашенные ширмы. Теплый вечерний ветерок без труда проникал в жилище, принося облегчение его обитателям. Становилось прохладно, но не холодно — ширмы мешали сквознякам гулять по дому.

Кайку чуть не упала, когда они влетели в комнату. Молнии озаряли помещение яркими вспышками всевозможных оттенков из-за необычной расцветки экранов.

Азара оттолкнула хозяйку в сторону и направила ружье на лестницу. Через мгновение показались длинные ноги, а затем и весь монстр целиком. Выхваченная из мрака вспышками его морда казалось еще ужасней. Азара выстрелила. Оглушающий гром разнесся по всему дому. Лестница опустела. Похоже, демон испугался. По крайней мере у них появилось время, чтобы выбраться в сад. Азара передернула затвор и подтолкнула Кайку к выходу.

— Посмотри! Их там еще больше! — вскрикнула девушка и отскочила.

В коридоре появились два монстра. Азара с силой скользила по скале, запястье хозяеки. Они замерли, не рискуя бежать в сад. Мерзкие твари поймали бы их в два счета. Кайку отчетливо представила, как длинные лапы хватают ее за горло... Ночной кошмар оборачивался явью.

Два демона медленно двигались по коридору. Огромные туловища то и дело застревали в сводчатых проходах, когда они пытались заглянуть в очередную комнату. Теперь, при ближайшем рассмотрении, монстры выглядели еще ужасней. Расстояние сокращалось. Кайку попыталась схватить Азару за руки и наткнулась на потухший фонарь.

— Приготовься, — прошептала Азара.

Еще мгновение — и служанка бросила фонарь в центр комнаты. Шиншины встрепенулись от звука разбитого стекла. Азара подняла ружье и выстрелила в вытекающую из фонаря струю масла.

Комната тут же озарилась ярким пламенем. Демоны завопили на непонятном языке и бросились в разные стороны. Кайку метнулась к выходу. Оказавшись в саду, девушка помчалась по дороге, ведущей в лес. Азара не отставала от нее ни на шаг.

Сегодня на небе было три луны. Они медленно двигались навстречу друг другу, выглядывая из серой массы туч. Самая большая и самая старшая луна называлась Ария. За ней шла Иридима. Она была меньше по размеру, но светила ярче. Поверхность Иридимы испещряли синие трещины. Самая крошеная, зеленая луна Нерин, редко показывалась из-за туч. По легенде, когда три сестры собирались вместе, они дрались и рвали небо на части, а раздающиеся вопли были криками Нерин. Говаривали, что старшие сестры дразнили ее за зеленый цвет. Отец же объяснял Кайку это явление совсем по-другому. Появление в небе всех трех лун влекло за собой серьезные изменения в атмосфере и, как следствие, лунные бури. Но какая бы теория ни была истинной, суть от этого не менялась. Три

луны сулили беду и свидетельствовали о приближении бури. И в такие ночи Дети Лун отправлялись на землю.

Бежать было тяжело, в груди щемило. Кайку тихонько за-плакала. Деревья, попадающиеся на пути, хлестали со всех сторон по рукам и лицу тонкими ветками. Ночная рубашка промокла насквозь. Волосы окончательно спутались от порывов ветра, босые ноги перепачкались в грязи. Кайку бежала куда глаза глядят, не разбирая дороги. Сознание все еще отказывалось понять и принять то, что произошло в доме. Она чувствовала себя ребенком, напуганным и беспомощным.

Неожиданно Кайку упала и ударилась головой о корень. От резкой боли слезы брызнули из глаз с новой силой. Она лежала ничком, грязная и промокшая, и рыдала.

Но Азара тут же подхватила ее и потянула за собой. Кайку забилась в истерике, однако служанка не обратила на ее сопротивление никакого внимания.

— Я знаю безопасное место, — промолвила она. — Надо идти. Демоны все еще гонятся за нами.

И они снова побежали в глубь леса, спотыкаясь о корни. Босые ноги скользили по грязи непроходимых троп. От быстрого бега кожу стало пощипывать. Казалось, все подпало под власть бури. Даже природа ополчилась против беглянок, пытаясь помешать, остановить, загнать в ловушку.

Бабушка Чоми предупреждала внучку, что если подпрыгнуть слишком высоко во время лунной бури, то будешь парить над землей и не сможешь спуститься. Воспоминание отдалось пронзительной болью в сердце. Бабушки больше нет. Все погибли. Она осталась одна.

Девушки добрались до реки, бурлящей меж отвесными каменными берегами. Азара то и дело оглядывалась. Немного переведя дух, служанка побежала вдоль бушующего потока. Кайку едва поспевала за ней, чувствуя, что силы вот-вот оставят ее.

Река неожиданно закончилась запрудой с несколькими по-росшимися травой островами и каменистыми берегами с густым кустарником. На самом большом острове возвышалось гигант-

ское дерево. Переплетенные ветки образовали нишу, в которой можно было спрятаться от стихии. От пейзажа веяло таким покойем и умиротворением, что Кайку на мгновение забыла о приближающейся опасности.

Звук ломающихся веток заставил девушек вздрогнуть. Один из демонов ловко перепрыгивал с ветки на ветку, приближаясь к жертвам. Азара потянула Кайку в воду, которая доходила им до колена, и они направились к большому острову. Едва вскарабкавшись на берег, Кайку рухнула на траву. Азара, даже не попытавшись помочь хозяйке, подошла к дереву. Приложив ладони и лоб к стволу, служанка быстро забормотала:

— Большой Ипи, дух леса, мы просим у тебя защиты. Не дай демонам тени осквернить твою поляну своими огромными лапами.

Дерево задрожало, и с веток посыпалась капли дождя.

Азара отошла от ствола, вернулась к Кайку и, присев на корточки и убрав с лица длинные мокрые пряди, выжидающе уставилась на берег. Трое или пятеро демонов бродили вдоль кромки леса, вынюхивая след добычи.

Азара настороженно наблюдала за ними, не выпуская ружье из рук. Она не была священником, но знала и почитала духов леса. Если один из Ипи решит прийти им на помощь, то они в полной безопасности. Дух леса никогда не позволит демонам приблизиться к своей поляне.

Шин-шины в бешенстве сновали по берегу. Добыча была рядом, они видели ее. И все же демоны тени не осмеливались ступить на территорию Ипи.

Через некоторое время Азара окончательно удостоверилась, что они в безопасности, и, взяв Кайку за руки, потащила под крону дерева, чтобы укрыться от дождя. Измученная девушка даже не проснулась. Азара ласково посмотрела на грязную и растрепанную хозяйку, присела рядом и погладила ее по щеке.

— Жизнь очень жестока, Кайку, — прошептала служанка.

— Боюсь, ты только начинаешь это понимать.

Лунная буря не утихала. Но здесь, под раскидистой кроной, беглянкам ничто не угрожало.

Азара ждала наступления рассвета.

Глава 2

Кайку проснулась от треска веток в костре и, открыв глаза, увидела Азару. Служанка сидела у огня, размешивая какую-то жидкость в маленьком, почерневшем от копоти горшке. Рядом в траве билась пара рыбин. Солнце стояло высоко в небе. От испаряющейся под палящими лучами влаги было душно. В воздухе пахло землей.

— Доброе утро, Кайку, — сказала Азара, не отрывая взгляда от горшка. — На рассвете я вернулась в дом и принесла все, что смогла найти. — Она кивнула на тюк с одеждой. — Дождь залил пламя прежде, чем оно объяло весь дом. Теперь у нас есть одежда, еда и деньги.

Кайку встала и осмотрелась. Они расположились на песчаном берегу. От воды их отделял густой кустарник. Лес наполняли разнообразные звуки и щебетание птиц. Кайку не помнила, как они оказались на берегу, но точно знала, что накануне заснула на острове посреди запруды. Неужели Азара несла ее на руках?

Взгляд ее упал на руку. Браслета не было.

— Азара! Браслет бабушки! Должно быть, упал, когда...

— Я взяла браслет и оставила в дар Ипи за то, что он нас спас.

— Бабушка подарила его на мой восьмой день рождения! — закричала Кайку. — С тех пор я никогда не снимала его!

— Иначе мы оказались бы в лапах шин-шинов. Ипи помогает только в том случае, когда ему приносят что-то в дар. То, что является ценным для спасенного, — совершенно спокойно объяснила Азара. — У меня ничего такого не было. Поэтому я и взяла твой браслет.

Кайку уставилась на нее с недоверием. Но Азара, казалось, ничего не заметила и кивнула на костер.

— Подумала, что будет разумнее не разводить огонь на поляне Ипи. Поэтому перенесла тебя на берег.

Кайку сидела, понурившись, никак не реагируя на слова служанки. Она слишком устала и вымоталась, чтобы затевать спор по поводу украшения. Азара тоже хранила молчание.

— Я должна знать, — наконец произнесла Кайку. — Моя семья...

Служанка положила ложку, которой размешивала похлебку, и, встав на колени перед Кайку, взяла ее за руки.

— Они мертвы.

К горлу подступил комок, и Кайку стало трудно говорить. Она кивнула, давая понять, что слышит. Потом ей все же удалось взять себя в руки.

— Что случилось?

— Может, сначала поедим?

Кайку подняла голову и посмотрела на Азару.

— Я должна знать, — повторила она.

Азара отпустила ее руки.

— Твою семью отравили, — объяснила служанка. — Ты умерла во сне. Подозреваю, что яд подсыпал один из поваров, но у меня нет доказательств. Кто бы это ни был, он немного просчитался. Твоя бабушка не ужинала вчера вечером. Поэтому, когда пришли шин-шины, была еще жива. Полагаю, кто-то подослал демонов, чтобы убить прислугу и убрать свидетелей. Без улик преступление останется нераскрытым.

— Кому понадобилось убивать нас? — растерянно спросила Кайку. — И зачем?

— У меня нет ответа на этот вопрос, — пожала плечами служанка. — Пока нет.

Азара встала и подошла к горшку, чтобы помешать рыбную похлебку. Некоторое время они сидели молча. Потом Кайку снова заговорила:

— Азара, я умирала от яда?

— Да, — ответила служанка. — Я вернула тебя к жизни.

— Как?

— Украла дыхание другого человека и передала его тебе.

Кайку вспомнила Карию, лежавшую мертвой на полу комнаты.

— Как же это возможно? — прошептала она, боясь услышать ответ.

— Есть много такого, чего ты не поймешь, Кайку, — ответила Азара. — Ты ведь совсем не знаешь меня.

Девушка уже начинала сознавать это. Азара всегда была образцовой служанкой: тихой, послушной и надежной. Она знала, как расчесывать волосы и складывать одежду, чтобы не помялась. Кайку любила ее больше, чем своюенравную Карию, поэтому часто разговаривала с ней, делилась тайнами или играла. Но разница в положении всегда оставалась камнем преткновения, не позволяя симпатии перерости в дружбу. И обе это понимали. Кайку происходила из благородного рода, Азара — из крестьян. В ее обязанности входило служить и повиноваться. Так в Сарамире сложилось испокон веков.

Девушка думала, что прекрасно знает свою служанку. А оказалось, той Азары никогда и не было. Два года, проведенные вместе, превратились в мираж. Новая Азара обладала выдержанкой и самообладанием. Эта Азара украла жизнь другого человека, чтобы спасти госпожу. Она подожгла дом, забрала без спроса браслет, подарок бабушки, и отдала Ипи. Но эта Азара спасла Кайку от демонов.

Кто же она на самом деле?

— Река рядом, Кайку, — сказала Азара, указывая ложкой на воду. — Тебе надо помыться и переодеться, не то простудишься. — От внимания Кайку не ускользнуло, что еще с прошлой ночи служанка перестала называть ее «хозяйкой» и на «вы».

Девушка послушно кивнула. Она понимала, что должна стыдиться своего внешнего вида. Только подумать, дочь благородного господина сидит на берегу грязная, неумытая, да еще и в ночной рубашке. Но сейчас все потеряло смысл. Тем не менее она пошла к реке, сняла запачканную одежду и принялась мыться. Несмотря на яркое солнце, вода была ледяной, и девушка не получила от купания ожидаемого удовольствия. Она чувствовала себя опустошенной. Грусть объяла душу.

Развязав тюк, Кайку заметила, что одежда хорошо сшила. Ткань была достаточно прочной для путешествий. Кожаные ботинки, бесформенные бежевые штаны, рубашка с широким воротом, конечно, больше подошли бы мужчине, но выбирать не

приходилось. К тому же Кайку всегда была девчонкой-сорванцом и охотно принимала участие во всех забавах старшего брата, поэтому на ней хорошо сидели и одежда крестьянки, и наряд благородной дамы.

Когда девушка возвратилась к костру, воздух искрился сотнями падающих с неба снежинок. Отец называл это явление звездопадом. Оно всегда наблюдалось после лунной бури. Крошечные, плоские кристаллы льда создавались в водовороте столкновения энергий трех лун. Многие поэты писали о звездопаде. Красота после хаоса — излюбленная тема любовной лирики. Но сегодня даже звездопад не радовал Кайку.

Азара протянула хозяйке плошку:

— Ты должна поесть.

Кайку взяла миску и, как ребенок, начала есть руками. Служанка, устроившись позади, аккуратно расчесывала деревянным гребнем ее спутанные волосы. Она снова превратилась в заботливую, добрую Азару, к которой девушка привыкла и которую любила. После всех накопившихся переживаний Кайку почувствовала себя лучше.

— Спасибо.

За этим словом стояло нечто большее, чем простая благодарность. Не было надобности благодарить служанку за выполнение ее обязанностей. Но дело в том, что Азара больше не подчинялась госпоже и уже доказала это, перестав называть ее хозяйкой. Теперь они общались на равных.

Язык, на котором разговаривали сарамирцы, имел несколько диалектов, а еще существовали различные формы общения в тех или иных ситуациях, которые меняли значение обычных слов. Даже с детьми говорили по-разному. К мальчикам обращались иначе, чем к девочкам. Для младенцев существовал свой, особенный язык. К разным по социальному положению людям обращались на разных наречиях. Особый способ построения предложений использовали при обращении к императору и императрице. Бытовали варианты разговорных форм общения возлюбленных. Различные словосочетания применялись для матери, отца, мужа, жены, владельцев магазина и торговцев,

священников, животных, для просьб и для выговоров. Было даже несколько нейтральных способов разговора, используемых в тех случаях, когда говоривший сомневался в статусе собеседника.

Кроме того, язык делился на благородный, или высокий, и бытовой, или низкий. Первым владели люди знатные, которые могли получить образование; вторым пользовались крестьяне и служащие. Низкий сарамирский был более грубой версией своего благородного собрата. Лучше всего это прослеживалось при письме. Высокий сарамирский был языком знати, образованных людей. Книги по философии, истории и литературе писались на нем, но его пиктограммы ничего не значили для простого народа. Высшие слои общества и низы разделяла пропасть нежесткости.

— Шин-шины боятся света, — произнесла Азара, засыпая огонь песком. — Поэтому сейчас нам опасаться нечего. А когда демоны вернутся, мы будем уже далеко.

— Куда пойдем?

— Туда, где нам ничто не будет угрожать, — ответила Азара и, заметив, что Кайку расстроил ее ответ, тут же добавила: — Это тайное место. Там живут друзья. И там мы сможем разобраться, что случилось сегодня ночью.

— Ты знаешь больше, чем говоришь. Почему ты все от меня скрываешь?

— Ты сейчас слишком уязвима, — услышала она в ответ. — Побывала у Ворот Омеха, потеряла семью. И все это за один день. Такое испытание немногим под силу. Сейчас не время раскрывать все карты. Доверься мне, и со временем все поймешь сама.

— А я хочу узнать сейчас. — Кайку сделала шаг к служанке.

Азара тоже шагнула навстречу. Она знала Кайку достаточно долго, чтобы понять — та не отступится и любой ценой докопается до истины. Служанка восхищалась юной хозяйкой, которую обманывала все это время. Сначала она думала, что Кайку

еще не оправилась от вчерашних событий, но, похоже, ошиблась. Сильная натура выдержала испытание. Что ж, это даже к лучшему. Выдержка и характер ей еще пригодятся.

Служанка мысленно отметила, что ее бывшая госпожа осталась очень красивой даже теперь, когда лицо ее омрачила печаль. Карие глаза светились огнем, когда Кайку смеялась; маленький чуть вздернутый нос и белоснежные зубы подчеркивали девичье очарование. Распущенные волосы красивыми волнами обрамляли лицо, как было принято у юных дам в ту пору.

Азара собрала кожаный мешок и протянула девушке:

— Пойдем.

Они углубились в лес. На ветках мерцали звезды. Когда листву задевали плечом, льдинки падали на землю и таяли. Кайку почувствовала, что слезы снова душат ее, но подавила желание заплакать. Сейчас важнее выяснить правду. Семью уже не вернуть. Она все еще не могла поверить, что беда случилась с ней, а не с кем-то другим. Нужно взять себя в руки и не дать душевной боли взять вверх над разумом. Иначе можно сойти с ума от горя.

— Мы наблюдали за вами в течение долгого времени, — начала Азара. — За вашим домом и семьей. Во-первых, из-за твоего отца. Мы знали, кем он был. Знали, что он сочувствует нам, и рассчитывали со временем убедить его присоединиться к нам. У твоего отца были связи в императорском суде. Но главным образом мы следили за тобой, Кайку.

— За мной? Я самая обычная девушка.

— Я тоже так думала, когда меня засыдали в ваш дом, — ответила бывшая служанка. — Но потом заметила некоторые признаки.

Кайку ничего не понимала. Объяснение Азары вызвало больше вопросов, чем ответов.

— То, что случилось вчера вечером, произошло из-за меня или?.. — Она не договорила.

— Из-за твоего отца, — закончила фразу Азара. — Ты, должно быть, помнишь, как он выглядел, когда возвратился из последней поездки.

— Он сказал, что болен... — начала Кайку и запнулась.

Какой же она была глупой! Отец придумал болезнь, чтобы не пугать родных. Он стал тихим и вялым, как загнанный в ловушку зверь, с лица сошел румянец. Бабушка вела себя так же, когда семь лет назад умер дедушка.

— Но он никогда не рассказывал, что стряслось, — продолжила Кайку. — Ты знаешь, в чем дело?

— А ты?

Кайку покачала головой. Некоторое время они шли молча, углубляясь в лесную чащу. Чтобы обойти деревья, корни и валуны, которые загромождали и без того непроходимую тропу, приходилось петлять. Солнечные лучи едва пробивались сквозь густую листву. Воздух был тяжелым и душным, и от этого тело охватывала вялость и сонливость. В любой другой день Кайку обрадовалась бы возможности побродить по лесу, потому что с детства тянулась к природе. Но сейчас ее не трогала красота леса.

— Я наблюдала за твоим отцом последние недели, — нарушила молчание Азара, — но так ничего и не узнала. Возможно, он обидел кого-то из сильных мира сего. Я могу лишь предполагать. Одно ясно: именно этот недруг нанес удар по твоему отцу и всей семье вчера вечером.

— За что? Он всего лишь ученый! Почему кто-то хотел бы убить его... всех нас?

— Из-за этого. — Азара вытащила из-под одежды маску. Кайку знала, что служанка взяла ее из дома. Красно-черное лицо искося смотрело на нее, криво ухмыляясь. — Он привез ее с собой, когда возвратился из последней поездки.

— Из-за нее? Но это всего лишь маска!

Азара откинула волосы с лица и серьезно взглянула на бывшую хозяйку.

— Кайку, маски — самое опасное оружие в мире. Хуже, чем ружье, сильнее любого духа. Они... — Азара умолкла, заметив, что Кайку побледнела. Девушка покачнулась и, казалось, вот-вот лишился чувств. — Тебе плохо?

Кайку скрчилась от боли. В животе бушевало пламя. Потом она ощущила толчок, как будто шевелился лежащий в утробе ребенок.

— Азара... — задыхаясь, произнесла девушка и, опустившись на одно колено, схватилась за землю, чтобы не упасть. — Со мной что-то...

И тут боль стала невыносимой. Кайку надрывно закричала и сжалась в комок, но это не помогло. Она крепко зажмурилась. По щекам ручьем текли слезы, но боль не унималась. Наоборот, с каждой минутой жжение становилось все сильней.

— Азара... помоги... — взмолилась Кайку.

После очередного приступа она осознала, что больше не лежит на лесной поляне. Исчезли деревья, листва, камни. Кайку видела лишь миллионы пылающих огнем нитей. Они изгибались, окутывали ее и тянули вверх. Девушка видела, как сердце Азары бьется в переплетении нитей, словно попавшая в силки птица.

«Я снова умираю», — подумала она, точно так же как в прошлый раз.

Но только теперь все было иначе. Не было счастья, внутренней гармонии и душевного спокойствия. Что-то огромное распирало ее изнутри. И от той силы, с которой нечего рвалось наружу, тело должно было разломиться на части. Глаза налились кровью, воздух стремительно завертелся вокруг нее, тело надувалось, словно шар.

На лице Азары отразился ужас. Она бросилась прочь.

Кайку закричала, и переполнявшая ее сила вырвалась наружу.

Стоящие рядом деревья вспыхнули, словно спички. Трава пригнулась к земле, камень стал плавиться, воздух раскалился. Сила, брызнувшая из Кайку, грозила разорвать легкие и сердце, иссушить внутренности. Девушка кричала, пока не упала в обморок.

Она не знала, как долго была без сознания, но когда пришла в себя, боль отпустила ее истерзанное тело.

Пахло дымом. Деревья потрескивали от огня. Невозможно было дышать.

Девушка села. Ее била мелкая дрожь. Голова потяжелела, глаза жгло от дыма. Задыхаясь, Кайку медленно поднялась на ноги. Судя по острой боли, пронзившей тело, она не умерла. Вокруг тлели обугленные деревья. Сырость от вчерашних дождей не позволила пожару распространиться дальше.

Она силилась вспомнить, что произошло, и не могла. Попечневшие камни развалились на куски. Густая листва превратилась в кучи пепла. Деревья тоже сильно пострадали. Но Кайку ничего не помнила.

Маска, целая и невредимая, лежала в обгоревшей траве, все так же криво ухмыляясь. Кайку нагнулась и подняла ее. Каждое движение давалось с трудом. Больше всего хотелось лечь и поспать.

Взгляд упал на белую фигуру, раскинувшуюся на пепелище. Оцепенев от ужаса, Кайку засунула маску за пояс и бросилась к служанке.

Азара лежала в расщелине, куда ее отбросила сила, вырвавшаяся из тела бывшей хозяйки. Одежда, кожа, волосы сильно пострадали от огня. Служанка не двигалась и не подавала никаких признаков жизни.

Кайку била дрожь, душили рыдания. Она вцепилась в собственное лицо, точно пытаясь сорвать плоть и найти себя прежнюю. Ту, которая существовала только вчера, прежде чем хаос и безумие взяли над ней верх. Сначала она потеряла семью. А теперь убила служанку.

Из груди вырвался протяжный стон, напоминавший звериный рык. Девушка раскачивалась из стороны в сторону, отказываясь верить в случившееся.

Отчаяние сменилось паническим ужасом. Кайку бросилась в лесную чащу, спеша покинуть это страшное место.

Азара так и осталась лежать в расщелине среди дыма и хаоса. Звезды-льдинки падали на бездыханное тело и не таяли.

Глава 3

Сады в императорском дворце поначалу казались малышке бесконечным, огромным лабиринтом. Здесь было все: и каменные дорожки, и резные беседки в тени деревьев, и тайные убежища. Наследница, будущая императрица, Люция ту Эринима, правительница Сарамира, знала все укромные уголки. И с каждым днем тяготилась своими знаниями все сильней. Сад больше не приносил ей радости.

Люция лениво потянулась к лозе за гроздью винограда. Откуда-то сбоку раздался треск веток. Наверное, кот снова гонял белок.

В саду росли всевозможные деревья и цветы, привезенные со всего мира. Пестрота экзотических цветов смешивалась с гамом птиц, порхающих с ветки на ветку. По всему саду были расставлены скамейки с навесами от солнца, статуи и скульптуры. Вдали виднелись устремленные в небо шпили башен дворца. С другой стороны возвышался купол храма.

Стояла жара. Воздух наполняли ароматы тропических цветов. С неба смотрел бог солнца Нуки. Наследница грелась в ярких лучах и наблюдала за скачущими по веткам деревьев белками.

Коренное население Сарамира отличалось смуглой кожей. Поэтому бледность Люции была непривычна их взору. Кроме того, всех поражал цвет волос принцессы. Настоящие блондинки редко встречались среди сарамирцев.

Но тем не менее народ Сарамира охотно признавал красоту будущей императрицы. Она носила легкое зеленое платье и неброские украшения. Наставники требовали, чтобы девочка вела себя, как императрица, даже если оставалась одна. Она слушала и лишь рассеянно кивала в ответ. И учителя оставили принцессу в покое. А напрасно. Люция охотно внимала мудрым наставникам, но ее задумчивость часто ошибочно принимали за невнимание. Люция была мечтательницей с детства.

Иногда она завидовала своим учителям, их способности сосредоточиться на чем-то одном, не замечая ничего вокруг. Воспи-

татели же не понимали Люцию. Все, кроме Заэлиса. Он один догадывался, что происходит в душе воспитанницы, знал истинную причину ее кажущейся рассеянности. Принцесса обладала больше, чем пятью чувствами.

Девочка заговорила в шесть месяцев. Несмотря на свой юный возраст, Люция понимала: с ней что-то не так. Печаль появлялась в глазах матери каждый раз, когда она смотрела на дочь. Принцессу решили спрятать от посторонних взглядов и поселили в золотую клетку, окруженную стенами императорского дворца. С тех пор наследница и находилась здесь.

Кот выбежал из-за деревьев и, заметив хозяйку, сделал вид, будто беззаботно прогуливается. Он косился то на Люцию, то на белок, за которыми только что гнался, словно раздумывал, можно ли продолжить охоту. Потом, приняв решение, стремглав помчался за пушистыми зверьками. Принцесса обеспокоенно смотрела им вслед, надеясь, что белкам все же удастся ускользнуть от преследователя. Кот жил в саду уже несколько месяцев, но зверьки никак не могли научиться осторожности.

Люция любила животных. К тому же другой компании у нее не было. Ну, еще она считала своим другом Заэлиса. А вот с матерью их связывали странные взаимоотношения.

Чаще всего принцесса проводила время в одиночестве, что совсем не тяготило ее, но при этом не переставала мечтать о том дне, когда получит свободу.

Ее мать Анаис, императрица Сарамира, навещала дочь по крайней мере раз в день. Иногда Люция думала, что ей следовало бы ненавидеть Анаис за то, что та держит принцессу взаперти. Но девочка не умела злиться. Она прощала всех, потому что ее сердце наполняли сочувствие и любовь. За свою недолгую жизнь ей еще не встретился человек, чьи помыслы были бы настолько порочны, что он не заслуживал бы прощения.

Когда Люция сказала об этом Заэлису, наставник напомнил девочке, что она почти ни с кем не общается.

Мать учila ее держать в тайне свои способности. Императрица также позаботилась о том, чтобы все наставники держали рот на замке и никому не проболтались о даре ребенка.

Маленькой принцессе мать объяснила свое поведение тем, что люди ненавидели бы Люцию и боялись ее, если бы узнали правду. Вот почему девочка никому не рассказывала о своих мыслях и чувствах и казалась отстраненной и скрытной.

Скорбь Анаис была велика. Императрица сто раз просила прощения у дочери за то, что пошла на такие крайние меры и лишила ее общения. Она очень хотела бы разрешить Люции играть с другими детьми, свободно бегать по улице, но это было слишком опасно. Несмотря ни на что, девочка любила мать и доверяла ей.

Люция подняла глаза к небу, на котором появились темные облака. Принцесса знала — это признак приближающихся кошмаров. В такую погоду наследницу частенько терзали дурные сны.

В своих кошмарах девочка покидала опочивальню и брала по замку. Шла по коридорам дворца, заглядывая сквозь стены. Несколько раз наведывалась к матери. Но Анаис никогда не видела дочь. Люция наблюдала, как императрица шьет, купается или смотрит в окно. Иногда слушала, как мать обсуждает с советниками дела государственной важности. Кроме покоев владычицы девочка частенько навещала комнату прислуги.

Она подсматривала, как слуги сплетничают, готовят и занимаются любовью. Иногда люди чувствовали, что за ними наблюдают, и разбегались в панике. Но чаще всего визиты Люции оставались незамеченными.

Однажды девочка попросила мать разъяснить одну вещь, увиденную во сне. Лицо Анаис погрустнело. Императрица поцеловала дочь в лоб, но ничего не ответила. Никогда больше Люция не задавала подобных вопросов. Принцесса поняла, что сны вовсе не сны, а реальные события.

Во сне наследница могла покидать душную комнату и путешествовать по всему миру. И все же все она боялась оставлять пределы дворца. Никогда в своих видениях Люция не заглядывала в город Аксеками, в центре которого и расположился императорский замок.

С тех пор, как девочка впервые отправилась в подобное путешествие, прошло уже больше года. Потом в ее снах появилась некая девушка. А две недели назад Люция внезапно обнаружила, что ее по пятам преследует незнакомец. Он всегда приходил из кромешной тьмы. Принцесса просыпалась, дрожа от ужаса. Присутствие чужака пугало ее.

Наследница не знала, кто он, но понимала, что значит его неусыпное внимание. Какая-то темная сила нашла ее. Возможно, именно об этом не пожелала рассказать мать.

Так или иначе, происходило что-то странное. И Люция не знала, радоваться ей или бояться.

В дальнем углу парка садовники выкопали отмершие зимние растения, чтобы посадить цветы. На дорожке осталась тележка с вилами и лопатами. Черную, свежевскопанную клумбу обильно оросили водой. Сквозь толщу земли вот-вот должны пробиться зеленые ростки.

Но этого не случилось. Клумба задрожала, сначала слабо, потом сильней. Земля разверзлась. Из ямы поднялся человек, стряхивая с себя грязь.

Высокий, худощавый, небритый мужчина, на вид лет сорока, с короткими, седыми волосами выплюнул изо рта короткую, толстую бамбуковую трубку, служившую, очевидно, приспособлением для дыхания, стряхнул с себя оставшиеся комья земли и выпрямился.

Пурлоху ту Ириси везло всегда и так, что иногда даже до смешного доходило.

Он уже не раз ускользал от опасности, когда, казалось, все было против него. Пурлох легко проходил прямо под носом часовых, стоявших вдоль стен, по-пластунски миновал посты наблюдения. Он перепрыгивал через пятидесятифутовый забор, не зная, что ожидает по ту сторону. Другой на его месте мог бы переломать себе все кости, но Пурлох в последний момент инстинктивно схватился за край ограждения. Любого другого уже давно бы схватили или убили, но Пурлох считался самым ис-

кусным вором-домушником в городе и гордился этим. Он мог проникнуть куда угодно.

И все же даже такому везунчику сегодня пришлось несладко. Несколько раз за ночь он находился на волосок от смерти. Наследницу, будущую императрицу, охраняли очень тщательно. Пожалуй, тщательнее, чем самый драгоценный камень.

От уверенности в успехе операции почти не осталось следа. Но Пурлох не ругал удачу, ведь она и так столько раз спасала его шкуру. Просто удивительно, что он еще жив.

На днях к вору пришел человек с заманчивым предложением. По всему видно, посредник. Значит, настоящий заказчик решил остаться неизвестным. Пурлох достаточно повидал на своем веку, чтобы разбираться в этом. Для вора, который гордился своим мастерством, облазн попасть к покоям наследницы, будущей императрицы оказался слишком велик. Но задача представлялась не из легких, практически невыполнимой.

Однако посредник пришел не с пустыми руками, а с планом замка. Он подробно рассказал и показал, где стоят посты охраны, как передвигаются патрули и где территория сада не охраняется вовсе. В случае удачного завершения дела вырученных денег хватило бы, чтобы достойно встретить старость. К тому же такой подвиг стал бы блестательным завершением воровской карьеры. О нем будут рассказывать легенды.

Но с другой стороны, риск попасться слишком велик, размышляя Пурлох.

На следующий день, возвращаясь к себе, вор заметил, что посетивший его незнакомец спрятался в тени соседнего дома и наблюдает за ним. Следующие два дня Пурлох повсюду натыкался на одного и того же незнакомца. Значит, заказчик установил слежку. Дело принимало интересный оборот. Пурлох решил побольше разузнать о таинственном нанимателе. Пустив в ход всю сноровку и опыт, вор проследил за своим преследователем, да так ловко, что тот ничего не заподозрил.

Заказчиком оказался Бэрак Сонмага, глава рода Амаха, семейства влиятельного и известного. Они давно выступали против королевской династии Эринима, против действующей

императрицы и будущей наследницы. И хотя Пурлоху не открыли весь хитроумный план, вор понимал, что ему отводят роль пешки.

Теперь, когда он знал, что стоит на кону, задача казалась особенно рискованной. Но отступать перед трудностями вор не привык. Опасность лишь еще сильнее разжигала любопытство. Разум подсказывал, что лучше бы отдалиться от столь влиятельного клиента, может быть, даже убить его. Однако в конце концов деньги и жажда славы перевесили здравый смысл.

Но сейчас, стоя в королевском саду, Пурлох мысленно клял себя за жадность.

Все предыдущие недели он слонялся у стен дворца, изображая из себя прислугу. Попасть внутрь оказалось совсем несложно. Множество заброшенных тропинок, которыми давно никто не пользовался, вели в сад. Но как обойти охрану и проникнуть в покой наследницы? Даже имеющаяся карта не давала ответа на этот вопрос. Доступ в комнаты принцессы имел лишь небольшой круг людей: пользующиеся наибольшим доверием охранники, наиболее чтимые наставники и, конечно, сама императрица. Окружение девочки было настолько мало, что ни обманом, ни под маской приближенного прилизться к ней представлялось невозможным.

Но Пурлох умел ждать. Он разговаривал с правильными людьми, задавал нужные вопросы, не рискуя вызвать к себе подозрение. И вскоре удача улыбнулась вору.

Он вызвался помочь садовникам. Эти честные, бесхитростные, набожные люди почитали своих хозяев. Они рассказали Пурлоху, что говорить о наследнице запрещено под страхом смертной казни. Но никто из садовников принцессу ни разу не видел. Им позволяли работать лишь тогда, когда Люция не гуляла в саду. И все же даже этих обрывочных сведений хватило, чтобы придумать план.

Садовники явно гордились службой во дворце. Поэтому они постоянно рассказывали о работе, подчеркивая ее важность и значимость. Так Пурлох узнал, что скоро должны рыть новые клумбы для цветов. План сложился мгновенно.

Ночью вор пробрался в сад. Он не стал испытывать удачу днем — слишком много охраны.

Оказавшись в саду, Пурлох нашел подходящую клумбу и спрятался в ней. Чтобы его не обнаружили садовники, пройдя накануне добавил в питье снадобье. Весь следующий день беднягам придется провести в постели, но зато можно не опасаться, что его поднимут на вилы. До рассвета Пурлох лежал под землей, не смея пошевелиться.

Посредник предупреждал, что каждое утро перед прогулкой принцессы охранники обыскивают сад. Пурлох слышал, как стражи несколько раз прошли мимо. Они обыскивали сад тысячу раз, но никогда никого не находили и со временем стали ограничиваться лишь беглым осмотром. Кому придет в голову проникать во дворец, рискуя собственной головой? К тому же свежевскопанная клумба выглядела так, словно по ней только что прошлись граблями. Так что ни у кого не возникло ни малейших подозрений. Пурлох предусмотрел все до мельчайших деталей.

Охранники ушли, и девочка осталась в саду одна. Теперь у вора было предостаточно времени, чтобы привести клумбу в порядок и уничтожить все следы. Прячась за деревьями и стараясь не шуметь, Пурлох пробирался по саду. В руке он сжимал кинжал.

Наконец вор увидел Люцию. Девочка сидела в маленькой круглой беседке, окруженнной деревьями. У ее ног кот гонялся за хвостом. Наследница со странным выражением лица наблюдала за животным. Зверек слишком увлекся игрой и не слышал приближения незнакомца. Однако принцесса, несмотря на все предосторожности, заметила Пурлоха и, медленно выйдя из беседки прямо ему навстречу, спросила:

— Кто вы?

Вор выступил из-за дерева, и кот в испуге убежал. Люция внимательно посмотрела на незнакомца.

— Мое имя вам ничего не скажет, — ответил Пурлох. Он сильно нервничал и оглядывался по сторонам. Ему вдруг очень захотелось убраться отсюда куда подальше.

Люция совершенно спокойно наблюдала за ним. И вор решился.

— Юная госпожа, я должен кое-что взять у вас. — Он выхватил кинжал из ножен.

Воздух вокруг них заколебался, задрожал от взмахов черных крыльев. От неожиданности Пурлох вскрикнул и упал на колени. Лицо он машинально закрыл ладонями, ограждая себя от удара клювом или когтистой лапой.

Шум прервался так же внезапно, как и начался. Пурлох опустил руки. От увиденного у него перехватило дыхание.

Плотное переплетение крыльев скрывало ребенка. Вороны спрятали девочку, усевшись на ее плечи и руки. Принцесса словно облачилась в мантию из черных перьев. Птицы окружили Люцию плотным кольцом. Пурлох оглянулся и увидел, что все деревья вокруг заняты вороньем. Птицы пристально следили за малейшим движением вора.

Его обялял ужас.

— Что вы хотели взять? — мягко спросила Люция. В отличие от ворон принцесса была настроена более миролюбиво.

Пурлох судорожно сглотнул. Все его мысли занимали вороны. Птицы защищали наследницу. Одно неосторожное движение, и его порвут на куски.

Он открыл рот, чтобы ответить, но не смог издать ни звука. Вторая попытка оказалась более успешной.

— Э... всего лишь прядь волос юной дамы. Только и всего.

Пурлох посмотрел на кинжал, который все еще держал в руке. Он поступил глупо и неосмотрительно. Не следовало сразу хвататься за нож. Близость добычи лишила его рассудка.

Люция медленно подошла к вору. Вороны разлетелись в стороны, чтобы освободить дорогу. Пурлох уставился на принцессу.

«Кто она? — словно в тумане мелькнула мысль. — А вдруг ребенок окажется монстром?»

Но на него смотрели добрые голубые глаза. Ничего чудовищного в лице девочки Пурлох не увидел.

Люция знала, что пробравшийся в сад не убийца. Неожиданно для себя девочка прониклась симпатией к этому небритому незнакомцу. И вор заметил, с какой грустью смотрят на него глаза ребенка. Казалось, Люция в своем юном возрасте понимает больше, чем сам Пурлох.

Наследница взяла кинжал из брезвально повисшей руки и отрезала белокурый локон. Затем вложила прядь в руку непрощенного гостя и сжала его кулак своей ручонкой.

— Возвращайтесь к вашему заказчику, — спокойно промолвила она, погладив сидящего на плече ворона. — Пусть все начнется. Чему быть, того не миновать.

Пурлох тяжело вздохнул и склонил голову. Он все еще стоял на коленях.

— Спасибо.

Неуверенно поднявшись на ноги, вор медленно побрел прочь. Он уже скрылся за деревьями, а Люция все еще смотрела вслед, размышляя, что же она натворила.

Глава 4

На четвертый день после той страшной ночи на Кайку на tolknul'sya послушник из храма богини земли Энию.

Его звали Тэйн ту Джерибос.

Послушник возвращался в храм. Юношу мучили тяжелые раздумья.

Он провел в храме уже много дней, но так и не постиг главного таинства. Чтобы обрести способность чувствовать природу, нужно освободить сердце и разум от ненужных забот и волнений. Тэйн много раз слышал это от священников, но воплотить теорию в жизнь никак не удавалось.

Вы не можете чувствовать присутствие Энию и ее дочерей, пока внутри вас живут тревога и смятение. Эту мантру расслабления мастер Олек читал всякий раз, когда волновался.

Тэйн честно старался избавиться от ненужных чувств и страстей, но его усилий оказывалось недостаточно. С каждым днем послушник отчаявался все больше. Он прилежно учился, науки

давались легко, и учителя были довольны его успехами, но са-
мый главный урок, казалось, ускользнул от Тэйна, и юноша не
мог взять в толк почему.

Занятый мрачными мыслями, он не сразу заметил какой-
то продолговатый предмет, засыпанный листвой. Тэйн на вся-
кий случай взялся за висевшее на плече ружье и подошел
ближе. Увиденное потрясло его. Под листвой неподвижно ле-
жала девушка. Тэйн даже не мог сказать наверняка, жива ли
она. Однако годы, проведенные в лесах Сарамира, научили
его осторожности. Никогда нельзя терять бдительность. Духи
способны принимать разные обличия. С каждым годом они
становились все более жестокими, и встреча с ними могла за-
кончиться плохо.

Тэйн присел и дотронулся до девушки, готовясь в любую
минуту отскочить назад в случае опасности. Но незнакомка не
подавала никаких признаков жизни. Тогда юноша потряс ее за
плечо. На этот раз она пошевелилась и слабо застонала.

— Ты меня слышишь? — спросил послушник, но она не
отвечала.

Тэйн снова потряс ее за плечи, теперь чуть сильнее. Де-
вушка чуть приоткрыла замутненные глаза. Она смотрела сквозь
него, будто не замечая. Затем несвязно пробормотала, что ей
нужно лечь и хорошенько выпспаться. И наконец довольно от-
четливо добавила, что лучше всего никогда больше не просы-
паться.

Тэйн огляделся по сторонам. Он силился понять, что же
все-таки произошло с бедняжкой, но тщетно. Юноша не уви-
дел ничего, что могло бы помочь разобраться. Лес окружал их
густой безмолвной стеной. Девушка была истощена и выгляде-
ла больной. Наверное, она не ела уже несколько дней. Тэйн
откинулся волосы с ее лица и положил руку на лоб. Незнакомка
горела. На лице блестели капельки пота. Она вновь закрыла
глаза.

Бедняжка больна и нуждается в уходе. Тэйн принял стря-
хивать листья с ее одежды. Почти вся листва была свежей и
еще не успела пожухнуть. Значит, лежит здесь совсем недолго.

Юноша облегченно вздохнул. Духи деревьев не позволили бы злым демонам приблизиться к себе. Он выпрямился и поклонился.

— Спасибо за то, что защитили эту несчастную, — произнес Тэйн. — Пожалуйста, передайте мою благодарность своей госпоже Аспинис, дочери Эню.

Деревья не ответили, впрочем, как и всегда. Младшие духи не чета древнему Ипи. Они обо всем знают, но лишены способности мыслить. Как новорожденные дети.

Тэйн поднял девушку на руки. Она оказалась тяжелее, чем можно было предположить. Но хотя послушник не отличался высоким ростом, жизнь в лесу закалила его, сделала сильным и стойким, поэтому нести девушку не составило для него большого труда. До храма было рукой падать. Незнакомка мирно поклонилась на руках спасителя, не приходя в сознание.

Храм находился в самой глубине леса, на берегу реки Керрин, которая брала начало в горах и текла на северо-восток, через леса Энию. Потом русло поворачивало на запад до самой столицы. Храм представлял собой невысокое изящное строение без всяких излишеств, как и положено святилищам, где поклонялись богине Энию и ее дочерям. В городах же церкви словно кичились безвкусицей и чрезмерной вычурностью.

Служба во славу богини отличалась такой же простотой и незамысловатостью, как и само святилище. На одной из дверных створок висел колокольчик, призывающий всех к молитве. Перед статуей Энию выложили пирамиду из камней. На ней стояла чаша с тлеющим ладаном, рядом на выступе лежали фрукты и засохшие лилии, дар богине. Энию обычно изображали в виде медведицы, чья могучая лапа защищает детеныша.

В храме было два этажа. Второй ярус надстроили чуть позже. Зато из окон открывался прекрасный вид на реку.

Берега соединялись мостом, украшенным резными столбами. На них обычно изображались птицы, животные или рыбы, живущие в реке и на берегах. Керрин была очень глубокой. Солнечные лучи скользили по воде, отчего на воде мерцали раз-

ноцветные блики. Здесь царили спокойствие, красота и идиллия.

Сюда Тэйн и принес свою странную находку. Старцы раздели девушку, чтобы проверить, не пострадала ли она от ядовитых шипов или укусов насекомых. После продолжительного осмотра пожилой священник подтвердил предположение Тэйна — девушка больна. Она несколько дней голодала, ее лихорадило. Но особых опасений за ее жизнь не возникало. При правильном уходе она быстро поправится.

— Я вверяю ее твоим заботам, — распорядился мастер Олек. — Посмотрим, как тебе удастся освободить свой разум от лишних тревог.

Слова старца слегка задели Тэйна: он знал, на что намекал Олек.

Тэйн отнес девушку в свою келью, расположенную на втором этаже. Кроме циновки на полу, другой мебели в комнате не было. Два больших неостекленных окна выходили на реку. Так как большую часть года в Сарамире стояла жара, необходимость в стекле отсутствовала. Даже ставнями пользовались редко, только в непогоду.

День близился к концу. За окном догорал закат.

Тэйн изготавливал отвар из посконника, тысячелистника и рудбекия, который давали при лихорадке, и почти силой заставил больную сделать несколько глотков. Чтобы поправиться, нужно выпивать полчашки горячего напитка каждые два часа. Незнакомка бормотала что-то невнятное, ее веки слабо подрагивали, но в себя она пока не приходила. Тэйн принес ковш с прохладной водой и обтер девушке лоб, лицо и щеки. На всякий случай пощупал пульс на запястье. Убедившись, что больной не стало хуже, Тэйн решил снять с нее плотную ночную рубашку, в которую ее облачили старцы. Ночь выдалась душная, а ткань была слишком теплой. Затем он обернулся вокруг обнаженного тела простынью, соорудив подобие тоги. Все его движения были уверенными и спокойными. Тэйн уже много раз ухаживал за больными, поэтому священники полностью доверяли ему.

Однако обстоятельства, при которых он обнаружил свою подопечную, не давали ему покоя. Откуда пришла незнакомка? Что с ней стряслось? Тэйн мог только догадываться, что произошло в лесу. Бедняжке крупно повезло, что осталась жива.

— Кто же ты? — шептал в ночи Тэйн, вглядываясь в бледное лицо.

Постепенно лекарство подействовало. Девушка все еще бредила, но жар начал спадать. Несмотря на поздний час, Тэйн по-прежнему сидел около больной.

Через два дня температура спала. Молодой организм легко справился с болезнью, но девушка так и не отправилась от шока, полученного в лесу. Она часто впадала в забытье, а когда приходила в себя, то все время молчала. В течение недели бедняжка почти не вставала с кровати, а в редкие минуты прояснения не понимала, куда попала, и плакала навзрыд. Каждую ночь Тэйн просыпался от душераздирающего крика. Послушав бессвязное бормотание, старцы предположили, что незнакомка сошла с ума. Но Тэйн думал иначе. Послушник постоянно дежурил у постели больной, вслушиваясь в обрывки фраз, и постепенно понял, что девушка пережила страшную трагедию. С ее семьей стряслось какое-то несчастье.

Тэйна освободили от работ по храму до тех пор, пока больная не встанет на ноги, и он очень старался ускорить выздоровление: кормил девушку с ложки, изготовил успокоительное средство из стеблемиста и пустырника сердечного, каждый вечер поджигал стебли валерианы и окуривал келью. Постепенно приступы стали реже.

И вот однажды утром Тэйн, как всегда, направился к больной, неся ей на завтрак утиные яйца и пшеничный хлеб. К своему великому удивлению, он застал девушку стоящей у окна и сам замер у двери.

— Здравствуй, — машинально поприветствовал он свою подопечную. — Как ты себя чувствуешь? Тебе лучше?

— Это ты обо мне заботился? — вместо ответа спросила незнакомка. — Тебя ведь зовут Тэйн?

Послушник улыбнулся и кивнул.

— Хочешь что-нибудь поесть?

Кайку согласно наклонила голову и, скрестив ноги, села на циновку. Она плохо помнила, как оказалась в храме и что с ней произошло за последние две недели. Осталось ощущение голода, одиночества и тоски, которые нахлынули разом и накрыли, будто волной. Других воспоминаний не сохранилось. Но священника, который за ней ухаживал, девушка узнала сразу и теперь с интересом разглядывала его — бритая голова, загорелое лицо, внимательные зеленые глаза. Она и представить не могла, что священники бывают молодыми. Служители богов представлялись ей серьезными, мудрыми старцами, которые только и делают, что читают молодежи нравоучения. Правда, лицо Тэйна тоже было серьезным и сосредоточенным, но Кайку с ним не скучала. Послушник частенько шутил и улыбался. Из его рассказов девушка узнала, что он родом из богатой семьи. Отец Тэйна смог нажить состояние, будучи крестьянином. Поэтому, хотя ее спаситель и получил образование, но к высшему сословию не принадлежал.

— Как долго я здесь? — спросила Кайку, отламывая кусок хлеба.

— С тех пор, как мы нашли тебя в лесу, прошло десять дней, — ответил Тэйн.

— Десять дней? О боги, а мне казалось, что прошла целая вечность. Думала, никогда не очнусь. Думала... — Девушка взглянула в лицо собеседнику. — Я думала, что слезы никогда не иссякнут.

— Время лечит. Душевые раны затягиваются, и боль утихает, — объяснил послушник. — Постепенно все забудется.

— Моя семья погибла, — внезапно сообщила Кайку и уточнила: — Их всех убили.

Ей нужно было произнести это вслух, убедиться, что она в состоянии говорить о внезапной утрате. Боль ушла. Она смогла преодолеть скорбь. Конечно, понадобилось много времени. Зато теперь Кайку знала: ничто в мире не сломит ее. Да, грусть на-

всегда останется в сердце, но душевная боль больше не накроет огромной волной.

— Ужасно, — произнес Тэйн, не зная, что еще сказать.

— Маска, — внезапно всполошилась девушка. — У меня с собой была маска...

— Мы положили ее в твой мешок, — успокоил ее юноша. —

Все в порядке:

— Спасибо за заботу. — Девушка протянула послушнику тарелку. Она почти не прикоснулась к еде. — А сейчас извини. Я устала и хотела бы отдохнуть.

— Рад, что тебе стало лучше, — произнес Тэйн и поднялся с пола. — Может, выпьешь чаю, чтобы лучше заснуть?

— Думаю, теперь он мне не понадобится.

Тэйн направился к двери, но внезапно повернулся и спросил:

— Как тебя зовут?

— Кайку ту Макайма, — представилась незнакомка.

— Кайку, в бреду ты несколько раз упоминала имя своей попутчицы, — осторожно начал юноша. — Она была с тобой в лесу. Азара. Возможно, она все еще...

— Демон убил ее, — тихо промолвила Кайку и потупила глаза в пол. — Азара мертва.

— Понятно. Я скоро вернусь, — произнес Тэйн и вышел из кельи.

«Демон убил ее, — подумала Кайку. — И этот демон — я».

Кайку почти сразу заснула, потому что слишком ослабла за время болезни. Она чувствовала, как в сердце вновь пробуждается острые боль, но переборола ее. Конечно, следы от потерь были еще слишком свежи в памяти, и она понимала, что никогда не забудет пережитое. Такое не забывается.

Однажды летним днем в гостях у Мисани, куда детей часто отправляли отдохнуть, они с братом придумали себе новую забаву. Кайку старалась ни в чем не уступать Машиму и с детства отличалась упорством и упрямством.

Так вот, с самого утра дети устраивали друг другу испытания, с каждым разом все больше усложняя задания. Со временем эти испытания перестали походить на детские забавы. Брат и сестра состязались в выносливости, стреляли из лука, плавали, взбирались на утес и бегали наперегонки. Не каждое из этих упражнений было бы под силу даже хорошо подготовленному атлету, не говоря уже о подростке. Но ни Кайку, ни Машим ни разу не отказались от задания.

Со стрельбой из лука оба справились легко. Следующее испытание состояло в том, чтобы сбежать с горы на бург и добраться через бухту к скалам на противоположном берегу. В этот раз брат обогнал девочку. Плыть было тяжело, но Кайку изо всех сил старалась сократить разрыв. Она еще надеялась на победу или хотя бы на ничью. Наконец ей удалось дотронуться до скалы. Но главная трудность заключалась в том, чтобы вернуться тем же путем. К этому времени тело ныло от усталости, а мышцы дрожали от напряжения.

Достигнув вершины горы, Машим опустился на землю, не в силах продолжать состязание. Казалось, чего еще желать? Кайку выиграла.

Но девочке этого оказалось недостаточно. Она бросилась к кустам, где они установили ружья. Тело горело, голова кружилась, перед глазами плыли круги. Но Кайку не щадила себя. Нельзя останавливаться, когда долгожданная победа так близка. Однако едва она подняла ружье и прицелилась, как тотчас же рухнула без чувств. Юный организм не выдержал огромной перегрузки.

Впоследствии Мисани упрекала ее за излишнее упрямство и гордыню. А брат, тайком пробравшись к больной, поздравил с заслуженной победой.

Кайку сразу же уложили в постель. Только сон мог восстановить подорванные силы. В тот момент девочка чувствовала себя совершенно истощенной.

Но то, что произошло за последние десять дней, не шло ни в какое сравнение с давними событиями. Тогда Кайку устала лишь физически. Сейчас же сама душа чувствовала себя опус-

тощенной. Потребовались все силы, чтобы побороть ужас, который преследовал ее с той кошмарной ночи. В сердце осталась лишь тупая боль.

Теперь ее мысли занимала не только потеря семьи. Кайку беспокоила страшная сила, вырвавшаяся из нее в лесу и унесшая с собой последнего близкого человека. Девушка ощущала присутствие внутри себя некоего зла, обладающего разрушительной мощью. Неужели горе превратило ее в демона? Или в нее всего лишь вселился злой дух? Кайку снова и снова задавалась вопросом, может ли она находиться среди людей после того, что случилось.

Эти мысли сводили с ума. Но одно Кайку знала наверняка. Что бы ни стало причиной смерти Азары, оно не утратит свою страшную разрушительную силу, даже если Кайку спрячется от людей. К тому же после трагедии в лесу симптомы не повторялись, и это придавало сил и вселяло надежду.

Однако Кайку не желала мириться с адской силой, поселившейся внутри нее, и после долгих раздумий поняла, как поступить. Следует побольше разузнать о произошедшем и уничтожить источник зла. Если она не собирается жить с этим порождением демонов до конца своих дней, то должна бросить вызов невиданной силе.

Азара. Если бы служанка осталась жива, то она помогла бы. Кайку наморщила лоб, силясь вспомнить рассказ Азары.

Та рассказывала что-то о причине произошедшей трагедии. Ее товарищи наблюдали за отцом Кайку, надеясь убедить его присоединиться к ним. Сама Азара два года находилась рядом с ней.

Из памяти всплыли слова...

Но главным образом мы следили за тобой, Кайку... Я тоже так думала, когда меня засыпали в ваш дом. Но затем заметила некоторые признаки...

Что же с ней не так?

Может быть, Азара догадывалась о существовании адского пламени, которое в итоге стало причиной ее гибели? Как долго эта сила дремала внутри нее?

Кайку стала перебирать в памяти события, предшествовавшие появлению новой служанки. Два года назад одна из горничных внезапно уехала, никого не предупредив. Это, конечно, странно. Но разве исчезновение служанки могло стать причиной пробуждения силы? Нет, нужно, наверное, вспомнить, что произошло еще раньше.

Кайку слышала рассказы о злых духах леса, знала истории об ахиците — демоне, который в жаркие летние ночи проникал в тело через ноздри спящих мужчин и женщин, а потом они заболевали. Был еще баум-ки, который, подобно змеям, кусал за лодыжки. Яд затем передавался от человека к человеку через слюну или прикосновение. И неминуемая смерть. То же самое случалось с женщиной, носящей под сердцем ребенка. Оба были обречены.

Кроме старых баек, ничего больше Кайку припомнить не могла. Девушка никогда не слышала о силе, которая живет внутри человека и в любой момент может вырваться и убить.

Но шин-шины приходили именно за этой разрушительной силой. Что же это? О каких признаках говорила Азара?

Азары больше нет. Она ушла и оставила вопросы, на которые Кайку не знала ответов.

Кем же на самом деле была ее служанка, обладавшая способностью забрать дыхание одного человека и отдать его другому? Еще один демон, которого приставили к Кайку, чтобы присматривать за носительницей дремлющей силы? Кто послал Азару? И какое отношение ко всему этому имел отец? Что случилось во время его последней поездки?

Наконец усталость взяла верх, и Кайку сморила дрема. Во сне она увидела искаженное черно-красное лицо духа, который последнее время часто посещал ее ночные кошмары. На сей раз он говорил голосом отца.

На следующее утро Кайку спросила у старцев позволения принести подношение Омехе, богу смерти и загробной жизни, на поляне возле храма, и, получив разрешение, отправилась по тропинке к невысокому холму. Тэйн шел рядом, держа ее за руку, чтобы она не споткнулась и не упала. За время болезни

девушка очень ослабла и ни за что не поднялась бы на холм без посторонней помощи.

Наконец они оказались на вершине.

Отсюда открывался необыкновенный вид. По всей поляне лежали гладкие белые камни. Казалось, будто кто-то натер их до блеска. На камнях были вырезаны сложные пиктограммы, выкрашенные красной краской. Посреди поляны протекал неширокий ручей, рядом с которым росло огромное дерево. Толстые корни опутали землю, длинные ветви свисали над водой. По другую сторону ручья находился деревянный молитвенный алтарь. На нем лежали записки с просьбами и свежие цветы, стояла чаша с ладаном. Наверное, от этого всю поляну окутывал приятный, чуть сладковатый аромат.

Кайку ощущала благоговейный трепет.

Она поклонилась спутнику и слабо улыбнулась. Тэйн ответил поклоном, прошептал короткую молитву Энию, прося прощения за то, что они собираются обратиться к другому богу, и отошел в сторону.

Оставшись одна, Кайку вздохнула и собралась с мыслями. Она поразилась спокойствию, с которым готовилась к ритуалу. Она уже давно смирилась с тем, что близких не вернуть. Оставалось лишь молиться. Произнося священные слова, она чувствовала, как отмирает какая-то часть ее души, и с каждой минутой уныние и боль ослабевали и отступали.

Кайку опустилась на колени. Она молилась предкам, чтобы те провели ее семью через Ворота в царство мертвых. Громко называла имена близких, чтобы ее услышала жена Омехи, Нокту. Тогда богиня сможет записать умерших в книгу судеб. На последок Кайку обратилась к Охе, владыке небес, богу войны и мести. Девушка просила дать ей сил и благословить на поиски убийцы. Обращаясь к великому богу, она поклялась отмстить за родных — чего бы это ни стоило.

Закончив молитву, Кайку поднялась с колен.

Покидая священную поляну, она почувствовала себя гораздо лучше. Запуганная и несчастная часть ее души осталась на

холме. Теперь перед ней открылась новая дорога. Она должна отомстить за семью.

Вернувшись в храм, Кайку попросила Тэйна вернуть маску. Остаток дня она провела в келье, ворочая злосчастный предмет и так и эдак, всматриваясь в искаженное ухмылкой лицо.

Азара считала, что отца убили именно из-за этой маски. Что она имела в виду?

Внезапно Кайку очень захотелось надеть маску. И все же она сдержалась. Даже если бы Азара не произнесла свое странное предупреждение, Кайку в свое время услышала достаточно рассказов о ткачах, чтобы быть осторожной. Прихоть может привести к непоправимым последствиям.

Маски — самое опасное оружие в мире.

На следующее утро Тэйн, как всегда, принес завтрак, прихватив с собой одежду.

— Ты и так пролежала почти две недели, — сказал послушник. — Тебе нужно больше бывать на свежем воздухе.

Кайку послушно кивнула в ответ. Ей не очень хотелось выходить из кельи, но обижать отказом Тэйна хотелось еще меньше.

Когда Тэйн ушел, она потянулась и принялась одеваться. Священники привели в порядок ее рубашку и штаны: выстирали, почистили и подшили. Кто-то — возможно, Тэйн — добавил в стопку фиолетовый шелковый поясок, яркое пятно среди бежевых и коричневых тонов. Кайку повязала тонкий шнурок вокруг талии, взглянула в зеркало и осталась довольна. Даже мелкая, незначительная деталь мгновенно преобразила ее облик. Мужское одеяние уже не казалось таким грубым. Кайку одернула рубашку и горько усмехнулась.

Она вышла на улицу. Тэйн уже поджидал у крыльца. Время для прогулки самое подходящее, да и денег выдался на славу. Яркие солнечные лучи грели, но не обжигали. Птицы крутились над Керрин, пикируя вниз, чтобы поймать на лету рыбу или жука. У них были длинные, неуклюжие ноги и

массивные крылья, отчего они с легкостью скользили над гладью реки, добывая себе пропитание.

Тэйн растерянно наблюдал за птицами.

— В этом году они прилетели очень рано, — заметил он. — Значит, лето будет долгим и жарким.

Кайку прищурилась и тоже посмотрела на птиц. Еще детями они с Машимом бегали на реку и встречали прилетающие стаи с юга.

Несколько священников, работавших неподалеку, тоже решили передохнуть и уставились в небо.

Когда птицы скрылись за горами — их было немного, с десяток или чуть больше, — Тэйн перевел Кайку на другой берег. Они перешли мост и оказались на южной стороне. Отсюда были видны не только горы, но и вся река до самого горизонта.

— Мы тоже любили наблюдать за птицами, — тихонько произнесла Кайку. — Машим и я.

При воспоминании о брате у нее снова защемило сердце.

Тэйн понимающе кивнул. Он понимал девушку и был готов на все, чтобы облегчить ее страдания.

— Кажется, с каждым годом птиц становится все меньше и меньше, — задумчиво произнес Тэйн. — Говорят, они боятся вить гнезда в горах. Там стало небезопасно.

Кайку вопросительно подняла бровь.

— А что случилось?

— Птицы откладывают мало яиц. Но это лишь одна сторона медали. Говорят, в горах появилось что-то непонятное. И с каждым годом там становится все опаснее. Некоторые поднимались наверх, в горы, и видели все своими глазами. Но толком рассказать ничего не могут.

Новая тема, похоже, чрезвычайно заинтересовала Кайку. Но как заставить послушника подробнее рассказать о случившемся?

— Я с детства люблю наблюдать за птицами. Бывало, частенько взбиралась повыше и ждала, когда они прилетят.

Тэйн словно ждал этих слов. Как она и предполагала, юноша вновь заговорил о странных событиях.

— Природа гибнет, — серьезно промолвил он и перевел взгляд на синеющие вдали верхушки гор. — И гибнет стремительно. Священники ощущают это. И я тоже. Все вокруг нас разрушается. Это происходит повсюду.

Кайку растерянно молчала, не зная, что сказать.

— Почему мы не можем остановить разрушение? — Тэйн не ждал ответа. Ему просто нужно было кому-то излить свои чувства.

В разговоре наступила пауза. Они молча наблюдали за птицами, парящими над рекой, и Кайку вдруг показалось, что птиц действительно стало гораздо меньше.

Кайку провела в храме еще неделю.

Несмотря на настойчивые увещевания священников, она вначале хотела уехать, но Тэйн убедил ее остаться. Она слишком ослабла и не до конца восстановилась после болезни, поэтому отправляться в путь еще слишком опасно. Чуть позднее Кайку поняла, что поступила верно. Ноги едва держали ее, быстро наступало утомление. А для долгого путешествия требовалась сила. К тому же она до сих пор не решила, что будет делать после того, как покинет храм.

Зато Кайку наверняка знала, куда направится. Лишь один человек поможет разобраться в причине смерти отца. И самое главное — ему можно доверять. Этим человеком была Мисани, подруга детства и дочь Бэрака Авана ту Колай. Мисани состояла при императорском суде в Аксеками и была в курсе всех важных событий, происходящих в государстве.

Кайку не видела подругу очень давно. Как только им исполнилось восемнадцать, Мисани уехала ко двору. Она частенько оказывалась вовлечена в политические интриги, связанные с королевской династией. Но даже несмотря на это, Кайку хотела вновь повидать ее.

Почти всю последнюю неделю девушка гуляла с Тэйном то по лесу, то вдоль реки. Послушник подробно расспрашивал новую знакомую о ее жизни вплоть до момента, когда нашел ее под деревом. Кайку любила рассказывать о своей семье. В та-

кие моменты сердце наполнялось печальной радостью. Но она никогда не говорила о том, что произошло той ночью, и не любила вспоминать об Азаре.

Тэйн слушал внимательно, стараясь не упустить ни слова. С ним было легко и покойно. Однако порой на послушника накатывало мрачное настроение. Тогда Кайку, не в силах оставаться с ним наедине, уходила к себе в комнату.

— Ты скоро уедешь, — грустно промолвил Тэйн, когда они шли по широкой аллее около храма.

У него выдался свободный час между утренней службой и учебой, и Тэйн пригласил Кайку на прогулку. Вокруг щебетали птицы. Лес наполняли крики животных, скрывавшихся за кронами огромных дубов и тополей.

Кайку привычно накручивала волосы на палец. Она частенько так делала, когда была маленькой. И мама ругала ее за это. Девушка считала, что давно избавилась от этой привычки, однако в последнее время снова начала накручивать пряди на палец, особенно когда размышляла.

— Скоро.

— Жаль, что ты скрываешь причину, по которой так торопишься уехать. Ты убегаешь от убийц? Или, наоборот, хочешь найти их?

Кайку удивленно посмотрела на Тэйна. Как он догадался об убийствах? Она ведь ничего такого ему не говорила.

— Хочу найти этих негодяев.

— Месть не приводит ни к чему хорошему, Кайку.

— Других желаний у меня не осталось, мой друг.

Последние слова Кайку произнесла просто так. Она не могла позволить себе сблизиться с Тэйном. Так будет проще уйти отсюда навсегда. К тому же Кайку боялась, что сила, скрывающаяся внутри нее, снова вырвется наружу, и Тэйна постигнет участь Азары.

Конечно, существовала вероятность, что она своим приездом подвергнет опасности Мисани. Но, с другой стороны, Кайку знала: будь подруга на ее месте, поступила бы так же. Поэтому

и решила рискнуть. Ничего другого в голову не приходило. Мисани была теперь единственным близким человеком.

— Я бы очень хотел, чтобы ты осталась, — тихо промолвил Тэйн и опустил голову. Кайку остановилась и бросила на него любопытный взгляд. — Подольше, — закончил он, густо покраснев.

Кайку улыбнулась, и в глазах ее запрыгали озорные огоньки.

Тэйн нравился ей. Ее тянуло к этому симпатичному юноше с мускулистым телом и ярко-зелеными глазами. Нравился ей и характер послушника.

Но в то же время Кайку практически ничего не знала о нем, хотя они много времени проводили вместе. Почему Тэйн ушел в храм? Почему решил лечить больных, помогать бедным, заботиться об убогих? Ответы на все эти вопросы оставались загадкой. И Кайку решила приоткрыть завесу тайны и узнать, что скрывает от нее Тэйн.

— Послушай, зачем тебе все это? — спросила она. — Ты спас меня, лечил, проводил все ночи у моей постели. Я тебе, конечно, благодарна. Но все-таки я не понимаю, Тэйн, почему ты занимаешься этим?

— Я всегда хотел стать священником. Это мое... мое призвание, — серьезно промолвил он.

— Вряд ли, — с сомнением пробормотала Кайку.

Тэйн нахмурился и обиженно посмотрел на девушку. Но Кайку показалось, что ее колкое замечание попало прямо в цель. И она не ошиблась.

— Я потерял сестру, — медленно начал Тэйн. — Она была чуть моложе тебя. Я не смог спасти ее... Поэтому беспокоюсь за тебя. Хочу помочь. — Он потупил глаза и принял ковырять землю носком сандалии. — Я тоже потерял семью. У нас с тобой, как оказалось, много общего.

Кайку хотела спросить, что произошло, но промолчала. Если расспрашивать Тэйна, то придется выкладывать всю правду о своей семье, а этого ей очень не хотелось. Между ними возникла новая стена, непреодолимый барьер.

— Один из священников поглывет завтра вниз по реке в Запретную деревню, — внезапно заговорила Кайку. — Я поплыту с ним, пересяду в деревне в другую лодку и отправлюсь в столицу.

— Рассчитываешь на помощь Мисани? — с горечью в голосе спросил Тэйн.

— Она моя единственная надежда, — ответила Кайку.

— Тогда желаю счастливого пути. Очень рад, что ты нашла способ добраться до Аксеками, — сказал он, но выражение его лица свидетельствовало об обратном. — И пусть Паназу, бог дождя и рек, оберегает тебя в дороге. Я должен идти. Скоро начнутся занятия.

С этими словами он развернулся и направился в Храм. Кайку печально смотрела ему вслед. В другое время, в другом месте... наверное, они были бы счастливы. А сейчас это невозможно.

Кайку заставила себя выбросить Тэйна из головы. У нее есть еще и другие дела. Она вспомнила о маске, спрятанной в келье, и подумала о том, что ее ждет в столице.

Кайку размышляла о будущем и страшилась его.

Глава 5

«Это должно было случиться, — думала Анаис. — Просто я оттягивала неизбежное. И все же, как они узнали?»

Императрица Сарамира стояла посреди своей комнаты. Спальню заливали полуденные солнечные лучи. Даже здесь на северной стороне ощущалось горячее дыхание улиц.

За дворцовыми стенами раскинулся большой город Аксеками, сердце Сарамира. Он тянулся вниз по холму и дальше в долину.

Столица поражала буйством цветов и стилей. Каких только домов тут не было. И высокие храмы, поражающие своей красотой; и здания с причудливым орнаментом; и белые бани с пологими арками. С ними соседствовали музеи с куполообразными зелеными крышами; театры и кожевенные заводы. Но среди всего этого великолепия встречались и заурядные постройки.

На окраине города теснились бараки рабочих и убогие лачужки крестьян.

Вдоль стен королевского замка текла река Керрин. Ее быстрый поток стремился навстречу сестре, Джабазе. Плодом их слияния была новая река — Зан. Аксеками построили как раз у места встречи двух рек, поэтому сооружение мостов диктовалось необходимостью. Иначе попасть из одной части города в другую было бы невозможно.

Анаис окинула взором столицу, простершуюся у подножия замка на тысячу миль.

Миллионы людей из разных концов страны стремились в Аксеками. Жизнь в городе не затихала ни на минуту. Даже невыносимая жара не могла замедлить ее ход. В столице Сарамира сплелись воедино мысль и искусство. Ораторы частенько выходили на центральную площадь, собирая толпы зевак. Заслушав новый памфлет, зрители свистели, улюлюкали или хлопали в ладоши.

Повозки, запряженные лошадьми, катили по тесным улочкам. Торговцы зазывали прохожих в свои лавочки и переговаривались между собой. Философы продолжали размышлять над смыслом бытия, а влюбленные парочки гуляли и целовались под луной. Ученые жарко спорили в парках, тут же неподалеку мясник рубил мясо. На все происходящее косились артисты бродячего цирка, подыскивающие место для предстоящего представления.

Аксеками являлся настоящим центром империи, политическим и административным. Здесь были представлены все сословия, от низов до самых верхушек. Анаис любила этот город за стойкость, мощь и способность возрождаться из пепла — что бы ни случилось, какие бы бури над ним ни проносились. Но сейчас при взгляде на свои владения королеву охватывал страх. Над столицей витал дух грядущих волнений.

Императорский дворец во всем своем великолепии возвышался на гребне холма. Это было огромное строение из золота и бронзы, в форме усеченной пирамиды. В самом центре архитектурного ансамбля расположился храм верховного бога Охи.

Все здания дворца соединялись между собой, образуя единое целое, и напоминали огромный лабиринт. Открытые и закрытые дворики, водоемы, залы для торжественных приемов, спальни, покой императрицы и комнаты прислуги. Украшенные лепниной и резными колоннами арки разбивали галереи на сектора. С четырех сторон дворец украшали высокие башни, по одной каждому хранителю города. Узкие мосты соединяли их с главным зданием. Замок окружала неприступная глухая стена. И лишь старые ворота, обитые золотом и расписанные разными символами, слегка выбивались из общего ансамбля. Несмотря на свой размер и вес, они смотрелись так, будто их вырезали из слоновой кости.

Анаис отвернулась от окна.

Стены и пол просторной королевской опочивальни были выложены гладким камнем. Из трех высоких арочных окон открывался прекрасный вид на город. В центре спальни находился фонтан. Он приковывал к себе взгляды, завораживая холодной красотой, особенно когда в зеркальной глади отражалось небо и лучи заходящего солнца.

Новость, встревожившая императрицу, обсуждалась уже целый день. Был даже созван государственный совет. Союзники Анаис чувствовали себя преданными. Ее враги рассердились не на шутку. И повелительница Сарамира не могла успокоить ни тех, ни других.

Единственная наследница престола оказалась порченой. Людей всегда страшат явления, суть которых лежит за границами обыденного понимания. Поэтому многие склонялись к тому, что девочку нужно было убить сразу после появления на свет.

Главный ткач, Виррч, уже несколько часов находился в покоях императрицы. Это был самый последний человек, которого Анаис хотела бы видеть сейчас. В каждом его слове ощущались презрение и ненависть, хотя у Виррча и хватало ума не ругать императрицу за то, что она прятала от всех ребенка. Но Анаис знала, что стоит за показной сдержанностью и наигранной любезностью. Ткачи способны на все, даже на убийство.

Неужели этот кровопийца надеется, что мать откажется от своего дитя?

— Вы должны быть очень осторожны, ваше величество, — сдержанно промолвил Виррч. — Очень осторожны, если хотите предотвратить беду.

Главный ткач носил маску, скрывающую лицо. Под бронзовым ликом скрывались шрамы и природное уродство. У Виррча был сумасшедший взгляд, лицо подергивалось, как от нервного тика, навсегда искаженное болью и безумием. Но даже в маске сановник наводил на императрицу ужас. От одного его вида Анаис била крупная дрожь. Тем более что маска служила главному ткачу не только маскировкой.

Виррч был очень стар. Императрица даже не могла сказать — насколько. Но человек, носящий маску Истины, не имеет возраста. Мaska сулила владельцу неограниченную власть. Анаис боялась даже предположить, сколько душ сгинуло перед бронзовым лицом.

Одно несчастная женщина знала наверняка: Виррч безумен. От него можно ожидать чего угодно. Даже смертного приговора для Люции.

— Так что вы предлагаете, главный ткач? — Анаис умело скрывала отвращение, ее голос звучал ровно и спокойно.

— Вы должны по крайней мере сделать вид, что раскаиваетесь. Вы обманули всех. Поэтому люди ждут, что вы признаете свою вину. Не стоит недооценивать ненависть, которую сарамиры испытывают к порченым.

— Не будьте смешны, Виррч, — бросила Анаис. Эта стройная и хрупкая женщина, невысокая и спокойная, обладала железной волей. — Она не порченая. Люция — всего лишь талантливая девочка. Не забывайте, вы говорите о единственной наследнице и моей дочери.

— Я знаю хорошо значение этого слова, ваше величество, — прохрипел главный ткач.

Ткачи выполняли в Сарамире особую миссию.

Вот уже сто лет они убивали порченых детей. Когда-то ткачей наделили особыми навыками, умением разыскивать недо-

статки в обществе и уничтожать их. Они ткали особую матерю из людских мыслей и душ. Здесь не было места отклонениям от нормы.

Большую часть времени ткачи проводили в удаленных монастырях, держась обособленным кланом. Но когда дело касалось порченых, или, как их еще называли, искаженных, ткачи оставляли уединенные убежища. Они путешествовали из города в город, из деревни в деревню, появляясь на фестивалях или сборах урожая. Ткачи учили обычных людей распознавать порченых в толпе, убеждая сообщать о появлении людей с отклонениями в поведении или необычными способностями.

Появление мужчин в бронзовых масках наводило на население суеверный ужас. Люди внимательно слушали поучения ткачей и передавали дословно своим детям. Ткачи неустанно твердили сарамирцам об опасности, которую несут порченые. Поэтому не было ничего удивительного, что для многих дети с необычными способностями ассоциировались с демонами. Мало кому из детишек, волею судьбы родившихся с какими-то отклонениями, удавалось выжить.

Вирр ждал, когда Анаис, наконец, посмотрит ему прямо в лицо. Но императрица благоразумно избегала зрительного контакта.

— Думаю, наш спор неуместен. Ваше величество, вы не можете не понимать, чем навлекли на себя гнев подданных. Ребенок, которого вы произвели на свет, оказался порченым. Народ не видит особой разницы между принцессой и кривыми, слепыми или хромыми детьми, если они — порождение зла. Мы, ткачи, каждый день имеем дело с ними. Эти дети... другие. До сегодняшнего дня считалось, что у династии Эринима есть наследник. Болезненный, но все-таки наследник. Сейчас же многие знатные люди отвернулись от вас. Ваш поступок, госпожа, не заслуживает прощения или оправдания...

— Мои действия объяснимы. Я берегла будущую наследницу трона, — перебила его Анаис. — Моя дочь станет императрицей.

— Порченая? — захихикал Виррч. — Я очень сомневаюсь.

Анаис отвернулась и уставилась на фонтан. Императрица понимала, что Виррч прав. Народ никогда не согласится принять на троне того, кого называют порченым. Но разве у нее есть иной выбор?

Люция не только рано научилась говорить, но и обладала множеством других неординарных способностей. Еще будучи в положении, Анаис инстинктивно чувствовала уникальный талант ребенка. И знала, чем это грозит.

Сначала императрица отказывалась верить. Но даже убедившись в необычности дочери, она не стала убивать ее. Анаис не отказалась бы от Люции ни за что на свете.

Возможно, это решение и стало началом краха династии. Возможно, если бы Анаис отказалась от Люции, она смогла бы родить еще много здоровых младенцев. Но императрица сделала выбор и в результате обрекла себя на бесплодие. Анаис больше не могла иметь детей. Девочка стала единственной наследницей Сарамира.

Императрица прятала ребенка от общества, зная, что мир будет презирать бедняжку. Люди не заметят ни ее нежного характера, ни мечтательных глаз. Они будут смотреть на девочку как на порождение зла, которое нужно уничтожить. Ничто не должно осквернять чистую расу сарамирцев. Анаис думала, что Люция со временем могла бы научиться скрывать свой дар, управлять им и даже подавлять его. Но теперь этой мечте не суждено осуществиться.

О духи, как же им удалось узнать правду?

Императрица всегда была предельно осторожна и постоянно держала ситуацию под контролем. Никто без ее разрешения не мог видеть Люцию. Анаис старательно скрывала девочку от посторонних глаз, от тех, кто мог навредить наследнице.

Этот мир прогнил, мелькнуло в голове Анаис, и она горько вздохнула. Болен проказой. Боги давно прокляли Сарамир за грехи. С каждым годом детей с отклонениями рождается все больше.

Но не проходило и дня, чтобы они не становились жертвами ткачей. Даже животные и растения подверглись злоречному влиянию. Крестьяне не раз уже жаловались, что земля приносит нездоровые плоды. Болезнь распространялась с неимоверной силой в теченис многих десятилетий. Никто даже не знал, с чего все началось. А главное, как далеко проникла зараза? На вопрос, что же теперь делать, никто не давал ответа.

Внезапно дверь в покой императрицы распахнулась. На пороге стоял ее муж. Он был чем-то ужасно недоволен и прямо таки кипел от злости.

— Что происходит? — закричал император, схватив жену за запястье. — Что здесь происходит?

Анаис ловко высвободилась и бросила на супруга презрительный взгляд. Император знал, что сила на ее стороне. Жена происходила из династии Эринима, бравшей свое начало от рода древних правителей Сарамира. Он же считался императором только потому, что был ее мужем. И если бы Анаис захотела, то церковь расторгла бы их брак в любую секунду.

— Могли бы для приличия поздороваться, Дурун, — бросила Анаис, чтобы слегка охладить пыл императора. — Как прошла охота?

— Что произошло, пока меня не было? — закричал разъяренный супруг. — До меня дошел слух... наш ребенок... Я требую объяснений.

— Люция обладает феноменальными способностями, Дурун. Вы бы знали об этом, если бы навещали ее почаще. Что случилось? Вспомнили, что у вас есть дочь? С чего вдруг в вас проснулся отцовский инстинкт? Вы даже не принимали участия в воспитании девочки.

— Так это правда? Она — порченая? — взревел Дурун. — Исказенная?

— Нет!

— Да!

Оба восклицания прозвучали одновременно. И теперь главный ткач и императрица с вызовом смотрели друг на друга.

Дурун удивленно взглянул на жену. Анаис отвернулась и вновь уставилась на фонтан. Повисла тяжелая пауза.

Императрица заранее предчувствовала реакцию мужа. Его поведение было предсказуемо.

Анаис презирала императора. Ей не нравились ни его черные наряды, расшитые золотом, ни длинные, блестящие черные волосы. Владычица Сарамира ненавидела горделивую осанку мужа, нос, как у ястреба, тонкие черты лица и темные злобные глаза.

Их брак стал лишь выгодным союзом, благодаря которому королевская династия теперь пользовалась поддержкой древнего рода Бэтик. Но за это императрице приходилось терпеть ленивого и хвастливого мужа. Хотя иногда Дурун преображался. Он понимал Анаис, поддерживал, интересовался ее делами. К сожалению, это случалось крайне редко. И сегодняшнее поведение являлось тому лишним подтверждением.

— Вы родили урода? — прошептал император в ужасе.

— Не без вашей помощи. Не забывайте, вы отец ребенка, — резко бросила Анаис.

Лицо Дуруна исказила судорога.

— Вы знаете, чем это может кончиться? Вы понимаете, что натворили?

— А что мне оставалось? — спросила императрица. — Убить своего единственного ребенка? Позволить династии Эринима прерваться? Никогда!

— Мы бы произвели на свет другого наследника, — пропшипел Дурун.

Анаис не успела ответить мужу. В гулких коридорах раздался звонок, извещая присутствующих о прибытии гонца.

— Вас уже ожидают, — хрюкло произнес Вирч.

Бросив на мужа гневный взгляд, Анаис развернулась и направилась к двери.

Императрица прошествовала мимо гонца с высоко поднятой головой. Бедняга не успел произнести ни слова. Да и Анаис не стала бы его слушать — ей было не до пустой болтовни. Владычица лихорадочно размышляла.

В противоположном конце коридора Дурун с грохотом захлопнул дверь в свои покой. Императрица была благодарна мужу за это. Анаис не придумала, как усмирить разгневанную знать, но точно знала, что справится без помощи Дуруна.

Покой главного ткача Виррча наводили тоску и ужас.

В комнатах редко зажигали свет. Здесь было душно и сырое, точно на болоте в самый разгар летнего зноя. Высокие ставни, не пропускавшие ни солнечных лучей, ни легкого дуновения ветерка, никогда не открывались. К тому же на окнах висели плотные шторы из цветастого материала, украшенные вышивкой. В центре комнаты находилась восьмиугольная купальня. Дно бассейна давно покрылось водорослями, а мутная вода издавала неприятный затхлый запах. В одном из углов купальни плавало обнаженное тело мальчика.

По всей спальне валялись гниющие остатки еды, свидетельствующие о зверском аппетите главного ткача, особенно в моменты гнева. Поэтому в комнате стоял удушливый, смердящий запах.

Широкая кровать стояла всего на трех ножках, слегка накренившись на один бок, отчего в полуумраке напоминала огромного монстра, приготовившегося к прыжку. Постель Виррча покрывали грязные, в пятнах шелковые простыни. Другие простыни, изодранные в клочья, валялись на забрызганном кровью плиточном полу. Рядом с кроватью лежала плетка. На постели — мертвец. Судя по виду, он находился здесь уже несколько недель. Ни пол, ни возраст, ни, тем более, личность покойника определить было совершенно невозможно. Огромный кальян на тумбочке дымился без особой надобности среди этой смеси зловоний.

Здесь же, укрыв свое иссущенное тело тряпками, сидел главный ткач. Виррч носил маску, даже оставшись один.

Это была не просто прихоть главного ткача.

Маску Истины много лет назад выковал из бронзы сам Фрастик, величайший из всех мастеров, когда-либо живших в Сарамире и за его пределами. Ковка была настолько тонкой, что

маска не причиняла владельцу никаких неудобств. Мастер скопировал лицо давно забытого божества. Маска вселяла страх. Выражение бронзового лица было одновременно сумасшедшим, недобрый и ужасным; его исказила презрительная гримаса. Под глазами запали глубокие тени. В зависимости от освещения собеседникам главного ткача казалось, что маска кричит от отчаяния, вопит от ненависти или ревет в гневе.

Фрастик выковал маску Истины для Тамала ту Джеккина. Он носил ее до самой смерти, пришедшей к нему в расцвете лет. Затем маска досталась Уррику ту Хирсту, который возглавлял в то время ткачей. После Уррика бронзовый лик сменил семерых владельцев. И спустя столетие оказался в руках наконец Виррча. Последний владелец маски сразу распознал: мальчик обладает огромной, невиданной доселе силой.

Чем старше маска, тем больше власти она давала. Но была и обратная сторона силы.

Маски Истины высасывали все жизненные соки из тех, кто отваживался их носить. Люди словно сгнивали заживо. Разрушительная сила не щадила ни плоть, ни душу своего владельца. Переходя к новому хозяину, маска приносila ему и то, что унаследовала от предыдущих обладателей. Воспоминания, мысли, мнения, характеры и повадки прошлых владельцев наслаждались на собственные взгляды и поведение очередного обладателя. От индивидуальности не оставалось ни следа. Хозяин маски постепенно терял человеческий облик, сходил с ума.

Многие неподготовленные люди умерли бы от удара, едва успев стать хозяином бронзового лица. Виррчу понадобилось шесть месяцев, чтобы привыкнуть к мощи маски. Все это время ткач пролежал в постели. Многие предрекали ему смерть. Но Виррч смог преодолеть себя и вновь подняться на ноги.

Полученная с маской власть казалась не такой прекрасной, как с самого начала. В свои сорок с небольшим лет главный ткач превратился в дряхлого старика. Множество болезней разъедали его тело. Невыносимая боль сопровождала каждое движение. Но прошло время, и Виррч перестал замечать физические страдания. Маска притупила чувства, лишила разума.

Как он еще окончательно не свихнулся, оставалось загадкой для самого главного ткача.

Он давно нашел средство бороться с болью. Виррч испытывал наслаждение, когда ткал новое полотно. В такие минуты разум словно отделялся от истерзанного тела и уносился куда-то вдали. Только за работой он был счастлив.

Большие тоннели, по которым текли человеческие эмоции, тесно переплетались между собой. Переливающиеся разными цветами, подобно огромным червям, они вырывались из-под земли, а потом снова ныряли вглубь и терялись в вечности. Этими нитями ткачи и плели свои сложные Узоры.

А Виррч плыл и плыл в темноте между тоннелями куда-то в небытие. И тело главного ткача наполнялось радостью. Он ощущал сильную вибрацию нитей. Ветер пронизывал его плоть, приятно щекотал нервы. В конце пути Виррчу обычно являлись огромные, подобно китам, тени. Они скользили по краю созданного им полотна и исчезали в темноте. Главный ткач никак не мог понять, откуда берутся эти тени. То ли от созданного рисунка, то ли это игра воображения, то ли от чего-то еще? Но все попытки добраться до истины кончались крахом. Тени ускользали от Виррча, оставаясь вне досягаемости. В конечном счете главный ткач сдался. Тени же не обращали на него внимания. Виррч не представлял для них особого интереса.

Главный ткач, будто крошечный комар, стремительно скользил между огромными нитями. Он слегка задевал их, и волокна колебались по всей длине в определенном ритме. Виррч прислушивался к этим звукам, выискивая нужную нить. Потом погружался внутрь полотна. Хаос поглощал главного ткача.

Теперь Виррч превратился в крошечную искру и мчался по волокнам с головокружительной скоростью. Перепрыгивая на следующую нить в месте соединения, Виррч стремился к заветной цели. И, наконец, главный ткач вырвался на свободу.

Видение растворилось, чувства приходили в норму, тело вновь вернулось в прежнее состояние. После видений главный ткач обычно оказывался где-нибудь за пределами своего дома.

Вот и сейчас он вертел головой, пытаясь понять, куда попал.

Виррч стоял посреди маленькой, плохо освещенной комнаты. На осыпающихся желто-красных каменных стенах кое-где просматривались обрывки пиктограмм. От мерцающих фонарей по комнате танцевали причудливые тени. Тяжелая деревянная дверь была плотно закрыта. До главного ткача то и дело доносилось тихое бормотание и обрывки чьих-то разговоров. Любой неподготовленный человек легко сошел бы здесь с ума. Но только не Виррч. Он практически сразу догадался, что видения забросили его в Аддерах, монастырь ткачей.

Комната была пуста, но сквозь стены Виррч ощутил приближение трех монахов. В ожидании их появления главный ткач обдумывал, как сообщить братьям последнюю новость.

Он до сих пор не мог понять, как Люцию удавалось прятать так долго.

Наследница — урод. Порченая... Почему же прежде никто ничего не заметил?

Все началось с сообщений испуганных слуг. Они рассказали о девочке-призраке, разгуливающей ночью по коридорам дворца. Только тогда Виррч заподозрил, что от него что-то скрывают, и решил обыскать замок. Главный ткач прислушивался к колебанию нитей, выискивая малейшие нюансы, изменения в привычном звучании. Виррч вел себя точно огромный паук, который чувствует, что муха попала в сеть.

Но главный ткач ничего не нашел. Изменения в дворцовом полотне были настолько слабыми, что даже Виррч затруднялся сказать, отчего они происходят.

Однако его не покидали опасные предчувствия. И, в конечном счете, поиски принесли результаты. Главный ткач нашел блуждающего призрака. Девочка действительно появлялась в коридорах дворца. Крошечное колебание воздуха от ее прохождения сквозь стены было почти незаметно. И хотя с каждым разом Виррч приближался к девочке все ближе и ближе, он все равно не мог ее догнать. Ребенок всегда ускользал. Неудачи разъярили главного ткача, и он удвоил усилия. Но цель только отдалась от преследователя. Виррчу никак не удавалось выяснить, кто же это.

До того дня, когда шпион подслушал разговор Анаис с врачом, она рассказывала о странных снах дочери. И только тогда главный ткач смог связать все воедино и найти ответ на мучавший его вопрос.

Подобно многим, Виррч не считал нужным постоянно следить за наследницей. Даже желание императрицы держать Люцию взаперти не вызвало у него особых подозрений.

Виррч с самого начала знал, что девочка не настолько болезненна, как говорила Анаис. С другой стороны, главный ткач понимал, почему вокруг Люции столько хлопот и суеты. Необходимо обезопасить будущую императрицу. К тому же Виррч приписывал такую заботу параноидальному страху Анаис за свою единственную дочь — единственного ребенка.

Поэтому он не проявлял к девочке большого интереса, считая, что в этом нет особой надобности. С каждым годом Виррч все реже вспоминал о ребенке. Иногда мысли о Люции приходили ему в голову, но тут же отодвигались на второй план.

Именно уверенность в своем могуществе ввела главного ткача в заблуждение. Виррч даже подумать не мог, что призрак замка и есть маленькая наследница. Приглядись он к Люции повнимательнее с самого начала, необычные способности девочки вряд ли укрылись бы от всевидящего ока маски Истины.

В ту ночь, когда Виррч услышал о необычных снах наследницы, он использовал маску, чтобы найти принцессу. Главный ткач решил узнать, кто же она на самом деле.

Но и проникнув во дворец, он не смог найти Люцию. Девочка оставалась невидимой. Сознание, казалось, ощущало ее присутствие, но прикоснуться к наследнице Виррч не мог.

Гнев его был ужасен. В припадке ярости он лишил жизни трех детей. Порченая под носом, а главному ткачу потребовалось восемь лет, чтобы это увидеть!

Теперь, когда Виррч знал, с чем имел дело, он призадумался. Главный ткач еще ни разу не сталкивался с особым даром, которым обладала Люция. Он понимал, чем это может грозить в будущем. Виррч даже побаивался будущую императрицу, так как не знал, чего еще можно ожидать от нее.

И все же главный ткач не желал признавать поражение. Ему требовались доказательства.

Виррч послал письмо ткачу Сонмаги ту Амаха. Этот человек был советником семьи. Он сумел нанять вора, который пробрался во дворец и заполучил локон наследницы.

Виррч любил выгребать жар чужими руками. Так главный ткач всегда оставался вне подозрений. Если кто-то попытается выяснить правду, то след приведет к Сонмаге ту Амаха. Единственным человеком, который знал о роли Виррча в этом деле, был ткач Сонмаги, Брах.

Осмотрев локон наследницы, главный ткач укрепился в худших своих подозрениях.

Девочка являла собой угрозу, требующую немедленного устранения. Ее способности могли положить конец власти ткачей над людскими душами.

Хорошо, если семья Бэррак и другие известные династии разделяются с девчонкой вместо него. А если нет... Тогда придется принять более жесткие меры.

Дверь распахнулась, и в комнату, шаркая ногами, вошли три фигуры в рваных одеждах. Они не видели Виррча. Для монахов главный ткач оставался мерцающим светом, едва различимым видением, одной из пляшущих по стенам теней. Но братья знали о его присутствии.

— Приветствую тебя, главный ткач Виррч, — гаркнул один из вошедших, чье лицо скрывала маска из коры и листьев. От этого казалось, что у него борода. — Я полагаю, есть новости?

— Не очень хорошие, братья мои, — ответил мягко Виррч. — Но очень важные...

Глава 6

Особняк знатной семьи Колай располагался в императорском квартале в западной части города.

Дом сильно видоизменился с момента постройки. Один из владельцев особняка пристроил к нему крыло, в котором расположилась обширнейшая библиотека. Изогнутую крышу по-

крывала черная глянцевая черепица. Фасады, выкрашенные в цвет слоновой кости, отличались простотой, единственным Узором были резные деревянные лучи от изображенного под самой крышей солнца. Позади особняка располагались хозяйственныe постройки и служебные помещения: флигель для охраны, конюшни и амбар. Перед домом был разбит красивый сад, поражавший своей ухоженностью и строгостью форм. Мощеные дорожки огибали пруд с разноцветными рыбками. В центре сада находился фонтан, украшенный скульптурой. В тени больших деревьев стояли скамьи. Внутренний двор, сад и сам дом окружала стена с единственными воротами. Она отделяла особняк от широких улиц императорского квартала.

Утреннее солнце заливало город. Поэтому даже в квартале богачей стояла духота.

Из окна кабинета открывался прекрасный вид на золотую пирамидальную башню дворца, самого высокого здания в Аксеками. Мисани ту Колай сидела за письменным столом. С самого утра девушка корпела над бумагами, подсчитывая доход от продажи рыбы.

Семья Колай владела множеством рыболовецких судов. Рыбный промысел в бухте Матакса приносил немалую прибыль. Всем в Сарамире было известно, что крабы и омары с печатью дома Колай самые вкусные и восхитительные — правда, они и стоили немалых денег.

Уже два года Мисани вела дела семьи. Так как девушка являлась единственной наследницей, титул Бэрек после смерти отца переходил к ней вместе со всеми предприятиями. Таким образом, Мисани предстояло возглавить и продолжить дело своей семьи.

Вот почему девушка уже несколько часов сидела над бумагами, просматривая счета и подводя итоги, отчерчивала линию в конце каждого документа и аккуратным, но быстрым почерком выводила нужную цифру.

Мисани была невысокого роста, стройная и грациозная. Ее тонкое, бледное лицо нельзя было назвать красивым, но оно невольно притягивало взгляд выразительностью черт. Шелко-

вистые черные волосы, доходившие до лодыжек, Мисани заплетала в тугие косы.

Девушка отличалась необычайной для своих лет сдержанностью и спокойствием. По ее лицу собеседник никогда не мог догадаться, что на самом деле творилось в душе Мисани.

В дверь постучали. Девушка отчертила линию, записала итоговую сумму и лишь затем позвонила в маленький серебряный колокольчик, разрешая войти. В кабинет осторожно проскользнула служанка. При виде хозяйки она слегка наклонила голову, прижав кончик пальца к губам, а другую руку положила на талию. Так служанки Сарамира приветствовали своих господ.

— К вам посетитель, хозяйка. Госпожа Кайку ту Макаима.

Мисани кивнула и улыбнулась, радуясь приезду подруги. Служанка поклонилась хозяйке в ответ, радуясь, что принесла хорошую новость.

— Привести гостью, госпожа?

— Да, конечно. И принеси для нас фрукты и холодную воду.

Служанка поклонилась и вышла. Мисани убрала письменные принадлежности в стол и привела себя в порядок. Последние два года дела отнимали столько времени, что она почти не виделась с друзьями. Но Кайку — совсем другое дело. Их связывала давнишняя дружба. И долгая разлука стала для обеих настоящей пыткой. Девушки часто писали письма, поверяя друг другу мечты, надежды и опасения, но этого было мало.

И вот подруга, с которой Мисани не виделась столько лет, возникла на пороге ее дома.

— Госпожа Кайку ту Макаима, — объявила за дверью служанка, и Кайку вошла в комнату.

Мисани бросилась навстречу, и девушки крепко обнялись.

Наконец они разжали объятия. Мисани отстранилась и, не выпуская руки подруги, пристально посмотрела на нее.

— Ты сильно похудела. И такая бледная. Болела?

Кайку засмеялась. Они знали друг друга слишком давно, поэтому прямой вопрос Мисани не удивил девушку.

— Что-то в этом роде. Зато ты выглядишь превосходно. Городская жизнь явно пошла тебе на пользу.

— Я скучаю по бухте. — Мисани опустилась на одну из расстеленных на полу ярких циновок. — Приходится тратить жизнь на подсчет выловленной рыбы и оценку лодок. Но, кажется, я потихоньку начинаю испытывать удовольствие от буряжной рутини.

— На самом деле? — недоверчиво спросила Кайку, усаживаясь напротив подруги. — Ах, Мисани, ты всегда любила скучные занятия.

— Я расцениваю это как комплимент. Ведь ты еще ребенком была слишком непоседлива и невнимательна, особенно когда дело касалось уроков.

Кайку улыбнулась. При виде подруги все ужасы, которые ей пришлось пережить за последнее время, отступили и казались дурным сном. Мисани была напоминанием о той жизни, которой она жила прежде, до того, как ее семью постигла трагедия.

Мисани почти не изменилась за прошедшие годы. Разве что фигура приобрела женственную округлость, да говорила подруга официально, будто на собрании в суде. Но при этом она осталась все той же самой Мисани, близким человеком из детства. Ее присутствие, словно бальзам, излечивало израненную душу Кайку.

Служанка предупредительно постучала и вошла в комнату. Пододвинула низкий деревянный столик, поставила миску с кусочками фруктов и наполнила стаканы прохладной водой. Потом переставила ширмы, чтобы усилить едва ощутимое дуновение ветерка, который слегка разбавлял знойный утренний воздух, и удалилась. Кайку, наблюдая за ее действиями, вспомнила о другой служанке, безвременно ушедшей из жизни в иной мир.

— Кайку, чем я обязана твоему визиту? — поинтересовалась Мисани. — Путь до Аксеками неблизкий. Ты надолго приехала? Комната для тебя уже подготовлена. Можешь ска-

зать служанке, какую одежду носишь, и она принесет туда все необходимое.

Печальная улыбка тронула губы Кайку. Взгляд Мисани стал серьезным и сосредоточенным.

— Что случилось? — Вопрос сам слетел с губ.

— Вся моя семья умерла, — просто ответила Кайку.

Несколько секунд Мисани сидела, точно громом пораженная, осознавая услышанное. Затем в ужасе закрыла лицо руками, словно защищаясь от удара.

— Нет, не может быть... — Мисани часто задышала, стараясь удержать слезы. — Как это случилось?

— Я тебе все расскажу, — устало произнесла Кайку. — Но есть кое-что еще. Я уже не такая, какой ты меня помнишь, Мисани. И, наверное, никогда не смогу стать прежней. Внутри меня поселилось что-то... инородное. Я не могу понять, в чем дело, но эта сила опасна. Мне необходима твоя помощь, Мисани. Я очень нуждаюсь в ней.

— Я готова помочь тебе. — Мисани взяла подругу за руки. — И все для тебя сделаю.

— Не торопись. Вначале выслушай мою историю с самого начала. Находясь рядом со мной, ты тоже подвергаешься опасности.

Мисани замерла, вглядываясь в строгое лицо подруги. Такой серьезной она ее никогда не видела. Кайку всегда была ветреной и взвалмошной, но сейчас говорила таким тоном, словно ей вынесли смертный приговор.

— Расскажи все, — попросила Мисани. — И ничего не скрывай.

После недолгого молчания Кайку решилась сообщить подруге о своих злоключениях. Она начала рассказ с момента собственной смерти и закончила прибытием в Аксеками.

Кайку рассказала про Азару, которую считала служанкой и которой доверяла. А оказалось, что девушка вовсе не та, за кого себя выдавала. Поведала о маске, привезенной отцом из последней поездки. И наконец, рассказала о том, как умерла Азара,

а ее саму спасли священники. Она призналась, что поклялась богу Оха отомстить за убийство близких.

Кайку закончила рассказ, но Мисани продолжала молчать. Девушка пристально посмотрела на нее, стараясь угадать, о чем думает подруга, что скрывает за этим видимым спокойствием. Такой Мисани Кайку никогда не видела. Эту сдержанность подруга приобрела за два прошедших года, сопровождая отца на судах императрицы. Там каждое лишнее движение, жест, гримаса могли выдать тайну или стоить жизни.

— Мaska у тебя с собой? — Мисани наконец нарушила молчание.

Кайку кивнула, достала маску из мешка и подала подруге. Мисани пристально рассматривала злобное красно-черное лицо, искоса смотревшее на нее. На первый взгляд, маска ничем не отличалась от тех, что ей доводилось видеть на актерах в театре.

— Ты не пробовала ее надевать?

— Нет. — Кайку передернула плечами. — Что, если это маска Истины? Я сошла бы с ума или умерла... в лучшем случае.

— Очень мудро, — кивнула Мисани, продолжая размышлять.

— Скажи, ты мне веришь? Для меня очень важно знать, что ты не сомневаешься в моей правдивости.

Мисани снова кивнула, и черные косы, как змеи, заструились по ее плечам.

— Я верю тебе, — улыбнулась она подруге. — Не сомневайся. И я сделаю все, что смогу, чтобы помочь тебе, дорогая.

Кайку с облегчением вздохнула, с трудом сдерживая навернувшиеся на глаза слезы. Мисани возвратила ей маску.

— Что же касается этой маски, то у меня есть друг, который изучил искусство отцов Предела. Может быть, он сумеет нам что-нибудь пояснить.

— Когда мы сможем с ним увидеться? — взволнованно спросила Кайку.

— Это будет весьма непросто. — Мисани задумчиво посмотрела на подругу.

***

Покой Люции ту Эринима, располагавшиеся в центре императорского дворца, усиленно охранялись и казались почти не-приступными. В комнатах всегда находились многочисленные охранники, туда приходили и оттуда уходили учителя, поблизости вечно сновали няньки и повара. Возле Люции постоянно находились люди, и все же она была одна. Теперь, после того как вор проник в дворцовый сад, за девочкой присматривали еще сильнее, чем раньше. Люди, окружавшие наследницу, смотрели на нее с состраданием — как же несчастен этот ребенок, которого, казалось, ненавидел весь мир.

Но Люция не грустила. За несколько недель, прошедших с тех пор, как вор украл ее локон, она встретила много новых людей. Жизнь наполнилась событиями и встречами. Теперь к принцессе часто приходила мать и приводила важных людей, должностных лиц и торговцев. В присутствии посторонних Люция вела себя примерно. Некоторые посетители смотрели на девочку со скрытым отвращением, иные с жалостью и сочувствием, а кое-кто с состраданием и добротой. Но все, кто хоть раз встречался с Люцией, пребывали в замешательстве. Все задавались вопросом, как такой умный и симпатичный ребенок может быть порождением зла, о котором предупреждали ткачи. После беседы с принцесской многие отбросили предрассудки, иные еще боролись с сомнениями, но симпатии тех, и других были явно на стороне девочки.

— Ваша мать очень мудрая и смелая женщина, — как-то промолвил в разговоре с Люцией Заэлис, ее главный наставник. — Императрица показывает союзникам и врагам, какая вы хорошая и умная девочка. Иногда люди страшатся чего-то просто по незнанию и неведению.

Принцесса внимательно слушала, не произнеся в ответ ни звука, и задумчиво смотрела на наставника. Наследница знала намного больше, чем могла выразить словами. Ответ крылся где-то внутри нее самой, и девочка сознавала, что рано или поздно все поймет.

В один из солнечных дней, когда Люция находилась в обществе Заэлиса, императрица Анаис привела к ней императора Дуруна.

Принцесса сидела на циновке в своем кабинете. Через высокие треугольные окна в комнату падал солнечный свет, отбрасывая неровные тени на пол у ног девочки. Заэлис рассказывал о рождении звезд. Он вел урок хриплым басом, выделяя голосом наиболее значимые слова. Теперь наследница энала, что когда-то Абинаксис, самая большая звезда, взорвалась и рассыпалась по вселенной. Из этого хаоса появились первые боги. На уроках Заэлиса Люция всегда сидела очень тихо, но слушала учителя не слишком внимательно. Мысли ее занимал шепот духов западных ветров. Проносясь над дворцом, они весело болтали между собой, перебрасывались ничего не значащими фразами.

Заэлис замолчал, когда порыв ветра ворвался в комнату. Люция вдруг оглянулась, словно кто-то позвал ее.

— Что они говорят, Люция? — поинтересовался учитель.

Девочка повернулась и внимательно посмотрела на наставника. Заэлис был единственным человеком, который ценил ее талант. Учитель считал способности принцессы уникальными, а не чем-то неестественным, что нужно прятать. Всех наставников, нянек и охранников заставили поклясться, что они под страхом смертной казни сохранят в тайне все касающееся необыкновенных способностей наследницы. Прислуга и охрана делали вид, что не видят, как Люция играет с воронами. Они не слушали девочку, когда та пересказывала беседу деревьев в саду. Только Заэлис подбадривал принцессу и верил ей. Иногда его проницательность пугала девочку.

— Не знаю, — ответила Люция. — Не могу разобрать.

— Когда-нибудь у вас это получится, — заверил Заэлис.

— Надеюсь, — невозмутимо промолвила принцесса.

Девочка ощутила приближение Дуруна задолго до того, как услышала его голос. Император пугал наследницу излишней эмоциональностью. Он был подобен огню: быстро вспыхивал в гневе, переполнялся ненавистью, гордыней или какими-то не-

уемными желаниями. Ярость ослепляла Дуруна, и тогда поступки становились стремительными и необдуманными. В тихой, спокойной обстановке император испытывал скуку. Он не жаждал радостных ощущений и не обнаруживал склонности к наукам и самоанализу.

Дурун, придерживая небрежно наброшенный на плечи черный плащ, стремительно вошел в комнату и остановился напротив девочки. Императрица встала рядом; щеки ее пылали от гнева. Заэлис быстро склонил голову в поклоне, выражая глубокое почтение императору и его супруге. Люция присела в реверансе.

— Это она? — брезгливо бросил Дурун, даже не взглянув на наставника, будто его и не было в комнате.

— Как видите, Люция нисколько не изменилась с того раза, когда вы изволили навестить дочь, — невозмутимо произнесла Анаис.

Их разговор был продолжением спора по поводу необычных способностей девочки, завязавшегося еще в коридоре.

— Тогда я еще и понятия не имел, что пригрел на груди гадюку. — Дурун презрительно посмотрел на дочь. Наследница не отвела глаз, и ее лицо выражало безмятежное спокойствие. — Если бы не этот отсутствующий взгляд, — медленно произнес император, намеренно растягивая слова, — можно было подумать, что передо мной нормальный ребенок.

— Она — нормальный ребенок, — вспылила Анаис. — Вы столь же несправедливы к ней, как и Вироч. Он готов на... — Спохватившись, что едва не сказала лишнее, императрица замолчала и посмотрела на Люцию. Затем продолжила: — Неужели и вы способны на это?

— Надеюсь, вы сообщили наследнице, что все подданные настроены против нее?

Заэлис лишь беззвучно открывал и закрывал рот, слушая их перебранку. Он знал, что лучше не вмешиваться в разговор, даже чтобы защитить девочку. Император не стал бы слушать какого-то учителя.

— Вы разрушите государство своими замыслами, Анаис, — обвинял жену Дурун. — Если посадите девчонку на трон, это

приведет к расколу Сарамира. Начнется война. Каждая потерянная жизнь будет на вашей совести!

— Пусть так, — прошипела императрица. — Войны затевались и по менее важным причинам. Посмотрите на нее, Дурун! Люция — красивый, умный ребенок... ваш ребенок! Ваша дочь наделена всеми качествами, которые вы надеялись найти в наследнике! Не будьте пленником ненависти, замаскированной под рассуждения о соблюдении традиций. Вы слишком внимательно прислушиваетесь к мнению ткачей и слишком мало думаете сами.

— А вы? — гневно выкрикнул Дурун. — О чём думали вы, когда произвели на свет это... — Император ткнул пальцем в сторону Люции, которая спокойно наблюдала за перепалкой родителей. — Теперь вы используете аргументы, которые прежде презиралли. Она — урод, и я отрекаюсь от нее!

С этими словами Дурун запахнул плащ, круто повернулся и быстро вышел из покоев наследницы. Анаис гневно посмотрела мужу вслед. Но выражение лица императрицы смягчилось, как только ее взгляд упал на дочь. Она встала на колени перед Люцией, так, чтобы их лица оказались на одном уровне, и обняла принцессу.

— Не слушай его, моя дорогая девочка, — бормотала мать. — Твой отец не все понимает. Сейчас он сердится. Но со временем сможет все понять. Люди узнают обо всем и признают тебя.

Люция промолчала. Как правило, она редко отвечала в подобных случаях.

Глава 7

С тех пор, как Кайку покинула храм Энию на берегах реки Керрин, солнце уже шесть раз сменило на небе луну. И с каждым новым днем Тэйн беспокоился все больше.

На седьмой день, выполнив свои утренние обязанности, он ушел в глубь леса. Такие далекие прогулки не противоречили положению послушника. Путь в монахи в храме богини

Эню лежал не через соблюдение ритуалов и выполнение хозяйственных работ, а через слияние с природой и обретение внутренней гармонии. У каждого служителя храма был собственный способ успокоить душевное смятение. Тэйн все еще искал свой.

Весна подходила к концу, а лето еще не наступило. В эти жаркие дни лес был полон мошек. Тэйн блуждал между деревьев, обвязав рубашку вокруг пояса. Ружье на широком ремне болталась у него за спиной. Его сухощавое, загорелое тело лоснилось от пота, от духоты не спасала даже тень деревьев. Солнце клонилось к закату, и юноша повернулся назад к храму, дабы сумерки не застигли его в лесу. По ночам в чащобах всегда было небезопасно, а последнее время к старым опасностям добавились новые, пусты и неведомые.

Тэйн смотрел вокруг и не узнавал привычные места. В луках заходящего солнца лес казался особенно печальным.

Священники в храме украдкой перешептывались об испортившейся земле, о заболевшей почве. Богиня Эню слабела под влиянием каких-то неизвестных сил. Такие разговоры только расстраивали юношу. Что толку от священников богини природы, если они только и могут, что сидеть и оплакивать внезапную хворь земли? Какой смысл в молитвах и жертвоприношениях, если служители храма не способны защитить богиню? Против них выступили какие-то нечеловеческие силы. И преимущество было явно на стороне незримого противника.

Но не только эти вопросы, роившиеся в голове послушника, мешали Тэйну обрести спокойствие души. Несмотря на то что юноша упорно старался отвлечься, ему никак не удавалось забыть молодую женщину, которую он нашел в лесу. Ее лицо, голос, аромат тела не желали исчезать из памяти, как другие воспоминания. Послушника преследовал смех, доносившийся из соседней комнаты, когда Кайку чему-то радовалась. Юноша не мог забыть слезы, которые она проливала бессонными ночами. Тэйн представлял лицо Кайку, такое спокойное во сне, и думал, что никогда не встречал более прекрасной девушки.

Он проклинал себя за глупые, ребяческие обиды на Кайку. И с каждым днем воспоминания делались ярче и пронзительнее.

Юноша опомнился, лишь почувствовав под ногами ледяную воду. Короткий, но трудный подъем по грязной дороге привел к озеру, скрытому среди деревьев. С высокой, отвесной скалы в него водопадом обрушивался горный поток.

Тэйн уже бывал здесь прежде. В жаркие летние дни нет ничего лучше, чем погрузить истомленное зноем тело в холодную воду озера. Вот и теперь ему захотелось освежиться перед возвращением домой. Юноша разделился и окунулся в ледяную воду, моментально получив заряд бодрости. Он несколько раз нырнул, чтобы смыть с тела соленый пот. Почекувствовав, как холод начал сковывать мышцы, Тэйн быстро поплыл к берегу, торопясь быстрее выбраться на сушу.

В трех шагах от его одежды, укрывшись за деревом, стояла женщина. В руках у нее Тэйн заметил ружье. Незнакомка не сводила послушника пристальный взгляд.

Юноша остановился по щиколотку в воде и украдкой посмотрел на свое ружье, лежавшее поверх одежды. Он мог бы схватить ее прежде, чем женщина поднимет оружие. Но шанса выстрелить первым, если незнакомка действительно собиралась убить его, у Тэйна не было. К тому же его появление в этом месте скорее удивило, чем напугало женщину.

Незнакомка была чрезвычайно красива. Природа щедро одарила свою дочь, и даже невзрачная темная одежда не могла этого скрыть. Длинные черные волосы с несколькими рыжими прядями, выкрашенными охрой, свободно струились по плечам. Тэйн не заметил у нее на лице никаких признаков использования румян или чего-то еще. Женщина не носила украшений.

— Ты хорошо плаваешь, — сухо промолвила незнакомка вместо приветствия.

Тэйн, поколебавшись мгновение, решительно шагнул на берег, чтобы одеться. Собственная нагота не смущала юношу, но разговаривать с женщиной, стоя голышом по пояс в холодной воде, он не собирался. Незнакомка пристально наблюдала за тем, как юноша одевается. Штаны, натянутые на влажное тело,

тут же плотно облепили ноги и ягодицы. Тэйн резко забросил за спину ружье. Женщина по-прежнему не проявляла никаких враждебных намерений.

— Я ищу в здешних местах одного человека. — Незнакомка наконец прервала молчание. — Женщину по имени Кайку ту Макаима. — При этих словах Тэйн не сумел скрыть удивления. — Вижу, ты знаешь ее.

Тэйн провел руками по бритой голове, стряхивая капли холодной воды.

— Я знаю только то, что она очень сильно пострадала от кого-то, — ответил послушник. — Уж не ты ли всему виной?

— Нет. Я здесь ни при чем. Меня зовут Джин. Я всего лишь королевский гонец.

Женщина забросила ружье на плечо и шагнула к Тэйну, засучивая рукав. На ее правой руке от запястья до внутреннего сгиба локтя растянулась длинная витиеватая татуировка — символ гильдии королевских гонцов. Он удовлетворенно кивнул и представился:

— Тэйн ту Джерибос. Послушник храма богини Эню.

— Отлично. Значит, храм недалеко отсюда?

— Совсем близко, — подтвердил юноша.

— Ты можешь проводить меня туда? Скоро стемнеет, и оставаться в лесу небезопасно.

Тэйн бросил на женщину подозрительный взгляд, но откликаться не стал. Манера говорить свидетельствовала о хорошем образовании Джин, а возможно, и о знатном происхождении. Кроме того, обязанностью каждого было предложить убежище и помочь императорскому посыльному, а женщина к тому же отличалась редкой красотой. А еще юношу очень интересовало, зачем Джин понадобилась Кайку.

— Я отведу тебя в храм, — твердо произнес он.

— Расскажи мне о тех неприятностях, которые постигли Кайку, — попросила Джин, стараясь держаться рядом с юношей и не отставать.

— А ты взамен расскажи, что должна сообщить Кайку.

Джин громко засмеялась.

— Ты же знаешь, что я не могу этого сделать. Я поклялась жизнью, что сообщу новости только тому, кому они предназначаются.

Тэйн усмехнулся в ответ. Уныния как не бывало. Юноше захотелось развлечь спутницу, рассказав что-нибудь смешное.

Такие резкие смены настроения были для Тэйна не редкостью. Послушник предполагал, что причина кроется в его прошлом, но вспоминать о том, что когда-то случилось, не любил. Нередко он просыпался посреди ночи, вытирая со лба холодный пот и с ужасом вспоминая тень, стоявшую много лет назад перед маленьким мальчиком в дверном проеме. Тэйн до сих пор помнил тяжелое дыхание и руки, прикосновение которых доставило ему нестерпимую боль.

Дорога к храму оказалась не такой уж близкой, как казалось, но в разговоре с Джин время шло незаметно. Ее интересовало все, что касалось Кайку, но в своих рассказах Тэйн ни словом не обмолвился, куда направилась девушка. Он не решил еще, можно ли доверять королевскому гонцу. Тэйн чувствовал себя в ответе за Кайку. После того как он спас ее, выходил и вылечил, между ними возникла тонкая, едва уловимая связь. Именно поэтому послушник весьма осторожно отвечал на расспросы Джин.

Как ни торопился Тэйн, последние лучи солнца скрылись за деревьями, прежде чем они добрались до храма, и вокруг сгустился ночной мрак. Видимая часть луны Арии тускло мерцала над горизонтом. Яркая Иридима еще не появилась на небесклоне, а Нерин так и осталась скрытой облаками.

— Нам еще далеко? — поинтересовалась Джин, стараясь выяснить, не заблудились ли они.

— Уже близко. — Просчет во времени не лишил юношу хорошего настроения. — Не волнуйся, для того чтобы не сбиться с пути, мне хватит света и от одной луны. Я вырос в лесу и хорошо вижу в темноте.

— Я тоже, — усмехнулась Джин. Юноша повернулся к ней, собираясь подбодрить, и оторопел. Глаза девушки светились в лунном свете, как у кота. Они вошли в тень деревьев, и

блеск в ее глазах потух. Слова застряли у Тэйна в горле. Прослушник отвернулся и тихо пробормотал защитную молитву. Это небольшое происшествие окончательно укрепило юношу в решении ничего не рассказывать о Кайку и Мисани. По крайней мере до тех пор, пока он не выяснит истинные мотивы Джин.

Молодые люди почти добрались до храма, когда Тэйн внезапно замедлил шаг. Джин притихла за его спиной.

— Что-то не так? — прошептала она.

Тэйн бросил на спутницу быстрый взгляд. То, что случилось в лесу, напугало послушника, но сейчас разбираться было некогда.

Злая энергия сгустилась на поляне. Ощущение было слишком сильным, чтобы Тэйн мог им пренебречь.

— Деревья боятся, — пробормотал юноша.

— Они тебе это сами говорят?

— В каком-то смысле. — Тэйну не хотелось открывать Джин, каким образом он общается с природой.

— Думаю, я могу тебе доверять, — Джин откинула с лица волосы. — Мы уже подошли к храму?

— Он за этими деревьями, — прошептал Тэйн. — Вот это меня и беспокоит.

Молодые люди потихоньку двинулись вперед. Юноша с одобрением отметил, как бесшумно ступает Джин, но сердце его сжалось от предчувствия близящегося несчастья. Тэйн крепче сжал ружье. Еще несколько шагов, и они выбрались на край поляны, на которой стоял храм.

Здесь, в тени деревьев, Тэйн и Джин присели и осторожно осмотрелись. От храма путников отделяла лишь поросшая мягкой травой поляна, полого спускавшаяся к реке. В окнах храма неярко светились огни. В кронах деревьев над головами шумел ветер.

Большой желтый диск Арии стоял высоко в небе. В напряженной тишине не было слышно ни криков животных, ни журчания насекомых. Тэйн чувствовал, как мурашки бегут по спине.

— Здесь всегда так тихо? — прошептала Джин.

Тэйн не обратил внимания на вопрос, продолжая осматриваться. Ночью священники обычно находились в храме. Юноша еще несколько минут вглядывался в темные очертания здания, надеясь заметить признаки какого-либо движения внутри, но так ничего и не увидел.

— Возможно, я просто глупец. — Тэйн выпрямился, собираясь покинуть укрытие.

Джин ухватила послушника за руку, удивив неожиданной для девушки силой.

— Нет, — произнесла она шепотом. — Ты вовсе не глуп.

Тэйн оглянулся на спутницу и по выражению лица понял, что она тоже чувствует какую-то опасность.

— Ты чего-то боишься. — Послушник не спрашивал, а утверждал. — Знаешь, что нам угрожает?

— Подозреваю, — просто ответила Джин. — Нужно ждать.

Тэйн вновь укрылся в тени деревьев, не переставая наблюдать за храмом. Юноша знал каждый кирпичик, каждую черную балку, каждое окно, потому что прожил в доме богини Эню достаточно долго. Но все же он никогда не чувствовал себя в храме своим. Впрочем, где бы ни находился Тэйн, ему везде было одинаково неуютно.

— Смотри. — Джин тронула юношу за руку.

Но Тэйн уже увидел сам. По краю крыши, подобно огромному пауку, пробирался шин-шин. Мерзкое чудовище двигалось осторожно, темное туловище покачивалось на длинных ногах, а глаза светились, словно фонари. Тэйн наблюдал за демоном с нарастающим страхом. На поляне появилось еще одно чудовище. Монстр тоже направлялся к стенам храма, явно намереваясь взобраться наверх. Третий демон замер на крыше, уставившись в сторону их с Джин укрытия.

— Благословенная Эню... — торопливо начал молитву Тэйн.

— Нужно убираться отсюда. — Джин схватила послушника за плечо. — Мы уже ничем не поможем людям в храме.

Но Тэйн, казалось, не слышал ее. В этот момент один из священников появился в окне храма. Высунувшись наружу, он нахмурился и прислушался к лесной тишине, не подозревая, что темные демоны уже сидят на крыше святилища.

— Мы не можем сражаться! — Джин зашипела на юношу, словно рассерженная кошка. — У нас нет оружия, которое можно использовать против демонов!

— Я не могу допустить, чтобы эти чудовища расправились со спящими священниками! — возмущенно заявил Тэйн.

Оттолкнув от себя Джин, послушник резко выпрямился и выстрелил в воздух. В ночной тишине раздался оглушительный грохот. Пылающие глаза шин-шинов устремились на юношу.

— Демоны в храме! — закричал Тэйн изо всех сил. — Демоны в храме!

С этими словами он передернул затвор и выстрелил еще раз. Священник отскочил от окна, и до Тэйна донеслись громкие крики, которыми служитель пытался предупредить остальных о надвигающейся опасности.

— Идиот! — прорычала Джин. — Ты погубишь нас обоих. Бежим!

Девушка потянула Тэйна за собой, и юноша, едва не споткнувшись, последовал за ней. Вслед беглецам раздался пронзительный визг демона, и храбрость послушника вмиг улетучилась.

Один из монстров спрыгнул с крыши и погнался за ними. Следом соскочил и тоже пустился в погоню другой. В это время еще два демона пересекли поляну и беспрепятственно взобрались по стене в открытые окна храма. Изнутри донеслись отчаянные крики.

Тэйн и Джин бежали между деревьев, пригибаясь к земле и не обращая внимания на хлеставшие по лицу ветки. Они неслись, не разбирая дороги, и страх смерти придавал им сил. Позади, в полночной тишине слышался визг шин-шинов и странный треск. Это монстры переговаривались друг с другом на своем скрипучем языке.

Мысли путались в голове Тэйна. Он думал о том, что сейчас происходит в храме и удастся ли им с Джин спастись. Ин-

стинкт самосохранения гнал прочь, но, с другой стороны, послушник корил себя за трусость. Он хотел помочь священникам храма, в котором пытался найти истинный путь и искупить совершенные преступления. Тэйн знал о шин-шинах не понаслышке и понимал, чего боится Джин. Они оказались беспомощны перед надвигающейся опасностью. Им даже нечем было защищаться. Подобно большинству демонов, шин-шины страшились прикосновения железа, но даже пули останавливали чудовищ лишь на короткое время. Вступать же в бой с голыми руками было подобно самоубийству.

— Река! — неожиданно вспомнила Джин, откидывая с лица волосы. — Бежим к реке. Шин-шины не умеют плавать.

— Но здесь слишком сильное течение! — возразил юноша, но тут же вспомнил кое-что: — Там есть лодка!

— Давай! Ты впереди, а я — следом.

Тэйн помчался вниз по покатому склону холма. Джин не отставала. Спускаться было тяжело, земля осыпалась, камни выскальзывали из-под ног. Внезапно раздавшийся за спиной рык демонов напугал беглецов, и они, потеряв равновесие, покатились вниз. Тэйну удалось ухватиться за ствол дерева, росшего на склоне холма. Свободной рукой послушник подхватил девушку, скользившую мимо него вниз, и подтянул ее к себе.

Немного отдохнувши, беглецы осторожно сползли к подножию холма. Отсюда было рукой подать до реки. Силы остали Джин, и она повалилась на землю, но тут же вскочила и потянула Тэйна к воде. Рычание шин-шинов раздалось совсем близко.

— Сюда! — опомнился Тэйн, поворачиваясь спиной к реке.

Он кивком указал Джин на огромное дерево в десяти шагах. Мощные корни выбивались из-под земли наружу. Переплетаясь между собой, они образовали глубокую нишу, в которой можно было спрятаться. Тэйн снял со спины ружье, чудесным образом уцелевшее во время падения, и залез в нишу, притиснувшись между корней. Осталось место и для Джин. Девушка устроилась рядом, скавшись в комок. Через несколько секунд

совсем близко раздался глухой стук. Один из демонов спрыгнул с веток и уселся напротив дерева.

Тэйн и Джин перевели дыхание. Послушник чувствовал, как бьется сердце в груди девушки, и ощущал запах ее волос. Возможно, в другой ситуации это пробудило бы в нем желание — священники храма богини Эню не давали обета безбрачия, — но страх и напряжение сковали не только тело послушника, но и его чувства, поэтому Тэйн не мог думать ни о чем, кроме спасения. Из убежища были хорошо видны длинные веретенообразные ноги демона. Монстр ходил туда-сюда в поисках добычи, которую потерял из виду, когда люди кувырком полетели вниз, и теперь пытался вновь найти их след. До беглецов донесся топот. Это второй демон, преследовавший послушника с девушкой на склоне холма, присоединился к собрату. Его так же озадачило внезапное исчезновение добычи.

Послушник зашептал молитву, которую придумал сам еще в детстве. Тогда Тэйн представлял, что, произнося эти слова, становится невидимым, скрытым от любой опасности. Теперь же нескладный детский стишок помог постепенно успокоиться. И послушник громко зашептал другую молитву, обращаясь к богине Энию: «Защищи нас, богиня земли и плодородия, скрой от демонов!»

Шин-шины покачивались на длинных ногах, растерянно оглядывая склон и берег. Демоны догадывались, что жертвы прячутся где-то поблизости, но все же никак не могли их отыскать. Тэйн чувствовал, как по спине течет холодный пот. Иногда послушник ощущал на себе горящие взгляды и едва плотнее вжимался в землю. Если шин-шины обнаружат укрытие, беглецов уже ничего не спасет.

Время словно застыло. От напряжения ныло все тело. Один из демонов резко подпрыгнул, и Джин вздрогнула от испуга. Но теперь шин-шины почему-то смотрели совсем в другую сторону, противоположную той, где укрылись беглецы. Демоны чего-то ждали, нетерпеливо сучи ногами. Тэйн крепко сжал зубы и мысленно вновь обратился к богине Энию.

До молодых людей донесся новый звук, похожий на тяжелый топот. Тэйн догадался, что приближается животное, но какое — не мог понять.

Мучаться в догадках пришлось недолго. Рев медведя потряс поляну.

Демоны в неуверенности переглянулись и затопотали, стараясь напугать приближающегося зверя. Медведь взревел еще раз, поднялся на задние лапы и медленно двинулся в сторону шин-шинов. Демоны принялись рычать, скрипеть и бросаться на него, чтобы отпугнуть. Но медведь шел вперед, нисколько не опасаясь врага. Наконец он опустился на четыре лапы и с ревом понесся на демонов. Шин-шины, не выдержав натиска, отступили и, развернувшись, умчались в лес, выражая визгом и шипением недовольство по поводу постигшей их неудачи.

Тэйн перевел дыхание. Но теперь им угрожала другая опасность. Беглецы слышали тяжелую поступь медведя, приближавшегося к их убежищу, его громкое сопение, свидетельствующее о том, что зверь учゅял людей.

— Мое ружье... — прошептала Джин. — Если медведь найдет нас...

— Нет, — прошипел послушник. — Нужно подождать.

Внезапно в проходе перед ними возникла бурая мохнатая медвежья морда. Джин уже собралась нажать на спусковой крючок, чтобы выстрелом отпугнуть зверя, но Тэйн схватил девушку за запястье.

— Шин-шины услышат выстрел, — прошептал юноша. — Мы не боимся медведей в лесу богини Эню.

Послушник сам не слишком сильно верил в то, что говорил. Когда-то животные в лесу богини Эню были друзьями священников. Но зараза, поразившая землю в последнее время, сделала поведение зверей непредсказуемым.

Влажный нос медведя подергивался, чуя присутствие беглецов. Джин по-прежнему держала ружье наготове, чтобы выстрелить в случае нападения. Но медведь, фыркнув последний раз, отвернулся. Покрутившись возле дерева, зверь улегся на землю и заснул.

Джин зашевелилась.

— Почему он не напал на нас? — озадаченно пробормотала она.

Тэйн нервно усмехнулся.

— Медведи — священные животные богини Энию, также как рыбы у Паназу, обезьяны у Аспинис, лиса и ястреб у Ми-замча. Нужно благодарить богов, Джин. Думаю, мы спасены.

Край неба на востоке засеребрился. Ночь близилась к концу.

— Мы должны остаться здесь, — решительно произнесла молодая женщина. — Демоны вновь нападут на нас, если мы появимся в лесу до рассвета.

— Думаю, медведь остался здесь именно поэтому. — Тэйн кивнул на огромную тушу зверя, которая закрывала выход.

Несмотря на сопение медведя, лежавшего перед убежищем всю оставшуюся ночь, они уснули. Джин видела во сне языки испепеляющего пламени; ей было ужасно жарко. Тэйну, как всегда, снился звук шагов, приближающихся к двери в его спальню. И даже во сне его охватывал ужас.

Глава 8

Главный ткач Виррч шел по дворцу, еле передвигая ноги.

Его сутулое и усохшее тело прикрывали лохмотья. Изрытое язвами лицо скрывал бронзовый лик безумного древнего бога. Когда-то высокий и сильный Виррч горделиво ступал по этим коридорам. Но то было до того, как маска скрутила его и изломала душу. Как и все маски Истины, она была покрыта составом из колдовского камня, и ее ношение приносило владельцу не только силу и власть, но и страдания.

Виррч заплатил высокую цену за обладание бронзовым лицом. Его кости и суставы искривились, кожа по всему телу покрылась струпьями. Но взамен он стал главным ткачом, личным ткачом императрицы. А именно этого Виррч и добивался.

Ткачи были незаменимы в высших кругах сарамирского общества. Через них знатные люди могли мгновенно связаться

друг с другом, находясь на больших расстояниях и не прибегая к услугам курьеров, шпионить за врагами, а также следить за союзниками и возлюбленными. Сильный ткач умел незаметно избавить хозяина от опасного или ненужного человека. Преступление мог заметить только другой ткач. И даже тогда не было никаких гарантий, что убийцу подвергнут наказанию.

Но в основном услуги ткача использовали как средство для защиты от других ткачей. Только они могли воздействовать друг на друга. И если один благородный человек имел в услужении ткача, то его врагам следовало обезопасить себя.

Первые ткачи появились приблизительно два с половиной столетия назад. За прошедшие годы они стали залогом благополучия и безопасности знатных людей. Ни одно из благородных семейств не обходилось без их услуг. И несмотря на то что даже собственные хозяева презирали своих помощников, общество уже не могло существовать без ткачей.

Услуги ткача обходились недешево. Хозяин платил ткачу до самой его смерти. Но деньги эти шли отцам Предела в храмах, ковавшим маски, которые ткачи носили всю жизнь, используя заключенные в ликах токи силы. Обладатели масок Истины обходились без денег. Богачи были готовы выполнить каждое их требование, удовлетворить любую прихоть. Поэтому ткачи ни в чем не нуждались.

Плетение — опасное занятие. Ткачи впадали в безумие всякий раз, когда использовали свое умение. Требовались годы, чтобы овладеть искусством применения энергий, заключенных в маски. Их действие было сродни эффекту от применения наркотика. Рисунки, вытканные на полотне, вызывали эйфорию, но лишали разума и разрушали тело. Когда ткач приходил в себя, начиналась обратная реакция. Иногда это проявлялось в ужасной, убийственной депрессии; иногда начиналась истерия. А бывало и так, что ткач впадал в безумный гнев или им овладевала неутолимая жажда. Потребности у каждого различались. Но любое желание требовалось удовлетворить, иначе ткач мог умереть. Смерть ткача обошлась бы хозяину дороже содержания.

Ткачи были наемниками. Они продавали свои услуги тому, кто предлагал самую высокую цену. Но, единожды избрав хозяина, мастер служил ему до самой смерти. Еще не было случая, чтобы ткач перешел к другому человеку, польстившись на более высокую цену.

Души мастеров принадлежали Аддераху, большому монастырю в горе, который был сердцем их братства. Именно в Аддерахе хранились колдовские камни, без которых нельзя управлять заключенными в маске токами силы. Ткачи могли сделать все что угодно для своих хозяев, даже убить другого ткача. Но они никогда не предпринимали действий, которые могли подставить под удар Аддерах или помешать планам братства.

Виррч достиг дверей своих покоев, которые располагались в южном крыле дворца. По дороге ему встретилось не слишком много людей. Слуги предпочитали держаться от главного ткача подальше и не приближаться к нему без особой на то необходимости. Предпочтения Виррча были странными, но когда его охватывало безумие, запросы ткача оказывались воистину ужасными.

Главный ткач стал очень мнительным, подозревая каждого из слуг в желании обворовать его. Заметив шепчущихся людей, Виррч думал, что против него плетется заговор. Эти мысли не давали ему покоя. Он не унялся даже после того, как несколько слуг были казнены за кражу несуществующих вещей. После этого Виррч объявил, что никому из прислуги не разрешается входить в его покой. Они могли лишь приблизиться к двери, которая была всегда заперта. Главный ткач ни на минуту не расставался с ключом, и уже несколько лет никто не заходил в его комнаты.

Виррч вытащил тяжелый медный ключ, висевший на худой бледной шее, и отпер массивную дверь в конце коридора. Немного поколебавшись, он толкнул тяжелую створку. Какое-то животное выскочило наружу. Виррч обернулся и увидел пятнистого кота, который стремглав несся прочь. Лицо ткача, скры-

тое под маской, нахмурилось. Он не помнил, чтобы просил принести кота.

Ткач вошел в мрачную комнату и закрыл за собой дверь. Он не замечал зловония, поскольку то был запах его собственной разлагающейся плоти, смешанной с дюжиной других одинаково неприятных ароматов. Солнечный свет не пропускали внутрь покоев тяжелые, многослойные шелковые шторы на окнах, покрытые пылью и пропитанные дымом кальяна. Они делали комнаты мрачными даже в жаркий полдень.

Ткач прошел в зал, где находилась купальня. Он избавился от плававшего в воде голого тела весьма оригинальным способом, выпустив в воду ведро пираний. Хищницы сначала сожрали труп, а затем расправились и друг с другом. Теперь в красной от крови воде плавали лишь куски плоти и ошметки внутренностей.

Ткач с отвращением посмотрел на покосившуюся кровать, на которой все еще лежали разлагающиеся останки. Это его уже раздражало. Нужно бы избавиться и от них, но сейчас перед Виррчем стояла более важная задача.

Завтра императрица предстанет перед советом. В сложившейся ситуации династия Эринима оказалась под угрозой.

Знатные семейства разделились на два враждующих лагеря. Одни готовы оказать поддержку императрице в ее стремлении передать трон дочери. Другие собирались выступить против и уйти в оппозицию.

Союзников династии Эринима оказалось больше, чем ожидал Виррч. Известия о том, что отклонения Люции не опасны и внешне никак не проявляются, мигом облетели Сарамир. Многие богатые семьи, поддерживающие клан Эринима, решили присоединиться к лагерю союзников. Даже клан Бэтик, к которому принадлежал муж Анаис, выразил согласие поддержать императрицу, несмотря на очевидное отвращение Дуруна к ребенку. Члены семьи полагали, что традиция наследования не должна прерываться, и не видели причин, по которым Люция не могла бы занять трон. Другие знатные, но не такие древние семейства, тоже ратовали за идею сохранения традиций. Они

надеялись, что за поддержку императрицы смогут получить награды и признание.

Виррча это встревожило, но он не собирался сдаваться. Сарамирское общество еще не до конца определилось в своем выборе. Весы могли качнуться в любую сторону.

И главный ткач намеревался склонить чашу этих весов не в пользу своих нынешних хозяев. Восшествие на трон Люции угрожало не только ткачам, но и Аддераху. Поэтому он ждал удобного момента, чтобы предать императрицу и ее дочь.

Виррч усился около купальни и, расслабив мышцы, подготовился ждать, пока боль, сопровождающая процесс погружения в рисунок, прекратится. Не позволяя дыханию участиться, главный ткач отметил, что тело постепенно начало цепенеть, избавляясь от болезненных ощущений. Маска стала нагреваться. Ее поверхность мерцала в сумраке комнаты зелеными бликами.

Внедрение в сплетенный рисунок походило на выныривание из темной воды к сияющим небесам. Сначала Виррч опускался вниз, ощущая давление воздуха, распирающего легкие, которые уже почти разрывались на части от сдерживаемого дыхания. Затем, оттолкнувшись, устремился вверх, чтобы вынырнуть на поверхность. Глоток свежего воздуха привел его в безумный восторг, и он поплыл дальше между нитями рисунка.

Эйфория, в коей пребывал Виррч, обостряла все ощущения. Обычные человеческие чувства поблекли по сравнению с тем, что он испытывал сейчас. Какое-то время ткач бился в судорогах нестерпимого сладострастного наслаждения, выворачивавшего тело наизнанку. И только огромным усилием воли ему удалось выйти из состояния немыслимого блаженства и приступить к опасному ремеслу.

Опытный ткач должен уметь постоянно держать под контролем мысли, чувства и действия. Прикосновение к рисунку не подготовленного человека равносильно самоубийству.

Сейчас Виррч оказался в поместье Бэрака Зана ту Икэти, на службе у которого состоял молодой и талантливый ткач Табакса. Но на этот раз Виррч отправился туда не для того, что-

бы передать сообщение от императрицы или провести переговоры по ее поручению. Главный ткач проник на территорию Табаксы тайно.

Когда-то Икэти принадлежали к союзникам династии Эринима. Но настоящими друзьями семейства так и не стали — уж слишком разными были их интересы. Тем не менее члены обоих кланов не стремились к обострению разногласий, сохраняя нейтралитет.

Семья Икэти, будучи не слишком богатой и не обладая обширными земельными площадями, имела множество вассалов, присягнувших ей в личной верности. До начала правления династии Эринима на троне Сарамира восседали Икэти, и многие из принятых в то время законов действовали до сих пор. Теперь клан утратил былое могущество, но когда дело доходило до принятия ответственных решений, где во внимание принимался каждый голос, с мнением этой семьи считались все члены совета.

Зан заключил тайное соглашение с императрицей. Это означало, что Икэти окажут ей поддержку на завтрашнем заседании совета.

Анаис знала — не следует прибегать к услугам Виррча, чтобы послать сообщение Зану. Женщина мудро рассудила, что не может полагаться на его верность в деле, касающемся Люции. Именно поэтому, не доверяя главному ткачу, императрица сама пригласила Зана на тайную встречу во дворце.

Неприязнь, которую испытывала Анаис, была Виррчу только на руку. Благодаря этому, у него появилось время для занятий собственными делами. К тому же дворец был территорией ткача, где для него не существовало тайн. Он мог слушать все разговоры и проникать в любое помещение дворца, никого не предупреждая.

Анаис возлагала большие надежды на поддержку семьи Икэти при обсуждении в совете вопроса о престолонаследии. Императрица рассчитывала получить большинство голосов или хотя бы сдержать открытое недовольство со стороны многих

членов совета. У Виррча на этот счет имелись свои замыслы. Он планировал склонить Зана на сторону оппозиции.

Даже главному ткачу это предприятие казалось опасным. Но наступали тяжелые времена, и приходилось рисковать. Вот только если его участие в заговоре против императрицы обнаружится, Анаис без труда расправится с опостылевшим мастером. Установленные правила запрещали хозяевам избавляться от ткачей только потому, что те начинали раздражать своих владельцев. Но тот, кто решался предать хозяина, немедленно объявлялся вне закона.

Положение ткачей зависело от того, насколько им можно доверять. Знатным семьям не нравилось исполнять многочисленные, порой самые низменные прихоти своих помощников. Никто не чувствовал себя в безопасности рядом с теми, кто способен читать мысли. Ткач в любой момент мог раскрыть планы своих хозяев их врагам. Но без этих людей обширная империя никогда не стала бы сильным государством. И все же ткачи оставались лишь инструментами в руках знатных семей. В случае предательства их выбрасывали так же, как и пришедший в негодность инструмент.

Ткачи постоянно балансировали на лезвии ножа. Разоблачение главного ткача могло подорвать репутацию Аддераха, заработанную десятилетиями. При одном лишь подозрении на то, что ткачам нельзя доверять, на них обрушилось бы ужасное возмездие. Безопасность всего братства оказалась бы под угрозой. Знать смогла бы безнаказанно менять одного ткача на другого. И Анаис стала бы первой, кто воспользовался бы этим правом.

Виррч был слишком слаб, чтобы выжить без хозяина. Нужно тщательно просчитать каждый шаг, размышлял ткач. Но трезвые мысли тонули в эйфории путешествия между нитями рисунка.

Табакса был непростым противником, поэтому Виррч хорошо продумал план действий, полагаясь на свою хитрость. Ни Зан, ни его сторожевой пес не должны догадаться, что кто-то внушает им свои мысли, настраивая против императрицы.

Табакса, как паук, оплел свою территорию сетью, поэтому Виррч поначалу не мог понять, где начинается и где заканчивается рисунок. Ткач Итэки продолжил создавать Узор, начатый много лет назад его предшественниками. При виде этого полотна Виррч испытал страх.

Необъятность сети потрясала. Она висела в абсолютной черноте. Слой накладывался на слой, Узор расплзлся во все стороны, словно плющ, цепляясь за нити, которые казались слишком тонкими, чтобы удержать эту машину. Но плетение выглядело намного сложнее, чем обычная паутина. Здесь все шло вразрез с законами физики, сети сходились под невозможными углами, и нельзя было понять, как они соединялись. Нити цеплялись за что-то в глубине рисунка, невидимое на поверхности. Легкая вибрация ощущалась в сложной конструкции Узора, словно волокна переговаривались между собой. В воздухе витал дух смерти.

Виррч мысленным усилием заставил себя успокоиться. Иначе противник мог догадаться о его присутствии. Главный ткач знал, как понять всю сложность рисунка и не сойти с ума. Виррч парил в пустоте и, отпустив на свободу чувства, осторожно исследовал плетение, стараясь найти прореху. Слои рисунка раскрывались перед ним, как страницы книги. Каждый представлял определенный уровень защиты, который мог сработать в любой момент, предупредив Табаксу о неожиданном вторжении. Словом, сеть была выполнена очень искусно и тщательно, хотя и не настолько, чтобы главный ткач не проникнул сквозь нее.

Силой мысли Виррч увеличил частоту колебаний нитей. Лишь несколько ткачей умели пользоваться этим приемом, входя в чужой рисунок. Виррч был одним из них. То, что ему удалось увидеть, порадовало.

Табакса был не настолько осторожен, чтобы поставить защиту по всей поверхности рисунка. Удовлетворенный сделанным открытием, главный ткач осторожно двинулся вперед, обходя ловушки, разбросанные по периметру сети. Он проходил между нитями, стараясь не задеть их и ощущая присутствие Табаксы, находившегося где-то поблизости.

Внезапно Виррч ощутил вибрацию и увидел нависшее над ним энергетическое облако, почти прозрачное и плоское, перемещающееся между прорехами в рисунке. Пришли в движение и другие сгустки энергии. Но, похоже, ни одно не направлялось к нему. Ткач замер, пока они проплывали мимо, словно легкие облака.

«Юнец, оказывается, вовсе не глуп. Я прежде никогда не видел такой защиты».

Сгустки энергии были стражами. Они перемещались с одного слоя на другой, реагируя на каждое колебание нитей. Если бы Виррч попытался проникнуть через сеть, как обычно, то не заметил бы этих энергетических облаков до тех пор, пока они не обнаружили бы постороннего и не сообщили о его присутствии Табаксе.

Главный ткач наслаждался своим мастерством. Он медленно и осторожно погружался вглубь рисунка, к самому центру. Создавалось впечатление, что через прорехи проникает ветер, заставляя нити вибрировать. Оказалось, Табакс установил сигнальную сеть поперек полотна, чтобы обнаружить присутствие непрошеных гостей. Но и эта уловка не остановила Виррча. Он все глубже внедрялся в ткань Узора, умело ускользая от вибрирующих серебряных нитей.

И тут ткач совершил промах. Сеть вокруг него лопнула с оглушительным треском, ошеломив какофонией звуков. Виррч запаниковал и заметался, но быстро пришел в себя и лихорадочно начал обдумывать сложившуюся ситуацию.

Ничто не предвещало провала! Он действовал очень осторожно!

Главный ткач почувствовал резкое, стремительное приближение Табаксы. Противник, оповещенный сторожами о вторжении непрошеного гостя, устремился в глубь сети, чтобы поймать злоумышленника. Виррч попробовал отступить и скрыться прежде, чем будет опознан, но тут же понял, что оказался в ловушке. Его заманили в капкан. В отчаянии ткач все-таки переместился, отступив в зону нормальной частоты колебаний. И там, к своему ужасу, оказался охвачен скольз-

кой желеобразной субстанцией, похожей на прозрачную мерзкую амебу, которая стиснула его сознание.

Виррч разразился проклятиями. Кроме энергетических сгустков, видимых исключительно при высокой частоте колебаний нити, молодой ткач использовал и других сторожей. Они становились заметными только при нормальной частоте вибраций. Виррч попал в ловушку. Он не догадался, что нужно лавировать, постоянно переключаясь с одной частоты на другую.

Взвешенный неудачей, главный ткач уничтожил амебу яростным ментальным ударом, в клочья разорвав стягивающие сознание нити. Но Табакса был уже рядом. Перевоплотившись в огромного паука, он стремительно приближался, ловко скользя по нитям сети. Столкновение было неизбежным. Теперь Виррч не мог скрыться так, чтобы остаться незамеченным. Табакса наверняка уже увидел соперника и узнал его.

«Проклятие», — злобно подумал главный ткач.

Виррч вырвался из окружавших его сторожевых ловушек и направил мощный удар в тело паука. Мир вокруг распался на лес разрозненных нитей. Главный ткач стремительно двигался среди них, сплетая по своему усмотрению и контролируя вибрацию. Табакса шел за ним по пятам. Виррч ощущал присутствие противника, его недовольство. Молодого ткача озадачило тайное проникновение Виррча на чужую территорию, но он был полон желания наказать старого, опытного ткача. Наказать смертью.

События развивались так быстро, что разум не всегда поспевал за ними. Каждый искал канал, по которому можно было проникнуть в сознание противника. Соперники делали ложные выпады, увертывались друг от друга и, сплетая нити, выстраивали цепь ловушек с приманками. Один ткач пытался нащупать слабые места в защите другого, чтобы нанести решающий удар. Управляя нитями полотна, они отступали и нападали, заманивали противника, создавали лабиринты или отчаянно раскручивали сложный узел, перекрывая канал, чтобы ускользнуть от врага.

Но опыт в конце концов сделал свое дело, и Табакса допустил промах. Виррч заманил его в канал, заканчивавшийся тупиком, оставив внутри приманку. Со скоростью и мастерством, непревзойденными другими ткачами, он опутывал юнца тугими узлами, закупоривая выход из ловушки. Молодой ткач попытался вырваться из западни, но тут же попал в другую. Время, отпущенное на спасение, истекло. Виррч был уже недосягаем, создав собственную защиту. Главный ткач нашупал слабое место в сознании Табаксы и проник внутрь. Он ворвался туда, словно гарпун в тело кита, разрывая мозг противника...

Виррч чувствовал, как сознание соперника затухает и силы оставляют его. Табакса бился в агонии на полу своей спальни, растерзанный ментальной силой Виррча. Главному ткачу не оставалось ничего другого, как срочно скрыться с места преступления, не задерживаясь ни секунды в Узоре Табаксы. Дух смерти шел за ним по пятам, и он возвращался назад, в свое трясущееся от ярости тело...

Виррч пришел в себя. С остановившимся взглядом он сидел возле бассейна в тусклой, грязной комнате. Не в силах совладать с охватившим его почти безумным бешенством, старик громко закричал. Он, главный ткач, попал в западню, которой с легкостью избежал бы еще год назад. Небрежность привела к тому, что ему пришлось перешагнуть ту грань, за которой ткач становился изгоем для соратников по ремеслу. Виррч не мог понять, где просчитался и допустил ошибку. Почему его сознание не соединило воедино мысли, опыт, инстинкты и не использовало их в момент опасности? Он, один из сильнейших и могущественных ткачей на свете, все же попался в ловушку Табаксы и был вынужден убить противника, чтобы остаться неузнанным. Кроме того, ему не удалось даже приблизиться к Зану. Провал, полный провал.

Виррч вскочил на ноги. Еще один дикий вопль вырвался из его изможденной груди. Главный ткач схватил лежавшие на кровати разложившиеся останки и швырнул их в бассейн. Затем отбросил стоявшее в углу комнаты украшение из кристаллов. Оно рухнуло на пол и разлетелось мелкими осколками по ка-

менным плитам. Подобно вихрю, главный ткач пронесся через покой, сметая и круша все, что попадалось на пути. Под конец Вирроч забился в истерике, словно ребенок, и, упав на пол, принялся царапать ногтями каменные плиты.

Боль от сорванных ногтей вернула к реальности. Несколько минут главный ткач лежал, задыхаясь, прежде чем смог подняться и доковылять до переговорного устройства, встроенного в стену и соединявшего покой с комнатой его личных слуг.

— Приведите мне ребенка! — простонал он. — Ребенка... все равно какого. Доставьте мне ребенка и... и принесите мой мешок с инструментами. И еды! Я хочу мяса! Мяса!

Не дожидаясь ответа, Вирроч вновь бросился на пол. Грудь его тяжело вздымалась. Ткач ждал, не утирая сочившуюся изо рта слону. Он не знал, что произойдет, когда ребенок окажется в комнате. Но был уверен — это доставит ему удовольствие.

Глава 9

Семья Тамак жила в противоположной от императорского квартала стороне, но Мисани предпочла пройтись пешком по двум причинам. Во-первых, выдался чудесный день, с моря дул прохладный северный бриз, принося облегчение задыхающемуся от жары городу. Во-вторых, девушка хотела, чтобы ее визит остался в тайне.

Улицы императорского квартала были шире, чем во всем остальном городе, а движение менее оживленным. Вдоль дороги росли высокие, древние деревья, опавшие листья подметались каждое утро с прямоугольных каменных плит. Вода из фонтанов стекала по декоративным желобам, собираясь в чащах, из которых прохожие могли утолить жажду.

Мисани шла мимо домов, принадлежавших знатным семействам, о чем свидетельствовали фамильные гербы, укрепленные над створками ворот. В императорском квартале находились не только богатые особняки высшей знати, входившей в совет, но и дома попроще, в которых жили менее благородные и знатные люди.

Девушка, прищурившись, посмотрела на императорский дворец — его крыша и купола ярко сверкали под лучами солнца. Сейчас там проходило заседание совета, на котором Мисани стоило бы присутствовать. Наследница престола оказалась порченой, и императрица, стремясь удовлетворить свое честолюбие, делала все возможное, чтобы за ее дочерью признали право на трон.

Мисани считала подобную затею глупой и необдуманной. Прежде всего, Люции уже исполнилось восемь лет. А самое главное заключалось в том, что влиятельные и знатные семейства ни за что не позволят порченому управлять Сарамиrom.

Отец, конечно, ужасно рассердится, что дочь не явилась на заседание, где ему предстояло выступать. Глава семейства Колай не поддерживал императрицу в стремлении возвести Люцию на престол. Но у Мисани возникли кое-какие дела, которые необходимо сделать, пока всеобщее внимание сосредоточено на событиях, происходящих во дворце.

Разногласия среди знатных семейств, вызванные известием об отклонениях наследницы императорской династии, стремительно нарастали. Давние союзники превратились в противников, не желавших искать пути примирения и сглаживания разрастающегося конфликта. И ее отец — яркий тому пример. Подумав об этом, Мисани презрительно усмехнулась.

Отец и сановник Чел, глава семьи Тамак, еще месяц назад были политическими союзниками и хорошими друзьями. Мисани часто сопровождала отца во время визитов в особняк Тамака. Но Чел поддержал императрицу в вопросе престолонаследия. Это вызвало ожесточенные споры между двумя друзьями. Наговорив друг другу в пылу ссоры много неприятных слов, мужчины превратились в непримиримых врагов, порвав всяческие отношения между семьями.

Это очень огорчило Мисани. В доме семьи Тамак жил мудрый старый ученый по имени Копаний, посвятивший всю жизнь изучению старинных масок.

И теперь, не обращая внимания на политические разногласия, разъединившие оба семейства, девушка намеревалась по-

видаться со стариком. Она сильно рисковала. Если бы Мисани застали здесь, то пострадала бы репутация всей семьи Колай. И причина, по которой девушка оказалась в доме врага, не послужила бы достаточным оправданием, хотя у нее имелись очень веские основания, чтобы решиться на такой отчаянный шаг. Единственным ключом к разгадке убийства семьи Кайку оставалась маска, которую Мисани прятала под синей рубашкой. И раскрыть тайну древнего лика мог лишь Копаний. Именно поэтому она так стремилась добраться до ученого.

Мисани волновалась за подругу и думала о Кайку все время, пока шла по освещенным ярким солнцем извилистым улицам императорского квартала, по его площадям, выложенным мозаикой, вокруг которых располагались трактиры и темные здания монастырей. Дорога сузилась и привела девушку к маленькому парку, где прогуливались парочки, сидели на траве художники с кистями в руках и холстами на коленях, и носились по лужайкам бродячие коты.

Мисани жила здесь давно и хорошо знала, что в уютных садах на скамейках под арками могут плестись грязные интриги. Хотя внешне в императорском квартале всегда царили спокойствие и порядок — в отличие от всего остального города, душного и суматошного. Поэтому девушка предпочитала покой и красоту этих улиц, стараясь избегать посещений шумных и суетливых Кварталов Бедняков или Рыночного.

Но сегодня Мисани не могла наслаждаться великолепием и тишиной императорского квартала. Ее мысли полностью занимала история, рассказанная Кайку. Если все это правда, а она не сомневалась в искренности подруги, то ситуация очень серьезная. Похоже, подруга на самом деле верила, что в нее вселилась демоническая сила. Или же Кайку просто обезумела после гибели семьи, и воспаленное сознание сочинило историю о шиншинах и трагической смерти Азары.

Мисани не видела никаких признаков сумасшествия подруги или присутствия внутри нее чего-то постороннего. Все, о чем рассказала Кайку, пока никак не проявлялось. Скорее всего у нее некое легкое психическое расстройство. А если нет?

Несмотря на жаркий солнечный день, по коже пробежал холодок. Мисани вздрогнула.

О боги, неужели демон вселился в Кайку? Что она слышала о духах? Лишь какие-то глупые истории о темных, злых силах, которые обитают в непроходимых лесах и неприступных горах; в тех местах, до которых невозможно добраться. Но демоны никогда не вызывали у Мисани интереса. Говорили также о нарастающей враждебности животных. Это явление теперь постоянно обсуждалось в тех местах, где ей довелось бывать. Да и священники храмов богини Эню беспрестанно предупреждали о распространяющейся болезни. Мисани такие разговоры не сильно волновали, пока она не столкнулась с тем, что в подругу, возможно, вселилась какая-то темная сила.

Мисани терялась в догадках. Но если есть вопросы, то должны быть и ответы. Они обязательно найдут их. Только сначала нужно решить другую задачу.

Дом семьи Тамак находился на склоне холма. Фундамент особняка опирался на искусственный каменный утес, выравнивавший поверхность земли. Это было приземистое, квадратное здание с плоской крышей и бежевыми стенами, облицованными в некоторых местах темными панелями из полированной древесины, без каких бы то ни было украшений. На фасадах отсутствовали даже обычные для Сарамира изображения богов. Ниже особняка располагались сады и естественная лужайка с извилистыми дорожками, мощенными каменными плитами, вдоль которых были посажены яркие цветы. Владельцы дома во всем придерживались минимализма, не очень свойственного Сарамиру.

Мисани хорошо знала расположение здания, поскольку часто бывала здесь с отцом. К центральному входу вела широкая наезженная дорога. К задней части дома вверх по холму шла узкая тропинка, посыпанная песком. По ней и направилась Мисани.

Она подошла к задней калитке, которой обычно пользовались слуги, и остановилась.

Девушка рассчитала время прихода очень точно. Через несколько минут маленькая, болезненного вида служанка приоткрыла ворота и выглянула на улицу. При виде девушки ее глаза расширились от удивления.

— Госпожа Мисани, — воскликнула служанка, побледнев, и посмотрела по сторонам. — Вы не должны здесь находиться.

— Я знаю, Ксами. Идешь на рынок за мукой?

Ксами кивнула.

— Я так и думала. Ты, как всегда, пунктуальна. Твой хозяин должен быть доволен.

— Мой хозяин... ваш отец... никто не должен видеть, что вы разговариваете со мной! — разволновалась Ксами.

Мисани, наоборот, была очень спокойна и говорила неторопливо и уверенно.

— Ксами, у меня к тебе дело.

— Госпожа... — неохотно начала служанка, все еще стоя между створками ворот, закрывавшими ее почти полностью, словно щит.

Мисани сунула в руку девушки несколько сложенных пополам купюр.

— Ты помнишь, как я помогала тебе, когда твой хозяин и мой отец еще дружили?

Ксами спрятала деньги за пазуху, стараясь не смотреть на госпожу. Глубоко посаженные бесцветные глаза бегали по сторонам, выдавая замешательство и нерешительность.

Мисани много раз передавала любовные письма Ксами молодому человеку, служившему в доме Колай. Тогда это казалось ей интересным приключением, но теперь воспоминания о неуклюжих попытках Ксами объясняться с предметом страсти грубыми стихами на низком сарамирском вызвали усмешку. Однако сейчас это могло служить прекрасным поводом для шантажа служанки.

— Впусти меня, Ксами, — настойчиво попросила Мисани. — Если меня поймают, я никому не расскажу, что ты мне помогла. Обещаю.

Поразмышляв несколько минут, Ксами преодолела нерешительность и полностью распахнула одну створку ворот. Девушка вошла, и служанка проворно захлопнула ворота.

Мисани оказалась в узком, оплетенном виноградной лозой проходе, который вел к тыльной стороне особняка, где находились помещения для слуг. В империи было принято, чтобы знатные семьи держали в услужении большое количество дворовых людей. Это подчеркивало богатство и придавало больший вес в обществе. Копаний не являлся слугой. Старик занимался наукой и находился на содержании у Чела.

Вспомнив об этом, Мисани подумала об отце Кайку, Руито ту Макайма. Если бы он находился на содержании у знатного, богатого человека, то у кого-нибудь из окружения хозяина могла найтись причина, чтобы расправиться с семьей Макайма. Но в данном случае дела обстояли иначе. Руито ни от кого не зависел. Он был достаточно богат, чтобы жить без покровительства. Его работы по философии высоко ценились в образованных кругах империи и приносили достаточно денег для безбедной жизни.

Мисани направилась к задней части дома. Она не собиралась прятаться и шла спокойно и уверенно. Все слуги занимались своими делами в доме. Похоже, никто из них не собирался выходить во двор. Девушке повезло, и она смогла проскользнуть в дом через заднюю дверь необнаруженной.

Внутри дом был просторный, с деревянными полами, натертymi воском, и небольшим количеством мебели. Кое-где на стенах, привлекая взгляд, висели яркие панно. Широкая лестница вела наверх, где находились личные покой главы семьи и его близких, а также хранилище фамильных ценностей.

У Мисани не было никакого шанса попасть туда, так как лестницы всегда охранялись. Но кабинет Копания располагался на первом этаже, поблизости от той двери, через которую она вошла в дом. Мысленно обращаясь к богу удачи Шинту, девушка пробиралась по широкому коридору в надежде, что никто не обнаружит ее.

Похоже, Шинту улыбнулся Мисани. Она добралась до кабинета, не встретив по дороге ни одной живой души. Вместо привычного занавеса или ширмы эту комнату от коридора отделяла тяжелая деревянная дверь. Старый ученый ценил уединение.

Девушка постучалась, и спустя мгновение на пороге кабинета возник Копаний. Ученый раздраженно посмотрел по сторонам, выискивая глазами того, кто посмел помешать его размышлениям.

Раздражение на лице старика сменилось замешательством. Но прежде, чем он успел задать девушке какой-нибудь вопрос, Мисани, приложив палец к губам, проскользнула внутрь и закрыла за собой дверь.

В кабинете стояла духота. Несмотря на распахнутые настежь ставни прохладный ветер с моря не проникал сюда. Низкий стол был завален свитками и рукописями. Повсюду стояли различные украшения, отсутствовавшие в остальной части дома: выпленная из глины рука; череп с прозрачными драгоценными камнями вместо зубов; изображение Нариса, бога, покровительствующего ученым, и сына Исузи, богини мира, красоты и мудрости. В комнате царил ужасный беспорядок, выдававший беспокойный характер владельца.

— О боги! Кого я вижу! — воскликнул ученый. — Госпожа Мисани, дочь новоиспеченного врага моего хозяина. Готов поспорить, что вас привело ко мне какое-то важное дело. И вы сильно нуждаетесь в моей помощи, рискнув ради этого пропустить заседание императорского совета.

Мисани внимательно посмотрела на ученого и про себя улыбнулась. Он, как всегда, был стремителен в движениях, этот худой, смуглолицый старик. Одежда все так же болтала на высохшем теле, а глаза по-прежнему ярко блестели. И что самое главное, Копаний, несмотря на свой почтенный возраст, до сих пор был способен размышлять.

Мисани решила сразу приступить к делу, обойдясь без долгих предисловий, и вытащила из-под рубашки маску.

— Эта вещь принадлежит моей подруге. Нам необходимо узнать о ней как можно больше. Это все, что я могу рассказать.

Копаний пристально посмотрел на девушку, делая вид, что обдумывает ее слова. Но не трудно было заметить, что взгляд его не отрывался от маски. Ученый не боялся своего властного господина и всегда был готов поделиться знаниями, не делая из них секрета.

С недоумением, приподняв одну бровь, стариk взял маску и повертел ее в руках.

— Вы сильно рискуете, прибыв сюда, — пробормотал он.

— Я хочу помочь подруге, попавшей в беду, — ответила девушка. — Риск, конечно, есть, но, прежде чем прийти к тебе, я все хорошо взвесила.

— В самом деле? Хорошо, я больше не буду ничего спрашивать, госпожа Мисани. Надеюсь, что смогу хоть немного помочь.

Учёный положил маску на небольшую деревянную подставку так, чтобы на нее падали солнечные лучи, затем достал маленький керамический горшок, наполненный каким-то порошком, напоминающим пыль. Копаний нанес вещество на поверхность маски. Мисани молча стояла у стены, с интересом наблюдая, как пыль засверкала на солнце.

— Закройте ставни, — требовательно произнес учёный. — Нет, не эти — другие.

Мисани, не говоря ни слова, повиновалась. Она закрыла ставни на всех окнах, кроме одного, через которое на маску, покрытую пылью, падал свет. Через некоторое время Копаний приказал гостью закрыть и его. Комната погрузилась в темноту. Ученый повернул маску так, чтобы гостья тоже могла видеть происходящее. Маска тускло засветилась, фосфоресцируя в темноте, но уже через мгновение свечение исчезло.

Копаний велел вновь открыть ставни. Девушка, заинтригованная происходящим, безропотно выполнила и это требование. Дождавшись, пока в комнату ворвется солнечный свет, учёный снова склонился над низким столом и счистил с маски пыль. Осторожно повертел в руках. Поднес ухмыляющийся лик

к лицу, чтобы не коснуться его. Потом, закрыв глаза, застыл в размышлении. Мисани терпеливо ждала, стоя на коленях напротив него, время от времени откидывая с лица непослушные волосы.

Наконец Копаний открыл глаза.

— Это маска Истины. С помощью пыли колдовского камня ей придали магические способности. Однако изготовлена она совсем недавно. Полагаю, меньше года назад. За это время у нее было два владельца. Но ни один из них не обладал сколько-нибудь примечательной ментальной силой. Этот предмет, конечно, ценен. Но по сравнению с остальными масками Истины этот лик просто младенец.

— Как ты узнал все это? Я потрясена. — Мисани с восхищением посмотрела на ученого.

Копаний пожал плечами.

— Я не могу сообщить ничего определенного. Маска Истины собирает силу своих владельцев... или, скорее, вытягивает ее из них. Существуют различные способы, чтобы отличить маску Истины от остальных и определить ее возраст. Но только немногие могут это сделать. Конечно, есть простой способ узнать больше, но я не рекомендую его.

— В чем же он заключается?

— Нужно надеть ее на свое лицо и стать хозяином маски. — Копаний кисло улыбнулся.

— Но ведь любой, кто это сделает, если только он не ткач и не обучался их ремеслу, умрет.

— Вовсе нет. Это всего лишь распространенное заблуждение. — Копаний потянулся. Что-то хрустнуло у него в позвоночнике. — Конечно, чем старше маска, тем больше опасность. Но эта еще молода и впитала в себя немного чужой силы. Поэтому если бы вы или я надели маску, то не испытали бы никаких губительных последствий. Возможно, смельчак окажется во власти кошмаров или начнет плохо ориентироваться в пространстве. Шанс узнать что-то новое невелик, но существует. Хотя, повторюсь, я не настаиваю. Определенный риск все-таки

присутствует. Если человек окажется восприимчивым, может последовать безумие, а то и смерть.

— Ты можешь определить, где она сделана?

— Это совсем просто. Все признаки очевидны. Видите этот волнистый рисунок на дереве изнутри? И углубление для носа? Это сделал один из отцов Предела с острова Фо. Но не могу сказать, в какой его части. Я предполагаю, что на севере, исходя из того, что в манере резчика отсутствуют приемы, используемые мастерами с материка. Тот, кто вырезал эту маску, не имел связи с мастерскими в южных портах Фо или же отвергал ремесло великих мастеров Сарамира. — Копаний вернул девушке темно-красное ухмыляющееся лицо. — Вот все, что я могу сказать.

— Этого более чем достаточно, — девушка поклонилась старику. — Я тебе очень благодарна. Теперь мне нужно уходить. Боюсь, я навлекла на тебя опасность.

Ученый засмеялся и поднялся с коленей.

— Вряд ли, госпожа. Я провожу вас к выходу, — предложил он. — Позвольте мне отвлечь от вас внимание прислуки, и тогда вы сможете выйти через задние ворота. Вы знаете, где они находятся?

— Да.

— Я так и думал, — усмехнулся Копаний, открывая перед гостью дверь кабинета.

Кайку не привыкла проводить лето в городе. Отец всегда отправлял семью в загородное поместье, находившееся в лесу Юна, а сам, как правило, оставался работать в городском доме. Хотя жара еще не достигла максимального значения, обычного для середины лета, Кайку все время клонило в сон. Она прилегла в ожидании Мисани и заснула.

Во сне девушка увидела шин-шинов. На этот раз темные фигуры были расплывчатыми. Они блуждали в ее сознании, пугая своим присутствием. Девушка бежала через какой-то лабиринт, который напоминал загородный дом отца, но казался намного больше. Кайку натыкалась на двери, люки, углы, от

которых веяло мучительной смертью. Она чувствовала, что демоны тени терпеливо поджидают свою жертву, голодные и безжалостные. И каждый раз, натыкаясь на невидимый барьер страха, девушка разворачивалась и бежала в другую сторону, холода от ужаса и ощущая приближение конца. Но независимо от того, куда шла Кайку, монстры находились повсюду, скрыться от них было невозможно.

Беспомощно кружка по лабиринту, она чувствовала себя захваченной в ловушку. Девушка знала, что ей не спастись, но, тем не менее, пыталась. В какой-то момент, Кайку ощутила чужое присутствие, даже более зловещее, чем шиншины. Нечто жило внутри нее, в ее теле. И каждый раз, когда Кайку задумывалась об этом, нечто становилось больше, словно питалось ее страхом и смятением. Она изо всех сил пробовала отвлечь себя от мрачных мыслей. Но не могла.

Отчаявшись, Кайку решила следовать своей интуиции. Она поняла, что должна выбраться из дома прежде, чем сила внутри вновь завладеет сознанием и телом, и бросилась вперед, пытаясь найти выход, но новые барьеры, за которыми прятались шиншины, преградили дорогу. Паника усилилась. В груди болело, а сердце билось все сильнее. Но Кайку не могла остановиться, хотя все тело уже ныло от усталости. Внезапно то, что сидело в ней, вырвалось наружу и...

Кайку проснулась. Резкая боль в глазах заставила открыть их, и комната загорелась. Она с криком вскочила с циновки, на которой спала. Ей повезло. Языки пламени всего лишь лизнули коврик и край рубашки. Еще немного, и одежда могла бы загореться. Девушка переминалась с ноги на ногу, дико озираясь по сторонам. Занавеска, висевшая в дверном проеме, пылала. Ставни на окне обуглились и дымились. Синее пламя не было видно в ярком солнечном свете. Деревянные панели комнаты покернели, но еще не горели. Цветы в вазе съежились от огня. Панно с изображением победы первого императора, Джана ту Винаксия над древним народом угэтов, которые обитали в землях Сарамира прежде, объяло пламя. Едкий дым клубился в комнате.

Девушка непроизвольно кинулась к выходу, но отступила, убедившись, что сквозь горящий занавес не пробраться. Вылезти через окно тоже не представлялось возможным. Ужаснее страха перед огнем была мысль о том, что ее загнали в ловушку, как животное. Кайку попробовала позвать на помощь, но как только открыла рот, грудь пронзила резкая боль. Ныл каждый мускул тела, и кровь, казалось, пульсировала по венам мощными толчками. Демон вернулся в нее во время сна и вновь жег огнем изнутри.

Силясь преодолеть боль, раздиравшую тело, Кайку, наконец, смогла закричать, надеясь, что слуги придут на помощь. Дверь тут же распахнулась, и кто-то стал сдирать горящую занавеску. Это была Мисани, которая пыталась сбросить штору с помощью длинной пики, висевшей на стене в коридоре как украшение. Наконец ей удалось скинуть горящую ткань на пол, и занавес распался на куски. Подоспевшая служанка вылила на горящую ткань ведро воды, и штора превратилась в черное месиво. Прикрыв лицо рукавом, Мисани заглянула в комнату и позвала подругу. Кайку, уже не надеявшаяся на спасение, бросилась к выходу. Мисани схватила несчастную за руку и потянула из комнаты в коридор. Со всех сторон раздавались громкие крики слуг, спешивших тушить пожар.

Кайку потянулась обнять подругу, но случайно поймала на себе испуганный взгляд служанки, которая, поймав ее взгляд, смущилась и начертила в воздухе знак, охраняющий от демонов. Лицо Мисани окаменело. Она грубо схватила служанку за руку и подтащила к себе, чтобы взглянуть в глаза.

— Поклянись жизнью, что ты никому не расскажешь о том, что увидела, — угрожающе произнесла молодая хозяйка. — Своей жизнью, Йокада.

Служанка испуганно кивнула.

— Иди и принеси еще воды, — приказала Мисани. Убедившись, что Йокада бросилась выполнять приказание, она обратилась к Кайку:

— Зажмурись глаза, Кайку. Притворись, что тебя ослепило дымом.

— Я...

— Ты же знаешь, я — твой друг. Доверься мне, — попросила Мисани.

Кайку, дрожащая и испуганная, повиновалась. Мисани была на несколько месяцев моложе Кайку, но сейчас вела себя как старшая и отдавала распоряжения тоном, не терпящим возражений.

Мисани взяла подругу за руку и быстро повела по коридору. Кайку попыталась открыть глаза, чтобы понять, куда они идут. Но Мисани, не выпуская руки, шепотом велела зажмуриться. Мимо пробежали слуги. Кайку слышала лишь плеск воды в ведрах и топот ног. Через некоторое время, раздался шорох ткани, и подруги остановились.

— Можешь открыть глаза, — измученно произнесла Мисани.

Они стояли в кабинете возле низкого стола, на котором лежали ровными стопками счета, чернильницы и кисточки для письма. На стенах висели несколько полок, заваленных свитками. Между ними располагались пейзажи и зеркало в овальной бронзовой раме. Здесь Мисани принимала посетителей, поэтому часто смотрелась в него, чтобы убедиться, что хорошо выглядит.

— Мисани, я... это случилось снова... — Кайку запнулась. — Что было бы, если бы ты была рядом? О духи, что, если...

— Подойди к зеркалу, — велела Мисани.

Кайку в недоумении посмотрела на подругу, а затем перевела взгляд на зеркало. Внезапно девушка испугалась того, что увидит в стекле. Судорога свела тело.

— Я должна отдохнуть, Мисани... Я так сильно устала, — пожаловалась она, пытаясь найти отговорку.

— Подойди к зеркалу, — повторила Мисани.

Кайку, понурив вниз голову, подошла к зеркалу. Она никак не могла решиться и поднять глаза.

— Посмотри на себя! — прошипела Мисани.

Кайку никогда еще не слышала, чтобы подруга говорила таким тоном. Она испуганно вздрогнула и подняла голову.

Из груди вырвался протяжный стон. Зеркало отразило искаленное лицо. Вместо карих глаз она увидела налитые кровью зрачки демона.

— Значит, все правда, — едва выговорила девушка. — В меня вселился...

Мисани взглянула в зеркало из-за ее плеча и, встряхнув головой так, что волосы упали на лицо, пристально посмотрела на подругу.

— Нет, Кайку. Демон не вселялся в тебя. Ты — порченая.

Глава 10

Зал, где проходило заседание императорского совета, был невелик, но небольшие размеры с лихвой компенсировало убранство, поражающее богатством и великолепием, начиная с огромной золотой люстры с хрустальными подвесками и заканчивая декоративными балконами и карнизами, украшенными орнаментом. Большую часть комнаты выкрасили в темно-красный цвет и покрыли лаком, поверху шла золотая полоса. На потолке размещалось полотно с эпизодами исторической битвы, пол был выложен черными каменными плитами. На стене в задней части комнаты располагалась гигантская фреска, изображавшая двух сражающихся в воздухе существ. Их тела охватило пламя, а испуганные горожане наблюдали за смертельной битвой. Здесь же, перед несколькими ярусами кресел, находился помост для выступающих.

Члены совета замолчали, когда Анаис ту Эринима, императрица Сарамира, вошла в зал. Темно-красное платье слилось со стенами. На светло-русых волосах, заплетенных в косу, блестела серебряная диадема. Вместе с императрицей в зал вошел старик в темно-сером балахоне с капюшоном, наполовину закрывающим лицо. Виднелся лишь крючковатый нос и длинная с проседью борода. Полуденное солнце проникало в зал сквозь высокие арочные окна, освещая императрицу и старика.

Анаис ненавидела эту комнату. Ее раздражал однотонный красный цвет стен. Но уже в течение нескольких поколений, в

дни войны и мира, голода и изобилия, горя и радости в зале проходили заседания совета. Эта традиция оставалась неизменной в течение многих столетий.

Возможно, я буду первой, кто изменит ее, подумала Анаис, пряча нервозность за бравадой. Возможно, я смогу изменить многое, прежде чем мои дни будут сочтены.

Императрица заняла место в центре помоста. Рядом с ней встал старейшина в сером балахоне. В зале собирались представители тридцати благородных семей Сарамира. Они сидели за резным барьером, глядя на императрицу сверху вниз. Анаис обвела комнату глазами, вглядываясь в лица союзников и врагов. И, наконец, увидела Зана ту Икэти, которого считала союзником всего несколько минут назад. Теперь ситуация складывалась таким образом, что Анаис не знала, примет ли вельможа ее сторону.

В кармане императрицы лежало письмо, в котором Зан сообщал о внезапной и чрезвычайно подозрительной смерти своего ткача. И больше ничего. Слуга принес письмо перед самым собранием. Если Икэти поступил так, чтобы расстроить императрицу, то ему это удалось. Она пристально смотрела на высокого человека с короткой седой бородой и щеками, изъеденными оспой, пытаясь угадать истинную подоплеку его поступка. Но лицо Зана не выражало ничего.

О боги! Неужели он считает, что это я приказала убить его ткача?

Сможет ли она в таких условиях рассчитывать на поддержку знатного рода? Если судить по поведению Зана, то вряд ли. А значит, шансы на успех уменьшаются.

Ход ее мысли прервали слова старейшины:

— Императрица Сарамира, Анаис ту Эринима.

Владычица вздохнула и, стараясь не выдать своих опасений, заговорила.

— Благородные семьи Сарамира, — начала Анаис, и ее обычно мягкий и нежный голос внезапно стал сильным и четким. — Я объявляю открытым заседание совета. Спасибо за то, что вы прибыли сюда. Знаю, что некоторые из вас приехали

издалека специально. — Она выдержала паузу, прежде чем перейти к делу. — Уверена, вы знаете, какой вопрос мы будем обсуждать. Проблема моей дочери касается не только вас, но и всей империи. Я знаю, что разногласия возникли не только среди знатных высокородных семей, но и среди людей низшего сословия. Для того чтобы предотвратить дальнейшее разделение общества и достигнуть компромисса, я готова пойти на некоторые уступки. Существует несколько точек зрения по этому вопросу, который будет сегодня обсуждаться. Но примите как непреложный факт следующее — в жилах моей дочери течет кровь династии Эринима, и она является наследницей императрицы. Кто-то считает ее порченой, кто-то — нет, все зависит от точки зрения. Но право моей дочери на престол империи бесспорно. Люция — единственная наследница, и она будет императрицей Сарамира после меня.

Последние слова потонули в шуме голосов. Анаис бесстрашно стояла перед членами совета, не опуская глаз.

Многие надеялись, что она откажется от прав дочери на престол, чтобы сохранить жизнь Люции. Но императрица, как никогда, была уверена в своей правоте. Ее ребенок станет столь же хорошим правителем, как любой другой, а может, и лучше. Не обращая внимания на угрозы, Анаис передала бы дочери трон. Но совет мог принять другое решение и свергнуть императрицу.

Тридцать благородных знатных семей формально были вассалами правящей династии, и это номинально означало, что императрица принимала решение от имени всех высокородных семей. Но на деле, имея большое количество собственных вассалов, знатные вельможи проявляли беспрекословное подчинение лишь в редких случаях. Некогда влиятельный род Бэррак, в чьей собственности находились громадные угодья, практически поделил Сарамир на легко управляемые территории. В дальнейшем Бэрраки разделили подвластные земли на более мелкие наделы, заключив соглашение с ур-Бэрраками, которые состояли с ними в кровном родстве. А те в свою очередь передали управление де-

ревнями и прилегающими к ним участками простолюдинам. Точно так же поступали и другие богатые и влиятельные семейства Сарамира. Вопрос соблюдения личной преданности всегда оставался не слишком ясным.

В императорском совете заседали в основном знатные семьи по линии Бэрakov, и лишь несколько влиятельных родов ур-Бэрakov, находящихся с ними в родственных отношениях. Тем не менее, тенденция поддерживать правящее семейство, опиравшаяся на традиции и понятие чести, все еще была сильна среди знати.

Но это ни в коем случае не гарантировало императрице успеха. Совет и прежде отворачивался от своих сеньоров. Голосование по вопросу престолонаследия могло не дать положительных результатов, оставив лишь два варианта развития событий: сложение императрицей полномочий или гражданская война. В истории Сарамира уже происходили государственные перевороты, итогом которых были ненужные жертвы и море пролитой крови. Хотя правящая династия всегда имела самую большую армию, которая носила громкое имя стражей империи, но вряд ли воины могли удержать престол. Объединившись в союз, несколько сильных семей рода Бэрakov легко одержат победу.

Старейшина поднял руку с зажатой в ней маленькой деревянной трубой на тонкой красной веревке. Он дунул, и резкий свист оглушил собравшихся. Это моментально подействовало. В зале вновь наступила тишина. Взгляд Анаис блуждал по лицам членов совета. Она видела представителей династии Эринима, готовых поддержать свою императрицу. У старых же врагов из династии Амаха ее выступление вызывало приступ негодования. Правда, на лице Сонмаги блуждала самодовольная улыбка. Политическая борьба доставляла ему истинное наслаждение.

— Я обращаюсь к тем, кто выступает против меня! — закричала императрица. — Вы ослеплены своим предубеждением. Слишком долго вы слушали ткачей и слишком мало думали сами. Многие даже никогда не видели порченых и плохо разби-

раются в том, кто это. Те, кто встречался с моей дочерью, знают — она нежная и добрая девочка. Люция чувствует любую дисгармонию. Ее восприятие шире, чем наше. Но разве ткачи не обладают такими же особенностями? Она еще никому и ничему не причинила вреда. Люция умеет держать себя в руках, она уравновешенна, как и любой послушный ребенок. И если исключительные интеллектуальные способности нежелательны для правителя Сарамира, то посадите на трон полоумного и посмотрите, как долго сможет существовать империя!

На какое-то время в зале снова воцарилась тишина. Она затронула слишком щепетильную тему, сравнив ткачей со своей дочерью. Никто из присутствующих в зале не знал, к чему это может привести. Анаис была рада, что ткачи не допускались на совет, однако знала — они слышат все, что происходит в зале.

Встал Сонмага ту Амаха. Императрица предполагала, что он выступит первым. Старейшина объявил его имя.

— Императрица, никто не сомневается в том, что вы любите Люцию, — произнес Сонмага, широкоплечий человек с черной бородой и низко нависшими бровями. — Кто из нас будет утверждать, что не поступил бы так же ради собственного ребенка? Кто бы смог решиться отдать его ткачам, даже если он... ненормальный?

Анаис никак не отреагировала на слова Сонмаги, отлично понимая, что он хочет спровоцировать ее.

— Но этот вопрос затрагивает не только ваши чувства, императрица, — продолжил вельможа, понизив голос. — Вопрос намного серьезнее, чем недовольство высокородных семей. Решение проблемы затрагивает весь народ Сарамира. И я заявляю, что он не потерпит на троне порченую. Люция, возможно, и имеет уникальные способности — я уверен, каждая мать считает своего ребенка лучшим, — но как долго и насколько эффективно она сможет управлять империей, если подданные будут осыпать ее бранью?

Анаис взорвала, сохраняя внешнее спокойствие:

— У народа будет возможность привыкнуть к Люции. К тому времени, когда наследница взойдет на престол, подданные примут ее. Простые люди, подобно многим из сидящих в этой палате, изменят мнение после того, как узнают мою дочь ближе.

Сонмага открыл рот, чтобы продолжить дискуссию, но Анаис не дала перебить себя:

— И никогда не стоит забывать уроки прошлого, Сонмага. Наш народ пострадал от безумств тирана императора Кади ту Офоро. Он пережил голод и разруху, вызванные неспособностью императора Эмена ту Гор управлять государством. А затем перенес ужасную, но вполне предотвратимую эпидемию при его преемнике, потому что император приказал не расходовать средства на вывоз отбросов и мусора из городов. Ни один из этих правителей не принес народу Сарамира перемен к лучшему. Я же предлагаю посадить на трон ребенка с редким талантом, безупречным здравомыслием и добрым характером, единственным недостатком которого являются необычные способности. Я думаю, простые люди поддержат меня. Мне кажется, что вы все преувеличиваете, Сонмага ту Амаха. И для меня не являетсятайной, что у вас есть свой кандидат на трон.

Глаза Сонмаги засверкали. Такое прямое обвинение можно было считать оскорблением, но все-таки императрица сказала правду. Семья Амаха никогда не принадлежала к правящим династиям, и императорский трон оставался для них лакомым кусочком.

Но сейчас вельможа не мог показать императрице, что ее слова попали в цель.

Анаис, не теряя хладнокровия, внимательно всматривалась в лица сидящих. Она не задержала взгляд на представителях семьи Гор, которым только что напомнила о прошлых неудачах. Безумный род Офоро, к счастью, уже давно прекратил свое существование.

Взор императрицы скользнул по Бэрaku Зану и на мгновение задержался на нем. Но он оставался все так же безучастен, как и прежде. Письмо бывшего союзника сильно расстроило

владычицу. Анаис не могла понять, может ли еще рассчитывать на его поддержку или уже нет. То, что произошло, грозило полным разрывом их отношений. Особенно если Зан заподозрил Анаис в том, что убийца действовал по ее приказу. Но почему он так решил? Ведь они всегда были союзниками и друзьями.

— Бэрак Мамази ту Нира, — объявил старейшина.

С места поднялся пожилой, худощавый мужчина в пышных одеждах.

— Я прошу тщательно рассмотреть этот вопрос, — заговорил Мамази. Насколько знала Анаис, он придерживалсянейтральной позиции. Ту Нира не любил вовлекать свою семью в любые сложные споры, если не мог разрешить их. — Голосование в совете по этому вопросу может привести к катастрофе. Мнения членов клана Бэрак разделились, и вы знаете это. Императрица, отрекитесь от престола для пользы государства и сохранения жизни вашей дочери. Если вы оставетесь, гражданская война неизбежна. А значит, жизнь Люции окажется под угрозой.

— Джун ту Лилира, — произнес старейшина, заметив, что знатная дама встала и сделала знак, что желает выступить в поддержку слов Мамази.

— В это сложное время мы должны объединиться, — заявила пожилая госпожа. — Иначе сама земля отвернется от нас. Зло поселилось на холмах и в лесах, и с каждым днем его становится все больше. Мои земли поражены заразой. Гибнет урожай. Не хватает еще только гражданской войны, чтобы довершить наши страдания. Императрица, я прошу вас, одумайтесь ради блага своего народа.

— Нет! — закричала Анаис. — Этого никогда не будет! Я утверждаю, что мой отказ от престола ослабит страну больше, чем правление Люции. Есть, по крайней мере, три семьи, у которых достаточно сил, чтобы бороться за власть. Я не стану называть их имена и не буду утверждать, что знаю их намерения. Но только война сможет остановить их посягательства на трон. И вы все об этом знаете!

В зале вновь воцарилась тишина. Анаис говорила правду. Семья Бэтик действительно обладала некоторыми большими полномочиями, породнившись с императрицей. Но Анаис никогда бы не отдала трон своему распутному безответственному мужу. Семья Амаха тоже находилась в списке тех, кто хотел править Сарамиром. Они всегда делали ставку на то, что обладают большим количеством земли и имеют свою личную армию. И самое мощное из всех, семейство Керестин, никогда не оставляло желания вернуть себе трон. Они стояли во главе Сарамира до династии Эринима.

— Я знаю, как вас всех пугают слова «порченый» или «искаженный», — продолжала императрица. — Но у этих слов много значений. Не все отклонения от нормы несут в себе зло. Именно рождение Люции помогло мне лучше понять это. И я хотела, чтобы вы все тоже осознали, что нет ничего плохого, если наследница престола будет отличаться от обычных людей. — Владычица подняла руку, чтобы никто не успел ее перебить. — Я прошу совет поддержать мою дочь как будущую правительницу.

— Дамы и господа, прошу голосовать, — громко произнес старейшина.

Анаис осталась стоять на возвышении. Она скрестила на груди руки и крепко прижала их к себе. Ладони стали липкими от пота. По спине пробежал холодок, внутри все тряслось от страха.

Императрица еще раз внимательно оглядела членов совета. Сейчас она должна будет по очереди опрашивать каждого из этих тридцати. И Анаис пыталась определить, к кому обратится первому.

Если большинство членов совета поддержит ее, то на какое-то время она получит передышку.

Как заявила Джун, никто не хочет ввязываться в гражданскую войну. Но если итог голосования будет не в ее пользу, тогда над императрицей и ее дочерью нависнет большая опасность. Смогла бы Анаис отказаться от трона, чтобы спасти свое-

го ребенка? По крайней мере Люция не была бы сейчас на волосок от гибели...

— Семья Эринима, что скажете? — решилась наконец Анаис.

— Мы, несомненно, поддерживаем вас, императрица, — ответила за всех ее тетя Милла. Как самая старшая она была главой семейства.

Анаис облегченно вздохнула. Она не сомневалась в династии Эринима.

Потом императрица опросила еще три семейства, убедившись в их поддержке. Четвертая семья решила сохранить нейтралитет.

Тогда рассудив, что рано или поздно ее союзники кончатся, Анаис выбрала своего непримиримого врага — династию Амаха.

— Мы решительно не согласны с вами, императрица, — заявил Сонмага.

От следующих нескольких семей Анаис получила нечеткие ответы. Решительно настроенный Колай проголосовал против нее. Но его дочь Мисани сегодня отсутствовала, поэтому один его голос не мог повлиять на окончательное решение. Семья Набичи неожиданно встала на сторону императрицы, и теперь все взгляды были устремлены на династию Икэти. Именно от их решения зависело, поддержат ли ее не столь известные и могущественные семьи Сарамира. Анаис вздохнула и, собравшись с силами, задала вопрос:

— Семья Икэти, что скажете?

Со своего места поднялся Бэрак Зан ту Икэти. Он бросил на Анаис оценивающий взгляд. Императрица не отвела глаз.

Я не сделала ничего плохого его семье, подумала она. Мне нечего бояться.

— Семья Икэти поддерживает требование вашей дочери, Анаис ту Эринима, — промолвил Зан и сел.

Анаис почувствовала облегчение, услышав заветные слова.

Так продолжалось еще полчаса. Это было ужасно утомительно, и под конец императрица чувствовала себя выжатой как лимон.

Но голосование не прояснило ситуацию. Мнение членов совета разделилось. Сторонников и противников в этом вопросе оказалось равное количество. Несколько семей воздержались. Следствием этого могло стать образование двух враждебных лагерей.

Сама Анаис ощущала смешанное чувство облегчения и тревоги. Если бы совет проголосовал против, императрицу наверняка бы заставили сложить полномочия. И если она после своего разгрома продолжала бы сопротивляться, то Люцию могли казнить. Без поддержки Анаис не выиграть сражение за трон. Она уже определилась, как следует действовать.

Императрица не сомневалась, что семья Амаха начнет собирать союзников. Этим же займется и клан Керестин. И то, что мнение оппозиции разделилось, тогда как она могла твердо рассчитывать на своих союзников, утешало.

— Моя дочь будет сидеть на троне, — изрекла императрица, выступая перед членами совета с заключительным словом. — Я предлагаю всем смириться с этим.

С этими словами она спустилась с помоста и покинула зал, сдерживаясь из последних сил, чтобы не разрыдаться. Лишь добравшись до личных покоев, несчастная женщина дала волю слезам.

Через час с визитом прибыл Бэрак Зан ту Икэти.

Обычно Анаис не принимала посетителей после совета, но для него сделала исключение. Они слишком давно знали друг друга, чтобы соблюдать формальности, и поэтому императрица приняла Зана в комнате с мягкими низкими диванами и с расставленными по углам жаровнями, в которых курились благовония. Пол устипал большой пушистый ковер, на высоких арочных окнах висели шторы, украшенные блестящими цветными бусинками. Роскошь интерьера удачно сочеталась с утонченной красотой. Императрица встретила гостя одетой в свободное домашнее платье, с распущенными волосами, мягко лежавшими на плечах. Обстановка была уютной и домашней, настраивавшей собеседников на доверительный разговор.

— Зан... — Владычица с радушной улыбкой обратилась к вельможе. — Я очень рада вас видеть.

— Я тоже, Анаис, — улыбнулся он в ответ. — Хотя мне жаль, что нашу встречу омрачили неприятные обстоятельства.

Императрица жестом пригласила гостя присесть и сама устроилась напротив.

— Действительно, настали тревожные времена.

— Я не могу оставаться, Анаис. — Зан рассеянно пригладил ладонью волосы на затылке. — День заканчивается, и мне нужно возвращаться в поместье. Я прибыл, чтобы предупредить вас.

Анаис, наклонившись к нему, внимательно слушала.

— Слуга нашел моего ткача, Табаксу, мертвым, лежащим на полу в его покоях. — При этих словах Зан нахмурился. — Похоже, смерть наступила внезапно, кровь шла из глаз и ушей. Но следов насилия на теле не нашли.

— Похоже, это дело рук другого ткача, — предположила Анаис. — А может, его отравили?

Зан отрицательно покачал головой.

— Нет. Слуга снял маску с лица Табаксы и умирающий сумел произнести одно слово, прежде чем умер. Очень четко.

Анаис внезапно догадалась, зачем Зан послал ей письмо, почему в зале совета вельможа держался так холодно.

— Вирорч?

Зан не ответил, но по его глазам она поняла, что угадала.

— Но почему?

— Вы знали об этом, Анаис? — Зан внезапно вскочил с дивана.

— Нет! — без промедления ответила императрица.

Зан немного помолчал, затем со вздохом вновь опустился на диван.

— Я так и думал. Единственное слово — тонкая ниточка, чтобы делать какие-то выводы, Анаис. Но вы должны проследить за главным ткачом. Возможно, он что-то замышляет против вас. Вы задумывались о том, в каком положении оказались

бы ткачи, если бы Люция воцарилась на троне, и гражданской войны удалось бы избежать?

Анаис мрачно кивнула.

— Это выставило бы на посмешище все их учения о порче и порченых. Они так долго убивали таких детей, причем совсем маленьких. Люция — живое доказательство того, что люди с отклонениями не всегда оказываются злыми и опасными для общества. Как правило, они обладают уникальными способностями и могут приносить большую пользу. И теперь ткачи боятся, что моя дочь сможет опровергнуть все их утверждения, если станет императрицей.

— Возможно, это просто необходимо сделать, — поддержал ее Зан.

Анаис, соглашаясь, кивнула. Ее внимательный взгляд переместился к окнам, где ласковый глаз Нуки доброжелательно наблюдал за беседующими из-за штор с бусинками.

— Зан, почему вы проголосовали за меня, если думали, что это я послала Виррча шпионить за вами?

— Потому что я доверяю вам. В течение долгого времени мы были то союзниками, то противниками. Но вы никогда не нарушали своих обещаний. Также хочу признаться, я хотел посмотреть на вашу реакцию, когда вы увидите меня, и понять, виновны вы или нет.

— Возможно, вы правильно поступили, — слегка улыбнулась Анаис. — Но я благодарна вам за доверие.

— Теперь я должен идти. — Зан поднялся с дивана. — Мне необходимо о многом подумать. Прошу вас, Анаис, не оставьте без внимания мое предупреждение. Не поворачивайтесь спиной к Виррчу. Он — злобное, коварное существо и пойдет на все, чтобы убить вашего ребенка.

— Я не смогу ничего с ним сделать, пока у меня на руках не будет доказательства его предательства. — Императрица печально вздохнула. — Но, возможно, даже они не помогут. До свидания, Зан. Думаю, что мы скоро снова встретимся.

— Надеюсь на это. — Вельможа, прощаясь, склонился перед императрицей и вышел, оставив Анаис одну размышлять в душной, залитой солнцем комнате.

Глава 11

Красный, словно кровь, рассвет занимался позади баржи, которая тащилась по реке на запад в Аксеками. Где-то в восточных пустынях Чом Рин свирепые ураганы разрывали землю, поднимая в небо красную пыль, закрывающую свет единственного глаза Нуки. Сарамирцы называли это явление Суранани — ярость Суран.

Легенда рассказывала, как Паназу, бог рек и дождя, был так очарован Наризой, дочерью Нарис, что попросил мудрую знахарку приготовить любовную настойку, которая заставит красавицу влюбиться в него. Но старуха оказалась не кем иным, как обманщиком Шинту. И Шинту подстроил так, чтобы в первой встречной женщине Паназу увидел свою возлюбленную Наризу. И так случилось, что первой, кто встретился богу на пороге дома, была его сестра Аспинис, богиня деревьев и цветов. Паназу, уверенный, что перед ним Нариза, выбрал момент и подлил ей в питье зелье, приготовленное Шинту. Воспылав любовной страстью, девушка провела с братом ночь. Но когда наступило утро и чары разрушились, они пришли в ужас от того, что совершили.

Но хуже всего было то, что от этой преступной связи брат и сестра зачали дитя. Они не осмелились признаться в случившемся матери, богине природы и изобилия Энию.

Аспинис сбежала, чтобы скрыть свой позор. Но девушка была любимицей богов, и ее длительное отсутствие обеспокоило их. Поэтому Оха и Изисия повелели разыскать беглянку.

Так начался Год Пустых Храмов, когда сарамирцы пережили страшнейшие бедствия. Боги отвернулись от их земли, разыскивая сбежавшую из Золотого Царства дочь Энию. Урожай на полях погиб, дули свирепые ветра, иссушая почву, голод пришел на землю Сарамира. Даже Нуки не обращал к Сарами-

ру свой взор, и солнце светило неярко и тускло в тот год. Люди собирались в храмах, чтобы молиться об избавлении от постигших страну несчастий, но боги не слышали их.

Когда же, всем на радость, Аспинис возвратилась из дикой местности, где скрывалась, боги вспомнили о заброшенных землях. И в Сарамире вновь заколосились поля, рыба выпрыгивала из водоемов, и домашний скот становился все жирнее. Аспинис никому не рассказывала о том, где пропадала. Но пронырливый Шинту, угрожая рассказать обо всем Эню, выведал, где богиня оставила ребенка. Аспинис, не подозревая в нем виновника своего позора, призналась, что бросила новорожденную дочь умирать в пещере далеко в пустыне.

Шинту, горевший желанием увидеть результаты своего вмешательства, отправился к пещере и нашел там дитя живым и здоровым. Все это время девочка питалась змеями и ящерицами, и от этого кожа на ее теле сморщилась, длинные волосы спутались. А глаза стали разными: один — зеленым, а другой — голубым. Шинту сжался над бедняжкой и взял девочку в свой дом, где растил втайне от всех, назвав Суран. Она была замкнутым угрюмым ребенком, поскольку знала, как бессердечно обошлись с ней боги в младенчестве. Когда Суран выросла, то вновь возвратилась в пустыню, чтобы жить среди ящериц и змей, возненавидев все то, что любили ее родители. Суран, богиня пустынь, засухи и мора стала изгоем, и когда она бушевала, воздух наполняла красная пыль.

Сердце Тэйна тяжело билось в груди. Юноша сидел на носу старой баржи, чувствуя, как та, покачиваясь на волнах, медленно движется вперед. Это было низкое, неуклюжее судно, тяжело нагруженное рудой, которую добывали в шахтах гор Чамил. Грубые крики матросов звучали на разных диалектах. Чайки круто пикировали на судно и взмывали вверх. Они кружились в воздухе, принимая баржу за рыбакское судно и надеясь на завтрак.

Вокруг послушника кипела жизнь, но это не доставляло ему радости. Тэйн смотрел на дощатую палубу, на которой сидел, красную от кровавого солнца, и изучал древесные линии.

Как эти линии похожи на него самого.

Линии шли одна рядом с другой и редко пересекались. Иногда они заплетались в завитушку или узел, но всегда продолжались с другой стороны.

Юноша чувствовал, что цель ускользает от него, словно смазанная жиром веревка. Кто он такой, какие у него права на запретное для тысяч, а может и миллионов, счастье? Небеса отмеряют подарки и благословения, как хотят, и многие более достойны их, чем простой послушник. Тейн дал обет и пришел в храм, чтобы искупить свое прошлое, а не из благородства или великодушия. Он должен вернуть честное имя. Сколько жизней, сколько жертв потребуется еще, прежде чем боги будут удовлетворены?

Тэйн испытывал тоску по священникам храма, который оставил, но не настоящую печаль. Когда они с Джин возвратились на рассвете в храм, то увидели ужасную картину. Тела святых отцов лежали по всему зданию в неестественных позах, подобно сломанным куклам. Послушник с трудом опознал каждого. Словно лица, которые он знал несколько лет, были заменены восковыми масками с остекленевшими, безжизненными глазами и широко разинутыми ртами, из которых вываливались распухшие языки.

— Они что-то искали, — сказала Джин.

— Или кого-то, — добавил Тэйн.

Взгляд девушки убедил Тэйна, что она поняла, о ком идет речь.

Позже послушник перенес священников из храма в лес, положил тела на траву возле алтаря и обратился к Нокту с просьбой записать их имена и сообщить об умерших Омехе. Он прочитал еще одну молитву Эню. Джин терпеливо ждала. Но когда Тэйн уже заканчивал, донесшийся до него приглушенный вздох девушки подсказал, что что-то идет не так.

Открыв глаза, Тэйн увидел на краю поляны медведей. Тяжелые, черные и коричневые звери, наполовину скрытые в листве, застыли, выжидая наблюдая за молодыми людьми. Послушник поклонился животным и затем повел Джин к лод-

ке, на которой священники обычно плавали в Запретную деревню, находившуюся неподалеку.

— Разве мы не должны похоронить их? — удивилась девочка.

— Это не наше дело, — объяснил Тэйн. — Лесные животные позаботятся о погибших. Их плоть будет возвращена природе, а души отправятся в поля Омеха.

Путешественники оплатили проезд на барже от Запретной деревни до столицы. Шестидневное путешествие предоставило достаточно времени для самоанализа. Юноша силился понять, почему его не мучает чувство потери, но так и не смог, и это смущало. Он лишился дома, все люди, с которыми жил последнее время, его наставники и друзья, и даже старый мастер Олек, все они умерли прошлой ночью. И все же Тэйн не чувствовал глубокой печали, а лишь ощущал вину за то душевное волнение, которое охватило его в предвкушении неизведанного будущего. Возможно, он никогда и не принадлежал к монашескому братству по-настоящему, но не хотел признавать это до сих пор. Возможно, именно поэтому ему не удалось обрести внутренний покой.

«Эню подготовила для меня другую тропу. Она уберегла меня от смерти и указала мое предназначение. Значит, я самый достойный из ее последователей».

Эта мысль сделала его необыкновенно счастливым.

Солнце уже стояло высоко над горизонтом, когда путники достигли Аксеками, но его свет по-прежнему не проникал на землю из-за пыльной красной завесы, которая закрывала небо. И столица Сарамира выглядела неприветливой на фоне багрового свода. На подходе к городу все чаще встречались развалихи бродяг. Их хижины на сваях у расшатанных пристаней теснились на берегах. Иссущенные солнцем старики, отталкиваясь шестами, сновали на лодочках по реке прямо перед баржей. Капитан не замедлял ход судна, не обращая на них никакого внимания.

Обитатели трущоб сидели возле своих лачужек, выделявая кожу или занимаясь ткачеством, бросая, кто настороженный,

кто равнодушный, взгляд на неповоротливую баржу, которая двигалась мимо них вниз по реке Керрин. Эти люди доверяли только своим соглеменникам и с подозрением относились ко всем остальным.

Джин подошла и села возле Тэйна. Она расчесывала волосы, рассыпавшиеся по плечам, внимательно всматриваясь в темно-красную воду.

— Я думаю, ты ищешь Кайку ту Макаима не только для того, чтобы помочь мне доставить ей сообщение, — заявила посыльная.

Тэйн искоса посмотрел на спутницу, которая по-прежнему внимательно разглядывала что-то за бортом, и невольно залюбовался ее безукоризненным профилем. Джин действительно была красива. И любопытная вещь: казалось, с каждым днем девушка становилась все прекрасней. Обычно даже красавицы имеют недостатки: веснушки, или обветренные губы, или тусклые глаза. Эти изъяны лишь усиливают их прелесть. Но он не находил таких недостатков у Джин и был озадачен этим явлением.

За эти шесть дней она зарекомендовала себя хорошо обравованной девушкой и опытной путешественницей. Трудно было представить, что Джин не могла сделать что-то, чего-то не могла достигнуть. Но почему тогда она всего лишь императорский посыльный? Почему выбрала опасную и пыльную дорогу? Что гонит ее в путь, не позволяя осесть на одном месте? Кто она на самом деле?

Джин выжидающе повернулась к послушнику, и Тэйн понял, что она ждет ответ. Но промолчал. Он и сам не мог понять, почему ищет Кайку. Просто та была последней родственной душой на всем белом свете.

— Как думаешь, мы сможем найти ее? — вместо ответа спросил Тэйн.

— Я могу найти Мисани, о которой ты упоминал. Это — Мисани ту Колай, дочь Бэрака Авана. Если Кайку с ней, наша задача значительно упростится.

Тэйн кивнул.

Юноша надеялся, что не ошибся, сообщив то, что знает, своей спутнице. Но что еще оставалось? Он и понятия не имел, как найти кого-то в таком большом городе, как Аксеками. К тому же Джин ни разу не дала Тэйну повода усомниться в себе. Однако сомнения в душе все же остались. Особенно учтивая познания посыльной о шин-шинах. К тому же послушнику не давал покоя тот странный свет, который он видел в ее глазах в лесу.

— Мы можем не опасаться демонов тени, по крайней мере, сейчас, — произнесла Джин. — Независимо от того, что привело их к храму, монстры не выследят нас на воде. Они могут лишь догадываться, куда мы следуем. И, возможно, направятся вслед вниз по течению берегом. Но демоны не подойдут близко к Аксеками. Город — место мужчин, эта территория не принадлежит духам.

— Значит, они прекратят преследовать нас? — уточнил Тэйн.

— Духи тени упорны, они не расстаются легко со своей добычей. Но если шин-шины выслеживают нас безо всякой цели, то остановятся, когда мы достигнем города. Или подождут недалеку в надежде напасть на след, когда мы решим отправиться дальше.

Тэйн хотел спросить, откуда простой императорский посыльный так осведомлен о демонах и духах. Но, подумав, решил, что вряд ли узнает больше, чем она уже рассказала.

Столица поразила воображение странников величественными зданиями с куполами и шпилями, храмовыми ансамблями, спускающимися к реке. К северу улицы, а вместе с ними и здания, поднимались вверх до тех пор, пока склон не стал слишком крутым. И там, почти на обрыве, возвышался императорский дворец. Его стены покрывали тонкие листы полированного красного золота, блестевшие в солнечном свете. Городские улицы были чисто выметены и украшены колоннами, фонтанами и парками. Ничто здесь не походило на суматоху товарных складов. Только лишь галереи, колокольни, библиотеки, искусно сложенные из шлифованных камней и древесины, с изящными

лестницами, украшенными металлическими перилами. Высокая ограда с громадными воротами, окружавшая императорский квартал из камня и золота, ослепляла своим блеском даже в приглушенных лучах глаза Нуки.

На юге находился знаменитый Речной район, где не было никаких дорог, а только каналы. Место модное и популярное, но в то же время и чрезвычайно опасное. Район застраивали так же хаотично, как и весь город. Люди, передвигавшиеся по каналам на лодках, были одеты столь вызывающе и неприлично, что многие почтенные граждане заливались стыдливым румянцем при встрече с ними. Но в Речном районе это никого не удивляло.

Тэйна поражало великолепие столицы. Он уже бывал в Аксеками прежде, но до сих пор испытывал благоговейный трепет при виде этого города. Жизнь его проходила в тихих лесах, где единственным громким звуком был хлесткий винтовочный выстрел на охоте. Здесь же все вокруг гудело: звуки тысяч голосов, скрежет телег, мычание быков в повозках, которые тащились по улицам. Казалось, город бурлил на берегах реки, ожидая, когда послушник выберется из своего убежища на барже, чтобы поглотить его. Неутихающий шум сводил человека с ума. Тэйн боялся столицы и желал одновременно. То же самое он мог сказать и о своем будущем.

Кайку стояла на коленях перед зеркалом в гостевой спальне. Лицо, которое там отражалось, казалось незнакомым, хотя красный блеск уже ушел из глаз, и теперь они были естественного карего цвета. С тех пор как она взглянула в зеркало после пожара, мир перевернулся с ног на голову. И как жить дальше, Кайку не знала.

Снаружи доносились голоса слуг, вернувшихся с похорон. Мисани должна прийти с ними. Кайку подумала, что сейчас не самый лучший момент, чтобы покидать дом Колай.

Она не рыдала. Не могла. Надо сдерживать слезы, чтобы подавить пламя, подумала девушка в какой-то момент. Но правда заключалась в том, что Кайку не чувствовала печали. Горе,

выплеснувшееся наружу, не согнуло ее. Теперь оно не имело над ней никакой власти. Вместо него бедняжка чувствовала в груди тяжесть, будто в сердце образовался маленький камень, подобный темной жемчужине в раковине. Как можно теперь чему-то доверять, даже тому, что видела и слышала сама, когда двадцать лет безмятежного счастья и благодушия разбились на мелкие куски за один трагический день? Разве можно кому-нибудь доверять?

Кайку предстоял трудный выбор: сдаться или продолжать бороться.

Она выбрала последнее.

После вчерашнего пожара Мисани замкнулась в себе и отгородилась от подруги, словно стеной. Пламя потушили быстро, и дом почти не пострадал. Но ущерб, нанесенный отношениям, казался огромным. Еще вчера лучшая подруга, сегодня Мисани была холодна с Кайку и закована в броню безразличия. Когда возникла необходимость общаться, Кайку казалось, что Мисани требуется большое усилие, чтобы разговаривать с ней.

— Ты умерла, — сообщила подруга, пока слуги тушили пожар. — Это обычное явление: порченый не подозревает о своих отклонениях в течение многих лет, пока кто-то или что-то не вынудит их проявиться.

— Что ты говоришь? — Кайку потребовала объяснений, надеясь, что подруга не сможет подтвердить свои слова. — Ты же не священник, что ты можешь знать? Как можешь утверждать, у меня внутри не злой дух, а что-то другое?

Мисани отвернулась.

— Учителя мало рассказывали нам о порченых. Они преподавали манеры, чистописание, ораторское искусство, но ничего не сообщали о людях с отклонениями. Эти знания не подходят для образованных, утонченных, благородных девушек, таких, как мы с тобой. Но я много узнала, проведя несколько лет при дворе. Например, то, что порченый есть даже в императорской семье. — Мисани сказала это, понизив голос, словно боялась, что кто-то может их подслушать,

хотя отсутствие дверей в большинстве комнат в домах Сарамира подразумевало, что подслушивание строго порицается, и повторить услышанное тайком было равносильно тому, чтобы сказать непристойность. — Среди выловленной рыбы с каждым годом все больше испорченной. В каждой вытащен-ной сети рыбаки находят крабов с тремя клешнями, рыб с лишними плавниками, омаров без глаз. И таких отклонений все больше.

Она говорила напряженно, словно пытаясь подавить отвращение. Кайку до сих пор не осознала того, что произошло. И Мисани пыталась разъяснить подруге свои чувства. До Кайку доносились тревожные крики слуг, тушивших пожар, звон ведер, в которых таскали воду, чтобы залить огонь. Ей казалось, что это происходит где-то очень далеко.

— Однажды я увидела девочку, жившую в деревне у нашего поместья, — продолжила Мисани, стоя спиной к подруге. — На нее было страшно смотреть: кожа в разноцветных пятнах, выпадающие волосы, слепая и хромая. Но к чему бы ни прикасались руки несчастной, на этом месте тут же вырастали цветы. Даже на коже, Кайку. Даже на металле. Ее держали в загоне для скота. Она убила собственную мать, когда была еще младенцем. После того как бедная женщина позво-лила дочери дотронуться до своего лица, корни цветов про-росли через глаза. И она задохнулась от цветов, которые распустились во рту. — Мисани замолчала, словно не могла говорить, но через минуту продолжила: — Я никогда не видела людей, охваченных злым духом. Но мне доводилось видеть и слышать о порченых. Некоторые могли вызывать пламя, просто находясь в комнате. Кое-кто сгорел заживо, а остальных убили ткачи. У людей, умевших вызывать огонь, были общими два признака. Все они женщины. И у всех в момент возгорания глаза краснели, как у тебя. — Мисани наконец посмотрела на подругу. Ее пристальный взгляд был тверд и серьезен. — Порченые опасны. Ты — опасна. Представь, что могло бы случиться, если бы в комнате вместе с тобой находилась и я?

Все это было вчера. С тех пор гостья находилась в комнате одна. Никто из слуг не осмеливался нарушить ее одиночество. Все это время Кайку раздумывала над тем, что ее теперь ожидает и как следует поступить. Выбор был небольшой.

Девушка уже слышала горестный плач слуг, подошедших к дому. Они вернулись с похорон молодой служанки Йокады, которая стала единственным свидетелем происшествия, первой вбежав в пылающую комнату. Бедняжку обвинили в том, что она оставила в комнате госпожи горящую жаровню, не притушив пламя. И вчера вечером служанка отравилась, чтобы искупить свое преступление. Кайку сомневалась, что несчастная ушла из жизни добровольно. Скорее всего, Йокада даже не догадывалась, что выпила яд.

Придворная жизнь превратила Мисани в безжалостную, хладнокровную особу.

Кайку не питала на этот счет никаких иллюзий. Подруга защищала не ее, а всю свою семью.

Последствия могли оказаться ужасными, если бы вскрылось, что в их доме нашел приют порченый. Еще хуже то, что наследница дружила с нечистым существом с самого детства. Это губительно отразилось бы на всем семействе Мисани. Товары, которыми они торговали, могли бы обесцениться, а среди людей распространились бы слухи о странной рыбе в заливе Матакса. Присутствия Кайку в фамильном особняке было достаточно, чтобы разрушить благополучие семьи Колай. Мисани не могла допустить, чтобы длинный язык служанки навлек гибель на их дом.

Мисани вошла в комнату, не постучавшись, и обнаружила Кайку сидящей перед зеркалом. Девушка пристально посмотрела на отразившуюся в зеркале подругу.

— Слуги сообщили, что ты ничего не ела этим утром, — сказала Мисани.

— Я боялась последовать за бедняжкой Йокада, — сухо и холодно, словно разговаривала с врагом, ответила Кайку.

На хрупком бледном лице Мисани, обрамленном пышными черными волосами, не отразилось никаких чувств.

— Я не такое чудовище, чтобы пытаться убить подругу. Даже в сложившейся ситуации.

— Я уже ни в чем не уверена. — Кайку была непреклонна. — Возможно, ты изменилась за прошедшие годы. А может, я никогда не знала, какая ты на самом деле.

Мисани встревожили перемены, произошедшие в характере подруги. Кайку нисколько не стыдилась своего нынешнего состояния, а напротив, судя по воинственному тону, осуждала ее за слабость и предательство. Кайку всегда была упрямая и своенравна. Но держаться так вызывающе после всего, что произошло, она, по мнению подруги, теперь просто не имела права.

Кайку встала с коленей и повернулась лицом к Мисани. Она была на несколько дюймов выше подруги и теперь смотрела на нее свысока.

— Я ухожу, — спокойно произнесла Кайку. — Ты пришла сюда, чтобы спросить меня об этом?

— Я пришла совсем за другим, Кайку. — Мисани решила не обижаться на подругу за резкость. — Я хочу рассказать, что узнала о маске. Для тебя будет лучше, если ты отправишься на Фо и там поищешь ответы на свои вопросы. Уверена, ты понимаешь меня.

— Я многое могу понять, но не все принять. — Кайку по-прежнему держалась холодно и отстраненно.

В разговоре возникла пауза.

— Вот цена нашей дружбы, Кайку. Я не убила тебя, хотя ты должна понимать, насколько опасно для моей семьи твое пребывание здесь. Ты знаешь — если откроется, что ты порченая, мы все пострадаем.

— А меня убьют ткачи. — Кайку грустно улыбнулась. — Я слишком дорожу своей жизнью, чтобы позволить ей оборваться так нелепо. Мне казалось, ты тоже считаешь человеческую жизнь бесценной.

— Когда-то считала, — согласилась подруга. — Но с тех пор многое изменилось.

— Но я не изменилась, Мисани. Если бы я заболела лихорадкой, ты ухаживала бы за мной и не отходила от моей постели.

ли, даже рискуя заразиться. Если бы за мной охотились убийцы, ты защитила бы меня, использовав власть всего вашего семейства, даже сама подвергаясь опасности. Но это... с этим ты не можешь мириться. Я заражена и причиняю тебе неудобство, Мисани. Я не хотела быть особенной. Как же ты можешь обвинять меня в том, что я такой родилась?

— Просто то, что я вчера узнала, — помедлив, решилась Мисани, — вызывает во мне отвращение.

Слова подруги причинили Кайку боль, она сжалась как от удара хлыстом. Но возразить не смогла.

— Можешь взять любую одежду, — сквозь зубы продолжила Мисани, — и еду на кухне. Возьми все, что захочешь. Взамен я прошу лишь об одной любезности. Уходи после заката, чтобы тебя никто не увидел.

Кайку гордо подняла подбородок вверх.

— Я ничего не прошу у тебя, и сама никому ничего не должна. Я хочу забрать только то, что принадлежит мне: маску моего отца, одежду, в которой пришла сюда, и мешок. Я уйду отсюда, как только получу их.

— Как пожелаешь. — Мисани сделала паузу, словно хотела сказать что-то еще, но не решилась и, повернувшись, вышла из комнаты.

Кайку вышла через главные ворота, как только слуги вернули ее вещи. Отец Мисани отсутствовал, поэтому ей не пришлось выбирать, поблагодарить ли за гостеприимство или уйти, не попрощавшись. Кайку чувствовала, что слуги смотрят ей вслед. Внешний вид подруги госпожи, выходящей из дома в брюках и ботинках — одежде для путешествия — не мог не вызвать пересудов. К тому же некоторые полагали, что именно Кайку виновна в смерти Йокады. Но вся эта суeta больше не волновала девушку.

«У меня теперь есть цель. Мое предназначение в том, чтобы отправиться на остров Фо. Там я попытаюсь узнать, кто и почему убил мою семью».

После того как утихла буря, духота только усилилась. На ясном небе засияло яркое солнце, и Кайку непроизвольно сощурилась. Улицы императорского квартала, как всегда, сияли чистотой.

Девушка твердо решила не думать о том, как подруга обошлась с ней, пока не окажется подальше от некогда гостеприимного дома. Она не позволит прошлому помешать ее планам. В деньгах Кайку не нуждалась. Теперь ее путь лежал в доки.

Особняк семьи Колай остался позади. Кайку свернула на узкую боковую уличку, защищенную от солнца склонившимися деревьями, и почти столкнулась с Тэйном, который шел навстречу с какой-то женщиной.

На мгновение оба остолбенели от удивления. Наконец, к Кайку вернулся дар речи.

— Приветствую тебя, Тэйн, — с трудом выговорила она. Неожиданная встреча потрясла ее. — Что ты делаешь в Аксеками?

— Мы искали тебя, — ответил юноша и указал на свою спутницу. — Это — Джин, посыльная.

Кайку повернулась к женщине, которая шла рядом с Тэйном, и ее лицо залила мертвенная бледность. Звонкое щебетание птиц, весело порхавших на деревьях, затенявших переулок,казалось, затихло.

— Что с тобой? — Тэйн легонько потряс девушку за плечо. — Тебе плохо? Ты заболела?

Сознание отказывалось верить тому, что видели глаза. Слабые различия в фигуре, волосах, губах, коже... Но все это ничего не значило. Кайку в упор смотрела на посыльную. Не может быть... Но она была уверена, что не ошиблась.

— Она не больна. — Джин отстринила юношу и, схватив Кайку за ворот, грубо притянула к себе так, что их носы почти соприкоснулись. Тэйн, оторопев, застыл в изумлении. — Ты ведь узнала меня, не правда ли, Кайку?

Кайку кивнула, внезапно испугавшись.

— Азара, — выдавила из себя девушка, с трудом переводя дыхание.

— Азара, — подтвердила посыльная, и Кайку почувствовала острый укол лезвия в живот.

Глава 12

Своими ослепительными цветами, голубым, зеленым, пурпурным, белым и желтым, Речной квартал явно вступал в противоречие с примыкавшими к нему районами и поражал своим великолепием. Его шикарные дорогие особняки возвышались над остальным городом, толпясь на маленьком клочке суши. Берега каналов, рассекавших район, были выложены шлифованными каменными плитами лазурного цвета. Над всем этим великолепием высился храм Паназу. Паназу был богом дождя, штормов и рек, поэтому район не имел никаких дорог — только каналы, по которым скользили лодки, перевозя грузы и пассажиров.

Все дома в Речном районе располагались на островках неправильной формы, окруженных сетью каналов, разбегавшихся, словно трещины в разрушающейся каменной плите. Квартал находился к югу от реки Керрин и представлял собой хаотичное скопление жилых зданий, игорных домов, театров, магазинов и питейных заведений.

Когда-то давно на этом месте располагались старые товарные склады да загоны для скота. Но Аксеками рос. Большие грузовые баржи все чаще причаливали к берегам Керрин. Узкие каналы Речного района стали неудобны для приема и разгрузки крупных судов. И постепенно постройки для хранения и обработки грузов сместились на северный берег реки.

Затем квартал на долгие годы превратился в приют для преступников и низшего сословия, пока часть элиты сарамирского общества не решила, что жить в месте, где отсутствуют дороги, очень оригинально. Цены на землю тут же взлетели, и каждый кусочек района застраивался по безумным архитектурным проектам в надежде затмить соседа. С притоком богатых кли-

ентов преступность тоже развивалась: лачуги, заполненные продажными девками, исчезли — взамен появились изысканные притоны и публичные дома. Речной район притягивал золотую молодежь, богатую и скучающую, безрассудно проматывающую в пьянстве и разврате деньги отцов. Это было опасное место, но опасность имеет свойство привлекать, поэтому квартал процветал.

— Я думала, она мертва, — задумчиво проговорила Кайку.

Тэйн повернулся и посмотрел на нее. Это были первые слова, которые Кайку произнесла с тех пор, как Азара — женщина, которую послушник встретил у водопада, — заперла их.

Через щели в потолке внутрь проникали солнечные лучи, слегка освещая лицо девушки. В темной комнате стояла невыносимая духота.

— Кто она? — поинтересовался Тэйн.

Юноша сидел на одной из грубых каменных скамей квадратной формы, спускавшихся ярусами в неглубокую яму в центре комнаты. Помещение, бывшее прежде парилкой, теперь пустовало, и воздух в нем отдавал затхлостью.

— Не знаю, — ответила Кайку. Она сидела чуть ниже, с другой стороны ямы. — В течение двух лет Азара прислуживала в доме моих родителей. Но теперь мне кажется, я никогда не знала ее. Эта женщина совсем не та, кем представляется.

— Я подозревал, — признался Тэйн. — Но у нее метка императорского посыльного. Насколько я знаю, тех, кто сделает такую татуировку без разрешения императорской канцелярии, ждет мучительная смерть.

— Она сгорела заживо, — не слушая юношу, продолжила Кайку. — Я видела ее лицо, обгоревшее и изуродованное. Сейчас она... она еще красивее, чем прежде. Я могла бы предположить, что это сестра Азары, если бы не глаза. Тэйн, моя служанка сгорела. Как же она могла воскреснуть?

Азара была вне себя от гнева. Кайку все еще чувствовала сталь кинжала на своей коже. В тот момент она не сомневалась, что служанка, желая мести, без промедления воткнет оружие в тело бывшей хозяйки.

Но в чем ее вина? Вплоть до последнего момента она думала, что спасительницу-служанку убило какое-то не поддающееся контролю проклятие. Но теперь девушка знала, что ошиблась. И принять это было не так просто.

— Ты оставила меня умирать, Кайку, — прошипела Азара. — Я спасла тебе жизнь, а ты оставила меня умирать.

Тэйн, справившись с изумлением, сделал шаг вперед, чтобы защитить девушку, которую так долго искал.

— Оставайся на месте, Тэйн, — цыкнула на юношу Азара. — Я слишком много сделала для того, чтобы эта девчонка выжила, и поэтому не собираюсь убивать ее сейчас. Но я не ручаюсь за себя, если ты попытаешься вмешаться. Ты умрешь прежде, чем успеешь достать свой нож.

Сомневаться в том, что она выполнит угрозу, не приходилось. Послушник вспомнил странный блеск в ее глазах в ночь их первой встречи. Он не знал, кто скрывается в облике красавицы, и предпочел не рисковать.

— Мне показалось, что я убила тебя, — попыталась объяснить Кайку. Она говорила спокойно, хотя внутри все тряслось от страха. — Я испугалась, когда увидела, что произошло, и убежала.

Вначале девушка хотела попросить прощения за свой поступок, но потом передумала. Извиниться — значит признать вину. Она не станет просить прощения за то, что произошло в лесу. Особенно теперь, после обмана Азары.

— Да, ты сбежала, — зло усмехнулась служанка. — Ты могла бы дорого заплатить за то, что сделала. Но мне дали поручение, и ты — часть его. Следуй за мной. — Она повернулась к Тэйну. — Можешь присоединиться к нам или отправиться восвояси.

— Куда? — машинально спросил Тэйн, уже давно решивший, что не бросит Кайку.

— В Речной район, — ответила Азара.

Служанка спрятала кинжал и предупредила спутников, чтобы они даже не пытались сбежать, хотя никто из них и не собирался этого делать. Несмотря на всю ее грусть и злость, оба

чувствовали, что Азара не причинит им вреда. Когда Кайку проанализировала то, что знала о служанке, то пришла к простому выводу: Азара с той самой ночи, когда погибла ее семья, постоянно пыталась куда-то доставить бывшую госпожу. Если бы она решила ее похитить, то давно бы уже осуществила задуманное. Здесь было что-то другое.

Кайку, по словам Азары, являлась частью какого-то поручения. И именно поэтому путники направлялись сейчас в Речной район. Кайку охотно последовала за служанкой. Девушке хотелось хотя бы приоткрыть завесу окутывающей ее тайны.

Процессия пересекла Керрин по большому мосту Гилза, висящему на цепях, и оказались среди безвкусных разноцветных зданий. Внезапно открывшаяся картина избыточной роскоши и сумасбродства ошеломляла, как будто мост был барьером между городом и этим местом, населенным ярко и вызывающе одетыми и раскрашенными существами. Здесь запрещалось использовать колесный транспорт — только плоскодонки. Ярко раскрашенные крошечные лодки, издалека казавшиеся цветами на речной воде, сновали туда-сюда по узким каналам.

Азара подвела своих спутников к заброшенному, стоявшему на отшибе, удивительно раскрашенному зданию, судя по вывеске, бывшему некогда аптекой. Позади него располагалось низкое деревянное сооружение, очевидно парилка. Все вокруг было завалено пыльными каменными плитами.

— Ждите здесь, — приказала Азара. — Не заставляйте меня разыскивать вас, иначе сильно пожалеете.

С этими словами она вышла. Раздался эвон цепи и скрежет ключа в замке. Теперь молодые люди наверняка не могли выбраться наружу. За все время пути Азара не проронила ни звука, и пленники пребывали в полном неведении относительно того, что происходит.

Оставшись одни, Тэйн и Кайку разговорились. Послушник рассказал девушке о страшной части, постигшей священников храма. Кайку поделилась сведениями, которые Мисани удалось выведать у старого ученого. Но, хотя беседа текла так же легко, как и в первые дни их знакомства, молодые люди по-

прежнему не были откровенны до конца. Кайку ни словом не обмолвилась ни о своем отклонении, ни о том, почему покинула дом подруги. Умолчала она и о том, что произошло между нею и Азарой в лесу. Тэйн скрыл от девушки, что гибель священников нисколько не трогает его, что он испытывает лишь странное волнение перед предстоящими событиями. Юноша горел желанием узнать, какое предназначение уготовила ему судьба.

Так парочка проводила время в ожидании Азары. Ни один из них не испытывал страха. Кайку уже оправилась от шока и теперь решила не вмешиваться в течение событий. Самое печальное, что могло случиться, это смерть. И, размышляя над своим нынешним положением, девушка пришла к выводу, что, возможно, это будет и к лучшему...

Лучи света проникали в помещение сквозь щели в потолке, когда-то проложенные просмоленной паклей. Но пакля давно стенила, а смола от старости высохла и выпала, поэтому каждый раз, когда открывались двери, на восточной стене плясали кривые тени.

Неожиданно дверь распахнулась, и в помещение вошла высокая, как башня, незнакомка, одетая во все черное, с пелериной из вороных перьев, наброшенной на плечи. Два полумесяца, нарисованные темной краской, тянулись от щек до лба. Красные губы украшали нарисованные черные треугольники, отчего белые зубы казались еще ослепительнее. Волосы незнакомки казались такими же темными, как и одежда, цвета ночи в солнечный день, и были завязаны в два толстых хвоста и закинуты за плечи. Маленькая серебряная сережка украшала бровь, сверкающая драгоценным камнем.

Незнакомка проскользнула в комнату. За ней вошла Азара и закрыла за собой дверь.

— Приветствую вас, — промурлыкала черноволосая. Ее голос был подобен кошачьим когтям, спрятанным в бархатные ножны. — Приношу извинения за не совсем удачное место встречи, но нам необходимо хранить все в тайне.

— Кто ты? — потребовал ответа Тэйн, изучая ее диковинное одеяние и внешний вид. — Колдунья?

— Колдовство — это суеверие, Тэйн ту Джерибос, — усмехнулась незнакомка. — Я намного хуже. Я — порченая.

Глаза Тэйна засверкали, и он с гневом посмотрел на Азару.

— Зачем ты привела нас сюда?

— Успокойся, Тэйн, — попросила Кайку, хотя и сама чувствовала себя неуютно в сложившейся ситуации. — Давай выслушаем их.

Юноша вспыхнул, затем, по очереди посмотрев на трех женщин, возмущенно фыркнул:

— Я не стану слушать такую, как она.

— Тогда убирайся. Тебя никто не задерживает, — просто сказала Азара.

Тэйн посмотрел на дверь, потом на Кайку.

— Ты идешь?

— Она останется. — Азара по-прежнему говорила очень спокойно. — По крайней мере пока не выслушает нас.

— Тогда я подожду тебя снаружи. — Послушник кивнул в сторону выхода, подошел к двери и вышел на улицу.

— Это твой друг? — поинтересовалась незнакомка, капризно скривив губы.

— Можно сказать и так. — Кайку пожала плечами. — Хотя... кто знает?

Незнакомка понимающе улыбнулась.

— Это хорошо, что он ушел. Есть вещи, которые я должна обсудить с тобой с глазу на глаз — для твоей же пользы. Если захочет, то может прийти позже.

Кайку представилась:

— Кайку ту Макайма. — Это был лучший способ узнать, с кем она разговаривает.

— Я — Кайллин ту Моритат, сестра Красного ордена, — услышала она в ответ. — Мы давно наблюдаем за тобой.

— Да, Азара рассказывала мне. — Кайку посмотрела на бывшую служанку. — Чего вы хотите от меня?

— Ты изменилась, Кайку. — Кайллин словно не расслышала вопрос. — Уверена, теперь ты и сама знаешь об этом. В тебе пылает огонь.

— Ты знаешь причину появления этого огня? — взволнованно спросила девушка, не обращая внимания на настороженные взгляды Азара.

— Да, — тряхнув волосами, ответила Кайлин.

Кайку принялась нервно накручивать прядь на палец. Девушка боялась задать следующий вопрос. Они стояли друг против друга и молчали. В душном, спертом воздухе под солнечными лучами танцевали облачка пыли.

— Я — порченая? — наконец разлепила губы Кайку.

— Да, — без тени смущения ответила Кайлин. — Как я и Азара. Но не воспринимай это слово так серьезно. Я знала так называемых порченых, которые ушли из жизни, не в силах вынести свое новое предназначение. — Кайлин посмотрела на собеседницу сверху вниз. — Но ты сильнее, чем они. И я научу тебя не стыдиться своего отклонения.

Кайку оценивающе посмотрела на собеседницу.

— Чему ты еще можешь меня научить?

Азара одобряюще кивнула, заметив, как изменилась Кайку с той страшной ночи. За это время бывшая хозяйка многое выстрадала, столкнулась с неприятной истиной, но это не сломило ее. Похоже, уверенность Кайлин в силе девушки имела основания.

— Ты просто не знаешь, как управлять тем, что находится внутри тебя, Кайку, — объясняла тем временем Кайлин. — Сейчас это проявляется как огонь, как разрушение, ребяческие приступы гнева. Я могу научить тебя, как приручить твою силу. Я обучу тебя таким вещам, о которых ты и не мечтала.

— И что ты хотела бы получить взамен?

— Ничего.

— В это трудно поверить.

Во время всего их разговора Кайлин стояла, выпрямившись, словно тонкая статуя, завернутая в тень.

— Орден весьма малочислен. Ткачи добираются до большинства наших потенциальных кандидатов прежде, чем мы. Во многих случаях несчастные по неосторожности поджигают себя или сводят счеты с жизнью, открыв, какими способ-

ностями обладают. Мы учим их, как совладать с силой, данной свыше, прежде, чем их способности уничтожат своих невольных хозяев. И тогда они выбирают собственную тропу. Каждый из нас свободен сделать выбор: уйти или принять жизнь такой, какая она есть. Некоторые, так же как и я, начинают заниматься с другими порчеными. Я обучу тебя прежде, чем твоя сила убьет тебя и тех, кто окажется рядом. Захочешь остаться с нами или уйдешь — это твоё дело. Я рискну.

Ее слова не убедили Кайку. Бескорыстная забота о благе других никак не сочеталась с надменностью, явно свойственной даме в черном. Что действительно скрывалось за предложенной помощью? Простая самовлюбленность? Желание сформировать что-то подобное своему образу? Или нечто совсем другое?

— Она тоже из вашего Красного ордена? — поинтересовалась Кайку, кивнув в сторону бывшей служанки.

— Нет, — коротко бросила Азара и вновь умолкла.

Кайку вздохнула и села на каменную скамью.

— Тогда, может, ты объяснишь? — обратилась она к Кайлине.

Кайлин не пришлось просить дважды.

— Красный орден создан теми, кто обладает уникальными способностями. Ты наделена силой, которую мы называем канем. Эта способность проявляется только у женщин. Отклонения не всегда случайны, Кайку. Некоторые неожиданно проявляются и исчезают, и так повторяется много раз. Не нужно воспринимать свою силу как болезнь или проклятие. Это дар, обладать которым опасно, если не знать, как с ним обращаться. За последние годы мы научились находить тех, кто обладает подобной силой прежде, чем она проявится. Некоторые таланты обнаруживаются еще в младенчестве. Таких детей обычно отдают ткачам. Но некоторые, подобно тебе, открывают свой дар только в момент гнева или сильного проявления чувств. В тебе скрыт огромный потенциал, Кайку. Мы узнали об этом лишь несколько лет назад.

— И отправили Азару наблюдать за мной? — поинтересовалась Кайку — в голосе ее слышалась смесь удивления и насмешки. — Ждать, пока не проявится эта... каны? И тогда она привела бы меня к тебе.

— Вот именно. Но события развивались совсем по другому сценарию.

Кайку обхватила колени руками и опустила голову. Спустя мгновение, из-под свесившихся вниз каштановых волос раздался смех.

— Что смешного? — холодно поинтересовалась Кайлин.

— Простите меня, — произнесла девушка сквозь смех. — Вся эта трагедия... все, что случилось со мной... И теперь ты предлагаешь мне учиться?

— Я предлагаю то, что сохранит тебе жизнь, — гневно бросила Кайлин. Похоже, она рассердилась не на шутку.

Смех стих. Девушка резко вскинула голову и пристально посмотрела на Кайлин.

— Твое предложение, без сомнения, заинтриговало меня. Но я не могу его принять.

— Из-за отца? — Холодок в голосе Кайлин пропал отчетливее.

— Я поклялась богам, что отомщу за него. И не могу нарушить свой обет из-за вас. Я поеду на остров Фо и найду мастера, который сделал маску для моего отца.

— Она все еще у тебя? — удивленно поинтересовалась Азара.

Кайку кивнула.

— Можно посмотреть на нее? — спросила Кайлин.

Кайку немного поколебалась, но затем все-таки достала маску из мешка.

В тот момент, когда женщина склонилась над ухмыляющимся лицом, дыхание горячего ветра пронеслось по помещению, отчего перья на ее пелерине задрожали.

— Твоя сила опасна, — произнесла Кайлин. — Или ты убьешь ее, или она тебя. Я даю тебе шанс спастись. Если ты

сейчас уйдешь, то, возможно, не доживешь до нашей следующей встречи.

Кайку внимательно смотрела на собеседницу, размышляя о чем-то, и наконец решилась.

— Расскажи мне о маске, — попросила девушка.

— Ты что, не слышишь меня?

— Слышу. Но я вправе сама решить, как мне распорядиться жизнью.

Кайлин вздохнула.

— Боюсь, упрямство до добра не доведет. У меня есть предложение. Я расскажу тебе о маске, если ты обещаешь, что вернешься и дослушаешь меня.

Кайку склонила голову в молчаливом согласии.

— Все будет зависеть от того, что ты расскажешь.

Кайлин оценивающе посмотрела на девушку, пытаясь измерить крепость ее характера или уловить подвох, но если и почувствовала что-нибудь, то не подала виду и возвратила Кайку маску.

— Маска — это карта. Проводник. Место, откуда она пришла, ты не найдешь. Оно надежно спрятано от глаз обычных людей. Но маска укажет путь. Надень ее, когда захочешь узнать свое предназначение, и она впустит тебя в свое жилище.

— Не вижу смысла во всех этих загадках, — непонимающе произнесла Кайку.

— Маска открывает невидимые барьеры. Место, которое ты ищешь, спрятано. И маска нужна, чтобы найти его. Это все, что я могу тебе рассказать.

— Этого мало.

— Мне нечего добавить. Где-то на севере, в горах острова Фо, затерялся монастырь ткачей. Дорога к нему давно бы исчезла с карты, но телеги с провизией постоянно прибывают в деревню Хайм. Монахи меняют маски отцов Предела и другие необычные вещи на еду. — Кайлин плавно взмахнула рукой. — Отправляйся в Хайм. Может, там ты найдешь то, что ищешь.

Кайку задумалась. То, что рассказала Кайлин, совпадало с предположениями Копания. Она кивнула.

— Хорошо. Если твои слова окажутся правдой, я вернусь, и мы продолжим наш разговор.

— Сомневаюсь, что ты проживешь так долго. — С этими словами Кайлин вышла, оставив Кайку и Азару одних.

Азара едва заметно улыбнулась.

— Знаешь, Кайлин легко могла заставить тебя остаться.

— Подозреваю, она хотела получить мое согласие без принуждения.

— Ты ужасно упрямая, Кайку.

— Ну что, простимся? — не утруждая себя ответом, произнесла девушка.

— У меня к тебе просьба, — решилась Азара и, откинув черные с рыжими прядями волосы за плечи, гордо подняла голову. — Возьми меня с собой на Фо.

Кайку удивленно подняла бровь.

— С какой стати?

— Ты знаешь, что такое честь и долг. К тому же ты многим мне обязана.

Кайку довод Азары не убедил. И, похоже, бывшая служанка это заметила.

— Я обманула тебя, Кайку, но ни разу не предала. Ты не должна меня бояться. У нас с тобой общая цель. Обстоятельства, предшествовавшие смерти твоей семьи, интересуют меня не меньше, чем тебя. Я погибла бы вместе с тобой, будь демоны тени чуть проворнее. И хочу напомнить, что, если бы не я, ты лишилась бы не только маски, но и жизни.

Кайку покачала головой:

— Интересно, что ты не называешь мне истинной причины. Я не доверяю тебе, но долги нужно возвращать. Ты можешь пойти со мной.

— Очень хорошо, — улыбнулась Азара. — Я позабочусь о том, чтобы восстановить утраченное доверие.

— А как же быть с Тэйном? — спохватилась Кайку. — Ты привела его сюда. Что теперь с ним делать?

— С Тэйном? — переспросила Азара. — Мне нужна была его лодка. Он немного медлителен и не больно расторопен, но

не вызывает у меня неприятных чувств. Думаю, Тэйн мог бы пойти с нами, если ты позволишь. Он пытается найти те же ответы на те же вопросы, что и мы. Ведь тот, кто послал шиншинов, чтобы убить твою семью, несет ответственность и за резню в храме.

Кайку посмотрела на Азару. На мгновение она поразилась тому, как стремительно развиваются события. Ее словно подхватил бурный поток. И остановить столь быстрое погружение в неизвестность никто не в силах. Кайку сдалась.

— Значит, отправимся втроем. Утром мы уезжаем.

Поместье семьи Амаха находилось к востоку от Аксеками. В этом месте остроконечные скалы гор Чамил разделяли стремительный водный поток Керрин надвое. Одна из образовавшихся рек неторопливо несла свои воды на север. В ней водилось много рыбы, и ничто не угрожало тому, кто направит свое судно по ее неспешным волнам. Течение же той реки, что поворачивала к югу, наоборот, было бурным и предательским. Река Ран, мелкая и быстрая, часто меняла свое русло.

Ран огибало имение с востока и затем направлялось к землям Ксаранского Разлома, где обрушивалась широким водопадом с отвесных скал. Даже самые отчаянные путешественники на лодке размером с каноэ не могли проскочить отвесный скалистый обрыв. Таились здесь и другие опасности, так что лишь немногие храбрецы отваживались проникать в это часто посещаемое привидениями место. Водопад фактически перекрывал речной путь между Аксеками и плодородными землями юга, вынуждая совершать длительную поездку по берегу.

От того пункта, где река разветвлялась, скалистые горные хребты спускались к долине, огороженной земляными дамбами от наводнений. Рисовые поля вперемешку с соляными участками раскинулись на склонах. С помощью огромных колес местные жители черпали воду из реки, чтобы доставлять живительную влагу на поля.

На вершине самого высокого холма располагалось поместье семьи Амаха — множество зданий, окружающих необыч-

ной формы строение с высокими стенами из серого камня, укращенное по бокам башенками и укрытое покатой крышей из красного сланца. Дом построили так, чтобы в полной мере использовать особенности холмистого ландшафта. Одно крыло располагалось на скалистом утесе, другое спускалось в ложбину. У остальных строений были такие же красные крыши и стены, сложенные из темно-коричневого дерева, чтобы соответствовать фасаду главного здания.

К западу от особняка холмы полого спускались вниз. Здесь не было рисовых полей — их заменяли огромные фруктовые сады, привлекающие внимание темно-зеленою листвой и различными плодами: апельсинами, персиками, айвой, грушами... Среди этого великолепия и тренировалась пятитысячная армия семьи Амана.

Воины по команде строились в боевые порядки, формируя отряды копьеметателей, стрелков, фехтовальщиков и кавалеристов. В душный, жаркий полдень солдаты хрюпали от напряжения и обливались потом, отрабатывая приемы ведения боя. Легкое обмундирование из дубленой кожи не сковывало движений и позволяло легко маневрировать. В Сарамире не пользовались стальными латами из-за безжалостно палящего солнца. Жара убила бы закованного в броню воина на месте. По этой же причине сарамирские солдаты не носили шлемов. Головным убором служила широкая лента или цветной платок. Военная тактика строилась на скорости и свободе движения.

На другом конце сада командиры проводили занятия по фехтованию, отрабатывая элементы защиты и нападения, ведения боя в строю. Солдаты двигались грациозно и легко, словно танцуя у смертоносных остриев мечей.

Канониры целились в мишени, установленные вдали на валах, и крики их командиров разносились по всему поместью. Баллисты были проверены и откалиброваны.

Семья Амана готовилась к войне. Сонмага важно ехал верхом через жару и пыль, поднятую тысячами солдатских ног. В ушах эвенело от шума битвы, резких команд офицеров и шумных ответов воинов. Воздух пропах потом и влажной кожей,

лошадьми и адским запахом серы от пушечных снарядов и винтовочных выстрелов. Вельможа раздувался от гордости, точно воздушный шар. Какие бы дурные чувства и опасения ни тревожили его раньше, сейчас сердце Сонмаги переполнял восторг при виде пяти тысяч воинов, готовых отдать жизнь по его команде. Не то чтобы он ценил преданность — в конце концов, главная обязанность солдата в том и состоит, чтобы умереть, когда это требуется господину, и эта обязанность вместе с традицией являлись опорами, на которых держалось общество. Его возбуждало ощущение власти над человеческими судьбами. Кто распоряжается другими, близок к богам.

Сонмага провел все утро верхом, осматривая армию и выступая с речами перед воинами. Решение тренироваться без перерыва, несмотря на жаркий день, было продиктовано тем, что они, по мнению вельможи, должны уметь воевать в любых условиях, и встречено подчиненными с восторгом. Иной реакции он и не ожидал. О дисциплине в армиях воинов Амака ходили легенды. К тому же Сонмага не привык, чтобы его приказания обсуждались.

Внезапно поддавшись поэтическому порыву, он пришпорил лошадь и поскакал сквозь шеренги к дому, очертания которого расплывались в знойном мареве полдня. Но целью его был не сам особняк. Проскарав мимо, Сонмага остановился на склоне холма, спешился и стал всматриваться в пыльную даль.

Глава рода стоял на низком утесе, отколотшемся от скалы. Позади него располагались сложенные без раствора стены, огораживающие фруктовые сады. Оставив лошадь пастись на склоне, он с высоты утеса рассматривал свои войска.

От масштаба совершающихся внизу маневров и численности войск у Сонмаги перехватило дыхание. Но еще больше впечатляла необъятная ширь открывшихся равнин, на которых даже пятитысячная армия казалась незначительной. Люди выглядели муравьями на фоне величественных просторов. Великолепие и размах природы затмевали всю роскошь поместья. Синее небо, не потревоженное ни единным облаком, сияло подобно драгоценному камню. Водный поток Керрин ослеплял, мигая и пе-

реливаясь в свете глаза Нуки. Гладь реки тянулась широкой дорогой к скрытому за горизонтом Аксеками. По равнинам вдоль дорог протянулись пунктирами деревья. Сонмага страстно желал увидеть огромные стада скота, пасшегося на густой траве, но дрожавший от жары знойный воздух делал все вокруг неясным и иллюзорным.

Сонмага прошептал молитву, благодаря богов. Он не считал себя впечатлительной натурой, но в такие моменты душа таяла, словно пчелиный воск. Природа внушала благоговейный страх. Один только вид этих необъятных просторов приводил его в трепет.

Взгляд вернулся к казавшимся сверху крошечными отрядам, и Сонмага почувствовал, как исчезают последние сомнения. Что бы ни вышло из его плана, чем бы все ни закончилось, он знал, что поступает по велению сердца. Государственный переворот должен совершиться по его сценарию. Идея гражданской войны была ему противна.

Сонмага не отрицал, что жаждет власти. Ему хотелось превратить семью Амаха в правящую династию, прославить и навсегда сохранить в истории имя своего рода.

Но сейчас на кону стояло нечто большее, чем императорский трон. Глубокая, прочная любовь Сонмаги к земле не позволяла оставаться в стороне и равнодушно взирать на происходящее. Всеобщий упадок и разруха больно ранили его душу. Всеобщая проката не миновала даже ухоженные сады семьи Амаха. С каждым годом росло число испорченных плодов, новые ветки на деревьях вырастали кривыми. И хотя болезнь поразила его земли намного меньше, чем другие, менее удачливые территории, Сонмага страдал, словно зараза поражала не почву, а его самого. А в последнее время в крестьянских семьях, обитающих на подвластных вельможе землях, стали рождаться порченые дети.

Больше всего на свете этот властный человек боялся, что и сам может стать отцом такого ребенка. Уж лучше свести счеты с жизнью, чем подвергнуться подобному позору.

И вот теперь Люция... Наследница императорской семьи родилась с отклонениями. Нет большего оскорблении богам, природе и здравому смыслу. Не время закрывать глаза на подобное вопиющее попрание традиций и устоев. Если Люция воцарится на троне, порченые наводнят Сарамир. Именно они, по мнению Сонмаги, несли в мир зло, убивающее все вокруг.

Одного желания властвовать было недостаточно, чтобы заставить Сонмагу присоединиться к тем, кто готовился начать войну против императрицы. Но чтобы остановить распространение проказы, можно и должно пойти почти на все.

Он нашупал в кармане письмо с печатью Авана ту Колай и перечитал еще раз. Времени в запасе почти не оставалось.

Глава 13

Остров Фо располагался к северо-западу от побережья Сарамира, в одном дне пути по бурым волнам канала Камаран. После полудня ветер посвежел и теперь с воем и свистом прорывался сквозь огромные, раздувающиеся, как крылья какого-то великолепного морского чудовища, паруса.

«Летний ветер» был торговым судном, принадлежащим самой богатой компании в Джинке. Корабль уверенно пробивал себе путь, разрезая водную гладь резными бортами, которые до самой кормы украшали изображения резвящихся тюленей и китов, морских духов и воображаемых животных из неведомых глубин. Внушительный строй парусов с полированными деревянными шпангоутами, удерживавшими огромные полотна бежевого холста с красным символом компании, производил неизгладимое впечатление. Красивое судно несло на себе груз таких же красивых вещей: шелка, духов, специй. На борту находилось несколько пассажиров. Двое из них внимательно всматривались в очертания вырисовывающегося впереди пустынного острова.

Кайку бездельничала около дубового ограждения, отделяющего переднюю палубу. Развевающиеся волосы беспокойно метались по загорелым щекам. Ее прическа не слишком под-

ходила благовоспитанной даме, но сейчас девушка и чувствовала себя не юной дамой, а сорванцом. Она носила мешковатые брюки из тяжелой ткани и ботинки из мягкой кожи, туго обвязанные шнурками на щиколотках. Кроме того, на Кайку была легкая голубая рубашка, застегивавшаяся на правую сторону — у мужчин было наоборот, — с широким красным поясом вокруг талии. Девушка ощущала солнечные лучи на коже и выгибалась, словно кошка, наслаждаясь теплом. Тэйн, стоявший поблизости, смотрел на спутницу голодными глазами.

Прошла неделя с тех пор, как молодые люди остались Аксеками и сели на баржу, следовавшую до Джинки. Путешествие вверх по реке на судне без парусов оказалось довольно медленным. Но воды в Джабазе в это время года было мало, река словно ленилась, поэтому капитан нанял большое количество гребцов. Они изредка появлялись на палубе, чтобы подышать свежим воздухом. Все остальное время гребцы сидели в трюме, где стояла невыносимая жара, и нажимали на весла, приводя баржу в движение.

Отрезок пути от Аксеками вверх по Джабазе оказался легким и спокойным. Погода стояла чудесная, на небе ни облачка. И все же Тэйн с отвращением вспоминал этот этап. Путешествие омрачалось присутствием на борту «Летнего ветра» ткача, направляющегося в Джинку.

Важного гостя поселили в отдельную каюту в задней части судна, где он проводил почти все время. В услужение ткачу дали юнгу, круглоголового паренька лет двенадцати. Мальчишка приносил еду и питье и выносил ночной горшок. Юнгу звали Ранфи, и он был практически единственным человеком на борту баржи, который все время улыбался. Заразительный смех парнишки частенько раздавался в разных концах палубы.

В один из таких спокойных дней Кайку почувствовала ужасную слабость. Тэйн постоянно находился рядом с девушкой, в отличие от Азары, предпочитавшей одиночество, и успел подхватить спутницу, прежде чем та упала без чувств.

Кайку громко простонала и оперлась о руку юноши. Голову пронзил луч света, она как будто раскалывалась на части. Де-

вушка смотрела на послушника невидящими глазами. Тэйн чувствовал, что Кайку что-то скрывает, но задавать вопросы не стал — что толку расспрашивать, если ответов все равно не будет. Он сидел с бедняжкой до тех пор, пока слабость не прошла, и Кайку, наконец, не открыла глаза.

Девушка захотела пойти и прилечь, сославшись на то, что у нее просто разболелась голова от палившего солнца.

Когда Кайку ушла, Тэйн остался один, любуясь блеском трех лун в водной глади. Река мирно текла вдоль скалистых берегов, освещенная светом Иридимы. Кругом стояла тишина, лишь изредка нарушаясь плеском разбивающихся о корпус баржи волн да скрипом весел. Послушник чувствовал, что обретает душевное спокойствие, к которому так долго стремился в стенах храма.

Внезапно из каюты ткача раздался оглушительный вопль. Юноша бросился на крик, чтобы узнать, в чем дело.

Похоже, ткач в приступе ярости крушил все, что попадалось ему под руку. Двое охранников, выставленных у дверей, не делали никаких попыток разогнать небольшую толпу зевак, сбежавшихся на шум, но внутрь никого не выпускали. Никого, кроме Ранфи. Парнишку привел за руку один из охранников. Мальчик не сопротивлялся. Но взгляд его глаз, полных страха, еще долго преследовал по ночам послушника. Охранники открыли дверь, и внутри все стихло. От установившейся тишины Тэйн похолодел. Ранфи втолкнули в каюту.

Юноша и шесть моряков стояли у двери всю ночь и слушали крики мальчика, пока ткач вымешивал на нем свою злость. Несчастный просил и умолял, пока мучитель избивал его; кричал и вопил, когда ткач применял к Ранфи другие пытки. По отдельным выкрикам Тэйн мог только предположить, что парнишку неоднократно насиловали. Немые свидетели ужасной ночи стояли под дверью каюты, пока, наконец, ее пассажир не выдохся. Развернуться и уйти было бы непростительным позором. Но вмешаться и защитить мальчика никто не посмел.

Только когда наступила тишина, Тэйн зашептал молитву. Он еще обращался к небесам, когда под утро услышал, как что-

то тяжелое выбросили за борт. Больше Ранфи не видели. Никто не заговаривал о случившемся. На следующий день все шло, как обычно. И лишь Кайку не знала о произошедшем. Тэйн решил ни о чем не рассказывать девушке. Ни к чему хорошему это бы не привело.

Судно свернуло на запад и двинулось по каналу Абанан. При виде этого водного пути послушник почувствовал внезапный прилив гордости.

Юноша много о нем слышал. Широкий, рукотворный канал соединял Джабазу с побережьем. Огромные башни из белого камня высались с обеих сторон и удерживали массивные запирающиеся ворота. Громадные механизмы с зубцами, размером в половину баржи, сейчас бездействовали, но Тэйн слышал, что они используются, чтобы опускать неприступные ворота и не пропускать приплывших с моря врагов вглубь Сарамира.

Корабль проплыл под воротами, аркой возвышающейся над каналом. Сверху можно было рассмотреть надпись с благословлением Зании, богини путешественников. По каналу туда и сюда тянулись лодки, суда и баржи. С восторгом, словно ребенок, наблюдая за ними, Тэйн проводил на палубе все дневные часы. В такие моменты послушник понимал, насколько ограниченной была его жизнь в лесу Юна.

Улицы Джинки показались еще более суetливыми, чем в Аксеками. Пассажиры «Летнего ветра» сошли с баржи в доках, среди гомона сотен чернорабочих, скрипа и стона шкивов и толстых веревок, разгружавших корзины и тюки, раскатистого хохота моряков в тавернах. Ткач куда-то направился по своим делам. Азара повела своих спутников к владельцу баржи, с которым, по ее утверждению, была знакома. Тот, казалось, не помнил девушку, но после нескольких слов с глазу на глаз, просяил и с радостью согласился предоставить путникам свой транспорт.

* На ночь молодые люди остановились в чистой и очень приличной гостинице при храме. Такие постоянные дворы были единственным местом, где, в отличие от таверны в доках, путешественников

не беспокоили ни гулящие девки, ни пьяницы, ни бандиты. Тэйн все не мог забыть слова Азары о том, что демоны тени могут выследить их, когда они уедут из столицы. Но путники прибыли в Аксеками по воде и так же покинули город.

Уже наступил рассвет, когда они вернулись на борт готовившегося к отплытию «Летнего ветра».

Тэйн стоял, опершись о поручни, рядом с Кайку. Она словно лучилась в свете утренней зари. Девушка была не такой красивой, как Джин — Азара, мысленно поправил себя юноша, — но в ней ощущалась внутренняя сила, а обаятельность делала ее неотразимой. Возможно, именно эти качества и привлекли Тэйна при первой встрече, когда он нашел Кайку слабой, изможденной и нуждающейся в помощи. С его помощью она встала на ноги и окрепла. Возможно, его тянуло к спутнице еще и потому, что у молодых людей оказалось немало общего: оба потеряли семьи, обоим было что скрывать.

Было, впрочем, и еще что-то, в чем ни Тэйн, ни Кайку не решались признаться даже самим себе.

Люция спала.

Сны всегда были странными. Бодрствуя, девочка постоянно слышала бессвязный шепот всего живого вокруг. Во сне же звуки становились настойчивее. До Люции доносился тихий детский лепет деревьев в оранжереях, быстрая неразборчивая болтовня ветра, редкие крики воронов и размышления древнего холма, на котором стоял императорский дворец. Принцесса никогда не оставалась в тишине, а когда спала, звуки складывались в странные образы.

Внезапно причудливое путешествие оборвалось. В сон вторгся кто-то чужой. Его появление испугало девочку, и она проснулась. Но даже наяву Люция ощущала, как незнакомец пытается вторгнуться за границы ее сознания. Чужак был алчным, голодным и, что самое страшное, невидимым. Но принцесса не собиралась попадаться в ловко расставленную ловушку.

За год до того, как начать прогулки по дворцу во сне, Люция научилась контролировать свои способности. Учитывая, что

первое время принцесса не могла определять, где окажется, когда закроет глаза, она поначалу выступала в роли случайного зрителя, но позже научилась выбирать место, куда хотела бы попасть. Любопытство частенько заставляло принцессу покидать пределы покоев и пробираться все дальше и дальше. С того времени среди слуг и поползли слухи, что по дворцу бродит привзрак.

Но сейчас многое изменилось. Скорее всего, началось с того момента, когда она отдала свой локон незнакомцу в саду. Теперь принцесса ощущала присутствие чужого взгляда даже днем.

Люция спала.

Во сне девочка стояла на краю высокого обрывистого утеса, большого уступа, который оторвался от вершины горы. Вокруг беспорядочно громоздились горные хребты, обломки скал, забитые рухнувшими деревьями долины. Здесь метались сотни духов, которые ворковали и нашептывали что-то друг другу.

Ночь. Три луны висели перед принцессой на фиолетовом бархате неба, так близко друг к другу, что одна задевала другую. Огромная Ария, вырисовываясь среди звезд, была так близка, что, казалось, протяни руку — и коснешься ее кончиками пальцев. Опасная близость лун, предвещающая начало лунного шторма, наследницу нисколько не встревожила.

Не в первый раз Люция ощущала присутствие во сне наблюдающей за ней молодой женщины. Принцесса обернулась. Наклоненная каменная плита, на которой она стояла, качалась, и рассмотреть таинственную незнакомку в тени деревьев было невозможно. В полумраке фигура преследовательницы походила на детскую картинку, нарисованную углем. Высокая и худая в темном плаще, напоминающем крылья летучей мыши, незнакомка всегда находилась слишком далеко. Но, в отличие от таинственного монстра, она неизменно отыскивала Люцию, где бы та ни была. И наследница не боялась ее. Напротив, исходящая от нее сила вызывала любопытство и интерес. Часто девушка в черном просто присутствовала в снах Люции, наблюдая за происходящим издалека. Иногда незнакомка заговаривала с наследницей. И хотя принцессе не нравился тембр ее голоса,

слова были ясны и понятны. Она рассказывала о мире вокруг. Любознательная принцесса пыталась заговаривать с незнакомкой при каждой встрече, но чаще всего та просто молчала, довольствуясь ролью стороннего наблюдателя. Люция не знала, что и думать. Создалось впечатление, что загадочная незнакомка рассказывает лишь то, что необходимо знать наследнице, и ничего больше.

Со временем принцесса стала считать ее своим другом, называя про себя Госпожой сновидений.

Сегодня вечером Госпожа сновидений опять не стала разговаривать с Люцией. Девушка стояла поодаль, едва заметная в дымке тумана, и принцесса не обращала на нее внимания, зная уже, что приставать с расспросами бесполезное занятие. Сейчас ее больше настораживало присутствие невидимого недоброжелателя. Но чужак пока был очень далеко и не представлял опасности.

Внезапно в полной тишине девочка ощутила дыхание холодного ветра, и из ущелья раздались крики духов. Люция подобралась к краю каменной плиты и заглянула вниз. Светлые волосы упали на лицо. Когда принцесса подняла голову, чтобы спросить у незнакомки, что происходит, та исчезла.

Это испугало девочку. Наследница спокойно относилась к появлению Госпожи сновидений, но ее внезапные исчезновения всегда тревожили и пугали. Обычно таинственная гостья пропадала, когда присутствие темной силы, преследовавшей принцессу, ощущалось совсем близко. Она пояснила, что должна исчезать в такие моменты, чтобы не выдать себя. Но когда Люция спросила, что это за темная сила, Госпожа сновидений ничего не ответила.

Внезапно воздух вокруг наследницы сделался необыкновенно легким, с едва заметным кисловатым привкусом меди. Люция почувствовала, как зашевелились от страха волосы, а сама она словно начала подниматься вверх, хотя ноги по-прежнему твердо стояли на земле. Атмосфера наэлектризовалась, и даже духи, прятавшиеся в расщелинах, затихли.

Чья-то рука, намного больше человеческой, коснулась ее плеча. Тонкие белые пальцы вцепились в нее, будто крюк. Сердце, казалось, перестало биться в груди. Не осмеливаясь обернуться, Люция ощущала присутствие ужасных и непонятных существ. Нестареющие, вечные, безумные, они появлялись, когда три спутника земли, три сестры делили место на ночном небе. Дети Лун.

Прикосновение было одновременно пугающим и божественным, и оно наполнило все ее существо в равной степени страхом и благоговением. Люция крепко зажмурилась, сознавая, что позади нее пустота, что духи висят в воздухе над пропастью, огромные, холодные, жуткие. Девочка не могла заставить себя посмотреть на них, заглянуть в глубокие бездонные глаза, чуждые человеческим чувствам и мотивам, равнодушные к их судьбам и отрешенные от них. И, хотя принцесса понимала, что происходящее лишь сон, это не утешало, поскольку даже сны не могли быть убежищем от таких существ.

Они заговорили. Голоса, звучавшие тонко и пронзительно, как визг пилы, заставили Люцию содрогнуться. Разобрать слова было невозможно. Девочка задрожала, опустила голову, закусила дрожащую нижнюю губу и еще крепче зажмурилась.

Внезапно они оказались не сзади, а прямо перед ней. И даже с закрытыми глазами принцесса различала их очертания. В какое-то мгновение что-то коснулось ее волос, и она содрогнулась. Ноготь. Прикосновение повторилось, вселяя странное чувство ужаса, смешанного с удивлением. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что делает дух. Он гладил ее по волосам, используя лишь один-единственный палец, как обычный человек прикоснулся бы к крохотному зверьку или мать — к новорожденному ребенку. Дети Лун хотели успокоить Люцию. Голоса зазвучали вновь, но на этот раз они не резали так слух. Теперь они больше походили на человеческую речь.

Принцесса не знала, чего они хотят. Не знала даже, применимо ли к ним понятие желания. Но она прочитала коротеньющую молитву трем лунным сестрам, а затем открыла глаза, чтобы встретиться лицом к лицу с их детьми.

***

В императорской спальне было темно и тихо. Тёплый ночной ветерок проникал в комнату сквозь изящно изогнутую арку окна, чуть колыша тонкие занавески. Напротив, у стены, стояла огромная кровать со скомканными молочно-белыми, золотыми и темно-красными простынями. Столбы по углам кровати, удерживавшие балдахин, были отлиты из драгоценных металлов в форме огромных фигур покровителей четырех ветров.

Анаис ту Эринима, императрица Сарамира, стояла возле буфета из красного дерева, прислонившись к стене. В руке женщина держала серебряный кубок, наполненный янтарным вином. Пушистые светлые волосы падали на плечи, обрамляя прекрасное лицо. Анаис стояла в черной шелковой ночной рубашке. Босые ноги мерзли, ощущая холод пола, выложенного плитами. Этот камень ценился за то, что не нагревался в жару, и помещение оставалось прохладным.

Императрица отпивала вино маленькими глотками и ждала, вскармливая ярость.

Как же она ненавидела мужа. Мало того что выносить выходки императора было всегда нелегким испытанием, в отношении к Люции приступила его истинная омерзительная сущность. Всю злость, все раздражение он вымещал теперь на ней. Дурун и раньше часто напивался и в такие моменты не контролировал свое поведение, но в последнее время как будто сошел с ума от пьянства. Император устраивал пирушки, орал и вел себя самым непристойным образом, так что даже приятели чувствовали себя неловко в его компании. Отъезд на охоту — нередко поспешный и внезапный — приносил короткое облегчение, но при этом он испытывал терпение ожидающих его важных гостей, а возвращался порой в еще худшем состоянии.

При мысли об этом Анаис закипела от негодования. Небольшой местью супругу было хотя бы то, что его род поддерживал на совете Люцию. Хотя их поддержка была палкой о двух концах. Если бы этого не случилось, она могла бы с легкостью аннулировать брак с Дуруном. А теперь приходится страдать и терпеть его выходки, поскольку сейчас без поддержки рода

Бэтик не обойтись. Дурун слишком упрям и вспыльчив, чтобы перетянуть в этом вопросе семью на свою сторону. Император и его отец, обладавший таким же взрывоопасным темпераментом, орали друг на друга почти каждый день. И эта открытая вражда лишь отдала Дуруна от семьи и ставила его в невыгодное положение перед обществом. После каждой выходки сына глава рода прибывал к Анаис и просил прощения, обещая постоянную поддержку семьи по всем вопросам. Императрица знала, как трудно ему преодолеть гордость, и не могла отказать. Но это нисколько не уменьшало ее гнева.

Интрижки Дуруна с придворными дамами уже давно ни для кого во дворце не были секретом. Обычно он предпочитал молоденьких особ не слишком знатного происхождения, приезжавших на балы и приемы. Польщенные вниманием императора, они, как правило, даже не задумывались о последствиях. Бывало, Дурун вступал в связь со служанками, которые в силу своего положения, просто не осмеливались отказать ему. Иногда во дворец привозили продажных девок из борделей. Поначалу такое случалось крайне редко, и Анаис закрывала глаза на выходки мужа. Их брак состоялся не по любви, а из политических соображений. Но постепенно Дурун перестал осторожничать, и тут же поползли слухи.

Анаис чувствовала себя оскорблённой и униженной. Она считала, что достаточно хороша собой и искусна в любовных играх, чтобы удерживать супруга в своей постели. Но ни тогда, ни сейчас у нее не было возможности развестись с мужем, откававшись от поддержки его семьи. Прочность императорского брака была обусловлена интересами династии Эринима. И даже после того как Дурун нарушил все супружеские обеты, несчастная женщина все равно не могла расторгнуть этот союз.

В конце концов Анаис перестала обращать внимание на скандальные выходки, позволив императору делать все, что ему хотелось. А главное, муж больше не интересовал ее как мужчина. Только лишь изредка, когда Дурун направлял яркое пламя своей страсти на достойную и заслуживающую внимания кандидатуру — или, что бывало еще реже, на законную супругу, — импе-

ратрица видела перед собой человека, за которого хотела выйти замуж. Но подобное случалось так редко, что только расстраивало ее. Супруг растрачивал себя на идиотские интрижки, драки, выпивку и шлюх.

И все же сегодня Дурун зашел слишком далеко.

Император вернулся с охоты уже пьяным и устроил во дворце пиршку для приятелей. Все упились до поросьячьего визга, особенно Дурун. На охоте ему повезло убить кабана с первого же выстрела, и он, потеряв голову от счастья, повел себя совершенно непристойно: схватил прислуживавшую ему девушку, обыкновенную и ничем не примечательную, недостаток ума и красоты у которой восполняла непропорционально большая грудь, и завалил ее на стол, разбрасывая блюда с едой и кубки с вином. Горничная, посланная с запиской к императору, застала его между ног девушки. Груди служанки торчали из разорванной рубашки. Она хрипло втягивала в себя воздух при каждом толчке, когда император входил в нее, а приятели Дуруна, собравшиеся вокруг, подбадривали его криками и улюлюканьем. Горничная, вернувшись, сообщила хозяйке о происходящем в зале, не вдаваясь в подробности, чтобы не причинять императрице еще больших страданий.

Анаис побледнела, как мел.

Слухи — это одно. Можно притвориться, что ничего не замечаешь. Но то, что случилось сейчас, было просто невыносимо. Император Сарамира повел себя словно животное, удовлетворив похоть прямо в зале, полном слуг и членов благородных семейств. Анаис больше не могла это терпеть.

Тяжелые, нетвердые шаги, раздавшиеся у двери, объявили о прибытии мужа-гуляки. Дурун практически ввалился в спальню жены. Даже в своем нынешнем состоянии он держался гордо и надменно. При виде Анаис император откинул назад длинные черные волосы, склеившиеся от жира и вина, и удивленно поднял бровь.

— Жена, мне кажется, ты сердишься. •

Анаис в три шага пересекла комнату и выплеснула вино ему в лицо.

— Твое поведение недостойно мужчины! — прошипела она.

Дурун, что-то бессвязно бормоча и не отдавая отчета в своих действиях, выбил серебряный кубок из ее руки. Бокал упал и с грохотом покатился по полу. Императрица, не в силах больше сдерживаться, ударила мужа по щеке. Он отпрянул, больше от удивления, чем от боли. Анаис ударила еще раз, на этот раз намного сильнее, подсознательно понимая, что такое поведение недостойно императрицы, но вино и ярость сделали свое дело. Ее охватило непреодолимое желание отомстить мужу за измену. И Анаис награждала неверного супруга все новыми и новыми пощечинами.

Дурун оправился от первоначального замешательства, как только боль от ударов просочилась к затуманенным выпивкой мозгам, и перехватил вскинувшуюся в очередной раз руку. Она попыталась ударить другой рукой, но безуспешно. Императрица отчаянно боролась, пытаясь вырваться и убежать. По безумному взгляду мужа Анаис поняла, что зашла слишком далеко. Дурун был намного крупнее и сильнее.

— Отпусти меня! — задыхаясь, прошептала она. — Ублюдок!

Темные глаза пронизывали ее насквозь, и императрица отворачивалась, пытаясь вырваться. Внезапно Дурун приподнял жену и прижал к стене так сильно, что у нее перехватило дыхание.

— Вот это темперамент, Анаис, — прохрипел он. — Ты уже давно не была со мной такой любезной.

А затем поцеловал, яростно и жестоко, прикусывая губы и язык. Императрица продолжала бороться, злобно фыркая, и он еще раз встряхнул ее, стукнув о стену.

— Ну, что, теперь ты будешь себя хорошо вести?

Анаис выгнулась.

— Ублюдок, — прошипела она еще раз, но в ее словах уже не было прежней ненависти.

Дурун отстранился и отпустил жену. Какое-то время Анаис всматривалась супругу в глаза, мрачные и настороженные одновременно. О, Боги, она действительно ненавидела его, но

одновременно и желала. Пусть его сердце и душа порочны и темны, но когда Дурун возвышался над нею, императрица ощущала себя беспомощной и слабой, а он выглядел сильным и опасным, таким, каким Анаис и желала видеть мужа. Настоящим мужчиной, а не ленивым бездельником и гулякой, что достался ей наяву.

Так почему же не взять свое и не получить удовольствие от собственного супруга? Ей нужна лишь самая малость. Анаис нуждалась только в его теле...

Шагнув вперед, императрица обхватила его голову, вцепившись пальцами, словно когтями, в затылок мужа и впилась в губы так же сильно и жестоко. Анаис ощутила в дыхании Дуруна запах вина, но это не смогло охладить внезапно пробудившееся желание. Император снова прижал жену к стене, и на этот раз в замутненном алкоголем взгляде сквозило животное влечение. Он хотел не ее, он просто жаждал обладать женщиной, любой женщиной. Анаис это устраивало. Она тоже хотела просто мужчину, и Дурун вполне подходил для этой роли.

Ухватившись за ночную рубашку, император рванул тонкую ткань. Анаис попыталась запахнуть одеяние на груди, но Дурун, перехватив ее руки, снова прижал жену к стене и еще одним сильным рывком сорвал остатки шелка. Побледнев, она стояла перед мужем, беззащитная в своей наготе. Маленькие твердые груди трепетали от учащенного дыхания. И тогда супруги упали в объятья друг друга.

Слияние было грубым и яростным, каждый пытался использовать тело партнера, не задумываясь о нежности. Анаис сорвала одежду с мужа так же грубо и нетерпеливо, как и он, лихорадочно проводя ладонями по мускулистому телу, слегка заплывшему жирком вследствие чрезмерных возлияний и обильных пиццетств. Никто ничего не спрашивал и не просил. Дурун с силой входил в женщину снова и снова, точно пытаясь расплечь. Анаис пыталась занять удобную для себя позицию. Так любовники катались поперек кровати, сминая и сбрасывая на пол шелковые простыни. Наконец, сверкая сузившимися зрачками, императрица оседала супруга, и он сдался.

Да, Дурун много пил и гулял, у него можно было найти массу других недостатков, но он все еще мог удовлетворить женщину — в отличие от большинства других мужчин. И Анаис неистово раз за разом опускалась на его разгоряченную плоть.

Утром супруги снова будут ругаться и говорить друг другу колкости. Но сейчас, измученная тяжким бременем государственных проблем и собственных забот, императрица отдалась страсти, которой жаждала так отчаянно и безрассудно, не думая о последствиях.

Анаис все еще хотела сказать, что ненавидит мужа. Но, подхваченная волнами наслаждения, на пике страсти, произнесила совсем другие слова.

Глава 14

Когда спускалась ночь, Азара выходила на охоту.

Благодаря попутному ветру путешественники прибыли в порт Пелис до заката. На фоне алого заходящего солнца виднелись лишь силуэты стоящих в гавани кораблей. Тени удлинились, а вечернюю тишину разрывали похожие на ругань крики чаек. И хотя присутствие вездесущих грузчиков и шумных моряков ощущалось здесь, как и в каждом торговом порту, разгрузка шла в спокойном и неторопливом ритме, словно из почтения к надвигающемуся сумраку. Освещенные фонарями таверны и провинциальные магазинчики пустовали в ленивом тепле умирающего дня. Наступало время влюбленных парочек, которые прогуливались рука об руку в поисках укромного местечка.

Кайку была очарована атмосферой этого места еще до того, как «Летний ветер» со скрипом пришвартовался в порту. Несмотря на небольшую удаленность от материка, жизнь на острове Фо протекала совсем по-другому. И даже чужеземец мог заметить разницу с первого взгляда. Азара не раз бывала здесь прежде, и у нее имелись основания не любить Пелис. Кайку сразу заметила эту неприязнь. Тихое спокойствие гавани было мучительно для Азары, и она с нетерпением ждала, когда они

отправляются дальше, в более дикие части Фо, где жизнь течет не так гладко и размеренно.

После того как путники высадились на берег, Азара объявила, что им нужно выступить в путь не позже завтрашнего утра. Бывшая служанка посоветовала приобрести оружие. В том месте, куда они отправляются, ей необходима защита. Кайку взволновали эти слова. Она всегда была превосходным стрелком, но давно не практиковалась. Вместе с Тэйном Кайку отправилась в магазин, чтобы купить припасов на дорогу и оружие.

Азара, как обычно, предпочла остаться одна.

Самым простым и безопасным способом добраться до цели была поездка с торговым караваном, направлявшимся в Хайм. В свои прошлые посещения острова Азара научилась определять, с кем можно отправляться в дорогу. Теперь она выглядела совершенно по-другому, и никто не смог бы узнать ее. В то утро в Хайм отправлялся всего лишь один караван, но зато он хорошо охранялся и подходил их требованиям. Азара подошла к владельцу каравана во время погрузки товаров. Купец запросил за проезд относительно невысокую цену.

Азара легко манипулировала мужчинами. Она хорошо знала, как влияет красота на сильный пол, и кокетничала напропалую, улыбалась и хихикала, наклонялась к собеседнику и дотрагивалась до него, в душе умирая от скуки. Несколько таких обольстительных приемов, и жертва с радостью и надеждой заглатывала приманку. Иногда в сценарий приходилось добавлять кое-какие детали, но обычно все проходило гладко.

Азара вздохнула и отошла от купца. Соглашение было достигнуто. Мужчины виделись ей безмозглыми животными, готовыми, словно собаки, стоять на задних лапах за угощение. Азара не испытывала уважения к сильному полу, а редкие исключения лишь подтверждали правило. Она полагала, что женщины обладают большим набором достоинств, чем самодовольные, но ограниченные мужчины.

Покончив с делами, бывшая служанка встретилась с Тэйном и Кайку. Молодые люди сообщили, что остановились в тихой гостинице при храме. Азара хорошо знала это заведение

и одобрила выбор. Приказав спутникам возвращаться и отдохнуть, она пообещала присоединиться к ним позже, сославшись на то, что ей необходимо уладить перед отъездом кое-какие дела, Кайку и Тэйн молча выслушали спутницу, отлично понимая, что все расспросы бесполезны. Хотя вопросов накопилось множество: куда исчезли ожоги, от которых Азара пострадала? Почему она так изменилась? Тэйна же больше всего поразило исчезновение с ее руки татуировки императорского посыльного. Он заметил это, когда она вышла на палубу корабля в рубашке с коротким рукавом. На том месте, где раньше находилась татуировка, темнел большой синяк. А на следующий день следов вообще не осталось. Но Азара не собиралась удовлетворять любопытство своих спутников.

Девушка шла по узким, живописным улицам. Стемнело так быстро, словно кто-то вылил на город банку чернил. Ария и Нерин — огромная жемчужина и ее крошечная зеленая сестра — мертвенным блеском освещали небо. Самой яркой луны Иридими не было видно. Наверное, сегодня она освещала другую часть Сарамира. В бледно-зеленом сиянии Азара блуждала по узким переулкам, бесцельно убивая время, проходила мимо таверн и ресторанов, в окнах которых мелькали силуэты, слышался шум голосов и смех. Но все эти люди казались ей чужими, и она чувствовала себя ужасно одинокой. Город сохранил обаяние старины, с ее балконами, коваными металлическими перилами и узкими улочками, но даже это не трогало сегодня Азару.

Постепенно Пелис погрузился в сон. Но девушка чего-то ждала, как паук, притаившийся в углу своей паутины. Она уже выбрала жертву на сегодняшнюю ночь, которая, ни о чем не подозревая, ковыляла впереди. Обычно Азара предпочитала женщин. Ей нравились чувственные изгибы тела и приятный аромат. Но встреча с хозяином каравана возбудила иное желание, и теперь она искала мужчину, толстого и отвратительного. Избраннык торговал рыбой, о чем можно было судить по запаху, и жил в неприметном доме на углу тихой улочки. Обычно, прежде чем напасть, охотница тратила немало времени, чтобы

присмотреться к избраннику и изучить его привычки, по крайней мере убедиться, что жертва живет одна. Но сегодня Азара позволила себе небольшое безрассудство. Кто знает, когда снова представится такой шанс. Ей выпал удобный случай позабавиться, и пропустить возможность было бы досадно.

Ружье Азара спрятала в кустах, чтобы не мешало. Она еще какое-то время побродила по улице, пока не убедилась, что за ней никто не наблюдает, затем перешла дорогу, прижалась к стене и медленно пошла вдоль нее. На первом этаже хозяин наглухо закрыл окна, поэтому Азара передвигалась без опаски, но на втором ярусе ставни были распахнуты, позволяя летнему ветерку беспрепятственно гулять по дому. Девушка ощупала стену. Крепкую каменную кладку выложили довольно грубо — видно, строители торопились и особо не заботились о красоте, поэтому выступов, чтобы схватиться рукой или поставить ногу, было предостаточно.

Азара еще раз осмотрелась и полезла вверх. В четыре скакка она достигла окна и заглянула внутрь. Комнату ярко освещал зелено-перламутровый лунный свет.

Внутри дом так же отличался простотой убранства. На полу, выложенном плиткой, валялась скомканная грязная одежда торговца рыбой. Сам хозяин дома лежал в углу на циновке, ворочаясь во сне из стороны в сторону. Жирное тело прикрывала простыня, которая то и дело соскальзывала с живота. Грязные, засаленные волосы торговца, доходившие ему до плеч, спутались и слиплись от пота. Мужчина крепко спал, и все же Азара выждала еще две-три минуты прежде, чем влезть в окно.

Осторожно ступая по холодному полу, охотница сделала несколько шагов по направлению к жертве. Подойдя к циновке, Азара откинула назад роскошные волосы и внимательно посмотрела на торговца, от которого исходил резкий запах пота, смешавшийся с рыбным духом. А еще чуткий нос уловил слабый аромат духов и тепло недавних любовных ласк. Взгляд ее упал на небольшое углубление на циновке, слишком маленькое, чтобы его оставила туша торговца.

Азара обернулась в тот же миг, когда в дверях появилась женщина. На ней была длинная серая ночная рубашка. Черные волосы спутались, глаза сонно таращились в полуоткрытый комната. Кто знает, что заставило ее встать в такой поздний час, но сейчас она возвратилась, чтобы вновь погрузиться в сон. Увидев незнакомку у постели любовника, женщина застыла на месте и с опозданием вскрикнула.

Азара отреагировала в мгновение ока, наотмашь ударив женщину по лицу. Бедняжка отлетела к стене и, стукнувшись головой, сползла вниз. Азара не знала, мертва ли женщина или просто потеряла сознание, но сейчас ей было не до нее.

От шума торговец рыбой проснулся и, увидев, что произошло, отчаянно заработал пятками и локтями, отползая к стене и всхлипывая от удивления и страха. Девушка подошла к испуганному мужчине и чуть сдавила рукой дряблое горло. Потом зажала его руки между колен, чтобы избежать сопротивления. К тому времени, когда торговец оправился от первого шока, было уже поздно — охотница сидела на волосатом животе. Несчастный пытался освободиться, но ему мешала собственная неповоротливость. Азара бросила взгляд на лежащую у стены женщину, но ее лицо закрывали волосы.

Жертва продолжала сопротивляться, но безуспешно. Он попытался закричать, но и эта попытка была тут же подавлена железной рукой, сдавившей горло. Торговец замолк, глаза его расширились от ужаса.

— Тихо, — мягко произнесла Азара. — Я хочу только поцеловать тебя.

Она прижалась к сальным губам с быстротой змеи, хватавшей мышь, и принялась высасывать душу. Торговец рыбой вытянулся в струну. Что-то билось в нем, рвалось наружу, уходило из его рта в ее. Это что-то напоминало сверкающий, искрящийся бурливы поток, который всасывала, поглощала ненасытная охотница. Несколько секунд мужчина чувствовал себя примерно так же, как тающее в лучах рассвета привидение, потом зрачки его расширились и потемнели, а тело, лишившееся сил, обмякло. Еще немного, и жизнь оставила его с легким

вздохом сожаления. Широко открытые глаза безжизненно устремились куда-то вдаль, голова с глухим стуком упала на вымощенный плитками пол. Азара вытерла рот тыльной стороной ладони, несколько раз глубоко вздохнула, наслаждаясь ощущением раскатывающегося по телу тепла, и поднялась.

Она не могла объяснить, что такое живет внутри нее, заставляя ее вести себя подобным образом. Сравнивать было просто не с чем. Иногда это представлялось чем-то вроде тугого кольца из плоти, обосновавшегося где-то между желудком и спиной. Насытившись, это живое кольцо расширялось, уплотнялось, и Азара ощущала его теплое присутствие; голодное, оно слабело, истончалось, теряло упругость, съеживалось, и тогда освободившееся пространство наполнялось пустотой, куда более мучительной, чем боль. Муки были невыносимы, и именно они вынуждали Азару искать новую жертву.

Раньше девушка не пользовалась своими способностями так часто, поэтому могла контролировать чувство голода, подкармливая то, что жило в ней, лишь для того, чтобы сдерживать неумолимое наступление возраста. Но после первого столкновения с шин-шинами положение изменилось, и к тайным талантам приходилось обращаться все чаще и чаще.

Азаре стоило огромных трудов исцелиться после того, как Кайку бросила ее на пороге смерти. Она не смогла бы спастись самостоятельно, если бы вовремя не подоспели два лесника. Мужчины прибежали на запах дыма и обнаружили обожженную, изуродованную служанку. Их жизненная энергия способствовала восстановлению лучше, чем любое лекарство или уход, которые они могли предложить. Потребовалось немало времени и сил, чтобы, подобно змее, вырастить новую кожу и волосы, заживить ожоги на руках и лице. А их откуда-то нужно было брать. Изменение внешнего вида стало больше прихотью, чем необходимостью, но девушка занималась восстановлением до тех пор, пока новый облик не удовлетворил ее полностью. Прислуживая Кайку, Азара в течение двух лет мирилась с внешностью миловидной простушки-крестьянки и наступала на горло присущему ей тщеславию. Теперь

же она решила превратиться в настоящую красотку, объект всеобщего вожделения.

Как ужасно, думала Азара, носить всю жизнь одно и то же, полученное при рождении лицо.

И тут же с грустью вспомнила, что никогда не знала своего.

Поддавшись внезапно нахлынувшему раскаянию, она пошла к лежащей у стены женщине, присела рядом с ней на корточки и убрала волосы с лица новой жертвы. На щеке уже темнело пятно от ушиба. Несчастная была без сознания и едва дышала. Азара повернула ее голову сначала в одну, потом в другую сторону. Любовница торговца не была симпатичной, но обладала определенной чувственной притягательностью. В конце концов для желающего напиться тонкий букет не самое главное. Если бы она не вошла в комнату, не увидела незваную гостью, Азара сохранила бы ей жизнь. Но теперь у охотницы не было другого выбора.

Девушка взяла голову незнакомки обеими руками и прижалась к губам, слегка приоткрыв рот жертвы.

Императрица Анаис ту Эринима шла по коридору дворца в дурном настроении. Едва у нее появилось время, чтобы принять ванну после целого дня встреч, обсуждений и споров, как слуги сообщили, что господин Мос, отец ее мужа и глава семьи Бэтик, прибыл с важным сообщением. Будь это кто-то другой, Анаис заставила бы визитера подождать до завтра. Но рисковать отношениями с отцом Дуруна она сейчас не могла. Глава семьи Бэтик был самым сильным союзником правящей династии. Теперь императрица нуждалась в каждом надежном человеке.

Императрица шла по бесконечной анфиладе комнат. Ее путь освещал мягкий лунный свет, проникающий внутрь сквозь огромные арочные окна. Нерин выглядывала из-за своей могущественной сестры Арии — бледно-зеленый пузырь на краю ровного жемчужного диска, который отчетливо виднелся на усыпанном звездами небе. Тонкие облака лениво двигались по ночному куполу, сморенные летней жарой. В свете фона-

рой Аксеками казался обманчиво тихим и мирным. В такую ночь приятно расслабиться на балконе, выпить вина и хотя бы на время позабыть обо всех накопившихся заботах. Но, кажется, это было невозможно.

Теперь каждый день походил на предыдущий. Императрица не знала покоя ни днем ни ночью. Не было времени даже заняться собой, хоть раз высаться или просто передохнуть. Каждое утро приносило новую проблему: там — выступление с протестами и обвинениями; тут — смутьян Унгер ту Торрик, распространяющий грязные слухи; прощение союзника, добивающегося милостей, но готового перейти к плохо замаскированным угрозам... Кругом доносы о предательстве, измене, требования о смещениях, заменах или назначениях. А самое главное, что ничего нельзя пропустить, ко всему нужно проявлять внимание. Как бы там ни было, она сама привела Сарамир в движение, а что из этого получится, то покажет будущее. Положение осложнялось тем, что теперь ее окружали враги, и лишь немногие из них действовали открыто.

Единственный положительный момент во всем этом хаосе стал для нее полным сюрпризом. Отношения с мужем несколько выровнялись. От накопленного за день раздражения она избавлялась в спальне. Не церемонясь. Каждую ночь. Государственные заботы лишили Анаис покоя, состояние дел требовало неусыпного внимания, и потребность в разрядке проявлялась все сильнее и откровеннее. Супруг старался соответствовать ее желаниям, чего нельзя было сказать о большинстве мужчин. И хотя они все еще не могли признаться друг другу во взаимном влечении, Дурун, по крайней мере, прекратил перечить жене. Анаис заметила, что он перестал придумывать оправдания и предлоги для того, чтобы покинуть дворец. К тому времени, как императрица возвращалась в покой, супруг уже ждал ее в спальне.

Анаис не переставала изумляться, почему ей только сейчас пришло в голову, что лучший способ держать собственного мужа на привязи — регулярно заниматься с ним любовью. Они как

бы пришли к определенному молчаливому согласию, но только в одном вопросе. Не более того.

Императрица стремительно летела по коридору, словно скользя по пронизанным венами каменным плитам, как вдруг впереди открылась дверь, и появился Виррч. Анаис передернуло при виде согнутой, завернутой в рваные тряпки фигуры. Отвратительное бронзовое лицо, обрамленное каймой протершегося капюшона, повернулось к ней.

— А, ваше величество, — с притворным удивлением хрюп-ло произнес главный ткач.

Императрица знала, что встреча не случайна и не предвещает ничего хорошего, но не желала впустую тратить время, терпя выходки гадкого черва.

— Виррч, — Анаис кивнула мимоходом, словно удостоила приветствия какого-то безродного слугу.

— Нам нужно переговорить.

Но императрица никак не отреагировала на его заявления. Даже не замедлила шаг.

— Я не хочу иметь никаких дел с тем, кто желает смерти моего ребенка.

Виррч, не ожидавший такого ответа, остановился как вкопанный, но тут же опомнился и последовал за ней своей примечательной, хромоногой походкой. Но как ни кривы кости, главный ткач вовсе не был так медлителен, как могло показаться со стороны.

— Остановитесь! — закричал он, задетый поведением Анаис. — Вы не можете так просто уйти от меня!

Императрица засмеялась от удовольствия, что вывела его из себя.

— Как видите, могу, — бросила она через плечо. Хромающим Виррчу было тяжело догнать легко шагающую Анаис.

— Не можешь! — прошипел главный ткач.

Что-то невидимое, словно могучая рука, схватило ее вдруг и повернуло к Виррчу лицом. Она пошатнулась, замерла, ошеломленная, и только тогда невидимая сила отпустила ее.

Виррч холодно посмотрел на Анаис из-под маски.

— Тебя следует казнить за это, — зло бросила императрица, чьи щеки уже окрасил румянцем гнев.

Но Виррч не боялся угроз.

— Мы очень недовольны вашим поведением, Анаис. Очень недовольны. Если вы избавитесь от меня, ни один ткач не займет мое место. Прежде всего, мы связаны обязательствами с Аддерахом, а потом уже со своими хозяевами. Вы же действуете вразрез с нашими интересами. Ни один из нас не займет место главного ткача, если меня казнят. Думаете, что сможете пережить гражданскую войну, на грани которой по вашей милости балансирует страна, без помощи ткача?

— Во всяком случае, без твоей. Ты готов предать свою императрицу и строишь против меня козни, — прошипела Анаис. — Думаешь, я не знаю об этом? Может быть, я смогу обойтись и без ткача.

— Возможно, — ответил Виррч. — Хотя тогда вы останетесь без надежной связи с вашими союзниками, если, конечно, не захотите вновь прибегнуть к услугам посыльных или почтовых голубей. Но я не представляю, как можно эффективно управлять страной таким способом.

Императрице послышалась издевка в изнуренном и надломленном голосе, и это возмутило ее еще больше. Но она постаралась сдержаться, остудив и закалив гнев подобно тому, как поступают с только что выплавленным металлом, погружая его в ледяную воду.

— Не смей угрожать мне, Виррч. Тебе хорошо известно, что если ткачей заподозрят во вмешательстве в политику, то и мои враги, и мои союзники уничтожат вас. Ваша обязанность — помогать правительству, но сами вы ничего не решаете. И ты не хуже меня знаешь, что благородные семейства скорее согласятся отдать трон порченому, чем ткачу. Вы, конечно, можете считать, что нам не обойтись без вашей помощи. Но не следует забывать, что это вы состоите при нас, а не наоборот. Иначе вас пристрелят, как взбесившихся собак, которые пытаются укусить хозяина.

— Вы так думаете, ваше величество? — усмехнулся Виррч. — Неужели вы надеетесь, что сможете убедить народ признать порченого урода правителем и склонить благородные семьи к тому, чтобы избавиться от ткачей? Да это просто смешно.

— Не смей говорить со мной в таком тоне, ты, мерзкая тварь. И не упоминай при мне об уродах. Мне нет никакого дела до недовольства ткачей. Запомни, вы не часть правительства Сарамира и у вас нет права голоса. Мне не о чем больше говорить с тобой. К тому же я опаздываю на встречу.

Анаис развернулась и двинулась дальше по коридору. Виррч больше не стал окликать императрицу. Но женщина ощущала пронизывающий взгляд до тех пор, пока не скрылась за поворотом.

Широкоплечий, с мощной грудью и мускулистыми руками, Мос производил впечатление важного человека, хотя и уступал в росте своему сыну. Бородатое лицо с выдвинутой вперед челюстью, приземистое туловище с короткими ногами придавали ему основательность и значимость. Будучи ростом не выше шести футов, он возвышался над Анаис подобно могучему утесу. Императрица никогда не видела главу семьи Бэрак в гневе, он всегда держался с невесткой тактично и нежно. Впрочем, она уже не раз сталкивалась с темпераментом его сына и смогла бы дать отпор отцу.

Императрица встретилась с Мосом в своих покоях, в комнате, украшенной массивным барельефом из слоновой кости с изображением двух птиц. Эффект этой объемной картины заключался в том, что птицы казались настоящими. Анаис всегда восхищало искусство скульптора. Мос, по-видимому, тоже не остался равнодушным перед искусством древнего мастера. Когда императрица вошла, отец ее мужа как раз любовался барельефом.

— Мос, прошу прощения, что заставила вас ждать.

— Ничего страшного, — ответил вельможа, поворачиваясь к ней лицом. — Скорее мне нужно извиниться, что прибыл в неурочное время. Но дело не терпит отлагательства.

Анаис с любопытством посмотрела на гостя и предложила сесть. Его извинение польстило ей, но и немало удивило. Добиться от Бэрака слов раскаяния было равнозначно тому, чтобы выдавить кровь из камня. Именно поэтому на императрицу произвел сильное впечатление тот факт, что старик попросил прощения за выходки отпрыска.

Две изящных кушетки, стоявшие напротив открытого балкона, возле низкого стола из черного дерева, перегораживали комнату пополам. На столе, испуская горьковатый фруктовый аромат, дымились на плоском блюде орехи колы. Совсем недавно этот запах снова вошел в моду. Молодые дамы даже клади орехи в карманы, чтобы наслаждаться их соблазнительным ароматом. И Анаис тоже пристрастилась к нему.

Собеседники устроились друг против друга. Анаис откинулась на спинку кушетки, Мос сидел на краю дивана, подавшись вперед и скав кулаки. Неожиданно императрица с досадой заметила, что в комнате отсутствуют закуски и напитки. Мос понял ее беспокойство и рассеянно махнул рукой.

— Ваши слуги уже приходили, но я отоспал их. Не собираюсь вас долго задерживать. Но если вам что-то нужно, призываите.

Такое поведение уже больше соответствовало славе бес tactного мужланы, которая закрепилась в обществе за Мосом. Можно подумать, императрица нуждается в его разрешении, чтобы отдать распоряжение слугам накрыть на стол в своем собственном доме. Но Анаис предпочла, не возмущаясь, выслушать сообщение главы одного из родов Бэрак.

— Не думаю, что стоит просить вас сохранить в тайне то, что я сообщу, — серьезно произнес вельможа.

— Можете не волноваться, — заверила его императрица.

— Это касается только вас, моего сына и моей внучки.

Удивленная улыбка скользнула по губам Анаис. Она не ожидала, что Мос назовет так Люцию.

— Понимаю.

Похоже, гостя удовлетворил такой ответ.

— Ваш ткач, Виррч... Простите, главный ткач. Откуда такой титул?

Анаис удивилась. Она думала, что человек, занимающий в обществе такое положение, как Мос, должен знать столь простые вещи.

— Это звание дается ткачу императора или императрицы, чтобы подчеркнуть, что он самый лучший, самый искусный в своем мастерстве.

Мос попытался осмыслить услышанное.

— Скажите, вы ему доверяете?

— Виррчу? Конечно же нет. Он уже давно справился бы с моей дочерью, если бы был уверен, что сможет избежать наказания. Но Виррч понимает, что произойдет, когда знатные семьи узнают об убийстве наследницы ткачом, независимо от того порченая она или нет. — Последние слова дались женщине нелегко, но она не могла выразить свои мысли по-другому.

— В этом есть доля правды, — хрипло подтвердил Мос. — Но я подозреваю, что главный ткач Виррч и Сонмага ту Амаха объединились и что-то замышляют против вас.

Анаис удивленно приподняла бровь.

— Действительно? Ваша новость меня ничуть не удивляет.

— Дело плохо, Анаис. Вы же знаете, у меня, как и у всех, есть свои шпионы. Я не слишком им доверяю, но в политических интригах они так же необходимы, как и ткачи. Я приказал разузнать все поподробнее, как только возникли первые подозрения. И, кажется, одному из них повезло. Я узнал о человеке по имени Пурлох ту Ириси. Это первоклассный вор-домушник. Могу ручаться, что это он пробрался в сад императорского дворца и встретился с Люцией.

Анаис похолодела от предчувствия чего-то ужасного.

— Он пробрался к Люции?

— Это случилось несколько недель назад. Он мог убить ее, Анаис.

Императрица вцепилась в кушетку. Почему Люция ничего ей не сказала? Конечно, почему здесь удивляться. Проведя всю жизнь взаперти, девочка стала скрытной. Но все же иногда принцесса была

слишком доверчивой и открытой и легко вступала в общение с сомнительными людьми. В такие моменты Анаис вообще не понимала своего ребенка. Ей стало грустно оттого, что у дочери есть какие-то тайны от нее. Но с этим императрица ничего поделать не могла.

— Но убивать наследницу ему не поручали, — продолжил Мос. — Он не тронул ее и пальцем. Всего лишь взял локон ее волос.

— Локон волос? Но зачем? — изумленно спросила Анаис, и глаза ее потемнели от беспокойства.

— Тот, кто нанял его, желал получить доказательства, что ваша дочь — порченая, а затем распространить эту новость среди знати и возбудить недовольство. Ткачи умеют как-то определять это. Как, не знаю — некоторые их хитрости ведомы только богам, — но для этого им потребна часть тела: кожа, волосы, ногти... — Он покал плечами. — Так или иначе, этот Пурлох оказался ловким малым и, прежде чем браться за столь рискованное поручение, по-заботился о гарантиях. Не захотел быть пешкой в чьих-то руках. Решив узнать, кто заказчик, он проследил за посредником и вышел на... кого бы вы думали? Да, на Сонмагу.

Анаис задумчиво кивнула. Вот оно что! А она ломала голову, как получилось, что благородные семейства почти одновременно прознали, что ее ребенок не такой, как другие.

Сонмага! Да, такое в его духе.

— У вас есть доказательства?

Мос на мгновение смущился.

— Пурлох пропал из виду почти сразу же после того, как выполнил задание. Свидетельств против Сонмаги нет, а если бы и были, что от них толку? Слово вора ничто против слова вельможи, тем более такого знатного.

— Этот... Пурлох знал о причастности Виррча?

— Он ничего не знал. Или ничего не сказал. Следов не осталось. По крайней мере таких, которые мог бы обнаружить кто-то, кроме другого ткача. Но вот меня больше всего тревожит во всем этом деле. Пурлоху заплатили огромные деньги. Сонмага не тот человек, чтобы тратиться и рисковать ради всего лишь локона с головы девочки. Вывод только один.

— Он уже что-то подозревал, — кивнула императрица.

— Он уже знал, что она — порченая, — поправил Мос. Свекор употреблял это слово легко, не делая над собой усилий, точно так же, как произносил слово «внучка», и уже одно это располагало к нему Анаис.

— Если знал, значит, ему кто-то сказал, — заключила она. — Виррч.

— Да, он как-то пронюхал. Это единственный ответ.

— Не единственный, — осторожно ответила Анаис. — Есть и другие. Наставники, кое-кто из слуг...

— Но никто из них не знает больше Виррча. И никто другой не решился бы на такое предательство. Только он теряет почти все, если на престол взойдет порченый. Представьте, что будет, если Людия станет императрицей? Она узнает, что ткачи желали ее смерти. А если она остановит их? Положит конец уничтожению порченых? Попытается принизить роль ткущих или даже изгнать из страны? Ткачи отлично понимают, что им придется нелегко в стране, где на престоле порченый. Две сотни лет они упорно искореняли всякие отклонения и теперь боятся, что пришел час расплаты.

— Может быть, именно это нам и нужно, — сказала Анаис, обдумывая последний разговор с Виррчем. — Проклятые богами паразиты. Без них нам всем жилось бы легче. Нельзя было допускать, чтобы преследования зашли так далеко. Нельзя было позволять им стать незаменимыми.

— Полностью с вами согласен, — кивнул Мос. — Ненавижу этих скрытных слизняков. Но поостерегитесь выступать против них открыто. Вы ходите по краю. Один неверный шаг — и пропасть.

— Да, — задумчиво протянула Анаис. — Вы правы.

Глава 15

Дом семьи Амаха был самым большим в императорском квартале и во всем Аксеками. Даже дворец правящего семейства Эринима казался намного меньше. Особняк располагался на специально насыпанном земляном валу, окруженный

со всех четырех сторон стенами. Внутри поместье напоминало райский сад: пышные тропические деревья, привезенные с отдаленных континентов, рукотворные ручьи и водопады, изумительные поляны и лужайки. В отличие от привычного минимализма садов Сарамира, это место балансировало на грани роскоши и безвкусицы. Но, как и в других садах и парках аристократов, здесь так же прослеживалась склонность к аккуратности и чистоте: дорожки не засоряли опавшие листья, засохшие ветки не портили красоту крон деревьев. Незнакомые плоды висели среди россыпей странных цветов. По саду бродили диковинные животные, поражающие красотой и необычной внешностью. Тому, кто попадал сюда, казалось, что он очутился совсем в другой стране, в каком-то волшебном царстве, о котором читал в сказке.

Мисани ту Колай сидела на деревянной скамье, под огромным деревом чапапа с тонкой книжкой сонетов, написанных поэтом-воином Ксалием. В центре бассейна, имевшего форму капли и выложенного красными камнями, бил фонтан и лениво плавали экзотические рыбки. В полуденном воздухе жужжали насекомые.

Мисани считала показную роскошь особняка рода Амаха вульгарной и самонадеянной попыткой продемонстрировать превосходство над другими богатыми и знатными семьями, но при этом не могла отказать себе в удовольствии прогуляться по великолепному саду, посидеть под деревом, привезенным с другого континента. Парку насчитывалось уже более трехсот лет, и это дерево, доставленное из джунглей Охамбы совсем маленьким ростком, было таким же древним. Однако и в этом захватывающем дух великолепии Мисани не могла обрести внутреннего покоя, а безмятежность сада не приносila умиротворения. Она уже в десятый раз перечитывала одну и ту же строку, не продвинувшись дальше первой страницы. Последнее время девушка жила с чувством глубокой потери и такой печали в душе, что ей все время хотелось плакать. Но еще хуже было осознание того, что она сама виновата в собственных страданиях.

Она снова и снова прокручивала в памяти их разговор, слышала свой собственный голос, наблюдала реакцию подруги.

«Просто то, что я вчера узнала, вызывает во мне отвращение».

Этими словами она разрушила узы дружбы, связывавшие их все двадцать лет. Умом Мисани понимала, что поступила правильно, но совесть не давала покоя. Оттолкнув Кайку, она защищала семью, спасала отца от бесчестия, исполняла свою обязанность: оберегать семейный очаг от всего, что может его разрушить.

Но, поступив так, Мисани отвернулась от лучшей подруги, и теперь ей хотелось кричать от боли.

Но она не кричала. Мисани никогда не выставляла чувства напоказ. Ее переживания, внутренняя борьба сердца и разума оставались скрытыми от окружающих за спокойными темными глазами.

Отец по возвращении сам решил поговорить с дочерью. Но вести о смерти семьи Кайку медленно просочились в общество и, наконец, достигли Аксеками. Аван был достаточно осторожен и решил скрыть, что Кайку находилась в его доме до тех пор, пока не представится возможность поговорить с гостьей. Но к тому времени, как вельможа возвратился, девушка исчезла, не оставив никаких следов своего пребывания.

Мисани притворилась, что потрясена известием о гибели семьи Кайку. Аван не поверил ей, но добиваться правды не стал. Отец слишком хорошо знал дочь, знал, насколько она предана интересам семьи. При желании он мог бы узнать от нее все, но молчание Мисани означало, что ему лучше этого не знать. Это, а также таинственный пожар в доме в день заседания совета и необычные, загадочные обстоятельства гибели семейства Макайма усилили его подозрения, но Аван доверял Мисани и потому не стал разоблачать ложь.

Дочь защищала честь семьи, рискуя своей собственной. Отец позволил ей это, но между ними осталась недосказанность, и сейчас Мисани жалела о том, что опустилась до вранья и на-

рушила обязанности дочери. Наверное, ей следовало начистоту поговорить с отцом.

Девушка попыталась отвлечься от мыслей о подруге, занявшись делами семьи и дворцовыми интригами. Аван потакал дочери, доверяя ей конфиденциальные сведения. При дворе императрицы давно кипели страсти, и известие о том, что наследница престола — порченая, лишь подогрели их. Создавались новые союзы, объединяющие противников правящего семейства. Смутьяны вышли на улицы.

Особой популярностью пользовался Унгер ту Торрик, вызывавший настоящую бурю пламенными речами против наследницы. Мисани посетила одно из его выступлений на площади Ораторов, и оно и произвело на нее сильное впечатление. Гневные протесты в городе нарастили. Яростные выступления бедняков уже не раз давлялись императорской стражей. Чтобы удержать трон, императрица старалась заручиться поддержкой благородных семей, но не делала никаких шагов для сближения с простым народом. Именно низы были настроены против «нечистой» наследницы. Было ли то высокомерие или простое упущение, не важно — оно могло стоить правящей династии престола.

Но теперь, после случая с подругой, Мисани смотрела на происходящее совсем другими глазами. Постоянные крики, что порченые — уродцы, паразиты, порождение зла... Все, что раньше имело смысл, казалось пустословием фанатиков. Какое отношение это имеет к Кайку? Ее подруга не более порождение зла, чем сама Мисани. И если все сказанное не относится к Кайку, то почему другие должны быть исключением. И где вообще доказательства того, что те, кого называют порчеными, обязательно носители зла?

И все же время шло, а Мисани никак не могла избавиться от страха и отвращения. Кайку вызывала у нее неприязнь, хотя ни капли не изменилась внешне, не считая цвета глаз. Причиной неприязни было лишь знание. Знание того, что Кайку — другая. Но чем больше Мисани думала об этом, тем меньше верила в собственную правоту. Кайку была права. Мисани не отвернулась бы от подруги, если бы та стра-

дала от заразной болезни. Но ведь одно дело — больной и совсем другое порченый.

Вера в то, что они несут в себе зло, вдалбливалась с детства и укоренилась настоль глубоко, что не требовала никаких подтверждений и доказательств. Куда бы ни уводили размышления, везде барьером вставала одна и та же фраза: *потому что она порченая*. Эта фантомная логика прижилась так прочно, что уже не требовала доказательств и воспринималась сама по себе, как непреложная, раз и навсегда утвержденная истина. Если бы Мисани спросили, почему на небе светит солнце, она бы рассказала притчу о том, как Оха вынул один глаз у собственного сына, потому что два сияли слишком ярко, а затем посадил его присматривать за миром. Она могла поведать и о том, как Нуки гоняется вокруг земли за тремя лунными сестрами. Так ночь сменяет день. Сходным образом объяснялось, почему поют птицы, почему дует ветер, почему волнуется море. Но если спросить, почему нужно избегать порченых, почему они отвратительны, омерзительны и ужасны, единственным ответом будет — потому, что они такие.

Но теперь это объяснение вдруг перестало ее удовлетворять.

Примкнув к оппозиции императрице, семья Колай извлекла из этого по крайней мере одну выгоду: снискала расположение рода Амаха. Амаха и Керестин были двумя могущественными кланами, которые собирались бороться за трон и имели на то достаточно прочные основания. Если конечно, не брать в расчет род императора, но те решили встать на сторону владычицы Сарамира, несмотря на очевидное отвращение Дуруна к собственной дочери. Менее благородные семьи, проголосовавшие против императрицы, метались между двумя основными претендентами на трон в ожидании развязки. Но семейства Колай и Керестин всегда испытывали неприязнь друг к другу, поэтому союз между Сонмагой ту Амаха и Аваном ту Колай казался при сложившихся обстоятельствах вполне естественным.

Большую часть дня вельможи провели в переговорах. Мисани и Аван встретились с хозяином дома за завтраком и наслаж-

дились превосходной едой, сидя на открытой террасе просторного деревянного павильона, скрытого от посторонних глаз экзотическими растениями. Они наблюдали за диковинными оленями и слушали щебетание птиц, скрывающихся в листве. Наконец, мужчины ушли, чтобы переговорить. Обычно Мисани позволяли присоединиться к ним, но эта встреча держалась в глубочайшей тайне, и девушку оставили в саду. Впрочем, ее это вполне устраивало.

Услышав мягкие шаги позади себя, она отложила книгу и поклонилась отцу и Сонмаге, приложив кончики пальцев одной руки к губам и держа другую руку на талии. Хозяин дома слегка склонился в ответ и, скав с многозначительным взглядом плечо Авана, удалился, оставив гостей одних. Мисани заметила, что отец держит в руке какой-то сверток, надежно упакованный в парусиновый мешок.

— Мы уже уходим? — поинтересовалась девушка — Все прошло хорошо?

— Да, скоро пойдем, — улыбнулся Аван. — Мне можно с тобой посидеть?

— Конечно. — Она убрала книгу и перекинула длинные волосы на одно плечо.

Аван сел, бережно положив мешок рядом. Подобно дочери, он был худощав и строен. Острые скулы выделялись на загорелом и суровом лице. Темные волосы, когда-то густые и пышные, поредели с возрастом, и теперь сквозь них просвечивалась лысина. Глава семьи Колай выглядел человеком уставшим от жизни, изнуренным заботами, но то было обманчивое впечатление. Мисани любила отца, но еще больше уважала его. Аван ту Колай был суровым и безжалостным в политических играх, и лучшего наставника в искусстве закулисных интриг, столь необходимом при дворе, нельзя и пожелать.

— Дочь, нам нужно поговорить, — чуть помедлив, заговорил Аван. — Ты знаешь, что тайна наследницы вскрылась в тяжелое для Сарамира время. Урожай обещает в этом году быть скучным, несмотря на благоприятные условия погоды, поскольку земля поражена порчей. Опасность исходит отовсюду, и мы не

можем допустить, чтобы в таких условиях началась гражданская война.

— Я согласна с тобой. — Мисани склонила голову. — Но императрица настроена решительно и намерена любой ценой усадить дочь на трон. Избежать войны не удастся, поскольку другого варианта просто нет. Даже если мы уступим Анаис, то вряд ли на это пойдет народ Сарамира. Жители Аксеками уже готовы начать восстание.

— Есть другой способ, — возразил отец. — Произведя на свет своего выродка, императрица стала бесплодной. И если избавиться от наследницы, то после смерти Анаис у династии Эринима не останется никаких прав на трон. А может, и раньше.

— Если Люцию... убрать... — медленно произнесла Мисани, тщательно подбирая слова. Разговор этот ей не нравился. — Императрица не остановится ни перед чем и расправится со всеми, кто примет участие в убийстве ее дочери. И тогда гражданская война уж наверняка неминуема.

— Если действовать осторожно и обдуманно, чтобы у Анаис не возникло подозрений, все может получиться. — Он прищурился, и глаза его стали похожи на две маленькие щелочки. — Война не начнется, если смерть наследницы наступит по воле богов.

— Отец, не говори загадками. — На лице Мисани не отразилось никаких чувств. — Что вы задумали?

— Императрица добивается расположения знатных семей, всячески доказывая, что принцесса — нормальный ребенок. По сообщениям наших шпионов, Люция действительно милая девочка, правда, немного... странная. Но какая бы она ни была, какими бы достоинствами ни обладала, мы должны избавиться от наследницы, если под угрозой судьба всего государства.

— С твоего позволения я продолжу, — рискнула Мисани. — Семья Амаха еще не готова к гражданской войне, поэтому народный бунт им сейчас не на руку? Думаю, они просто выжидают и набираются сил для победы над семьей Керестин в битве за трон.

Аван оценивающе посмотрел на дочь неподвижными, как у ящерицы, глазами.

— А ты умна, и мое сердце наполняется гордостью. Но нужно быть еще послушной и внимательной. У нас к тебе поручение.

Мисани наклонила голову в знак согласия.

Аван с довольной улыбкой поудобнее устроился на скамье.

— Ты должна встретиться с наследницей и передать ей подарок. — Он пододвинул поближе парусиновый мешок. Мисани отметила, с какой осторожностью отец это проделал. — Тебя не было на совете, и Анаис не знает, как ты настроена: за нее или против. Императрица будет рада использовать выпавший шанс и склонить тебя на свою сторону. Но когда идут к ребенку, то всегда несут подарки. Ты отправишься во дворец и отдашь наследнице вот этот сверток.

— Что находится в мешке, отец? — спросила Мисани, чувствуя, как кровь стынет в жилах.

Девушка догадывалась, о чем ее просят, и понимала, что не может отказаться. Отец не случайно упомянул об отсутствии дочери на совете, дав тем самым понять, что не потерпит еще одного непослушания. Теперь у Мисани не было выбора.

— Это ночная рубашка, — сказал Аван. — Очень красивая, настоящее произведение искусства. Только ткань пропитана составом, вызывающим костную лихорадку.

Мисани ожидала чего-то подобного, поэтому не выразила никаких чувств.

— Наследница уже через неделю почувствует слабость, а еще через несколько недель умрет. Возможно, кто-то во дворце тоже заразится. Костная лихорадка выбирает своих жертв наугад, поэтому никто не заподозрит, что в болезни виноват подарок. Но даже если такое случится, доказательств не будет. И, следовательно, подозрение не падет ни на тебя, ни на меня.

Ни на Сонмагу, горько усмехнувшись про себя Мисани, догадываясь, в чьей голове родился этот план. Снова и снова задавалась она вопросом, что же Амаха обещал Авану за привлечение дочери к столь рискованной затее.

Использование яда считалось в обществе достойным и даже почетным методом избавления от ненужных людей. Но намеренное заражение смертельной болезнью совсем другое дело — такого поступка никто бы не одобрил, а от исполнителя отвернулись бы с ужасом и отвращением все почтенные люди. Действовать так подло могли только дикари. Как же низко пали отец и Сонмага, и в какие глубины мерзости способны они втянуть ее, сделав своей сообщницей?

Нет, не сообщницей, козлом отпущения.

Она пристально посмотрела в глаза отцу. Да, Аван считал, что действует на благо страны, но Мисани прекрасно понимала и то, что он без колебаний пожертвует ею ради спасения семьи — так моряки рубят якорь, чтобы увести корабль от бури. При дворе подобное совершалось едва ли не ежедневно и считалось привычным и будничным, но ей самой еще ни разу не доводилось выступать в роли жертвы. Никогда еще Мисани не чувствовала такого унижения, причем униzel ее тот, кому она доверяла больше всего на свете. Ее употребили, использовали, предали. Низвели до уровня размленной фигуры в политической игре. Любовь к отцу, гнездившаяся в ее душе, сложила крылья и тихонько умерла. Больше всего Мисани потрясло именно это — невероятная хрупкость чувства, казавшегося столь сильным и прочным.

Она еще раз посмотрела на чужака, сидящего рядом на скамье, а затем перевела взгляд на фонтан. Солнце блестело в каплях воды.

— Я сделаю все, как ты скажешь, — покорно произнесла девушка.

Ничего другого ей не оставалось.

У подножия горы Аон, прилепившись к каменному выступу, расположился большой монастырь Аддерах.

Очертания здания свидетельствовали о безумии тех, кто его строил. Каменные стены песочного цвета были, казалось, не сложены, а выплавлены, постройки перетекали из одной в другую; тут узкий проход заканчивался провалом, там — скульп-

тура воюющих демонов украшала неуместную башню с высоким шпилем и узким окном. Одна стена полностью была выполнена в форме кричащего лица в тридцать футов высотой, с оскаленными зубами и бешеными глазами. Статуи озирало пустынныне окрестности, издавая безумные звуки, когда порывы холодных ветров налетали на их выщербленные от времени тела. Неприступные стены ничего не охраняли. Внутри лестницы вели в никуда, целые анфилады комнат были недоступны, потому что никто не подумал о том, чтобы пробить к ним двери. Похожие на пещеры залы перемежались с крошечными комнатами, слишком маленькими, чтобы встать в полный рост. Этот шедевр оборванного полета дикой фантазии родился из тысячи незавершенных проектов, причуд и капризов, которые, сплавившись воедино, и стали тем местом, где зародилось ремесло ткачей. Здесь была колыбель их силы. Отсюда они следили за землей Сарамира и строили планы.

Ткачи не имели четкой иерархии. Структура их организации отличалась расплывчатостью, и никто толком не знал, какие цели перед ней стоят и во имя каких ценностей она действует. И все же существовал один основополагающий принцип, который объединял всех ткачей: общее благо. Хотя отдельные поступки каждого граничили порой с безумием, все они стремились к одной цели, определенной в качестве главной в данный период времени. Никто ни разу не подверг сомнению это странное групповое сознание, никто не спросил, кем определена эта или иная цель, выработана ли она большинством или кучкой избранных, и кто координирует их усилия. Просто так было. Сила, которая связывала ткачей друг с другом, была сетью, удерживающей их вместе наподобие тончайших нитей самого Узора.

Монастырь был построен над обширным рудником с множеством ходов-лабиринтов. Его забросили больше двухсот лет назад, и теперь по безмолвным туннелям в непроницаемой тьме скитались жуткие существа. В этом руднике два с половиной столетия назад был найден на огромной глубине первый колдовской камень, и та находка дала толчок появлению братства ткачей.

Сначала рудокопы понятия не имели о ценности находки. Они были простыми, грубоватыми, но честными людьми, добывающими железную руду глубоко в горах Чамил. Тогда рудник только открыли, и никакая нечисть в его узких туннелях еще не водилась. Находясь вдали от мест цивилизации, рабочие построили свои поселения. Среди них были каменщики, плотники и ремесленники-искусники. Узнав о находке горняков, они пришли на нее посмотреть, и они-то дали странной находке название.

С первого взгляда стало ясно, что это не обычный камень. Во-первых, человек чувствовал его присутствие, еще даже не видя. Волосы на теле вставали дыбом, по коже бежали мурашки, зубы начинало покалывать. Все происходило не от страха, а от той энергии, которая исходила от камня. Сам воздух напитывался ею, как перед началом лунной бури. И даже несуеверные, совершенно практичные и ни во что не верящие люди признавали магическую силу камня.

Необычным был и его внешний вид. Огромный обломок скалы черного цвета напоминал выход вулканической породы, да вот только нашли в маленькой пещере глубоко под землей. Любой другой камень давно бы расплавился от невыносимой жары, однако ж на черный камень высокая температура никак не действовала. Внимательно изучив пещеру, горнорабочие не нашли ни одного признака того, что он от чего-то отвалился или упал сверху, проломив потолок. Но и поверить в то, что камень образовался естественным способом, горняки не могли. Возникал вопрос: как же он попал в пещеру? Может быть, то была реликвия древних уголов, народа, жившего здесь с незапамятных времен и до той поры, пока их не изгнал первый император?

Дальнейшие события излагались в истории ткачей не совсем ясно. Известно лишь, что ремесленники начали точить камень, добавляя полученный порошок в свои изделия. Скорее всего, их привлекли странные свойства обломка или возможность использовать в работе совершенно новую породу. Плотники втирали пыль в скамейки, каменщики смешивали с

известковым раствором. Безумие? Сумасшествие? Но ведь в мире совершаются много чудного и безумного. Собственно, даже эти крохи знаний, касающиеся появления ткачей, проникли в империю только потому, что часть ремесленников, живущих рядом с рудниками, пересекла горы и отправилась на запад, чтобы продать или выменять свои изделия на что-нибудь полезное. Товар расходился хорошо, а необычные свойства заряженных энергией вещей лишь подстегнули внимание покупателей. Тогда-то ремесленники и поведали о странной находке. Когда они продали свои изделия, то отправились домой, увозя множество заказов. Но назад уже не вернулись, и больше их никто не видел.

Из далеких краев не приходило никаких новостей. Прошли годы. Память о затерянном в далеких горах селении стерлась. Дорогу к руднику никто не знал да и найти особенно не пытался. Вспыхнувший было интерес к изделиям из колдовского камня постепенно угасал, и вскоре о них совсем забыли.

Что именно там происходило в этот период забвения, о том можно лишь гадать.

Скорее всего по прошествии какого-то времени мастера решили использовать пыль колдовского камня покрытия маски. Видимо, тогда же некий экспериментатор и обнаружил до толе неведомые свойства колдовской пыли. С чего начался процесс и как продолжался, сведений о том не сохранилось. Возможно, вначале пыль использовали как наркотическое зелье, вызывающее дезориентацию и эйфорию. Чуть позже выяснилось, что чем ближе колдовской камень находится к лицу, тем сильнее его дурманящая сила. Затем заметили и некоторые, пока еще зачаточные изменения в физической природе. Расстройство сознания приводило к побочным последствиям, при которых человек мог передвигать кубок, не прикасаясь к нему, только лишь силой взгляда, заставлять пламя вспыхивать или угасать. Находясь под воздействием пыли колдовского камня, не составляло труда прочитать мысли другого, узнать самые сокровенные тайны. Можно только предполагать, насколько непростым и сложным был путь от простой

пагубной привычки до обретения контроля над неизвестным веществом. Сколько лишились разума и потеряли душу, желав опрометчиво узреть волшебное сияние Узора? Сколько злодеяний, насилий, убийств и извращений совершалось в отчаянии, когда свет этот мерк, и человек возвращался в сумерки будней? История не дает ответа. Но когда забытые поселенцы вновь спустились с гор после долгого молчания, среди них уже не было ни женщин, ни детей.

Первые ткачи появились в городах Сарамира два столетия назад. Они еще не обладали полной силой и опытом управления человеческими душами. Постепенно ткачи втирались в доверие к благородным семьям и становились неотъемлемой частью жизни знатных людей. В те дни сарамирцы наивно доверяли ткачам. А тех, кто становился на их пути, обладатели бронзовых ликов изменяли, воздействуя на ум и сознание нужным им образом. Прошло десятилетие, и пришельцы распространились повсюду, укрепились и взялись за свое: наращивать влияние, строить козни и злоумышлять.

В комнате, освещенной тусклыми факелами, спрятанной в глубине переплетенных коридоров Аддераха, висел в воздухе призрачный образ главного ткача. Размытые и неясные очертания того, что представлялось всего лишь пестрым пятном, переливались коричневым, серым и оранжевым цветами, которые присутствовали в его одежде. Странно и необычно выглядела в этом иллюзорном облаке маска. Она была единственным реальным предметом — светящееся бронзовое лицо среди неясных тел.

Три других ткача, не отрываясь, смотрели на переливающееся облако. Они не походили на тех троих, что были здесь прежде, как те, в свою очередь, мало чем напоминали являвшихся до них. В отсутствии четкой иерархической системы главный ткач ни перед кем не отчитывался, тогда как трем ткачам предстояло распространить полученные указания по всей сети Узора.

— Императрица не спешит идти на погибель, — заметил один из ткачей по имени Каэр. Его маска, выполненная из высущенной и натянутой на деревянную рамку кожи, напоминала лицо трупа.

— Как я и ожидал, — прохрипел Виррч, и каркающий звук его голоса отскочил от стен и раскатился вокруг эхом. — Но положение меняется в нашу пользу. Было бы... неудобно, если бы она отреклась от трона сейчас.

— Объясни, — потребовал Каэр. — Разве воцарение на престоле наследницы не самая большая угроза для ткачей?

— Несомненно, — согласился Виррч. — Но противостоящие друг другу стороны равны по силе. Поэтому я не прохлаждаюсь во дворце. Бэраки уже пляшут под мою дудку.

— А нам от того какой прок? — прошептал жирный ткач в овальной деревянной маске с длинной бородой, сплетенной из полосок шкуры какого-то животного.

Виррч бросил на него пристальный взгляд.

— Брат, я готовлю план, как избавить нас от императрицы и ее отродья. Я вступил вговор с самым сильным соперником семьи Эринима. И когда он станет императором, то возвеличит и ткачей. Мы больше не будем просто помощниками правительства; мы станем опорой власти.

— Осторожней, Виррч, — предупредил Каэр. — Последнее время жители Сарамира не доверяют нам и не очень-то жалуют. Они уничтожат нас при первой же возможности. Даже твой Бэрак.

— Они подозревают, — добавил третий ткач, в черной деревянной маске со звериным осколом. — Думаю, люди догадываются, что мы что-то замышляем.

— Пусть себе подозревают, — усмехнулся Виррч. — К тому времени, когда вся правда выплынет наружу, будет уже слишком поздно.

— Возможно, — промолвил Каэр, — но объясни хотя бы, что ты намереваешься делать.

Сознание, скользнув по нитям Узора, возвратилось в тело Виррча.

Дыхание его было тяжелым и прерывистым. Широко раскрытые глаза остекленели, сфокусировавшись на привычной

обстановке. Главный ткач сидел на прежнем месте, среди зловония и запустения своих покоев.

Какое-то время Виррч приходил в себя, привыкая к реальному миру, тусклому и скучному после блаженного пребывания в Узоре. Воспоминания занимали свои места вокруг проплешин пустоты. Он недоуменно огляделся, смутно припоминая, что накануне к нему привели маленькую девочку, оказавшуюся на редкость бойкой и живой. Виррч решил придержать ее до поры до времени и связал жертве руки и ноги, как паук опутывает мууху, чтобы употребить при необходимости. Зачем? Он и сам представлял это плохо. Возможно, из желания иметь под рукой средство, чтобы быстро справиться с очередным приступом безумия, который придет после следующего возвращения из Узора, и не ждать, пока слуги доставят нужное.

Ткач огляделся. Смыщеная тварь выпуталась из веревок и спряталась где-то в комнате. Ну да ладно. Девчонка все равно в ловушке и никуда не денется, потому что единственный ключ от тяжелой двери всегда висел у главного ткача на груди. Пусть поиграет. Ему это даже нравилось.

Сейчас его к ней не тянуло. Зато ткач ощущал внезапное желание изменить обстановку в комнате. Чужая логика, четкая и неоспоримая, вошла в него. Он словно со стороны увидел, как должна располагаться мебель в жилище, как будто сами боги направляли его взгляд. Виррч встал, намереваясь осуществить свою задумку, понимая, что это всего лишь очередная прихоть, но не имея сил противиться желанию. Девчонка подождет. Все подождет.

Потом, когда он будет готов, он поимеет их всех.

Глава 16

Путешественники двигались на север по Великой Пыльной дороге, которая протянулась с юго-востока до северо-запада острова Фо, заканчиваясь в шахтерском городе Кморн на дальнем побережье.

Солнце едва поднялось над горизонтом, когда молодые люди отправились в путь, но Нерин все еще держалась в небе, не собираясь уходить оттуда раньше полудня. Небосклон оставался ясным. Только к середине дня несколько пушистых облачков соединились в покрывало, закрывшее солнце. Хотя жара и не уменьшилась пропорционально освещенности, Тэйн обрадовался временной передышке. Жизнь под лесным покровом не подготовила юношу к испытаниям зноем, которому он подвергался в течение последних дней. Находясь слишком долго под сияющим глазом Нуки, послушник чувствовал головокружение.

Караван, состоявший из семи телег, тянула пара огромных быков. Последние пять повозок были затянуты брезентом и застегнуты донизу. В них везли провизию для отдаленной деревни Хайм. Две передние телеги предназначались для путников. В них установили низкие узкие скамейки, на каждой из которых размещалось до шести человек. Впереди устроили место для погонщика, иссущенного, раздражительного старика в тонкой рубашке поверх жилистого тела, и хозяина каравана, мужчины полного и крупного. Кайку, Азара и Тэйн сидели прямо за ними. Во второй повозке, опираясь на ружья и переговариваясь друг с другом, сидели охранники.

От некого делать Тэйн рассматривал быков. То были громадные, около семи футов ростом, животные с короткими задними и длинными передними ногами с плоскими черными копытами, на которые приходилась немалая тяжесть. Головища покрывала густая и косматая шерсть красно-бурого цвета, выдававшая северное происхождение. Впрочем, жара Сарамира ничуть не беспокоила животных. Их понурые, морщинистые, широкие морды с обвисшими складками кожи внушили ложное впечатление приходящей с возрастом мудрости, но два коротких клыка, торчавшие из нижней челюсти, говорили о молодости.

Какие странные существа, размышлял Тэйн, и то же время совершенные. Совершенные, как все, что создано Эню.

Даже те существа, что охотятся на человека. Тень грусти легла на сердце юноши, когда он вспоминал о девушке, с кото-

рой они встретились в Аксеками. Может, внешне она и безупречна, но душа ее подверглась порче. Каждый из детей богини природы имел свое, особое предназначение, а вот порченые — это насмешка над ее деяниями.

В конце дня разноцветные телеги каравана повернули на север. Дорогу называли Пыльной так не зря. Каждый шаг быка поднимал в воздух черную пыль, которой было покрыто все вокруг. Большая часть Фо представляла собой плоскую каменистую равнину со скучной растительностью и колючими кустами. Остров располагался намного выше уровня моря, и земля здесь не отличалась плодородием. Тысячелетиями пригодную для возделывания почву сдувало ветрами и вымывало дождями, обнажая каменистый костяк острова.

Пыльная дорога осталась позади. Теперь путешественники двигались по неровным тропам, разбитым колесами таких же караванов. Вереница телег прошла по этому пути не больше мили, когда возница, свернув чуть в сторону, остановил караван.

Хозяин засуетился вокруг повозки, помогая Азаре спуститься. Лысый, с толстыми губами, крохотными глазами и прятавшимся в пухлых щеках носом. Что-то рыбье угадывалось в его лице. Эвали хозяина Оттин.

— Почему мы остановились? — поинтересовалась Азара, опираясь на протянутую руку. Ладонь его была липкой и холодной.

— Ночью по горам никто не путешествует, — пояснил хозяин. — Опасное место. Мы прибудем в Хайм завтра утром, обещаю.

Развели костер. Кайку с удивлением отметила, как резко похолодало, едва солнце скрылось за горизонтом. Вокруг каравана выставили посты. Путники сидели в центре, освещенные беспокойным пламенем, ощущая негостепримность этой незнакомой земли. Обещание опасности, близость чужих людей, враждебность местности ничуть не испугали Кайку. Устроившись поудобнее, слушая неспешные разговоры у костра, она ощутила странное успокоение.

— Зараза проникла даже сюда, в этом нет ни малейшего сомнения, — говорил возница. В Сарамире на порчу жаловались все, но путешественники никогда не слышали, чтобы болезнь поразила и Фо. — Сама земля поражена язвами.

— То же самое и на материке. Недуг, источника которого мы не можем найти, — охотно поддержал беседу Тэйн. — Раньше леса не представляли опасности для путника. Теперь же нет ничего хуже, чем оказаться ночью в дороге. Дикие животные становятся все злее и нападают на людей, а в лесах поселяются холодные и незнакомые духи.

— Я ничего не знаю про леса, но точно знаю, откуда зло. Зараза сползает с гор.

— Все это вздор и чепуха, — заявил Оттин, искоса наблюдая за Азарой в надежде, что девушка одобрят его решительность. — Пустые суеверия.

— Неужели? — усмехнулся возница, с прищуром взглянув на торговца. — Посмотрим, что скажешь, когда продвинемся дальше на север. А север — это горы. По-моему, так все разумно.

Возница оказался прав по крайней мере в одном. К полуночи следующего дня не замечать голые деревья, торчащие из щедущей земли, было уже невозможно. Скрюченные стволы с тонкой, не толще человеческой кожи, полопавшейся корой, из-под которой на безжизненную землю вытекал сок, стояли вдоль дороги. Другие раздулись неестественным образом от избытка в них влаги. Путешественникам встретилось дерево, ветви которого закрутились кольцами и вросли в ствол. Тонкие, изогнутые листья торчали во все стороны, как колючки, в сплетении сучьев.

Стражники встревожились. Кайку, заметив, что мужчины напряженноглядывают в вечерний сумрак, крепко сжал руки и взвел курки, тоже насторожилась. По телу поползли противные мурашки.

Оттин, не обращая никакого внимания на охранников, продолжал свои глупые заигрывания с Азарой, которая переноси-

ла приставания с завидным терпением. Со стороны это выглядело так, словно низкая плата за проезд, которую предложил владелец каравана, подразумевала, что красотка позволит ему что-то большее. Кайку и Тэйн обменялись выразительными взглядами и улыбнулись.

Но веселье юноши улетучилось, едва он посмотрел вокруг. Нигде прежде послушник не видел столь явных признаков хвори, как здесь. Глядя на бесплодные земли, окружавшие мрачные вершины гор Лакмар, Тэйн все больше и больше хмурился.

Внезапная суeta среди охранников привлекла его внимание. Где-то неподалеку, справа от дороги, раздался похожий на кудахтанье звук, отозвавшийся эхом в вечерней тишине. Что-то заметалось за камнями. И снова крик — короткий, горловой. Стражники вскинули винтовки, но ничего не произошло.

— Видите? — кивнул возница, указывая куда-то в сторону. — Обычное дело для здешних мест. Для этих тварей уже и имена придумали. Мы зовем их хрящеворонами.

Путники проследили за рукой возницы и увидели прямо над собой трех черных птиц. На первый взгляд они походили на ворон, но Тэйн, приглядевшись, понял, что эти намного больше.

— И какой они длины? — поинтересовался юноша, затрудняясь определить размеры птиц на глаз.

— Шесть футов от одного конца крыла до другого, — хрипло сообщил возница.

Кайку тихонько выругалась. Старая привычка, позаимствованная у брата и не раз вызывавшая нарекания со стороны старших, не соответствовала образу благовоспитанной девушки, но здесь это вряд ли имело значение.

Тэйн снова поднял голову. Чем больше юноша смотрел, тем больше убеждался, что птицы не зря получили свое имя. Толстые и уродливые клювы были похожи на ороговевшие морды с крючковатыми губами. Крылья с грязными черными перьями резко изгибались в середине, как у летучих мышей. Послушник нахмурился, надеясь, что ему больше никогда не придется оказаться рядом с такими тварями.

— Интересно, — многозначительно произнесла Азара, но больше ничего не добавила.

Кайку, однако, уже ухватила наживку.

— Что здесь интересного?

— Я не в первый раз встречаю порченых животных, ставших столь обычными, что они уже составляют собственные виды. — Она многозначительно посмотрела на Тэйна, который никак не ответил на ее внимание. — Среди уродцев, порождаемых болезнью, уже есть своя классификация. На каждую сотню бесполезных отклонений встречается одно полезное, которое выделяет своего носителя среди других особей. И если такое существо сможет выжить и принести потомство, тогда оно перейдет к...

— Ты не открыла ничего нового, Азара, — грубо перебил девушку Тэйн. — Эти мысли уже десятилетиями передаются как учение Джуджанчи.

— Да, — ничуть не смущившись, подтвердила Азара. — Он был одним из священников Энию, не так ли? Большой философ, как все признают. Джуджанчи использовал свою теорию, чтобы объяснить разнообразие животных. Странно, но его учение объясняет и существование так называемых порченых, хотя твоя вера и отказывает им в праве называться детьми Энию.

— Порченые тоже плоды природы, — не сдавался Тэйн, — только они — гнилые плоды.

«А как же я, Тэйн? — подумала Кайку. — Что бы ты сказал обо мне, если бы знал правду?»

— Но, возможно, эта болезнь вовсе и не болезнь, — возразила Азара. — Возможно, это только ускоренное изменение. Может быть, то, что сейчас кажется грязным и гадким, со временем воцарится в небесах. Подумай, Тэйн. Не исключено, что за пятьдесят будущих лет появится больше новых существ, чем за пятьсот прошедших.

— Изменения в природе происходят медленно, — не сдавался Тэйн. — Чтобы все вокруг могло приспособиться. И, кроме того, дело не только в появлении новых видов животных. Зерновые культуры умирают, люди умирают. Даже духи, и те

изменяются. Они становятся враждебными. Хранители природы исчезают из естественных мест обитания, вытесняемые существами вроде шин-шинов.

— Демонов вызвали, чтобы вернуть маску. Или заполучить Кайку. Нападение и убийство священников не просто гнев богов. Демоны шли по следам, которые привели к твоему храму. Если бы шин-шины могли пересечь канал, они последовали бы за нами и дальше. Но я подозреваю, что монстры потеряли наши следы.

— Значит, те, кто вызвал шин-шинов, знают, как обращаться с темными духами. — Тэйн внезапно успокоился и начал размышлять вслух. — Может именно они наслали на землю болезнь?

Ответ Азары потонул в неожиданных криках, грохоте и топоте ног. Кайку завибрировала от страха. Что-то черное метнулось к дороге, а затем повозка сильно наклонилась, и путников бросило к борту. Тэйн и Азара упали на Кайку, и в следующее мгновение их швырнуло на обочину. Они едва успели отскочить, как рухнувшая повозка с громким треском раскололась. Послушник инстинктивно толкнул спутницу на землю.

Тем временем суматоха нарастала. Вскочив на ноги, молодые люди с трудом пробрались между суетящимися и орущими охранниками и наконец поняли, в чем дело.

Огромный монстр, представляющий собой ужасный сплав зубов и конечностей, затаился в норе у обочины, замаскированной тонким слоем сланца. Ощущив присутствие людей, чудовище высунулось наружу в надежде поживиться. Половина монстра все еще находилась в норе. При виде тупой морды, лишенной глаз, с раскрытой пастью, из которой торчали желтевшие, изогнутые клыки, Кайку задрожала от страха, а по спине у нее покатился холодный пот. Конечности, похожие на паучьи ноги, уже захватили одного из быков и подтягивали его к норе. Перепуганные животные надрывно ревели, чувствуя приближающуюся опасность. Оттин попытался потянуть за постремки, но возница, запутавшись в упряжи и очутившись в ловушке, закричал на хозяина.

— Стреляйте же! — заорал Оттин на охранников. Но те уже и сами подняли ружья. Хлестко ударили выстрелы. Похоже, стрелкам удалось ранить ужасного монстра. Чудовище в бешенстве взмыло, но не выпустило добычу и тянуло быка к своему логову вместе с запутавшимся возницей и оставшимися телегами. Свободные ноги гигантского паука дрожали в воздухе, удерживая равновесие, готовые поразить любого, кто приблизится.

Погонщик вновь пронзительно завизжал, бессвязно прося о помощи. Монстр уже протянул к бахромающемуся в веревках мужчине одну из своих конечностей, видимо рассчитывая на дополнительную добычу.

Кайку, не долго думая, бросилась к телеге и вспрыгнула на нее. Тэйн крикнул, чтобы она немедленно возвратилась, но девушка никого не слушала. Чудовище сделало новое усилие, и весь караван медленно пополз к норе. Кайку ухватилась за нахранившуюся повозку, молясь о том, чтобы та не перевернулась. Сердце лихорадочно колотилось, угрожая вырваться из груди, но девушка, преодолевая страх, медленно поползла вперед, стараясь дотянуться до упряжи.

Оттин орал на охранников, приказывая стрелять, но никто его не слушал. Тогда хозяин прокричал что-то Кайку. Хотел ли он ее подбодрить или о чем-то предупредить, осталось неизвестно. Оглянувшись на крик, Кайку увидела, как второй монстр выскочил из норы позади Оттина и обхватил его своими мерзкими конечностями. Такого пронзительного вопля ей еще не доводилось слышать. Но его тут же сменили чавкающие, перемежающиеся с хрустом костей звуки, с которыми чудовище засасывало тело несчастного в ненасытную утробу.

Кайку пробиралась дальше вперед, тяжело дыша от ужаса. Тэйн и Азара стреляли в первого монстра, пытаясь заставить его выпустить упирающегося быка. Кайку уже доползла до головы каравана и притиснулась к запутавшемуся вознице. Испуганный погонщик пытался что-то сказать, брызжа ей в лицо слюной. Но она и сама уже видела, что он тухо опутан крепя-

щимися к хомуту постромками. Рядом чудовище хлестало по бокам бедное животное.

Внезапно Кайку ощущила, как внутри нее всколыхнулся огонь. Девушка почувствовала, что нахлынувшая на нее паника лишь усиливает жар. Он захватывал все существо, пытаясь вырваться из тела. Она вцепилась в веревочную упряжь и закрыла глаза.

Нет, только не это. Только не сейчас.

Впервые за все это время, Кайку осознала, как опрометчиво поступила, отклонив предложение Кайлин ту Моритат. Теперь она ясно видела, к каким последствиям привело безрассудное желание отомстить за смерть близких и какова цена её нетерпения. Если огонь вырвется наружу, здесь все погибнут.

— Кайку! — громко позвал ее заподозривший неладное Тэйн, но она не услышала его из-за треска винтовочных выстрелов и криков.

Девушка попыталась не обращать внимания на вопли погонщика, заглушавшие стрельбу. Какой-то частью сознания она поняла, что охранники заметили второго монстра и теперь отбиваются от нападения. Но ей больше не было до них никакого дела. Сосредоточившись, она мысленно попыталась сдержать бушевавшее внутри пламя, как сдерживают усилием воли позыв к рвоте. Возница надрывно орал, призывая ее поспешить, но Кайку ничего не слышала.

Понемногу пламя внутри нее угасло, неохотно отступило под натиском воли. Девушка открыла слезящиеся, налитые кровью глаза. Хриплое дыхание вырывалось из груди. Ценой огромного напряжения ей удалось добиться успеха. Но надолго ли?

Монстр вновь потащил к себе быка. Грубый рывок телеги, двинувшейся по направлению к норе, вернул Кайку к действительности. Бык судорожно бился в огромных конечностях, в не-посредственной близости от ужасной морды чудовища. Кайку съежилась, ощущив, как громадные ноги паука сотрясли воздух над ее головой.

Она вытащила из-за пояса нож, который все это время носила с собой. Это был хороший нож, пригодный для того, чтобы снять шкуру с животного или наколоть дров для костра. Торопясь, девушка принялась пилить удерживающие погонщика веревки. Несчастный изгибался, пытаясь вырваться из капкана быстрее, чем упадет первая петля удерживающей его упряжи.

— Успокойся! — прикрикнула девушка.

Возница затих. Тэйн и Азара стреляли снова и снова. Куски черного мяса и фонтанчики крови разлетались в разные стороны. Но, казалось, это не наносило монстру особого урона. Он по-прежнему тащил брыкающегося быка к своей норе. Руки Тэйна сухо щелкнуло, и он переломил его пополам, чтобы перезарядить, успев краем глаза взглянуть на Кайку. Покраснев от натуги, девушка яростно пилила ножом веревки.

Существо, обхватив жертву, тащило животное к норе еще с большим усилием, чем прежде, стараясь сохранить добычу и укрыться от жалящих пуль винтовки. Монстр не мог понять, почему бык оказался таким тяжелым. Лишенное мозга, чудовище не догадывалось, что жертва привязана к телегам, но интуитивно понимало, что нужно приложить еще больше сил.

Кайку вскрикнула, когда весь караван развернуло поперек дороги. Азара и Тэйн отскочили в сторону, спасаясь от телеги, перевернувшейся вверх колесами. Кайку подбросило в воздух, и в следующий момент девушка слепнулась на землю и прокатилась по каменистой дороге, сдирая в кровь руки. Возница, издав последний душераздирающий крик, обвис на опутывавших его веревках, ослабленных усилиями Кайку. С победоносным ревом монстр втянул быка в нору, куда последовала и часть каравана.

Тэйн поспешил к Кайку, но девушка уже встала, оттолкнувшись от земли ободранными до крови ладонями. Азара остановилась напротив, направив винтовку в сторону логова жуткого паука.

— Ты цела? — поинтересовался у Кайку юноша, слегка прикоснувшись к ней.

Девушка покачала головой.

— По-моему, да. — Она поднялась на ноги. — Только ушиблась. Почему стихли выстрелы?

Тэйн и Азара тоже это заметили, но сваленные на дороге повозки мешали увидеть, что происходит на другой стороне дороги.

— Эй! У вас все в порядке? — крикнул один из охранников.

— Все хорошо, — поспешил успокоить их Тэйн.

Молодые люди торопливо обошли остатки каравана и увидели стражников, столпившихся вокруг мертвого тела второго монстра. Массивная морда с оскаленными зубами лежала на дороге, перебитые лапы еще дергались, но большая часть туловища осталась в норе.

— Удачный выстрел, — сказал один из охранников, подталкивая чудовищную морду дулом. — Точно в голову.

— Нужно убираться отсюда, — заметил другой, бывший, наверное, старшим. — Запрягите уцелевшего быка в две телеги. Остальное бросьте здесь.

— Оставить товары? — возмутился кто-то из стражников.

— Хозяин каравана погиб. А нам за доставку груза не платят. Вторая тварь цела. Как только сожрет все, опять вылезет наружу.

Путники начали приводить в порядок повозки, на которых можно было отправиться в путь. Три охранника стояли напротив входа в нору, откуда доносился хруст костей несчастного быка. Возницу освободили от веревок, но это уже не имело никакого значения. Неестественно вывернув шею и уставившись на запоздавших спасителей остекленевшим взглядом, бедняга неподвижно лежал на земле.

— Как его звали? — поинтересовался Тэйн, силясь перевернуть телегу на колеса.

— Зачем тебе это знать? — спросил один из стражников.

— Нужно произнести его имя, — прохрипел Тэйн. — Нокту должна занести умершего в свою книгу.

Имени погонщика никто не знал.

Путники сумели поставить на колеса две уцелевшие телеги. Оставшийся в живых бык, чувствуя кровь сородича, своенравно фыркал. Монстр не высывался наружу даже после того, как затихли чавкающие звуки. Бросив прямо на дороге сломанные телеги, груженные товаром, они взяли с собой только тело возницы, завернутое в просмоленную ткань, и направились в Хайм.

— Это и есть порченые, Азара, — произнес Тэйн, потрясенный и подавленный произошедшим. — Те, за чье воцарение на небесах ты так ратуешь.

Кружившие в небе хрящевороны устремились к земле.

Глава 17

Хайм оказался глухой, затерявшийся среди скалистых гор деревушкой с низкими деревянными или каменными домишками, разбросанными вдоль нескольких каменистых троп. Вокруг, куда ни брось взгляд, только голая земля, не скрашенная ни сочностью листвы, ни яркими пятнами горного разнотравья. Да и здешние жители выглядели крепкими, приземистыми, с узкими, хмурыми глазами и задубелой, потрескавшейся от ветра кожей. Все это очень отличалось от по-провинциальному обаятельного Пелиса. Деревушка, казалось, вцепилась в склоны горы мертвой хваткой.

Здесь двери не распахивались приветливо перед незнакомцами, но при этом никто не выказывал и враждебности. Казалось, местные жители просто не замечали путников. На все вопросы в лучшем случае отвечали невразумительным ворчанием и спешили пройти мимо. Кайку попыталась выяснить, бывал ли когда-нибудь в Хайме ее отец, но тоненькая ниточка надежды оборвалась, столкнувшись с безразличием и грубостью селян, и молодые люди оставили всякие попытки разузнать что-нибудь.

В Хайм прибыли к вечеру. Охранники каравана коротко попрощались с ними, и путники оказались предоставлены сами себе. Блуждая по улицам деревни и наталкиваясь на хмурые

взгляды, они почувствовали себя одинокими и никому не нужными.

Таланты Азары, обеспечивающие прежде радужный прием, в этом пустынном месте не возымели на местное население никакого действия. Все ее попытки найти проводника наталкивались на невежество и неприветливость, а необыкновенная красота не оказывала никакого влияния на здешних мужчин. Это сильно уязвило ее самолюбие.

— Похоже, они спариваются с животными, — пробормотала Азара.

Кайку позабавил гнев спутницы.

Проводника удалось найти только поздно вечером, когда на пустынных улицах уже зажглись фонари.

Путешественники сидели в придорожном трактире, расположившемся на нижнем этаже жилого дома, где продавалось плохо очищенное местное зелье. Это было неуютное помещение с беспорядочно расставленными, грубо сколоченными, низкими, круглыми столами и несколькими изношенными циновками, на которых сидели завсегдатаи. В углу за стойкой женщина с суровым лицом разливала мутноватый напиток. Тусклые лампы лишь слегка рассеивали мрак, одновременно наполняя воздух парами дешевого масла. Несмотря на то, что маленькое помещение было почти полностью заполнено сельскими жителями, бормотавшими о чем-то друг с другом над своими стаканами, трактир казался холодным и неприветливым. Кайку с трудом верилось, что все это происходит на самом деле. Девушке прежде не доводилось бывать в трактирах, расположенных в бедных кварталах Аксеками, но ей почему-то казалось, что в них обязательно должно быть шумно и весело.

Три путешественника сидели, хмуро уставившись в свои стаканы, когда к столу подсел невысокий, худой мужчина, укутанный в меха, из которых торчала лишь лысая голова, придававшая ему сходство со стервятником. Обветренное лицо и бурая кожа выдавали в нем местного жителя, но быстрая, живая речь различительно отличалась от неторопливого говора островитян.

— Говорят, вы ищете тех, кто делает маски? — обратился к ним незнакомец и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Должен предупредить, что занятие это опасное и весьма трудное. Отыскать их практически невозможно. Если вы все же хотите попытаться, то я готов показать дорогу. Мамак!

— Мамак, — неуверенно повторила Кайку, не понимая, то ли мужчина представился, то ли это какое-то местное восклицание, которого они еще не слышали. — Значит, ты берешься нас сопровождать?

— Что ты имел в виду, когда сказал это практически невозможно? — вступил в разговор Тэйн.

— Только то, что сказал. Тропы давно потеряны, и далеко не каждый живущий здесь сможет найти их.

— Мы знали об этом. — Кайку положила руку на плечо Тэйна. — Не унывай.

Девушка уже хорошо изучила своего спутника и видела на его лице признаки надвигающегося отчаяния. В таком настроении Тэйн часами сидел без движения, страдая от безысходности, отрешась от происходящего.

Мысли юноши постоянно возвращались к судьбе погонщика каравана. Знания, полученные от духовных учителей, терзали совесть послушника. Никто не должен уйти из жизни, не записавшись в книгу Нокту, думал он. Имя погонщика знал только хозяин каравана, который нанимал его. Но тот тоже умер.

— Если ты не в состоянии нас туда отвести, — холодно промолвила Азара, положив локти на стол, — тогда зачем ты нам нужен?

— Потому что без моей помощи вы съебетесь с пути и никогда не выберетесь, — снисходительно усмехнулся проводник, обнажив кривые гнилые зубы. — Высоко в горах обитают твари, настолько изменившиеся из-за распространившейся повсюду болезни, что вам никогда не отгадать, от какого зверя они произошли. Это относится почти ко всей живности, которая водится в здешних краях. С одной из таких тварей вы уже столкнулись по дороге сюда.

Азара не спросила, откуда ему это известно. Наверно, преболтались охранники.

— Послушайте, — вновь заговорил проводник. — Я не собираюсь совать нос в ваши дела. Мне сказали, что чужаки ищут место, которое нельзя найти. И, кажется, вы еще не потеряли надежду добраться до него. Возможно, вы знаете что-то, чего не знаю я... или думаете, что не знаю. — Мамак сел перед молодыми людьми, уперев растопыренные пальцы в грубую столешницу. — Я отведу вас туда, где должен располагаться монастырь. Дорогу можно найти по древним картам, и никто не знает горы лучше, чем я. Но когда мы доберемся до места, вы поймете, что я имел в виду, когда сказал, что монастырь нельзя найти. Вы идете на север и вдруг обнаруживаете, что пришли на юг, хотя постоянно сверяли каждый свой шаг с ориентиром. Есть в этом месте что-то необычное, затуманивающее ум и сбивающее с пути, хотите вы этого или нет. Поверьте, вы не первые смельчаки, пытающиеся найти монастырь. — Проводник заговорщически подмигнул. — Ну что, вы еще хотите идти?

— Сколько ты возьмешь за свои услуги?

— Пятьсот поков. Нет, округлим до десяти ширетов.

— Мы заплатим монетами. У нас нет бумажных денег, — соглашалась Кайку.

Бабушка учила, что не стоит выставлять кошелек на всеобщее обозрение, особенно в местах подобных этому. Возможно, Мамак думал, что запросил высокую цену, но это по городским меркам деньги были относительно небольшие.

Новый знакомый пожал плечами.

— Половину вперед.

— Хватит и трех сотен, — не согласилась Азара. — Остальное получишь, когда окажемся на месте.

— Как скажешь, — не стал спорить проводник.

— Хорошо. Когда отправимся?

— Вы оплатили ночлег?

Азара отрицательно покачала головой.

— Тогда можем отправляться прямо сейчас.

— Но там же темно. — Тэйн кивнул на окно.

Мамак округлил глаза.

— Вначале тропа будет такой же широкой, как дорога. Чтобы пройти ее, потребуется несколько часов. Потом сделаем привал. И утром двинемся дальше, там будет уже посложнее. Надеюсь, у вас есть теплая одежда?

Азара показала все, чем располагали путники. Проводник недовольно скривился.

— Этого мало. Здесь не материк, и ночи не такие теплые. А погода переменчива даже летом. — Он помолчал. — У меня есть на примете один человек, можно запастись всем необходимым перед такой трудной дорогой. Будет лучше, если мы поторопимся.

Следующие несколько дней дались им нелегко.

И Тэйн, и Кайку привыкли к физическим нагрузкам и дальним путешествиям. Им доводилось охотиться в лесах на оленей, ставить капканы, удить рыбу. Тэйн часто собирал редкие травы в предгорьях Чамил, которые соединялись на востоке с лесом Юна. Послушнику случалось забредать довольно далеко, туда, где из земли вылезали камни и исчезала всякая растительность. Но к путешествию по диким тропам в горах Лакмар молодые люди оказались не подготовлены.

Казалось, скалы источали запах смерти, но на самом деле, этот запах свидетельствовал об отсутствии жизни. Остроконечные утесы сменялись пологими каменистыми склонами, на которых изредка можно было заметить клочки жесткой травы или неприхотливых сорняков. Встречавшиеся на пути деревья, сучковатые, изогнутые, иногда разделявшиеся на несколько тонких стволов с сухими сросшимися ветками, заставляли вспомнить предупреждение погонщика. Голубеющие вдали зубчатые пики гор закрывали горизонт. Кругом стояла гнетущая, не располагающая к беседе тишина.

Единственным, на кого мрачные пейзажи не производили тягостного впечатления, был Мамак. Проводник без умолку болтал всю дорогу, рассказывая старые легенды и истории гор, многие из которых путники уже слышали прежде.

Кайку находила рассказы занимательными, к тому же они помогали отвлечься и не замечать усталости. Тропы становились все круче, подъем все тяжелее. Иногда приходилось ползти вверх, цепляясь за выступы и расщелины. Дорога в горы была ее первым серьезным испытанием после выздоровления, и мышцы болели от напряжения. Тэйн, казалось, переносил превратности пути гораздо легче, к тому же гордость не позволяла юноше выражать усталость; Азара же была неутомима.

Присматриваясь к спутнице, Кайку все больше и больше размышляла о ней. В те времена, когда Азара прислуживала в доме семьи Маками, девушки дружили и делились многими секретами. Они обсуждали парней, смеялись над привычками отца Кайку, дразнили повара и подтрунивали над Карией, второй служанкой. И хотя с тех пор многое изменилось, а Кария, сама того не ведая, отдала жизнь, чтобы спасти молодую хозяйку, Кайку скучала по прежней Азаре. Новая Азара, возможно, и была настоящей, но казалась холодной, суровой и независимой. Новая Азара не нуждалась в ласковом слове, дружеском взгляде или чьей-либо компании. Похоже, бывшей служанке не было никакого дела ни до Кайку, ни до Тэйна. Юноша принимал ее такой, как есть. А Кайку не знала, как себя вести. Иногда в ее взгляде или жесте проскальзывало что-то знакомое, что-то от упрямого мальчишки, и тогда она сжимала кулаки и хмурила лоб, словно заставляя себя играть новую роль. Кайку знала, что Азара — порченая, но, кроме этого, ничего больше. Красавица оставалась для нее загадкой.

Думала Кайку и о Тэйне.

Когда-то в храме юноша сделал несколько неуклюжих попыток оказать ей знаки внимания, но она отвергла ухаживания, чтобы без помех двигаться дальше. Тэйн последовал за нею и нашел в Аксеками. Юноша рассказал о том, как шин-шины разрушили храм, и о своем решении найти виновников, тех, кто вызвал демонов, но за этими рассказами скрывалось что-то еще, пока непонятное и... странно волнующее. И каждый раз, когда Кайку позволяла себе посмотреть на послушника, когда ее взгляд задерживался на рельефных мышцах поджарого тела, к горлу

подкатывался комок. Так получилось, что Тэйн был священником природы, а она — порченой. Ненависть к подобным ей была у него в крови. Рано или поздно послушник узнает правду о своей спутнице. Так же, как и Мисани.

Сердце сжалось от тоски, но Кайку тут же придушила пробудившуюся было печаль.

Мисани. Это имя принадлежало теперь прошлому.

Если ей суждено выжить, она проведет остаток лет в изгнании, презираемая всеми и отвергнутая самыми дорогими людьми. Возможно, она просто бестолковая и не желает признать очевидное: Кайлин ту Моритат и Красный орден — единственные, кто готов ее принять. И хотя за внешним благородством Кайлин явно скрывался некий расчет, отказываться от предложенной помощи она не могла по той причине, что остальные видели бы в ней только зло и мерзость, нечто гадкое и жуткое, вроде тех чудищ, что напали на караван.

Мамак отличноправлялся с обязанностями проводника, и путешественники чувствовали себя в безопасности рядом с ним. Часто он вел их окольными путями, чтобы избежать отвесных скал, или использовал выступы, чтобы пройти к нужному месту. Он редко объяснял, почему выбирает тот или иной путь. Возможно, не хотел раскрывать своих секретов. Но всякий раз, задаваясь вопросом, почему им еще ни разу не встретилось ни одной ужасной твари, о которых было столько разговоров, путники подозревали, что обязаны удачей своему проводнику. Правда, изредка на пути попадались странные мелкие животные. Похоже, это были всего лишь детеныши, шныряющие в поисках еды и рискующие угодить в зубы взрослым особям. О присутствии последних путешественники догадались, когда ночью к свисту ветра присоединился жуткий рев и визг, вырывающийся из чудовищных глоток. Вторую ночь провели без сна, трясясь от страха и вслушиваясь в приближающийся жуткий рев. Неведомые существа взяли стоянку в кольцо, но Мамак не позволил развести огонь, и твари прошли стороной.

***

На третий день погода ухудшилась.

Буря настигла путешественников на скалистом плато. Кайку потрясла скорость, с какой облака затягивали небо. Она пришла к неторопливому, степенному движению туч на материке. Там всегда можно было определить, когда начнется или стихнет буря.

Мамак выругался и ускорил шаг в поисках убежища. Для того чтобы пересечь плато, требовалось еще несколько часов, и путешественники боялись, что за это время буря возьмет верх над ними.

Кайку никогда не видела подобного разгула стихии. Пронизывающе холодный дождь колотил с такой силой, что, казалось, в лицо втыкаются острые иглы. Молнии разрезали воздух, раскаты грома сотрясали древние горные склоны. Порывы ветра толкали в спину, пытаясь сорвать одежду и сбить с ног. По совету Мамака они еще в деревне приобрели для путешествия плотные плащи и теперь благодарили проводника за проницательность. Но даже капюшоны, наполовину закрывающие лицо, не спасали от шквального ветра и бьющего наотмашь дождя.

Спины стибались под тяжестью мешков. Зубы стучали от холода, губы и щеки онемели, и лишь неимоверным усилием воли путники заставляли себя двигаться вперед по скользкому от дождя скалистому склону. Снова и снова Кайку казалось, что она не сделает больше и шагу. Но переборов слабость, девушка шла дальше.

В конце концов мучения закончились. Замерзшие и промокшие, они наткнулись на пещеру и почти без сил ввалились в спасительный проход. Убежище оказалось довольно просторным: четверо взрослых людей разместились здесь без труда. Стены состояли из черного камня с вкраплениями кварца, который влажно поблескивал в сумраке. Земляной пол от самого входа шел вверх, поэтому оставался сухим даже в непогоду.

Мамак исследовал заднюю часть пещеры и убедился, что она необитаема. Время от времени он ударял кулаком по камен-

ной стене и проклинал богов, в особенности Паназу, за настигшую их бурю.

— Похоже, не в духе, — без намека на улыбку заметила Азара.

Кайку, удивленная тем, что молчавшая всю дорогу бывшая служанка, открыла рот, чтобы поделиться столь тонким наблюдением, рассмеялась.

— Рад, что вам двоим так весело, — хмуро проворчал Тэйн.

По его тону Кайку поняла, что он снова не в духе. Такое случалось с ним и прежде, когда юношу словно накрывала темная туча, и он становился раздражительным, колючим и нелюдимым.

Мамак прислонился к стене пещеры и, склонив голову, глубоко дышал, стараясь снять напряжение.

— Сейчас нам нужно согреться, — сказал проводник. — Давайте разожжем костер.

— Каким образом? — огрызнулся Тэйн. — Из чего? На этой проклятой горе нет ни щепки!

— В горах можно развести огонь и другим способом, — спокойно сообщил Мамак, не обращая внимания на враждебный тон послушника.

Тэйн сердито сверкнул глазами и демонстративно направился к выходу, где присел на выступ скалы и задумчиво уставился на низвергающиеся с неба струи дождя. Мех на его капюшоне трепетал под порывами ветра, залетавшего в пещеру. Кайку сидела у влажно мерцающей стены, завернувшись в плащ и трясясь от холода. Азара, вопреки ожиданиям, не расположилась в отдалении, а подсела к бывшей хозяйке, распахнула плащ, обняла девушку и прижалась к себе, собирая в складки меховую одежду. Такое поведение спутницы удивило Кайку. Какое-то мгновение она колебалась, затем довольно улыбнулась и благодарно уткнулась Азаре в грудь. Дрожь постепенно унялась. Кайку слышала лишь ровное успокаивающее биение сердца Азары. В этот момент, впервые с начала путешествия, она почувствовала себя в полной безопасности и погрузилась в глубокий сон.

Она проснулась оттого, что стало жарко. Азара, почувствовав ее шевеление, распахнула плащ. Девушка открыла глаза и удивленно заморгала. В пещере горел огонь. Кайку нехотя отодвинулась от подруги, села, выпрямляя затекшую спину, и, заметив пристальный взгляд Азара, благодарно улыбнулась. В ответ Азара кивнула. Тэйн наблюдал за ними с другой стороны костра. В его взгляде сквозило явное неодобрение, а может, и ревность. Снаружи по-прежнему раздавались раскаты грома. Буря продолжала бушевать. Но в пещере было тепло и светло.

— Проснулись? — обрадовался Мамак. — Очень хорошо. Придется переждать бурю здесь. И пока непонятно, когда она прекратится.

Кайку посмотрела на огонь. Яркое пламя с янтарным оттенком давали не дрова, а черное губчатое волокно.

— Огненный мох, — пояснил Мамак, словно прочитав мысли девушки. Он держал в пригоршне что-то сморщенное, черное, похожее на гриб-дождевик. — Почти ничего не весит, а горит в течение многих часов. Легко воспламеняется, и даже горстка дает тепла больше, чем куча дров. Полезная штука, когда под рукой нет дерева, занимает мало места и почти ничего не весит.

Похоже, времени для разговоров у путешественников теперь было предостаточно. Буря не собиралась сдаваться. Мамак достал из сумки флягу с темным, резко пахнущим напитком и пустил по кругу. Путники несли с собой провизию для двухнедельного путешествия, поэтому через несколько минут на костре уже булькал котелок с мясом и овощами. Когда животы наполнились, а языки развязались, обмен мнениями пошел живее, перескакивая с темы на тему. Кто-то шутил. Кто-то смеялся.

Азара завела разговор о наследнице императрицы и нарастающих беспорядках в Аксеками, который захватил путников так, что они даже не заметили, как наступила глубокая ночь. Завязался спор, в котором приняли участие с одной стороны Азара, ставившая под сомнение религиозные убеждения послушника, и Тэйн, твердо стоявший на своих позициях. Кайку

помалкивала, а Мамака, похоже, порченые не волновали вообще — лишь бы его не трогали.

Тэйн пытался доказать, что наследница не сможет управлять Сарамиром, поскольку страна никогда не примет порченую императрицу, когда Азара с ледяным спокойствием задала ему один-единственный вопрос:

— Кто вообще знает, что может наследница на самом деле?

Водарились мертвая тишина. Костер горел очень тихо, не издавая привычного треска. Тэйн мучительно пытался найти ответ и не мог. Снаружи грохотала и бесилась буря. И даже если какие-то существа и рискнули выбраться из своего логова и отправиться на охоту, то в пещеру не проникало ни единого звука, свидетельствующего об их присутствии поблизости.

— Думаю, что никто. Позвольте, я выскажу свое мнение, — заметив замешательство оппонента, вновь заговорила Азара. — Возможно, мой рассказ покажется вам интересным. Особенно Тэйну. Вы слышали о Либера Драмах? — Прежде чем хоть кто-нибудь успел ответить, она продолжила: — Думаю, название вам неизвестно. Пока его знают только в Аксеками и то лишь по слухам. Но, думаю, скоро все изменится.

— Что это такое? — спросила Кайку. На ее лице плясали тени, отбрасываемые пламенем горящего мха.

— Это самые обыкновенные люди. Они входят в организацию, которая ставит своей целью возведение наследницы на престол.

Тэйн фыркнул и презрительно махнул рукой.

— Еще месяц назад никто даже не мог предположить, что наследница — порченая.

— Мы знали об этом уже давно, — не повышая голоса, возразила Азара.

— Кто это «мы»? — заинтересовался Мамак, передавая девушке флягу со спиртным.

Азара сделала маленький глоток.

— Я никому не подчиняюсь. У меня нет хозяина или хозяйки, — пояснила она. — Но я солидарна с Либера Драмах. Их цели совпадают с моими от начала до конца.

— И каковы эти цели? — требовательно спросил Тэйн.

— Взвести на трон наследницу императрицы, — чеканя каждое слово, промолвила Азара. — Отстранить от власти ткачей. Прекратить уничтожение детей с отклонениями. И остановить ту заразу, что приводит наши земли в упадок.

— Какое отношение имеет возведение на трон наследницы к заразе, поражающей нашу землю? — Похоже, у послушника пробудился интерес к обсуждаемому вопросу.

Азара наклонилась вперед, так, что ее лицо ярко осветили языки пламени.

— Она умеет разговаривать с духами, Тэйн. Это — ее дар. С духами, с животными... она — часть природы. Девочка близка к Энию настолько, что даже трудно представить себе степень этой близости.

— Это богохульство, — возмутился Тэйн. — Порченый не может быть близок к Энию. Кроме того, священники богини тоже умеют говорить с духами. В какой-то степени.

— Нет, вы можете лишь слушать, — поправила его Азара. — Вы можете чувствовать духов природы, ощущать их настроение. А наиболее сильные — таких среди вас очень мало — немного понимают их. Духи представляются людям подобными богам: отстраненные, непостижимые, недоступные. Но наследница может разговаривать с ними. Девочка восьми лет умеет общаться с духами лучше любого священника Энию. И с каждым днем она совершенствует свои способности. Этому принцесса училась не по учебникам, она родилась с этим даром, а теперь учится им пользоваться. Вот чем она не похожа на нас, Тэйн. И это ты называешь порчей.

Какое-то время юноша сидел молча, низко склонив голову. Мамак и Кайку, молчаливые свидетели спора, замерли в ожидании его реакции.

Наконец он качнул головой.

— И вы предполагаете, что наследница может стать мостом между людьми и духами?

— Верно, — подтвердила Азара. — Пока принцесса находится в императорском дворце, в большом городе, населен-

ном людьми с привычным жизненным укладом. Но и вам, и мне известно, что на земле есть такие места, где обитают одни лишь духи. Обыкновенные люди не осмеливаются наведываться туда. Но она смогла бы. Эта девочка — посол, разве вы не понимаете? Связник между нашим миром и миром иным. И если есть хоть какая-то надежда повернуть тот черный поток, который медленно заглатывает нас, то это Люция.

— Откуда ты знаешь? — с чувством спросил Тэйн. Кайку не ожидала, что послушник так быстро сдастся. Вот уж чье поведение невозможно предсказать. — Как вы узнали об этом раньше всех остальных?

— К сожалению, я не могу этого рассказать, — вздохнула Азара. — Вам придется просто поверить мне. Наша жизнь полна опасностей. И моя откровенность может погубить все, чего уже удалось добиться.

Тэйн едва заметно кивнул.

— Кажется, я понимаю.

Больше он ничего не сказал и остаток ночи провел у костра в молчании, размышляя над услышанным.

К утру буря так и не стихла. Не успокоилась стихия и на следующий день. Но больше путешественники не говорили — ни о наследнице, ни о Либера Драмах, ни о чем-либо другом.

Кайку начала тревожиться. Ей еще не доводилось видеть, чтобы природа бушевала так долго. Откуда только в небесах столько воды? Несмотря на заверения Мамака, что такое случалось и прежде, атмосфера в пещере становилась все напряженней, а после опрометчивого заявления Тэйна, что Мамак, возможно, поступил неблагоразумно, проклиная бога водных стихий Паназу, мужчины едва не подрались. Чистившая, наверное, уже в двадцатый раз ружье, Азара невозмутимо наблюдала за их перепалкой.

На третий день к вечеру Мамак объявил, что нужно возвращаться.

— Буря должна скоро стихнуть. — Проводник подбросил в затухающий костер комок горючего мха. — До того места,

где по моим расчетам должен находиться монастырь еще не меньше двух дней пути, и еще пять, чтобы возвратиться в Хайм. Если бы все прошло гладко, как я планировал, завтра мы уже должны были бы добраться до монастыря и повернуть к деревне. Тогда у нас хватило бы запасов еды. Но в горах так рисковать нельзя. Во всяком случае я не готов к этому.

— Нам нельзя возвращаться! — не согласилась Кайку. — Я дала клятву Охе. Мы должны продолжить путь.

— Боги терпеливы, Кайку, — попыталась успокоить ее Азара. — Ты не должна забывать свой обет, но нельзя бросаться вперед подобно слепцу. Лучше отступить и повторить попытку.

— Кроме того, ты просто умрешь, если не последуешь моему совету, — добавил Мамак.

Кайку в отчаянии нахмурилась.

— Я не могу возвратиться! — повторила девушка.

Азару озадачили нотки безумия, проскользнувшие в ее голосе.

— Но мы должны так поступить. У нас нет выбора.

Через несколько часов Тэйн проснулся. Снаружи выл и бенновался ветер, но ухо уже не воспринимало эти ставшие привычными звуки. Кайку сидела перед костром, устремив неподвижный взгляд на пламя, потом, точно очнувшись, подбросила в огонь комок мха. Тэйн, лежавший с другой стороны костра, прищурился от яркой вспышки. В последнее время он мысленно то и дело возвращался к беседе с Азарой, поэтому задумчивое состояние Кайку не сразу привлекло его внимание.

Девушка подскочила от неожиданности, услышав голос Тэйна.

— Кайку, почему ты не спишь?

— Потому что когда я засыпаю, мне снятся кабаны.

— Кабаны?

— Ты так легко соглашаешься повернуть назад, Тэйн, — тихо и задумчиво произнесла Кайку. — Я поклялась главному богу, а ты уже готов возвратиться.

Глаза слипались. Юноша отчаянно старался перебороть зевоту.

— Мы попытаемся еще раз, — сонно пробормотал он. — Мы не сдадимся...

— Возможно, это просто не твой путь, — прошептала девушка, ни к кому не обращаясь. — Должно быть, боги уготовали его только для меня.

Если она и добавила что-нибудь еще, то Тэйн, провалившись в сладкое забвение, этого уже не услышал.

А на следующее утро Кайку ушла. Ушла в бурю, захватив с собой лишь мешок и ружье. И еще маску.

Глава 18

Собираясь на прием к наследнице, Мисани облачилась в темно-зеленое платье с широким синим поясом, который выполнял не только декоративную роль, но и удерживал спрятанный на спине подарок, который ей поручили доставить во дворец. Пояс немного топорщился, но недостаток скрывали длинные, густые волосы, перевязанные синими кожаными ремешками. Плоский, изящно упакованный сверток таил внутри себя ночную рубашку, которая несла смерть юной принцессе.

Мисани призвала на помощь все присущее ей самообладание, чтобы сохранить спокойствие и невозмутимость, когда в сопровождении придворной дамы вошла в покой императрицы. Помимо всего прочего, оставалась угроза заражения и самой посыльной, если, по какой-либо случайности, пакет порвется, и рубашка коснется ее кожи. Правда, отец заверял, что все меры предосторожности приняты, что упаковка пропитана обеззараживающим средством. И, кроме того, говорил он, инфекция содержится в рубашке в малых дозах и может действовать только в том случае, если вдыхать яд очень долгое время, например, во сне.

Мисани лишь презрительно улыбалась, вспоминая все его уверения. Ей было совершенно ясно, что отец ничего не знает о костной лихорадке и как попугай лишь повторяет доводы, приведенные Сонмагой. Что же пообещала семья Амаха? Из-за чего

отец превратился в комнатную собачку, а собственную дочь сделал послушным орудием в чужих руках?

Ее пугала собственная горячность. Никогда раньше она не позволила бы себе думать об отце в подобном духе. Но сейчас, находясь перед комнатой, где ждала императрица, Мисани была уверена в своей правоте. Отец знал, что дочь не откажется, и предал ее, прикрываясь заверениями Сонмаги для успокоения совести. Она не желала участвовать в убийстве, тем более убийстве подлом, мерзкому. Если ее поймают, она не переживет стыда и покончит жизнь самоубийством.

А как жить, если все пройдет успешно?

Отец привел множество пустых, ничего не значащих доводов: Мисани предотвратит гражданскую войну, сохранит жизнь многим людям, окажет огромную услугу Сарамиру. Девушка не слушала его. Мисани хотелось обнять его и заплакать, а потом закричать прямо в лицо: «Не делай этого, отец! Разве ты не чувствуешь, что происходит? Еще не поздно. Если ты передумаешь, я все еще смогу остаться твоей дочерью».

Но он не передумал. И она почувствовала, что соединявшие их кровные узы оборвались. Мисани смотрела на Авана и больше не узнавала в нем отца. Внезапно ее стало раздражать в нем все: каждый жест, каждый изъян внешности, привычки, на которые прежде не обращала внимание. Мисани перестала уважать отца, и это было самое ужасное, что только могло с ними случиться.

Она решилась на убийство, потому что не могла нарушить дочерний долг. Но после этого ее обязательства перед отцом будут исчерпаны. Мисани подозревала, что Аван догадывался об этом. И, тем не менее, не изменил своего решения.

Сонмага. Ненависть девушки к этому человеку не имела границ.

Мисани предстала перед Анаис и склонилась в низком поклоне. Они какое-то время беседовали, хотя позже девушка едва могла вспомнить хоть слово из этого разговора.

Императрица пыталась узнать мнение Мисани о вступлении на престол Люции, но гостья ограничилась ласкающими слух, но ничего не значащими ответами. Анаис расспрашивала ее об отце, очевидно стараясь понять причину визита дочери ярого против-

ника правящей династии. Но Мисани заверила императрицу, что хочет составить собственное мнение о наследнице.

Холодный, леденящий кровь ужас медленно наваливался на Мисани во время беседы с владычицей Сарамира. Мaska беспечности грозила вот-вот скользнуть, обнажив таящиеся под ней страх и тревогу. Девушке казалось, что императрица почему-то мешкает, не желая представлять ее наследнице. Похоже, Анаис была чем-то обеспокоена. Сверток давил на спину. Стыд от того, что предстояло совершить, прожигал насквозь. Неужели мать чувствует, что гостья собирается причинить вред ее ребенку? От одной мысли об этом девушку бросало в дрожь.

Наконец императрица пригласила Мисани к наследнице, по-кои которой располагались возле сада. Они прошли вдоль конюшни, затем мимо храма бога Оха, взметнувшего в небесную синь четыре тонких шпilla, и наконец оказались в саду. Это был целый лабиринт из тенистых аллей, беседок, глубоких каналов, по которым скользили лодки. Увиденное потрясло Мисани: сад в императорском дворце больше походил на миниатюрный городской район. Девушка также заметила несколько приземистых сторожевых башен вокруг парка и вооруженных солдат, пристально наблюдавших за ними.

— Прошу прощения за свою стражу, — извинилась Анаис, когда они вышли на яркий солнечный свет. Она заметила взгляд Мисани, брошенный в сторону солдат. — Безопасность Люции превыше всего, особенно сейчас.

— Понимаю. — Мисани судорожно сглотнула.

Девушка спрятала сверток из простой предосторожности, для которой, как оказалось, имелись все основания. И хотя даже предположение, что дочь знатного вельможи может причинить вред наследнице, было бы сочтено серьезным оскорблением, она не желала рисковать и собиралась отдать Люции сверток без свидетелей, оставшись с наследницей наедине. Но теперь у нее появились сомнения в успешном исходе операции.

Мисани показалось, что Анаис собирается что-то еще сказать, но та, похоже, передумала. Спустя несколько мгновений императрица все-таки заговорила.

— Я узнала, что кто-то... пробрался недавно к Люции, — сообщила она. — И, возможно, с недобрыми целями.

— Ужасно, — ответила Мисани, чувствуя огромное облегчение. Не о чем волноваться, императрица не подозревала ее.

Женщины нашли Люцию в компании высокого человека с коротко подстриженной белой бородой. Они стояли на маленькой квадратной площадке, от которой отходило несколько дорожек, и играли в какую-то игру. Старик и девочка расставляли на каменных плитах черно-белые бусины различной формы. Когда императрица и Мисани подошли ближе, принцесса и учитель поклонились в знак приветствия.

— Это Мисани ту Колай, — представила Анаис девушку. — А это Люция и Заэлис ту Унтерлин, один из наставников наследницы.

Заэлис поклонился еще раз.

— Для меня высокая честь познакомиться с вами, госпожа, — произнес учитель хриплым басом.

Мисани поклонилась в ответ, но взгляд ее был прикован к наследнице. Люция, в свою очередь, тоже пристально рассматривала гостью мечтательными голубыми глазами. Лицо девочки выражало спокойствие и безмятежность. Мягкие белокурые волосы слегка шевелил теплый ветерок.

— Идем со мной, Мисани, — внезапно сказала принцесса, взяв девушку за руку.

— Люция! — Анаис удивилась и встревожилась.

Никогда прежде дочь не вела себя так с гостями. Обычно наследница была образцом вежливости. Такое свободное обращение ребенка к взрослому нарушало все правила приличия.

— Люция, что за манеры! — укоризненно покачал головой Заэлис.

— Не беспокойтесь, все в порядке, — заверила присутствующих Мисани и вопросительно посмотрела на Анаис. — Можно?

Императрица на мгновение заколебалась между материнским страхом за свое дитя и желанием привлечь на свою сторону дочь знатного вельможи. Наконец, она приняла решение.

— Конечно, — улыбнулась Анаис.

Мисани взяла Люцию за руку и почувствовала, как между ними словно проскочила какая-то искра, словно что-то прошло по руке. Она в замешательстве нахмурилась, но невинное лицо принцессы успокоило ее. Девочка повела гостью по дорожке, проложенной через безукоризненную лужайку, отделенную от остальной части сада густой посадкой.

Они шли в тишине совсем недолго. Мисани чувствовала, что ей становится не по себе. Как и в случае с Кайку, отклонение принцессы никак не проявлялось внешне.

«Я должна убить ребенка. Обречь на долгую мучительную смерть».

Мисани почувствовала, что ей не хватает воздуха.

— Должно быть, утомительно общаться с людьми, которые, как и я, приходят посмотреть на тебя. Думаю, за последние недели ты встречалась со многими благородными людьми. — Она чувствовала, что несет какую-то ерунду, но больше в голову ничего не приходило.

— Они считают меня чудовищем, — безмятежно произнесла Люция. — По крайней мере большинство из них.

Мисани озадачили ее слова. Странно слышать подобное откровение из уст восьмилетнего ребенка.

— А вот ты так не думаешь, — добавила девочка, поднимая глаза на Мисани.

Принцесса была права. Рядом с Люцией гостья чувствовала себя совсем не так, как с Кайку. Даже зная о ее отклонениях, Мисани не могла поверить, что наследница — порченая.

Она ощутила новый приступ боли в животе.

«О духи, я не могу это сделать».

Они свернули с лужайки в укромный тенистый уголок, где стояла простая деревянная скамья. Люция подошла к лавке и села. Мисани опустилась рядом, расправляя платье на коленях. Больше здесь не было ни души, кроме ворона, сидевшего в отдалении на стене сада и поглядывавшего в их сторону без особых интересов.

«Я не могу... не могу...»

Мисани колебалась. В глубине души она надеялась, что императрица не оставит их наедине, и у нее не будет возможности передать Люции пакет. Но принцесса невольно облегчила ей задачу.

— Я принесла тебе подарок. — Мисани не слышала собственного голоса.

Все звуки заглушал бешеный стук сердца. Девушка почувствовала, как пакет выскользнул из-за пояса, и вот она уже держит его в руке. Плоский, квадратный сверток, завернутый в золотую тисненную бумагу и перевязанный голубым бантом.

Люция посмотрела на подарок, а затем перевела взгляд на Мисани, которая вдруг поняла, что теряет контроль над чувствами и не может больше сдерживаться. Губы задрожали, дыхание перехватило — Мисани была готова разрыдаться. Два года училась держаться спокойно и уверенно в любой ситуации и носить маску, скрывающую истинные чувства, но теперь снова почувствовала себя девчонкой, юной и неопытной, и все показное равнодушие испарилось. Оказывается, она не так сильна, как казалось. Мисани вздрогнула, вспомнив о своем поручении.

— Почему ты грустишь? — поинтересовалась Люция.

— Я грущу... — Мисани помолчала, — потому что мне не нравятся игры, в которые меня заставляют играть.

— Одни игры забавнее других, — заметила наследница.

— А некоторые опаснее, чем ты можешь себе представить. — Мисани посмотрела на девочку со странной улыбкой. — Ты любишь своего отца, императора?

— Нет, — ответила Люция. — Он пугает меня.

— Так же, как и мой меня, — спокойно заметила Мисани.

Девочка немного помолчала. Затем спросила:

— Ну что, ты дашь мне подарок?

Кровь застыла в жилах у Мисани. Казалось, вот он — нужный момент. Но сейчас она еще меньше была готова убить ребенка, чем раньше. Она подумала об отце, вспомнила, как он гордился дочерью, как учил и как она любила Авана.

Мисани едва заметно качнула головой.

— Прошу меня простить, — решительно произнесла девушка. — Я ошиблась. Этот подарок не для тебя. — Она засунула сверток обратно за пояс.

Люция бросила на гостью странный, безучастный взгляд и, скользнув по скамейке, положила голову ей на плечо. Мисани, удивившись такому поведению, машинально обняла ребенка.

«Не доверяй мне, — подумала она, сгорая от стыда. — Ты еще не знаешь, что я за человек».

— Спасибо, — внезапно прошептала Люция.

Слова девочки разрушили последний барьер самообладания. Мисани горько зарыдала, словно хлынули наружу все слезы, которые она сдерживала два долгих года. Девушка оплакивала Кайку, своего отца и себя, ту, какой стала. Она была так уверена в себе, а сейчас ее уверенность пошатнулась. И все из-за того, что дочь императрицы, сама того не ведая, поблагодарила несостоявшуюся убийцу за сохраненную жизнь.

Мисани взглянула принцессе в глаза, и рыдания внезапно прекратились. Взгляд девочки поразил ее.

Люция все знала.

Интересно, взяла бы наследница подарок и стала бы его носить, если бы у Мисани хватило духа довести страшное поручение до конца? Ощущение было такое, что все зависело лишь от ее собственного решения. А девочка подчинилась бы неизбежному.

Люция застенчиво улыбнулась гостье.

— Ты должна встретиться с Госпожой сновидений, которая приходит в мои сны. Думаю, она тебе понравится.

Толпа на площади Ораторов собралась в тот вечер просто огромная.

Большая квадратная площадь была ограничена со всех сторон величественными зданиями. С запада на нее выходил великолепный храм Иэсии, фасад которого украшали балконы и мозаики. Нижний этаж был затенен каменным навесом, который поддерживали украшенные резьбой столбы. Другие здания были также весьма внушительны: городская библиотека, центральный правительственный комплекс, откуда управлялся Аксеками, и огромная баня с бронзовой статуей каракатицы, символизирующей бога Паназу.

В самом центре площади располагалась платформа, укрепленная на резных столбах с круглым возвышением посередине, исписанным вязью пиктограмм. То было изречение великого императора Торуса ту Винаксия, гласившее, что ораторское искусство так же достойно признания, как живопись или скульптура.

Толпа обленила платформу и растеклась по площади. Люди толпились в дверях, высыпали на улицу с ужасными криками. Лица их были перекошены от злости, между горожанами постоянно вспыхивали драки. Напряжение достигло наивысшей точки, и, похоже, народные выступления уже нельзя было удержать.

Толпа приветствовала оратора одобрительными выкриками. Судя по всему, он пользовался здесь всеобщей поддержкой. На платформе стоял не кто иной, как Унгер ту Горрик. Большинство присутствующих не нуждались в доказательствах ненормальности наследницы императрицы и уже определили свое отношение к ней. Сегодня они пришли сюда просто послушать того, кто мог четко и ясно выразить их гнев и негодование.

Заэлис наблюдал за происходящим, прислонившись к одному из мраморных столбов городской библиотеки.

Люди толпились на площади уже много часов. Их не смущала вечерняя духота. Солнце начало клониться к закату, и длинные тени зданий вытянулись на запад, словно острые граница, разделяющая мир на свет и темноту.

Унгер отпускал колючие насмешки в адрес наследницы, толпа ревела, и Заэлис видел в глазах горожан вековую ненависть, которая засела так глубоко, что люди даже не помнили ее происхождение. Мало кто знал, что семя этой ненависти посажено ткачами. Это они более двух столетий подстрекали и поощряли естественный страх людей перед теми, кого называли порчеными.

Голос Унгера разносился по близлежащим улицам. Оратор сопровождал каждое высказывание выразительными жестами, и его длинные волосы разлетались на ветру. Унгер не был красивцем и при маленьком росте обладал слишком крупными чертами лица, но на толпу оказывал огромное влияние. Та страсть, с которой оратор рассказывал об опасностях, подстерегающих народ Сарамира, если трон займет урод, свидетельствовала о глубоких переживаниях за

судьбу страны. Платформа заменяла Унгеру сцену. Его интонации и манера говорить — прерывисто и резко, с каждым словом громче и громче, доходя почти до крика, — приводила толпу в состояние неистовства. В том, что вещал Торрик, не было ничего нового, но убедительность, с которой слетали с его губ привычные слова, ошеломляла. Приводимые аргументы казались неопровергжимыми. И игнорировать их было невозможно. За несколько последних недель популярность Унгера необычайно выросла. Люди приходили издалека, чтобы послушать оратора.

Мрачные предчувствия охватили Заэлиса, когда он окинул взглядом собравшихся на площади людей. Напряжение и недовольство витали в воздухе. Аксеками балансировал на лезвии ножа. А императрица не делала ничего, чтобы изменить ситуацию.

Учитель в отчаянии задавался вопросом: слушает ли Анаис своих советников, когда они сообщают о растущем недовольстве на улицах столицы? Или все еще размышляет, как склонить на свою сторону благородные семейства? Ее настолько озабочили сообщения о создании двух новых коалиций во главе с семьей Амаха и семьей Керестин, что она даже не обращала внимания на происходящее в Аксеками. И, несмотря на все свое уважение к Анаис и восхищение ею, Заэлис не мог не признать, что самонадеянность и высокомерие правительницы могут привести к краху империи. Она даже не допускала мысли, что низшие слои общества, организовавшись, способны нанести не меньший урон, чем те союзы знатных семей, которых так боялась Анаис. Императрица смотрела на Аксеками, как на детские ясли с непонятными своим нравами детьми, которых нужно держать в строгости. Мысль о том, что народ может отвернуться от нее, даже не приходила ей в голову. Она лишь страдала от недостатка сочувствия со стороны подданных и не могла понять ненависть, которую они испытывали к ее любимому ребенку. Императрица недооценивала страх, который вызывало слово «порченый» в простых людях.

Но гораздо больше Заэлиса волновала судьба Люции. При наличии двух коалиций, уже стягивающих силы к городу, Анаис не могла позволить себе бороться с народом, небольшая часть

которого бушевала сейчас на площади. Но кто бы из противников императрицы ни одержал победу, Люция расстанется с жизнью. И не важно, что девочка вовсе не чудовище, какой ее представляли народу Сарамира. Хотя, надо признать, время от времени принцесса пугала даже своего преданного наставника. Одним только богам известно, какой властью над окружающими будет наделена наследница во взрослой жизни. Так или иначе, Люция обречена на смерть.

Какое-то время Заэлис стоял в размышлениях, не слушая доводов оратора и аргументов, которые тот бросал в толпу, как окровавленные кости разъяренным собакам. Наконец учитель покинул площадь. Мрачные мысли гнали его в императорский дворец. Заэлиса беспокоил дух неприкрытой ненависти и непоправимого, исходивший от жителей Аксеками.

Занятый невеселыми раздумьями, наставник не заметил пекаря в грязной одежде, обходящего митингующую толпу по краю площади. Хотя будь он чуть повнимательней, наверняка заинтересовался бы тяжелым пакетом пекаря, тщательно обвязанным несколько раз веревкой. А если бы Заэлис присмотрелся, то увидел бы и второго человека с таким же свертком. И их грубое приветствие друг друга больше напоминало встречу двух солдат на поле битвы среди тел убитых товарищей.

Но Заэлис, занятый тяжелыми мыслями, ничего этого не заметил.

Пекарь и его компаньон, прежде никогда не встречавшиеся, молча выбирались из толпы, направляясь к тому месту, о котором оба знали, но ни разу там не были. Туда, где собирались такие же люди, каждый со смертельным грузом в своем пакете.

Глава 19

В горах толстым слоем лежал снег, сильные порывы ветра хлестали воздух, поднимая к остроконечным пикам вихри белых колючих снежинок. Метель визжала и завывала в каменной могиле.

Одинокая женщина брела в водовороте снежной бури, надев на лицо красно-черную маску и тяжело, как на посох, опираясь на ружье, чтобы удержаться на ногах. Она проваливалась по колено, проламывая снежную корку, скользила и падала — иногда от предательской шероховатости камня под ногами, но чаще оттого, что с каждым порывом ветра сил оставалось все меньше. Но каждый раз после падения женщина поднималась и снова шла вперед.

Теперь она воспринимала горы как бесконечное, однообразное движение вверх по бескрайнему белому одеялу, лишь кое-где расчерченному пунктирными линиями хребтов и склонов. Где-то в глубине сознания звучал вкрадчивый голос, сообщавший, что она поступила неблагоразумно, покинув пещеру. Но женщина продолжала двигаться вперед, преодолевая впадины и ложбины, каменные осыпи и крутые склоны с коварными ледниками, занесенными снегом. И внутренний голос затихал, сломленный упорством и бесстрашием.

В воспаленном мозгу билась одна-единственная мысль: она должна идти дальше. От пронизывающего холода Кайку уже не чувствовала пальцев на руках и ногах. Крайняя усталость и переохлаждение довели ее до состояния живого мертвеца, она не осознавала, куда идет. Сознание подчинялось только инстинктам. И инстинкт приказал выживать.

Кайку потеряла счет времени. Сколько дней прошло с тех пор, как она оставила пещеру, где укрывалась с Тэйном, Азарой и Мамаком? Пять? Шесть? Или семь? Жалкая неделя, которую девушка провела в дикой местности, голодная, напуганная и одинокая. Каждую ночь она дрожала в какой-нибудь впадине, каждый день мучилась от ужаса и страха в поисках тропы, замирая при малейшем звуке в надежде, что тот, кто издал его, будет пойман и съеден ею, а не поймает и съест ее.

Какие еще испытания приготовил для нее Оха?

Еще в пещере девушку посещало одно и то же видение. Каждый раз, как только Кайку закрывала глаза, она видела кабана. Огромное, с бородавчатой кожей, со здоровенными сколотыми клыками животное. Кабан просто сидел и смотрел на девушку. В глазах зверя застыла вечность. Кайку знала, что видит не просто

кабана, а посланника бога Оха, и испытывала благоговейный ужас, заполнявший ее существо болью и удивлением. Но в грустных глазах животного было что-то еще, что ожидало Кайку в будущем, и кабан скорбел по ней, а печаль зверя разбивала ей сердце.

Каждый раз Кайку просыпалась в слезах. Тоска не покидала ее. Девушка не рассказывала о снах своим спутникам. Вряд ли они смогли бы понять ее. Да и сама Кайку лишь в последний день, глядя в пламя костра, поняла, зачем приходил кабан. Оха слышал клятву, данную девушкой в лесу Юна. Она должна отомстить за свою семью. Бог не терпел задержек и отступлений; он требовал решительных действий.

И Кайку повиновалась зову небес: взяла маску и шагнула в бурю. Ветер рвал на ней одежду, дождь хлестал ледяным бичом, но девушка знала, что выполняет волю Верховного бога.

В течение всего первого дня Кайку брела вперед, страдая от ударов разъяренного ветра и нестихающего ливня. На первых порах она не замечала боль, поскольку знала, что ею движет не глупая прихоть, но вскоре, когда зубы застучали от холода, а кожа покрылась тонкой корочкой льда, усомнилась в правильности своего поступка. Кайку плотно затянула на голове капюшон и, качаясь, двинулась дальше, положившись на то, что Оха не оставит ее.

Как удалось пережить тот первый день, девушка не знала. Ее существование превратилось в кошмар, где даже воздух был врагом, нещадно терзая лицо и пытаясь порывами ветра столкнуть несчастную с тропы. Губы покрылись глубокими кровоточащими трещинами, глаза налились от напряжения кровью, щеки горели, словно с них содрали кожу.

В конце концов девушка нашла убежище в небольшой нише в скале, куда втиснулась с большим трудом. По крайней мере здесь ее не настигали ледяные дождевые струи. Но вода все же стекала по каменным стенам, и ветер проникал сквозь щели. В какой-то момент Кайку поняла, что давно не слышит грома. В душе зародилась слабая надежда на то, что погода улучшится. И хотя девушка намеревалась на рассвете двинуться в путь при любой погоде, она молилась Паназу, чтобы он разогнал дождевые тучи.

Усталость сделала свое дело, и, несмотря на все неудобства временного убежища, путница смогла уснуть. Той ночью сны не мучили ее.

Она пробудилась от звука капающей воды и ослепительно-го холодного света, лившегося с чистого безоблачного неба на мокрые, сверкающие черные скалы. Буря прошла.

Преодолевая боль и щурясь от яркого света глаза Нуки, Кайку попыталась встать. После проведенной на ледяной скале ночи колени скрутило судорогой, руки оцепенели, и только пальцы еще немного шевелились.

Но потом кровь вновь побежала по жилам. И хотя боль еще ощущалась, сердце ликовало от мысли, что Паназу услышал ее просьбу и ответил.

Наконец девушке удалось подняться и осмотреться. Издалека вершины напоминали ровные треугольники, но вблизи стояли из уступов и расщелин, склонов и отвесных скал, которые и формировали горный пейзаж. Вокруг, насколько хватало глаз, был только камень. Казалось невозможным представить, что существует иной мир, где ровную поверхность земли не ограничивают хмурящиеся опоры серых и черных скал.

Кайку достала из мешка маску и покрутила ее в руках. В глаза бросилась беззаботная, непочтительная ухмылка, застывшая на красно-черном лице. Из-за этой веци погибла ее семья. Из-за нее разрушен храм Эню, а его священников зарезали, как свиней.

Кайку перевернула маску и внимательно рассмотрела ее. Она держала в руках маску Истины. И, если верить легендам, этот предмет должен показать дорогу к тому месту, где был изготовлен. К таинственному монастырю, в котором жили ткачи.

Девушка тянула время, страшась последствий, о которых предупреждала Мисани. Руки холодели от прикосновений к деревянному лицу, который приносил владельцу безумие и смерть. Но она сделала свой выбор еще тогда, когда решилась покинуть пещеру, и промедление не приносило облегчения.

Время пришло. Кайку с замиранием сердца надела маску. И то, что произошло, пожалуй, даже разочаровало. Потому что

ничего не произошло. Почти ничего. Она не умирала, не сходила с ума. От маски исходило ощущение тепла, которое успокаивало воспаленную кожу. Казалось, у нее образовался новый слой кожи, и это доставляло ошеломляющее удовольствие, подобное тому, что испытываешь, погружаясь в складки мягкой кровати. Через некоторое время исчезло и это ощущение. И девушка мысленно обругала себя за собственную глупость и напрасные переживания.

Она продолжила путь. Кайку не знала, распознает ли знаки, которые подаст маска. Какое-то время девушка вообще сомневалась, что деревянный лик способен подсказать дорогу. Вспомнились слова Кайлин о том, что маска начнет работать лишь вблизи монастыря. Но сколько до него еще идти и в каком направлении? Он мог находиться и с другой стороны гор!

Кайку мысленно встряхнулась. Нельзя так думать, это не принесет никакой пользы. Она отправилась в путешествие, чтобы испытать веру. И теперь вера необходима, чтобы выдержать его. Кайку надеялась, что поставив ее на эту дорогу, Оха не оставит странницу. Но кому ведомы пути богов, и какое им дело до простых смертных, которых можно забыть по прихоти или капризу?

С каждым днем дела шли все хуже и хуже. Запасы еды почти истощились. Уходя из пещеры, девушка не взяла ни крошки из провизии, хранившейся в мешке Мамака. Она поднималась все выше и выше в горы, не разбирая дороги, надеясь лишь на то, что боги укажут путь.

Все чаще встречались странные маленькие существа, настолько медлительные, что их можно было поймать руками. Но девушка не могла питаться плотью порченых животных. В отчаянии она попробовала мясистый корень, который торчал из трещины у основания камня, разбивавшего горный ручей на множество маленьких водопадиков. Горьковатый на вкус, он вызывал тошноту. Но это была хоть какая-то еда. Девушка не отваживалась есть что-то другое. Деревья и растения, исковерканные болезнью, казались опасными, и Кайку боялась отравиться. Она наломала связку веток для костра, но дрова почти не горели, и только после часа стараний ей удалось развести

крохотный огонь. Тепло, которое давало небольшое пламя, не стоило затраченных на него усилий.

К следующему утру мясистый корень был полностью съеден, и девушка потратила большую часть дня, добывая себе пропитания. Это сильно замедлило ее продвижение.

Становилось все холоднее. Теперь Кайку поднималась на высокие остроконечные вершины, где мороз превращал в пыль каменистую землю, сверкавшую в солнечном свете. Девушка куталась в плащ, но холод, казалось, просачивался в каждую щелочку, каждую дырочку. И стоило остановиться больше, чем на несколько минут, как зубы тут же начинали отбивать дробь. Стараясь согреться, Кайку набила одежду травой и листьями с резким горьким запахом.

Дважды девушка чудом избежала гибели, руководствуясь каким-то инстинктом, предупредившим ее о хрупкости каменного карниза. Еще несколько раз успевала спрятаться, дрожа от страха, когда огромные косматые человекообразные существа шли мимо или останавливались рядом с ее убежищем. Их серые силуэты угрожающе маячили на фоне хмурого, неприветливого неба. Неизвестные звери выли и лаяли по ночам. Кайку сжималась в комок и глубже забивалась в очередную щель, которая заменяла убежище. Но, что самое удивительное, находясь рядом, ни один не причинил девушке никакого вреда. Она видела лишь тени, двигавшиеся по склонам или скрывающиеся в ложбинах. Время от времени над головой скользили вороны и выродки, но уродливых птиц, похоже, не интересовала спотыкающаяся внизу фигура.

«Это мое испытание, — повторяла Кайку, как молитву, и эти слова помогали держаться на ногах и метр за метром продолжать движение вперед. — Это мое испытание». На какой-то миг сознание помутилось, а когда она пришла в себя, молитва зазвучала по-другому: «Я это заслужила. Я это заслужила».

В этот самый момент пришло понимание истинной причины, заставившей покинуть пещеру и шагнуть в бурю. Голод и истощение очистили сознание от посторонних мыслей. Здесь среди суровых скал, потная, скверно пахнущая, чувствующая

себя животным, а не женщиной, Кайку обрела ясность ума и познала свою сущность.

Девушка ненавидела себя.

«Я — порченая. И мне нужно платить за это снова и снова, пока боги не решат, что я расплатилась сполна».

Спустя день разразилась, застав Кайку врасплох, снежная буря. Поблизости не оказалось никакого убежища, и девушке просто негде было укрыться от вихря. Она чувствовала дыхание смерти, от которого леденело все внутри. Губы посинели, а загорелая кожа стала бледной. Мышцы свело жестокой судорогой. Крошечные кристаллы льда, выросшие на ресницах, обрамляли воспаленные глаза. Ее бил озноб. Потом показалось, что холод отступил. Эыбкая тяжесть сна навалилась на Кайку, и сознание почти покинуло несчастную.

Если я засну, то умру, сказала себе девушка, собирая жалкие остатки сил. Нужно что-то сделать. Что-то такое, для чего она была предназначена... что-то... что-то...

И тогда Кайку увидела свет. Она заморгала, не веря своим глазам. В пещере горел костер. Пренебрегая опасностью, девушка двинулась на красноватые отблески. В голове билась лишь одна мысль: тепло означает жизнь. Ружье, которое она использовала как посох, бесцельно повисло в оцепеневшей руке, оставляя в снегу глубокую борозду. Кайку почумяла запах готовящегося мяса, и голод заставил ускорить шаги. Спотыкаясь и падая, путница почти ползком преодолела последние несколько метров и ввалилась в пещеру.

У костра кто-то сидел. Но очертания были настолько неясными, что затуманенный мозг Кайку не мог понять, кто это. Неожиданно фигура пошевелилась... сверкнул длинный серп... Девушка наблюдала за происходящим точно во сне и опомнилась, услышав громкий возглас и заметив стремительное движение нападающего. Подчиняясь инстинкту самосохранения, Кайку подняла ружье. Серп лязгнул о дуло, и оружие, дрогнув в озябшей руке, отозвалось оглушительным выстрелом. Что-то теплое и тяжелое врезалось в девушку. В звенящей тишине оба повалились в снег. Кайку, ошеломленная выстрелом, даже не понимала, что случилось.

Она лежали в снегу до тех пор, пока неприятный запах того, кто навалился сверху, не привел Кайку в чувство.

Девушка ощутила, как теплая волна распространяется по телу. Долгожданное тепло! Кайку медленно освободилась от навалившейся тяжести, даже не задумываясь, что это, почему оно напало на нее и почему прекратило двигаться. Подползла к огню. Жар костра заставил согревающуюся кожу зудеть и чесаться, но она долго терпела, не в силах отодвинуться. Наконец руки отогрелись, и Кайку смогла схватить жарившееся на костре существо размером с маленького кролика. Сорвала с лица маску. Порченый зверек или нет, ей было уже все равно. Девушка жадно вонзила зубы в полусырое мясо. Кровь животного побежала по подбородку, чтобы соединиться с кровью неизвестного, впитавшейся в плащ на груди и шее.

Кайку уснула, не закончив трапезу, скрестив ноги и склонив на грудь голову в меховом капюшоне.

В течение последующих дней девушка просыпалась несколько раз.

У задней стены пещеры нашелся небольшой запас дров и мешок, при виде которого Кайку пришла в восторг. В нем лежали хлеб, рис, целый кувшин сладкой жареной саранчи, куски засушенного мяса и даже копченая рыба.

Все эти дни она прожила словно во сне. Ее действия подчинялись лишь физическим желаниям, слишком примитивным, чтобы беспокоить сознание. Девушка как-то умудрялась поддерживать огонь, хотя дважды костер приходилось разводить заново. Когда источник тепла почти угасал, Кайку машинально подбрасывала в него дрова. Она ела, не чувствуя вкуса пищи — рвала ее зубами, набивала полный рот, прожевывала и засыпала снова.

Наконец сознание окончательно возвратилось, и Кайку поняла, что все еще жива. Была ночь, и огонь почти угас. Снежная буря стихла. Тени от мерцающих языков пламени беспокойно метались по каменной стене. Вдалеке прозвучал протяжный вой какого-то животного, и эхо раскатилось по округе.

Несколько минут девушка лежала, вспоминая. Кайку не знала, как долго спала и даже как попала в пещеру. В памяти осталась только снежная буря.

Девушка подбросила дрова в огонь, благодаря небеса за спасение и приют. И все же какое-то воспоминание не давало покоя. Именно тогда она увидела странный предмет на входе в пещеру и в недоумении направилась к нему. Поначалу ей показалось, что это всего лишь куча тряпья. Но, подойдя ближе, Кайку рассмотрела мертвое тело в платье, сшитом из обрезков кожи и кусочков материала. Ногой она перевернула труп на спину.

Одежда была тяжелой, с монашеским капюшоном, таким большим, что под ним полностью скрывалось лицо покойника. Впрочем, под капюшоном была еще и маска. Странная, без всяких рисунков, вырезанная из кости белого цвета, с бровями, удивленно поднятыми вверх, прорезанными дырочками для носа, но без отверстия для рта. С правой стороны небольшое отверстие, куда можно вставить трубу или горн. С левой маску повредил винтовочный выстрел. Мех на плаще залила запекшаяся кровь.

Кайку долго смотрела на безжизненно распластавшееся тело, прежде чем решилась осторожно снять маску. Под ней открылось бледное и безбородое лицо с глазами навыкате, в которых застыла смерть, и с тонкими бескровными губами. Это был ткач. Она убила ткача.

Плащ незнакомца казался очень теплым. Кайку подумала, что нужно снять его с мертвеца. Внезапно ощущив прилив энергии после дней бездействия, девушка оттерла снегом пятна со своей одежды, а затем повесила ее над костром.

Справившись с этим, Кайку сняла с трупа все, что на нем было надето, даже нижнее белье. Эти вещи она тоже оттерла снегом. Боязнь холода оказалась сильнее отвращения к мертвому телу. Развесив одежду у огня, Кайку в изнеможении повалилась рядом.

Позже девушка переоделась, засунув свою одежду в мешок. В рейтязах и меховом жилете она почувствовала себя очень уютно и тепло.

Откуда он пришел?

Так ли иначе, снежная буря настигла его в пути. Ткач за пасся провизией и успел собрать дрова, прежде чем снег засыпал все вокруг. Он откопал вход в пещеру и пережидал непогоду.

Своей предусмотрительностью и трагической смертью незнакомец спас ей жизнь.

Кайку поела и уснула.

Ее разбудили яркие солнечные лучи, рассеявшие мрак пещеры. Пришел новый день. Повсюду сверкал свежий снег, и ясное небо завораживало синевой. Пришло время покинуть убежище.

Она вытащила из мешка маску и посмотрела на нее, но деревянный лик по-прежнему безмолвствовал. Девушка надела маску, но и это не принесло никаких результатов.

— Я еще не готова, отец, — прошептала Кайку и двинулась в путь.

Глава 20

Гнев Авана не имел границ.

— Ты осталась с принцессой наедине, предложила ей подарок, а затем забрала сверток назад! — кричал он на дочь.

Мисани смотрела на него с ледяным спокойствием и невозмутимостью. Спрятав кисти рук в рукава одежды, она сложила их перед собой. Ничем не удерживаемые черные волосы пышным каскадом спадали на спину и грудь. Разговор происходил в кабинете Авана, маленькой, уютной комнате с темной мебелью и таким же деревянным полом. Лучи заходящего солнца проникали сквозь листья деревьев в саду, тени от которых, словно танцы, двигались по полу.

— Все так, отец, — подтвердила Мисани.

— Неблагодарная дочь! — брызгал слюной Аван. — Ты хоть знаешь, что нам обещали за эту услугу? Ты знаешь, что получила бы наша семья?

— Ты не считал нужным посвятить меня в суть ваших с Сонмагой отношений, — холодно заметила девушка, — поэтому я ничего не знаю.

Бурная реакция отца на ее сообщение на самом деле потрясла Мисани. Похоже, Авану изменили чувство собственного достоинства и хладнокровие, которыми он так гордился. Лицо побагровело от гнева. Девушке никогда раньше не доводилось видеть отца в таком состоянии. Прежняя Мисани постаралась бы ус-

покоить его или, по крайней мере, испугалась бы родительского гнева. Но сейчас девушка всем сердцем презирала родителя. Как легко она сорвала с него маску благопристойности.

Мисани рассказала всю правду о случившемся в императорском саду, хотя могла бы солгать, сославшись на то, что Люцию хорошо охраняют или что сверток забрала стража. Но она не опустилась до этого.

Мисани держалась достойно, несмотря на всю ярость отца. Годы, проведенные среди дворцовых интриг, давали о себе знать.

— Где я ошибся в тебе, Мисани? Куда исчезла твоя преданность семье? — Аван метался по комнате, не находя покоя. — Ты знаешь, сколько жизней было бы спасено, если бы ты сделала то, о чем я просил?

— Если бы я убила восьмилетнюю девочку? — уточнила Мисани. Аван посмотрел на дочь с недоумением. — Не прячься за высокопарными словами, отец. Ты просто хотел переложить на меня весь груз ответственности. Так, по крайней мере, имей же смелость признать это.

— Ты никогда не говорила со мной в таком тоне, Мисани!

— До сих пор у меня не было для этого повода. — В голосе девушки зазвучали ледяные нотки. — Ты опозорился сам, отец, и опозорил меня. Мне все равно, что пообещал тебе Сонмага. Даже ключи от Золотого Царства не стоят убийства ребенка. Ты пошел в прислужники к Сонмаге ради награды. Это я еще могу понять. Но то, что ты использовал меня в своих грязных целях... Ты обманул меня, отец. Если бы то, о чем ты просил, послужило на благо Сарамира, я бы выполнила твою просьбу, не задумываясь. Чтобы защитить семью, я убивала и прежде! — Глаза Авана расширились. Хотя он и раньше подозревал, что смерть Йокады вовсе не была несчастным случаем, слова дочери оказались неожиданностью. — Но это... Отдать зараженную ночную рубашку ребенку и обречь его на медленную смерть? Я не способна на такую подлость, отец. Даже ради тебя.

Аван задыхался от гнева.

— Как ты смеешь обвинять меня в подлости?

— Я не имею права судить. Ты бы справился с этим делом.

А я — нет.

— Принцесса — порченая! — закричал Аван. — Урод! Понимаешь? Она не ребенок. Ее следовало убить еще при рождении.

Мисани вспомнила о Кайку. И слова сами сорвались с губ девушки:

— Думаю, ты заблуждаешься.

Перед глазами Мисани взорвалось белое пламя, и она оказалась на полу. Черные волосы, подобно воронову крылу, укрыли хрупкое тело. Девушке потребовалось несколько секунд, чтобы понять: отец ударил ее по лицу. Непонятно, что было сильнее, удивление или боль. На глаза навернулись слезы, но девушка быстро проглотила их, сохранив невозмутимое выражение лица. Подняв глаза на отца, Мисани поняла, что ее спокойствие привело его в ярость.

— Ехидная девчонка! — злобно прошипел Аван. — Ты предала свою семью! Завтра же возвратишься в загородный дом в заливе Матакса и останешься там до зимы. А потом посмотрим, смогу ли я снова назвать тебя дочерью.

Отец впился в девушку пристальным взглядом, ожидая возражений. Но Мисани не доставила ему такого удовольствия. С гневным сопением Аван величественно покинул кабинет.

Мисани поднялась на ноги и отправилась во внутренний двор, заглянув по дороге в свою комнату. Было необходимо припудрить лицо, чтобы скрыть синяк на подбородке. Слой косметики замаскировал след от отцовского удара, сделав и без того бледное лицо Мисани слегка болезненным. Но ее это не обеспокоило.

Если завтра она уезжает — а отец вряд ли изменит свое решение, — тогда на сегодняшний вечер у нее есть одно неоконченное дело.

Девушка застала Гоми в конюшне, где он чистил лошадей.

Это был невысокий, коренастый человек с бритой головой и плоским лицом, нравившийся Мисани за здравые суждения и надежность. При виде хозяйской дочери конюх низко поклонился. На мгновение Мисани показалось, что в его глазах мелькнула неприязнь. Служанка Йокада, которую пришлось отправить, что-

бы спасти честь семьи, была его племянницей. Но это ощущение тут же исчезло.

— Запряги лошадей в карету, — приказала Мисани. — Я желаю прогуляться.

Через несколько минут они уже ехали по широким улицам императорского квартала, направляясь по склону холма к блестящей ленте Керрин. Гоми сидел впереди и вожжами понукал двух черных кобыл. Карета, такая же черная, как и лошади, сияющая лакированными дверцами и позолоченными спицами, свидетельствовала о богатстве семьи Колай.

Мисани выглядывала из окна. Чистые, широкие улицы императорского квартала обычно успокаивали, но сейчас ее не радовал вид фонтанов и скульптур, украшавших самый богатый район столицы. Мозаики утратили былую яркость; игра теней и заходящего солнца на площадях больше не казалась привлекательной. Широкие проезды и узкие переулки, небрежно разбросанные по холму, еще вчера дававшие кров интриге и тайнам, теперь превратились в самые обыкновенные улицы.

Не хватало воздуха. Вся прежняя жизнь оказалась перечеркнута. Мысли вновь и вновь возвращались к Кайку, и мучивший ее вопрос впечатался в сердце, словно надпись на могильной плите: «Имела ли я право так обойтись с бедняжкой?»

Улицы императорского квартала уступили место Рыночному району, и движение стало более оживленным. Дороги здесь были не такими гладкими, но их неровности приятно укачивали, принося успокоение. Несмотря на то что Нуки уже убегал на запад и голодные луны готовились сменить его для ночной охоты, рынки не собирались закрываться. Базарчики теснились неровными рядами с узкими проходами, мощенными песчаником. Яркие навесы всех форм и размеров наваливались друг на друга из-за недостатка места. В воздухе витали запахи еды: жареные кальмары, картофельные пироги, сладости, соленья — все причудливо перемешалось среди рыночной суэты и толчей.

Но даже заметно нарастающий гомон и шум не улучшили настроение Мисани. То, что прежде воспринималось как цветущий улей жизни, теперь казалось бессмысленным неблагозвучием глупых криков, похожих на вопли сумасшедших.

Девушка размышляла о своем предназначении, и задавалась вопросом о смысле жизни.

«Ты должна встретиться с Госпожой сновидений», — сказала наследница.

И покидая императорский дворец, Мисани поняла, что без подсказок знает, где искать Госпожу сновидений. Осознание пришло само собой, словно что-то коснулось ее сердца и открыло истину.

Девочка напугала и очаровала Мисани. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: принцесса обладает особым даром. Но был ли ее дар дурным? Может ли восьмилетний ребенок причинить зло? Мисани вспомнила о крохе, от прикосновений которой вырастали цветы. Несла ли малышка зло или просто неумело обращалась с доставшимся от природы талантом? Разница между двумя категориями, оказывается, огромна. Но до сих пор девушка не придавала ей никакого значения.

Мисани направлялась в Речной квартал, чтобы увидеться с Госпожой сновидений, хотя и сама не представляла, чего ждать от этой встречи. Но она должна все узнать прежде, чем Аван вышлет ее из города. Ради Кайку, ради Йокады, ради отца и, в первую очередь, ради самой себя.

Гоми, похоже, из желания досадить госпоже, выбрал путь через самый оживленный рыночный ряд в районе. Поначалу карета еле катилась, а потом и вовсе остановилась, поскольку дорогу перегородили ревущие и мычащие животные да толпы городской бедноты, снующей между экипажами и телегами с корзинами овощей и хлеба или спешащей к своим домам.

Мисани нахмурилась. Даже озабоченная своими мыслями, девушка заметила перемены, которые произошли здесь за последнее время. Она видела, что и другие пассажиры и возницы беспокойно оглядываются вокруг.

Часть торговых палаток и магазинчиков уже была закрыта, в иных продавцы торопливо захлопывали двери и окна. Покупатели спешили покинуть рыночные ряды. Повсюду Мисани видела людей, собирающихся кучками, чтобы обсудить какие-то новости. Движение на дороге оказалось парализованным, и

Гоми озадаченно чесал затылок и пожимал плечами, не понимая, что можно предпринять.

Мисани приоткрыла дверцу кареты и при помощи колокольчика привлекала внимание мальчика лет двенадцати. Это был поступок недостойный благородной девушки, но Мисани уже не сомневалась: произошло что-то ужасное, и она должна узнать, что именно. Мальчик немного поколебался, но, испытывая почтение к благородному статусу девушки и роскоши ее экипажа, приблизился.

— Что здесь случилось? — поинтересовалась Мисани.

— Императрица приказала арестовать Унгера ту Торрика, — сообщил мальчуган. — Стражники схватили его на площади Ораторов.

Мисани почувствовала, как страх сдавил горло. Не подавая вида, девушка бросила мальчику несколько монет. Он с благодарностью поймал деньги и убежал.

В воздухе витали флюиды надвигающейся паники, и это пугало. Все прекрасно понимали, к чему может привести арест популярного оратора и откровенного противника императрицы. Мисани выругалась про себя. Она и прежде считала императрицу высокомерной особой и была невысокого мнения о способах правления Анаис. Теперь же глупость владычицы просто поразила ее. Воспламенять уже и без того разогретую толпу, публично арестовывая ее лидера и кумира, равносильно призыву к восстанию.

— Гоми! — Она вновь высунулась в окно. — Ты можешь отсюда выехать?

Мисани еще успела увидеть, как конюх повернулся и открыл рот, чтобы ответить, когда мир вокруг взорвался.

Раздался оглушительный грохот. Карету подкинуло над дорогой. Удар пришелся на ту сторону, с которой сидела Мисани. Стенка ощетинилась длинными деревянными кинжалами. Ни жива ни мертва девушка могла лишь наблюдать, как деревянная коробка, в которой она ехала, пыталась лишить ее жизни.

Внезапно в мозгу возникла картина слишком реальная, чтобы быть видением. Время словно остановилось.

Мисани увидела себя на берегу залива Матакса, освещенного летним солнцем, искрящимся на спокойной водной глади. Ей лет десять. Задыхаясь от смеха, она несется по берегу. Волны ласково омывают босые ноги. Позади бежит Кайку, держа в руках песочного краба размером с обеденную тарелку. Она также хочет, преследуя подругу. И в тот момент в сердце Мисани не было ничего, кроме безграничной радости, беззаботности и свободы.

Девушка внезапно возвратилась в реальность и открыла глаза.

Стенка кареты была разбита. Острые лезвия огромных щепок остановились всего лишь в нескольких сантиметрах от лица.

Мисани глубоко вздохнула, стараясь прийти в себя. Снаружи доносился приглушенный шум. Затем раздался крик, к которому присоединились десятки голосов. В уши билось голодное рычание пламени, топот ног, мольбы о помощи. Ошеломленная, не понимая, что случилось, она попыталась освободиться из ловушки, в которую превратилась карета. Экипаж лежал на боку; одна дверца, разбитая в щепки, находилась под Мисани, вторая, покореженная и изогнутая, напротив. Девушка дотянулась до нее и попробовала открыть. Дверца не поддалась. Тогда Мисани нанесла на захлопнутые взрывом ставни окна. И, о счастье, они милостиво распахнулись. Цепляясь за торчащие во все стороны острые щепки, оставляя на них пряди волос, пленница из последних сил вскарабкалась вверх и, наконец, выбралась наружу.

Потребовалось всего лишь мгновение, чтобы осознать произошедшее. Эпицентр взрыва можно было точно установить по отметкам сажи. Что-то искореженное — возможно, телега, определить точнее теперь никто не смог бы — валялось у края дороги. Раздробленные остатки карет, повозок, дымящиеся куски человеческого и конского мяса валялись повсюду, поглотив часть взрыва, который иначе просто убил бы Мисани.

Последствия его были ужасающими. Мужчины, женщины и дети неподвижно лежали на дороге, на обочине, на развалинах прилавков. Раненые стонали и корчились, некоторые были без ног или рук. Крики пострадавших соединялись с жалобными воплями родственников погибших. В воздухе стоял запах крови, серы и едкого дыма.

Гоми лежал рядом с мертвыми лошадьми, которые были запряжены в карету; мозги из пробитого черепа смешались с дорожной пылью. Люди с безумными криками в панике разбегались с рынка.

Неожиданно еще один взрыв расколол воздух. Мисани вздрогнула и пригнулась, куски камня просвистели у нее над головой. Крики, на мгновение умолкнув, раздались с новой силой.

Девушка с застывшим выражением лица еще раз оглядела воцарившийся хаос. Затем медленно пошла, не слыша криков о помощи и не замечая окровавленных рук, тянувшихся в мольбе. В возвращении домой, под защиту отца, который предал ее, не было никакого смысла.

До Речного района рукой подать, и ее цель — Госпожа сновидений.

Начальник королевской стражи, звеня латами, склонился перед императрицей.

— Ты нарушил присягу! — бушевала Анаис.

Тронный зал императорского дворца не отличался чрезмерной роскошью, но его убранство было весомым и значительным, соответствствуя государственным мероприятиям, которые там проводились. Через высокие арочные окна солнечный свет падал на висевший пурпурно-белый штандарт — цвета правящей династии Эринима. Жаровни, установленные на высоких, тонких ножках, дымились нежным запахом ладана с обеих сторон возвышения, на котором располагались троны. Серебряный дым спиралью поднимался в воздух. Сами троны представляли собой настоящее произведение искусства, объединяя лакированное дерево и драгоценные камни, завитки бронзы и золотое плетение.

Анаис нечасто посещала этот зал. Как правило, императрица назначала здесь только встречи чрезвычайной важности. Атмосфера устрашения, созданная в тронном зале, редко бывала ей нужна.

Но сейчас был исключительный случай. В течение часа императрица получила несколько несвязных донесений, суть которых сводилась к одному: Унгер ту Торрик арестован импе-

торскими стражниками. Самое странное заключалось в том, что Анаис не отдавала такого приказа.

— Императрица, я действительно велел охране арестовать оратора. — Человек, стоящий перед ней на коленях, склонил голову.

— Почему? — потребовала ответа Анаис. От ее голоса повеяло ледяным холодом. Своими действиями начальник стражи уже подписал себе смертный приговор.

Он молчал.

— Почему? — нетерпеливо повторила Анаис.

— Я не могу сказать, императрица.

— Не можешь? Или не хочешь? Энай, ты уже мертв. Но жизни твоей жены и детей зависят от твоего ответа.

Начальник стражи поднял голову, и тогда императрица увидела ужас и замешательство на всегда спокойном и невозмутимом лице.

— Я отдал приказ... но не знаю почему. Я полностью осознаю все последствия моего поступка, и все же, в тот момент... Я не думал ни о чем, императрица. Я не могу объяснить это. Никогда прежде... — Он поколебался. — Это был безумный поступок. — Начальник стражи замолчал и уронил голову на грудь.

Невразумительное бормотание еще больше разозлило Анаис, но она хорошо владела своими чувствами. Императрица щелкнула пальцами и взглядом указала стражникам на склонившегося перед ней человека.

— Уведите его и казните.

Начальник стражи упал к ее ногам.

— Императрица, я прошу пощадить мою семью! — закричал он.

— Позаботься лучше о последних минутах своей жизни, — ответила Анаис.

Старый воин заплакал от страха и позора, и его увели. Императрица не собиралась казнить семью начальника стражи. Но он отправится на смерть, так и не узнав этого. Человека, который поставил под удар ее будущее, Анаис не собиралась прощать.

Она подозвала к себе советника с длинной белой бородой и лысиной во всю голову, стоявшего подле трона, старого ученого по имени Хьюли.

— Отправляйся в тюрьму и приведи ко мне Унгера ту Торрика. И проверь, чтобы с бунтовщиком там хорошо обращались. Хьюли кивнул и вышел.

Императрица села на трон и провела рукой по волосам. Высок ныл, и тупая боль кругами расходилась по всей голове. Анаис чувствовала себя загнанной в ловушку.

Череда взрывов, потрясших город за последний час, наводила на мысль о заговоре. Удар спланировали заранее, не хватало лишь искры, чтобы привести заряды в действие. Арест Торрика сыграл роль той самой искры. Казалось, взрывы никак не связаны друг с другом. Они произошли в разных местах: на переполненных улицах, на судах в доках, и даже у храмов. Кто бы ни стоял за этим, Анаис подозревала, что организаторы хотели посеять панику среди населения. Их замысел удался. Императрице уже пришлось послать почти половину своих стражников, чтобы подавить восстания, вспыхнувшие в разных районах города. Но вид бело-голубой брони только усилил волнения толпы.

Идиотизм начальника императорской стражи поставил императрицу в ужасное положение, но это было не самое худшее. Влияние Торрика на народ оказалось значительно сильнее, чем она полагала. Анаис знала, что Унгер ловкий смутьян и великий оратор. Но теперь получалось, что на него работала целая подрывная армия. И не трудно поверить, что человек с такой харизмой может вселять преданность в своих последователей.

Кто-то подложил бомбы. Императрица подозревала, что Унгер ту Торрик мог назвать имена заговорщиков, превративших Аксеками в настоящий ад.

В то же самое время предмет размышлений императрицы томился в подземелье дворца.

Тюрьма в императорском дворце была чистой, но темной и мрачной. Камера Унгера ничем не отличалась от остальных.

Когда его освободят, оратор покинет неволю с высоко поднятой головой, как уже происходило не раз. Благородные лорды, землевладельцы и даже административные советы заключали его в тюрьму и прежде. Своими призывами Унгер нажил немало врагов. Богатым и властным не нравилось отвечать за несправедливость и зло, которое они принесли простым людям.

Торрик рассматривал свой арест как часть процесса переговоров. Он стал слишком опасен, нарушая спокойствие Аксеками, подталкивая людей к восстанию. Оратор ожидал ареста. Это было простой демонстрацией силы, показывающей, что богатые и знатные все еще у власти. Вскоре они вступят с ним в переговоры. Унгер изложит требования людей. Власти согласятся на некоторые из них, но не на все. Затем, его выпустят и провозгласят народным героем. А Унгер в свою очередь использует новый статус, чтобы продолжить обвинительные речи против власти, пока та не выполнит оставшиеся требования.

На этот раз требования были слишком просты и не предполагали переговоров или длительных обсуждений. Порченый ребенок не должен сидеть на троне.

Анаис отлично справлялась с обязанностями императрицы. Даже Унгер это признавал. Но она была слепа и высокомерна. Императрица сидела слишком высоко в своем дворце на холме и не видела оттуда всего того, что происходит на улицах города. Похоже, Анаис просто не интересовалась своим народом. Она тратила время на выяснение отношений с политиками и знатью, получала поддержку у армий, подписывала соглашения и договоры и все время забывала, что люди, которыми управляет, единодушно требуют одного: мы не хотим видеть на троне урода!

Неужели она всерьез полагала, что императорская стража сможет сдержать порыв народа Сарамира? Или Анаис собирается управлять ими с помощью силы? Недопустимо! Недопустимо!

Люди будут услышаны! И Унгер ту Торрик станет их рупором.

Оратора поместили отдельно от других заключенных, чтобы он не распространял среди них свои мятежные мысли. Тень от решетки, закрывавшей высокое овальное окно, падала на центр каменного пола камеры. Тяжелая деревянная дверь, оби-

тая железом, с узкой щелью, куда заглядывала стража, запиралась на несколько замков. Камера была абсолютно пустой, душной и мрачной.

Унгер сидел в углу, закрыв глаза, скрестив ноги, и думал. Он был простым человеком, в обычном платье и не говорил ничего особенного. Но он подверг сомнению все и вся и поэтому представлял угрозу для тех, кто использовал традиции в собственных интересах. И независимо от его личных чувств к порченым, императрице нельзя позволить навязать людям следующего правителя.

Глаза его широко раскрылись, сердце болезненно екнуло. В камере находился кто-то еще.

Унгер вскочил на ноги. Внезапно стало совсем темно, будто облако проглотило весь свет. И все же в тусклых лучах солнца, проникающих через окно, оратору удалось разглядеть в дальнем углу едва заметные очертания фигуры. Его охватил ужас. Он мог поклясться, что еще секунду назад в углу никого не было, да и дверь не открывалась. Таким способом в помещение проникали только призраки или духи.

Фигура не двигалась. И все же пленник ни на мгновение не усомнился в своих ощущениях.

— Кто здесь? — выдохнул он.

Фигура пошевелилась, но ее очертания не стали от этого яснее.

— Ты дух? Или демон? Зачем ты явился? — потребовал ответа Унгер.

Неясный силуэт медленно приближался к мужчине. Торрик набрал воздуха в грудь, чтобы позвать на помощь и разбудить охрану, но скрюченная сухая рука появилась в луче света, падающего из окна, и длинный палец дотронулся до тела Унгера. Крик застрял в горле. Оратор застыл, не в силах пошевелиться. Паника пронзила его разум.

Незнакомец неслышно двигался в тусклом свете — сгорблленный, с тщедушным телом, спрятанным в ворохе рваных одежд, бусинок и украшений. Лицо закрывала бронзовая маска. Словно во сне Унгер наблюдал, как странный визитер медленно стягивает ее.

Его лицо... о, такой страшной, уродливой физиономии Торрик никогда еще не видел. Ничего человеческого в ней уже не осталось. С одной стороны кожа собиралась складками под челюсть. Левый глаз закатывался под веко, предоставляя владельцу возможность большего обзора. Верхняя губа была намного больше нижней. Правая сторона казалась не менее ужасной. Губы словно сгнили, провалившись в рот, выставляя напоказ зубы и десны. Правый глаз, затянутый бельмом, походил на выпирающее из гнезда яйцо.

— Унгер ту Торрик, — прокаркал незваный гость. Его губы уродливо шлепнулись друг о друга. — Я — главный ткач Виррч. Как приятно встретиться лицом к лицу.

Унгер не мог ответить. Он хотел закричать, но крик затухал внутри, не находя дороги наружу.

— Ты отлично поработал на меня, Унгер, хотя и не подозревал об этом, — продолжил уродец. — Твои усилия десятикратно ускорили мои планы. Я ожидал, что привести Аксеками к разрушению окажется намного сложнее. Нужно было действовать осторожно, чтобы никто не увидел в этом мою руку, но ты... — Виррч воздел руки к небу в восхищении. — Ты взбаламутил людей. А твой арест возмутил народ еще сильнее. Я даже не надеялся на такую удачу.

Унгер был слишком испуган, чтобы понять, о чем говорил Виррч. Ощущение потери контроля над собственным телом лишило оратора способности думать.

— Это был настоящий риск. Только представь, мне пришлось слегка покопаться в сознании начальника императорской стражи, чтобы он выполнил мое задание. Я думал, что воцарится хаос и паника, рассчитывал на это... но даже я недооценил эффективность вашей тайной армии взрывателей, Унгер. Не хотел бы, чтобы они на этом остановились.

— Нет... нет... — пропищал наконец Унгер.

— О, конечно же, они не твои. Они мои. Но народ и императрица уверены, что ты в ответе за все происходящее. И мы не станем их разуверять.

Существо подошло почти вплотную, и Унгер увидел, что оно прозрачно. Значит, все-таки призрак. Уродец провел пальцем по щеке узника, и тело пронизал холод.

— Твое благое дело нуждается в мученике, Унгер.

Приэрак неожиданно схватил пленника за затылок, и, несмотря на всю его очевидную неосязаемость, Унгер ощущал нечеловеческую силу. Крик совпал с ударом о стену камеры. Череп оратора треснул, словно скорлупа ореха, оставив на камне кровавые потеки.

Ворота в храм бога Паназу в Речном районе Аксеками не закрывались даже в сумерки.

Мисани стояла возле них и смотрела на высокий, узкий фасад, нависавший над нею, с карнизами, украшенными завитками. Девушка едва держалась на ногах, а одежда ее напоминала обноски бедняков. Мисани пережила ужасное потрясение, и вот, наконец, она почти у цели. Гул Аксеками отдалился, уносимый шумом Керрин. Но грохот новых взрывов доносился и сюда, яркий огонь взвивался в небо, освещая темноту.

Девушка направилась к храму через большие ворота и вошла в прохладную палату конгрегации. У тех, кто приходил сюда впервые, перехватывало дух. Столбы возносились ввысь к куполообразным потолкам, украшенным фресками, повествующими о действиях Паназу. Стены были расписаны изображениями речных существ. Свет, падающий через широкие изогнутые окна, окрашивал в синий, зеленый и серебряный цвета пол с изображением морского пейзажа, а чарующие звуки плещущейся, капающей, бегущей воды исходили от алтаря, выполненного в виде фонтана, от которого по десяткам желобков бежала хрустальная жидкость.

Зал конгрегации, где обычно проходила церемония пострижения в монахи, был окружен широким водоемом, в котором плавала каракатица, земное воплощение бога Паназу.

Сейчас храм казался пустым. Мисани, с трудом передвигая ноги, вошла внутрь, и ворота закрылись за ней. Девушка бездумно брела поциальному проходу; ее сознание и тело все еще были скованы трагедией, невольной свидетельницей которой она стала.

— Мисани ту Колай, — промурлыкал мягкий голос, эхом разносясь по пустому залу.

Мисани повернула голову на голос и увидела фигуру, стоявшую на другой стороне храма.

Госпожа сновидений. Та самая женщина, которая приходила в сны Люции. Но сейчас она больше походила на кошмар: очень высокая, стройная, в изящных черных одеждах, с лицом, украшенным двумя красными полумесяцами, которые начинались на лбу и заканчивались на щеках. На губах — черные и красные треугольники, похожие на зубы. На плечах красовалась пелерина из вороньих перьев, а в брови сверкало маленькое серебряное кольцо с красным драгоценным камнем.

Женщина пересекла зал и встала между двумя столбами прямо перед Мисани. Она никак не отреагировала на взъерошенные волосы и испачканное лицо гостьи.

— Меня зовут — Кайлин ту Моритат. Люция называет меня Госпожой сновидений. Она сказала мне, что ты придешь. — Кайлин взяла девушку за локоть. — Пойдем. Тебе надо отдохнуть и умыться. Похоже, твое путешествие оказалось не из легких.

Мисани, молча, подчинилась. Больше ей идти было некуда.

Глава 21

Время в Хайме не шло. Оно удлинилось, растянулось в нечто плоское и тонкое, пожертвовав ради длины сущностью. Тэйн прекратил считать дни. Они тянулись друг за другом длинной вереницей, сливаясь в огромную неуступчивую серую стену из тоски и нарастающего отчаяния.

Исчезновение Кайку ошеломило их.

Сначала — паника. Может, кто-то пробрался в пещеру и унес девушку, пока они спали? Мамак обыскал все вокруг, но не нашел никаких следов нападения.

Потребовалось еще какое-то время, прежде чем Тэйн вспомнил странную фразу, произнесенную ночью Кайку: «Возможно, это просто не твой путь. Должно быть, боги уготовили его только для меня».

Буря продержала путников в пещере еще один день. Мамак мягко, но решительно отказал им в дальнейших поисках.

— Мы ничем не сможем ей помочь. Кайку давно погибла. Только дурак отправится в путь в такой ураган. Когда закончится буря, я возвращаюсь домой. Вы можете идти со мной или остаться в этой пещере.

Тэйн просил его, умолял, предлагал тройную плату, если Мамак найдет Кайку. Юноша сказал проводнику, что у девушки с собой были деньги, много денег. Глаза у Мамака загорелись, борьба жадности со здравым смыслом отразилась на его лице. Но в конце концов опыт склонил чащу весов в пользу благородства. Азара покачала головой и неодобрительно посмотрела на Тэйна.

— Я хочу вернуть ее! — огрызнулся юноша.

Азара беззаботно пожала плечами.

— Но она ушла, Тэйн. Пора строить новый план.

Когда на следующий день буря утихла, путешественники приняли решение вернуться в Хайм. Тэйн предлагал собрать людей и отправиться в горы на поиски Кайку или ее тела. Так, по крайней мере, они могли бы вернуть маску. Юноша понимал, что без красно-черного лика у него нет никакой надежды найти тех, кто послал шин-шинов напасть на храм. Но его план был напрасной тратой времени и сил, и послушник сам понимал это. Где искать пропавшую? Остров велик. Следы девушки давно стерли дождь и ветер. К тому времени, как путники спустились с гор и вернулись в деревню, юноша уже не настаивал на продолжении поисков.

Тэйн и Азара сняли комнаты на единственном постоялом дворе в Хайме, ободранном, наспех сколоченном строении, которое могло вместить в себя нескольких приезжих. Покидать деревню они не собирались. Это даже не обсуждалось.

— Кайку решила продолжить путь одна, — повторял Тэйн. — Если у нее все получится, то она вернется в деревню.

— Не предавайся ложной надежде, — отвечала Азара, но в споры не вступала и на возвращении на материк не настаивала.

В Хайме было совершенно нечем заняться. Грубость и неприветливость местных жителей в скором времени надоели молодым людям, и они ограничились общением друг с другом.

Вначале тем для разговоров почти не было. Слишком много барьеров разделяло их, слишком много обманов и умолчаний.

«О боги, когда же мы, наконец, снимем маски, хотя бы на мгновение?» — думал в раздражении Тэйн.

— Но постепенно вынужденное одиночество размывало стену отчуждения; так тонкая медленная струйка воды просачивается через трещины каменной дамбы, пока не разрушит преграду. Через неделю ожиданий и размышлений молодые люди вновь оказались в придорожном трактире, где первый раз встретились с Мамаком.

— Тэйн, ты знаешь, кто я? — неожиданно спросила Азара.

Вопрос застал юношу врасплох.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался он.

— Довольно игр, — бросила девушка. — Пришло время раскрыть карты. Если мы пойдем одним путем, а, похоже, так и будет, ты должен признать то, о чем уже, по-моему, догадался.

Тэйн оглядел трактир, чтобы убедиться, что их не подслушают. Но помещение, как обычно, почти пустовало. Холодная, неуютная комната с несколькими местными жителями в углу, обсуждающими свои дела. Грубые низкие столы и старые ветхие циновки. Ворчливая трактирщица, разливающая за стойкой в углу хмельное варево. О духи, как он ненавидел все это!

— Ты — порченая, — сказал спокойно Тэйн.

— Наконец-то, — насмешливо бросила Азара. — Наконец ты признал это. Ты странный человек, Тэйн. Ты умеешь слушать. Ты готов учиться. Именно поэтому я расскажу тебе все. И, может быть, однажды ты пойдешь моим путем. Так что забудь на время про свое отвращение и выслушай то, что я скажу.

Тэйн подался вперед. Щеки его пылали. Из-за отсутствия развлечений жители Хайма привыкли много пить, и в трактире не было недостатка в спиртном. Азара выглядела совершенно трезвой. Ее организм нейтрализовал алкоголь, не давая ему впитываться в кровь, и поэтому девушке было неизвестно чувство опьянения.

— Я старуха, Тэйн, — продолжила Азара. — Ты не определишь мой возраст, посмотрев на меня. Я многое повидала и

многое совершила. Некоторые воспоминания приносят мне гордость, другие — отвращение. — Девушка покрутила в руках кружку с хмельным зельем. — Знаешь, что такое жизненный опыт? Это состояние души, при котором уже не испытываешь безграничного счастья, выполняя одно и то же много раз. Опыт состоит в том, что ты начинаешь видеть, насколько предсказуемы люди, как поколение за поколением они следуют одним и тем же самым простым, уродливым образцам. Они мечтают о вечной жизни, но не знают, что это такое. Я живу уже восемьдесят лет, хотя по мне этого не видно. Я перестала стареть в двадцать лет. Мое тело восстанавливается быстрее, чем время успевает нанести ему видимые разрушения. Это — мое проклятие. Я уже прожила довольно много, и мне все наскучило.

Признание оказалось настолько неожиданным, что юноша едва не рассмеялся. Но тон Азары заставил послушника сдержаться.

— Наскучило? — переспросил Тэйн.

— Ты не понимаешь, — терпеливо сказала Азара. — И вряд ли сможешь понять. Но когда пресытился, постоянно ищешь то, что может снова зажечь огонь в груди, пусть даже на короткое время. Я долго и бесцельно бродила по земле в поисках новых ощущений, пока не встретила Кайлин ту Моритат. Когда я познакомилась с ней, мне открылось то, что прежде было недоступно. Раньше я считала себя уродцем, ненормальной, но в Кайлин увидела себя, как в зеркале, и вновь обрела смысл жизни.

— И что ты увидела? — заинтересовался Тэйн.

— Высшее существо, — объяснила Азара. — Существо, которое остается человеком и все же превосходит его. Благодаря отклонениям, которые все привыкли называть порчей, Кайлин превзошла тех, кто презирал ее. Она лучше их.

Тэйн заморгал и открыл было рот, чтобы опровергнуть ее слова, но остановился. То, что говорила Азара, звучало возмутительно, но они были вместе не первый день, и хотя он не соглашался с ее мнением, многое из услышанного наводило на размышления.

— Я увидела новый порядок организации общества. Общества, где людей с отклонениями не ненавидят и не пытаются убить,

а уважают. Я увидела, что это вовсе не грязный червь в твоем теле, а благодатное изменение. Эволюция. Эволюция, результатом которой станет появление нового человека. Путь к триумфу долг и труден, и не всем суждено пройти его. И если мне суждено жить долго, я хочу пройти этот путь с приятностью для себя. Я должна работать ради установления нового порядка.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал Тэйн, вспоминая другие беседы, которые они вели за время вынужденного пребывания в Хайме. — Ты помогаешь Красному ордену, потому что он представляет порченых, чьи способности возвышают их над людьми. И эта Либера Драмах... Они тоже трудятся ради достижения цели, к которой стремишься и ты. Поэтому ты им и помогаешь.

— Но Красный орден и Либера Драмах работают сейчас вместе, объединенные одной общей целью.

— Увидеть наследницу императрицы на троне, — подытожил Тэйн.

— Именно. Принцесса — ключ ко всему. Девочка — единственная, кто может изгнать пришедшую на землю хворь. Она — мост между нами и духами, между обычными людьми и... необычными. — Азара схватила Тэйна за руку и приковала его к стулу немигающим взглядом. — Так должно быть. И мы должны сделать все, что в наших силах.

Тэйн ответил ей таким же пристальным взглядом, а потом спросил:

— Почему вы следили за Кайку в течение стольких лет?

Он сразу же, едва слова слетели с губ, пожалел, что задал этот вопрос. Пожалел потому, что интуитивно уже знал, каким будет ответ, и не хотел его слышать.

Его спутница улыбнулась и разжала пальцы. Потом откинулась на спинку стула, отпила из стакана.

— Я стала служанкой в доме Макайма по воле Красного ордена. С прежней служанкой случилось несчастье.

Тэйн не перебивал, ожидая продолжения. И Азара продолжила:

— Люди из Красного ордена нашли Кайку с помощью каких-то своих способов. Их пути — для меня загадка. Они знали,

что девушка рано или поздно проявит... свои способности. И просили меня понаблюдать за ней. Привлечь ее в Красный орден до первого проявления этих способностей было невозможно. Кто в здравом уме поверит, что он порченый, не убедится сам?

Слова Азары упали в его сознание, как камень падает в густой мед. Мир как будто замедлил ход. Пьяные разговоры в другом углу доносились бессмысленным шорохом. Он видел лишь красивые глаза Азары, наблюдавшей за ним, оценивавшей произведенное впечатление.

— Ты ведь знал об этом, не так ли?

Тэйн кивнул и опустил глаза. А ведь она ждала этого вопроса, подумал он. Ждала, хотя и догадывалась, что он знает ответ. Ждала, потому как хотела убедиться, что ее слова пронзят его, как удар вилами в ребра.

— Я догадывался, — пробормотал юноша, когда уже не смог выносить наступившую тишину. — По некоторым мелочам. Когда я впервые встретил Кайку, она в бреду повторяла имя женщины — Азара. Кайку сказала, что тебя убил демон в лесу. Позже ты появилась, без всяких объяснений. Но мне они были и не нужны.

— Ты считал, что это не твоё дело, — презрительно усмехнулась Азара. — Как это типично для мужчин.

— Нет, я просто не хотел знать правду. Я струсил. Я подозревал тебя с самого начала. А встреча в Аксеками с той женщиной, Кайлин... Вы о чем-то секретничали с ней, что-то обсуждали, но меня к этим тайнам не допустили. К тому же Кайку все удивлялась, как ты изменилась... — Он шумно выдохнул. Помолчал. — Я не дурак, Азара. Я с самого начала знал, что мои спутники — порченые.

— Но ты верил, что твой путь предопределен богиней. Что ты спасен ради какой-то особой миссии. И вместе с тем верил, что нет для Эню более нечестивого существа, чем порченый. Постарайся, если сможешь, примирить одно с другим.

Тэйн склонил голову, и бритый череп сверкнул в тусклом свете фонаря.

— Не могу. Поэтому я их и сторонился.

— Давай поговорим начистоту. — Азара откинула назад черные с красной прядью волосы и наклонилась к юноше. — Кайку — порченая. Она способна, подобно ткачам, проникать в Узор. Но сейчас Кайку опасна для себя и других. Ей необходимо научиться владеть своими способностями, обрести мастерство. Я прибыла на остров Фо по нескольким причинам, и одна из них — помочь Кайку выжить. С каждым днем увеличивается риск того, что ее сила выйдет из-под контроля. В конечном счете, она или сожжет себя, или погибнет от рук тех, кто ее боится. — Азара откинулась назад, продолжая пристально следить за реакцией Тэйна. — Я пообещала Кайллин, что привезу Кайку назад, и я сделаю это. Если она еще жива, конечно. Я буду ждать ее в этой проклятой духами пустоши, пока есть надежда. Могут пройти недели, месяцы. Но время ничто в моем возрасте, Тэйн. Я — терпеливая женщина.

Послушник молчал. Он вдруг понял, что выпил лишнего, и от этого ему стало не по себе.

— Присоединяйся к нам, Тэйн, — предложила Азара. — У нас с тобой одни цели. Может, ты и ненавидишь искаженных, как мы предпочитаем себя называть, но у тебя есть желание излечить землю от заразы. И наследница императрицы — наш единственный шанс.

— Я не... — запинаясь, начал Тэйн. — Я не ненавижу порченых, — наконец выдавил он.

— Разумеется, нет. — Азара приподняла бровь. — Мне казалось, что ты даже любишь одного из них.

Тэйн густо покраснел. Он хотел возразить, но слова не шли с языка. Юноша наступился и угрюмо отвернулся.

— Бедный Тэйн, — усмехнулась Азара. — Ты загнал себя в угол, выбирая между верой и чувством. Я пожалела бы тебя, если бы уже не сталкивалась с таким прежде. Люди — трогательно предсказуемые животные.

Тэйн стукнул по столу кулаком, но сумел сдержаться и не набросился на собеседницу. У Азары на лице не дрогнул ни один мускул. Все так же спокойно сидя на циновке, девушка наблюдала за послушником с выражением, приводящим его в бешенство. Немногочисленные посетители трактира уставились на них.

«Весь в отца...» Мысль эта пришла внезапно, и он похолодел. В сколыхнувшийся было гнев быстро оседал. Тэйн еще раз стукнул кулаком по столу, выплескивая в бессильном жесте избыток чувства. Затем встал и вышел из трактира в ночь.

Холодный воздух и ветер, острый как лезвие ножа, отрезвили юношу. Тэйн поспешил шел прочь от трактира, подальше от освещенных окон, подальше от Азары и всего, что она сказала. Но истина стояла теперь перед ним во всем своем ужасном обличье. Не осталось ни вопросов, ни сомнений. До сегодняшнего дня юноша сохранял еще надежду на то, что сможет оставаться рядом с Кайку, не оскорбляя свою богиню, что неуверенность в действительном положении дел дает ему оправдание для общения с девушкой. Но теперь все иллюзии развеялись, и Тэйн оказался в затруднительном положении.

Навстречу ему попадались редкие прохожие. На улицах не горели фонари, свет падал наружу лишь из узких окон. Луну сегодня не было, и темнота казалась зловещей. Тэйн позволил мраку поглотить себя.

Через некоторое время послушник оказался на склоне холма, откуда открывался вид на мерцающий слабыми огоньками Хайм, и уселся прямо на каменистую землю, поплотнее запахнув плащ. Он попытался медитировать, но из этого ничего не получалось. Просветление не приходит в смятенную душу. И послушник зашептал молитву, прося у Эню помощи и наставления.

Зачем богиня поставила своего слугу на путь, где он стал союзником порченых, если все отклонения — зло? В душе накопилось слишком много сомнений и оставшихся без ответа вопросов. Его опять заставили искать цель, которая еще вчера была ясна и понятна. И как вера может быть настолько противоречивой?

«Это — мое наказание, — думал Тэйн. — И я должен терпеливо переносить его».

Так и должно быть. В этом и крылся ответ. Пытка неопределенностью была лишь частью его покаяния. Он должен принять ее с радостью, не роптать, поступать так, как считает правильным, и нести бремя ответственности.

«Так угодно богам, — снова и снова шептал Тэйн. — Им я обязан жизнью».

Эту фразу юноша повторял с тех пор, как ему исполнилось шестнадцать лет, и он убил своего отца.

У Тэйна не осталось ясных воспоминаний о своем детстве до восьми или девяти лет, кроме вселяющей ужас темной фигуры, тяжелая поступь которой крошила сохранившиеся впечатления, и давящей неизбежности боли, следовавшей за ее появлением. Боль была неотъемлемой частью детства, такой же, как радость, голод, победа или огорчение. Боль приходила к маленькому Тэйну ежедневно. Иногда с оплеухой, когда он ел перловую кашу, или пинком за совершенную или предполагаемую пропажу.

Его отец, Эрий ту Джерибос являлся членом совета Амады, городишко, затерянного в глубине леса Юна. Занятие политической подогревало честолюбие, к тому же Эрий был проницателен и достаточно умен, чтобы добиваться успеха. Но другие качества не способствовали сближению с людьми.

Отец Тэйна был набожен, и никто не мог упрекнуть его за это. Но чрезмерно строгие убеждения не поощрялись другими членами совета. Он проповедовал чрезвычайно строгие жизненные заповеди, и коллеги боялись наделять его большей властью, чтобы не оказаться в зависимом положении. Это всегда расстраивало Эрия, и он замыкался в себе, все более укрепляясь в вере в свою правоту.

Но кроме чрезмерного благочестия было и еще одно качество, скрываемое отцом Тэйна в глубоких тайниках души. Он был жестоким человеком, и, хотя всячески старался сдерживаться, это чувствовалось и отдаляло от него людей. Возможно, что-то проскальзывало в мутных невыразительных глазах, или интонациях голоса, или движениях худого, изможденного, сутулого тела.

Отец начал брать Тэйна на охоту, когда мальчику исполнилось десять лет. Он был старательным учеником и с удовольствием постигал азы мастерства, радуясь тому, что занимается делом, которое так нравится строгому родителю. И если малыш замечал, как вспыхивали глаза Эрия при виде кролика, мечуще-

гося в ловушке или раненой дробью птицы, то считал, что отец, как и все охотники, счастлив, и старался оставить его одного.

Тэйну исполнилось двенадцать, когда он натолкнулся на отца, достававшего из ловушки небольшую дикую собаку, которые водились на севере леса Юна. Внимание мальчика привлекло приглушенное повизгивание. Животное было еще живо, и Эрий растягивал его, привязывая за лапы веревкой к деревьям. Только духи знали, зачем ему это понадобилось. Затем он обвязал пасть собаки тонким шнурком.

Тэйн стоял в стороне и наблюдал, как отец медленно и осторожно разделяет ножом слои кожи и подкожного жира, отодвигая кровавую створку, чтобы выставить наружу блестящие розовые мускулы. В течение получаса мальчик неподвижно стоял в кустарнике. Но отец не видел сына, увлеченно снимая с животного слой за слоем, очищая его словно апельсин, пока не дошел до сердца несчастной собаки, бившегося в ужасе между оголенными ребрами. Тэйн перевел глаза с животного на лицо Эрия и обратно и тогда впервые понял, что его отец — чудовище.

Мать мальчика, Кенда, была маленькой и застенчивой женщиной, серой и тихой словно мышка. Тэйн только потом понял, что такой ее сделал брак с его отцом. Но жестокость Эрия никогда не распространялась на жену, и он не бил ее, как сына. Чаще всего отец кричал на бедняжку, и она старалась спрятаться, словно землеройка. Кенда отсиживалась в каком-нибудь укромном месте, стараясь не попадаться мужу на глаза, чтобы не навлечь на себя его гнев. Тэйн плохо помнил мать. Она так и осталась в его воспоминаниях прислугой, вечно что-то скребущей, моющей, чистящей.

Кенда родила от Эрия двух детей. Каждый едва не стоил женщине жизни, беременность и роды протекали очень тяжело. Но Тэйн сомневался, что мать когда-нибудь думала о себе и своем здоровье. Сестра Тэйна, Исия, была младше брата на шесть лет, и мальчик просто обожал ее. Девочка росла ласковой и веселой, с чистой трепетной душой и с любовью относилась ко всему, что ее окружало.

Исия, в отличие от брата, была счастливым ребенком. Мечтательная девочка с воображением и безграничной фантазией, пла-

чущая над выпавшим из гнезда птенцом или смеющаяся и танцуя, когда шел дождь. Тэйн завидовал ее страсти к жизни, беззаботной радости и старался держаться поближе, впитывая тепло, исходящее от нее. Весь мир казался лучше оттого, что Исия была рядом. Как и все дети, девочка падала и набивала синяки, но Тэйн всегда оказывался около сестры и умело перевязывал кровоточащее колено и вытирая слезы. Именно стремясь облегчить ее боль, мальчик начал изучать заживляющие свойства трав, прикладывая их и на свои ушибы.

Со своей стороны Исия обожала старшего брата. Но девочка любила всех и каждого, даже строгого отца, который не проявлял при малышке своих жестоких наклонностей. Эрий никогда не наказывал сына в присутствии дочери, чтобы не лишиться ее привязанности.

Исия была единственным светлым пятном в жизни Тэйна. Похоже, отец почувствовал отвращение сына к себе после того случая в лесу. Эти догадки вместе с нарастающими разногласиями с членами совета привели к тому, что Эрий стал избивать мальчика все чаще и сильнее, не прощая ни малейшей провинности. Отец заставлял Тэйна учить наизусть целые главы истории Сарамира, а затем пересказывать их. И если тот где-то ошибался, то подвергался немедленному жестокому избиению.

Тэйн спасался от насилия в лесу. Он уходил туда на несколько дней, постигая искусство охоты и выживания в дикой местности. Все чаще ему хотелось оставить семью и остаться жить здесь, в окружении животных и деревьев, где никто не был так жесток, как тот тощий, страшный человек, который поджидал его дома. Но Тэйн всегда возвращался, помня про Исию.

Это случилось, когда ему исполнилось шестнадцать лет.

В течение недели юноша не появлялся дома, рыская по берегам реки и в скалистых укромных уголках в поисках редкого кустарника под названием иристисима. Корни этого растения обладали мощным жаропонижающим свойством, и их использовали, чтобы снять лихорадку. К этому времени Тэйн учил в библиотеке не только бесполезную историю Сарамира, но и ботанику, от которой получал удовольствие. Исия скучала по нему,

а он убеждал себя, что сестра уже не слишком нуждается в постоянном присутствии старшего брата, поскольку обрела в городе друзей, настоящих, а не просто знакомых, как у Тэйна. Юноша так и не обзавелся приятелями, потому что постоянно был вынужден скрывать свои побои, прикидываясь больным.

Подойдя к дому, Тэйн, прежде чем войти, посидел в тени дубов, прислонившись спиной к большому камню. День был жарким и душным, и рубашка промокла от пота. Затем, опираясь на ружье, как на посох, чего отец никогда не разрешал ему делать, шагнул в дверь и огляделся. Тишина в доме обычно свидетельствовала, что Эрий далеко. Но на этот раз сердце заколотилось от недоброго предчувствия.

— Мама, — позвал он, прислонив винтовку к крыльцу. Испуганное лицо появилось в дверях кухни, а затем вновь исчезло.

Тэйн почувствовал, как внутри все похолодело. Юноша стремительно, не постучав, распахнул дверь в комнату Исии.

Девочка сжалась комочком в углу простой деревянной крошки, спутанные длинные волосы закрывали распухшее от слез лицо. В следующий момент Тэйн понял, осознал, что случилось. Именно этого он подсознательно опасался все время.

Как во сне, он пересек комнату и встал на колени перед сестрой. Девочка бросилась в его объятья и прижалась так крепко и отчаянно, словно брат мог успокоить ее боль, как делал прежде. Вены на шее юноши пульсировали, пока Исия рыдала на его плече. Взгляд Тэйна упал на темные пятна крови на простыне, на синяки на тонких запястьях, оставшиеся от пальцев Эрия, когда он удерживал дочь. Подол желто-шабранового платья стал рыже-коричневым в том месте, где девочка сжимала его коленями.

Приготовив успокаивающий отвар из шлемника и валерианы, Тэйн дал его Исии и укачивал сестренку на руках до тех пор, пока она не уснула. Только потом он ушел в лес и не возвращался до следующего утра.

К тому времени, как он вернулся, отец уже пришел домой и теперь сидел за круглым столом в кухне. Тэйн заглянул в комнату сестры, чтобы проводить Исию, но она еще спала. Он спустился в кухню, сел напротив Эрия и поставил на стол наполовину

пустую бутылку вина. Отец наблюдал за действиями сына с каменным выражением лица, словно все шло как обычно, и он не разрушил только что самое драгоценное, навсегда сломав хрупкую невинность создания, объединявшего их семью.

— Где ты взял бутылку? — спросил отец низким и хриплым голосом, что предвещало близкую беду.

— В твоем шкафу. — Тэйн больше его не боялся.

Кенда, склонившаяся у печи, попыталась незаметно улизнуть, почувствовав надвигающийся скандал.

— Принеси нам две кружки, мать, — остановил ее Тэйн.

Женщина замерла. Сын еще никогда не приказывал ей. Кенда вопросительно посмотрела на мужа. Тот утвердительно кивнул, и женщина принесла кружки. После чего поспешно вышла из кухни.

— Ты пьян.

— Верно, — согласился Тэйн, разливая вино.

Эрий пил редко и в таких случаях всегда становился спокойным, как абаксия, тихий дух гор.

Отец пристально смотрел на сына. Обычно их разговоры заканчивались тем, что Тэйн катался по полу, стараясь закрыться от ударов кулаков или пряжки ремня. Но сейчас Эрий почувствовал, что зашел слишком далеко, пересек некую невидимую линию. И к тому же Тэйн стал достаточно силен и мог противостоять ему. Сын вел себя дерзко, вызывающе и смотрел на родителя таким взглядом, какого Эрий никогда прежде не видел. В глазах Тэйна была пустота, словно все живое в них умерло. Впервые в жизни отец почувствовал, что боится отпрysка.

— Чего ты от меня хочешь? — осторожно спросил Эрий.

— Мы с тобой сначала выпьем. — Тэйн подтолкнул к нему кружку. — А потом поговорим.

— Ты не будешь указывать, что мне делать, — возмутился Эрий, приподнимаясь.

— Сядь! — Тэйн стукнул кулаком по столу. Отец замер. Сын впился в него ненавидящим взглядом. — Ты сядешь и возьмешь кружку. Или, боги — свидетели моим словам, пожалеешь, что не послушался.

Эрий сел, поняв, что уже не властен над сыном. За долгие годы он привык к беспрекословному выполнению своих приказов, желаний и прихотей и теперь просто не знал, как вести себя с новым Тэйном. Руки его задрожали, когда сын небрежно откинулся назад волосы со лба — тогда он еще не брился наголо.

— Тост. — Тэйн поднял кружку. Задрожав, Эрий последовал его примеру. — За семью.

С этими словами он одним глотком выпил свое вино. Отец сделал то же самое.

— Исиya была всем для меня, отец, — горько произнес Тэйн. — Единственное хорошее, что ты сделал в своей жизни. И сам же разрушил.

Эрий опустил глаза в пол, чтобы не смотреть на сына.

— Почему? — прошептал Тэйн.

Отец долго не отвечал, но юноша ждал.

— Потому что тебя не было, — спокойно сознался Эрий.

Тэйн горько засмеялся.

Отец с недоумением посмотрел на него.

— Что ты собираешься делать?

Тэйн постучал ногтем по бутылке.

— Я уже все сделал.

Отец открыл рот, чтобы что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Выражение ужаса, появившееся на лице Эрия, порадовало исстрадавшуюся душу Тэйна.

— Корень древесной сultаны, — пояснил он. — Вначале парализует твои голосовые связки, затем высосет силу из конечностей. После этого примется за твои внутренности. В книгах написано, что человек умирает за пятнадцать минут. А самое лучшее, что следы яда невозможно обнаружить. Все выглядит как простая остановка сердца.

— Ты... но ты пил... — Эрий задыхался. Он уже чувствовал, как немеет горло и раздувается горталь.

— Это растение — настоящий клад. — Под влиянием вина Тэйн разговорился. — Листья и стебли служат противоядием от яда, вырабатываемого в корнях. — Открыв рот, юноша показал комок зеленого месива, который держал под языком, и проглотил его.

Отец попытался что-то сказать, может быть, попросить, но соскользнул со стула и повалился на пол. Тэйн присел возле него, наблюдая за конвульсиями. Глаза умирающего бешено вращались, из них катились слезы. Юноша слушал хрип и стоны, которые Эрию удавалось выдавить из себя.

— Посмотри, что ты сделал со мной, отец, — прошептал Тэйн. — Теперь я стал убийцей.

Перед уходом юноша забрал с собой кружки и бутылку. Они были единственными уликами, которые могли свидетельствовать о его виновности. Тэйн не верил, что его обвинят в убийстве. У матери не хватит смелости начать разбирательство. Он уходил в лес, слыша за спиной ее крики, которые усилились, когда женщина поняла, что супруг мертв.

В тот день Тэйн бродил по лесу, обезумев от печали и ненависти к себе. Юноша не представлял, как они теперь будут жить, что с ними станет. Наверняка он знал только, что будет заботиться об Исии, защищать ее и никогда не позволит никому причинить ей зла. Тэйн надеялся, что сестра сможет оправиться от пережитого и вновь станет той милой девочкой, которую он так любил.

Тэйн возвратился домой ночью. Тело отца все еще лежало на полу в кухне. Ни матери, ни Исии нигде не было видно. Вначале его охватила паника, но чуть позже здравый смысл взял верх, и он успокоился. Вероятно, мать и сестра ушли к знакомым, или мать повезла Исию к врачу. Тэйн вытащил тело из дома и захоронил в лесу, а затем стал ждать их возвращения.

Через неделю он понял, что они не вернутся. Юноша недооценил мать. Возможно, женщину подтолкнули к бегству страх перед столкновением с внешним миром и необходимость самостоятельно, без мужа принимать решения. А может, Кенда действительно возненавидела сына за то, что он сделал. Или просто сильно испугалась, что юноша вернется и убьет их, так же как и отца.

Кто знает. Мать ушла и забрала с собой дочь. Он потерял самое дорогое существо, ту единственную, о которой хотел заботиться и которую хотел защищать. Теперь у него никого не осталось.

Он был одинок.

***

На рассвете Тэйн возвратился на постоянный двор, чтобы собрать пожитки. Он не стал входить в комнату Азары. Видеть ее сейчас не хотелось. Слишком о многом нужно было подумать. Слишком много накопилось вопросов, на которые следовало найти ответы. Тэйн не мог сделать это здесь, в Хайме. Азара останется и дождется Кайку. По крайней мере это он мог ей доверить.

Тэйн собрал вещи и уже собирался уходить, когда увидел на деревянной кровати записку, написанную бегущим почерком Азары. Нерешительно покрутив кусочек бумаги в руках, послушник поднес его к глазам.

Если хочешь во всем разобраться, отнеси эту записку в храм Паназу в Аксеками. Скажи тем, кто тебя встретит, что хочешь попасть в Провал. Они поймут.

Тэйн нахмурился, положил записку в карман и вышел. Караван торговцев уходил на юг с рассветом. Он намеревался отправиться с ними.

Глава 22

Снег скрипел под тяжелыми ботинками, когда она прокладывала себе путь на запад через высокие пики гор. Издалека девушка напоминала меховой холм. Широкий капюшон шлепал по гладкой красно-черной маске, постоянно съезжая на глаза. Кайку шла, опираясь на посох, ружье болталось за спиной.

О боги. Когда же это закончится?

Последние продукты, доставшиеся от ткача, Кайку доела еще накануне и теперь чувствовала слабость от голода. Внутренний голос торопил, и она шла всю ночь и весь день, не останавливаясь на отдых, доедая остатки провизии на ходу. Тот же голос сказал, что горы скоро откроют ей свою тайну, и девушка всего лишь в ночи пути от монастыря. Наступил полдень следующего дня, но голос молчал.

Она оперлась на посох и несколько секунд стояла неподвижно, отдыхая. Глубокий снег не позволял рассчитывать до-

быть что-нибудь съедобное. Ее окружала голая, белая пустошь. Безмолвную тишину нарушало лишь редкое карканье хрящеворонов да завывание неведомых зверей. Ей ничего не оставалось, как идти вперед.

Маска мягко прилегала к коже, словно ее изготовили по лекалу, снятыму с лица Кайку. А ведь она боялась надевать ее в первый раз. Боялась безумия. Боялась, что, надев однажды, уже не сможет больше снять. Теперь все эти страхи казались смешными. Ничего не произошло. Надев маску, она обрела надежду выжить в этом ужасном месте. Она доверились черно-красному лицу и чувствовала себя в нем уютно. Но свойства маски до сих пор никак не проявились, и вера Кайку в ее чудодейственную силу начинала ослабевать. И только посреди этой снежной пустыни впервые за много дней она опять обрела надежду.

Девушка подняла голову и увидела ущелье. Она не знала, почему, но место показалось странно знакомым.

Кайку остановилась на снежном выступе. С каждой минутой уверенность в том, что она была здесь прежде, крепла. Но когда она могла видеть этот пейзаж? На противоположной стороне ущелья начиналась тропа, которая вела между двумя горными вершинами. Кайку совершенно точно знала, что отыщет проход, хотя ни разу не проходила этим путем.

И она действительно нашла тропу там, где и предполагала.

День еще не закончился, а девушка находила все новые ориентиры. Она узнала огромное, искривленное дерево, выставившее из-под снега ветки, похожие на согнутые пальцы; плоскую, гладкую ледяную равнину, которую можно было пройти только по черному скалистому хребту, тянущемуся через ее середину; вершину горы, расколотую на три части. Каждый ориентир вызывал воспоминания, принадлежавшие не ей, а одному из предыдущих владельцев маски, воспоминания, которые каким-то непостижимым способом впитались в деревянные волокна.

Она подумала об отце, и слезы навернулись на глаза. Ка-залось, дерево пропиталось запахом Руйто: уютным мускусным запахом старых книг и отеческой привязанности, знакомым с самого детства, с тех времен, как Кайку ребенком забиралась

отцу на колени и засыпала, уткнувшись ему в грудь. Она ощущала его призрачное, ускользающее, но все же уловимое присутствие в своем сознании и вновь почувствовала себя маленькой.

На следующий день, едва держась на ногах от голода, Кайку столкнулась со странным явлением. Проходя мимо выпуклой скалы, она заметила в снежной пустыне насекомое и почувствовала, как маска внезапно потеплела. Ей стало вдруг необыкновенно легко. Она продолжила идти вперед, и маска нагревалась все сильнее. Девушка попробовала повернуть назад, но тут же, к ее удивлению, тепло пропало.

«Впереди что-то есть», — подумала она.

Ей ничего не оставалось, как шагать дальше. Кайку медленно продвигалась вперед, чувствуя перед собой присутствие чего-то огромного и невидимого. На всякий случай девушка вытянула вперед руку, опасаясь натолкнуться на препятствие, хотя все пять чувств убеждали, что здесь ничего нет.

Но рука ощутила барьер, и Кайку открылся мерцающий тканый рисунок.

От увиденного перехватило дыхание. Широкая полоса золотых нитей простиралась от горизонта до горизонта. Это походило на полотно: соединенные завитки и петли, повторяющиеся, выворачивающиеся наизнанку, поглощающие друг друга и тут же восстанавливющиеся. Сияющие нити рисунка переплетались суматошно и беспорядочно, как будто мир поймали в сеть. Препятствие повторяло все контуры рельефа, постоянно выдерживая одну и ту же высоту, примерно шесть метров, и глубину, около шести. Почему-то Кайку была уверена, что Узор возник не вследствие катастрофы или шутки природы. Этот барьер разместили здесь намеренно. Те, кто его соткал, знали, как управлять миром, так чтобы люди ничего не замечали, и сделали это очень умело.

Затаив дыхание, девушка отдернула руку назад, и барьер исчез. Маска тут же отреагировала, и у нее закружилась голова. В этот момент Кайку поняла, как монастырь мог оставаться скрытым от глаз непосвященных. Барьер воздействовал на не-

зашитенное сознание, сбивал его с пути. Только с помощью маски можно было надеяться преодолеть преграду.

Уже более уверенно Кайку вновь поднесла руку к барьера. Небольшое усилие, и волокна разошлись, пропуская девушку внутрь. Кайку закрыла глаза, вздохнула, прошептала коротень-кую молитву богам, а затем ступила внутрь рисунка.

Волокна окружили девушку, обволакивая мягко, то силь-нее, то слабее. Кайку почувствовала, что стоит только отиться этому морю, и больше не будет никаких забот. Но однажды ей уже довелось испытать нечто подобное. В тот день она умерла. Кайку понимала, что не сможет вернуться, если не сумеет про-тивостоять нахлынувшему чувству.

Девушка вспомнила, как ей привиделся сотканный рисунок, неподвластный взгляду обычного человека, когда внутри нее полыхал огонь. Она испугалась видения, и именно этот страх удержал ее, привязал к реальности. Но теперь Кайку пошла вперед через иллюзорный рай и прорвалась к неприятному, рез-кому свету с другой стороны.

Ощущение было таким, как будто у нее отняли что-то цен-ное, дорогое или ее предал любимый человек. Кайку оберну-лась, но барьер вновь стал невидимым. На мгновение захотелось вернуться, погрузиться в мягкий свет, забыть об ощущении хо-лода и голода, но она пересилила себя и двинулась вперед. Маска тут же похолодела.

За время странствий Кайку приобрела привычку разгова-ривать сама с собой вслух. Большинство ее монологов были слу-чайны и бессмысленны. Иногда она разговаривала с отцом или братом, как будто они находились рядом. Иногда воображала, что возле нее идет огромный кабан, и присутствие животного помогало и успокаивало.

Усталость и голод вызывали видения, и они быстро завла-дели ослабленным сознанием и поселились в нем. Но именно фантазии поддерживали Кайку, помогая преодолевать все пре-пятствия.

Впервые девушка заметила убежище ткачей еще на перева-ле. День стоял ясный, а в воспаленном мозгу билось лишь одно

желание: найти монастырь. Здание почти сливалось с каменным склоном. Кайку находилась от него в миle или двух. С того места, где она стояла, было сложно разобрать детали. Единственное, что удалось рассмотреть, это узкий каменный мост, который дугой шел от входа до другой стороны глубокого ущелья. Кайку благоразумно предположила, что нужно идти по нему, если она хочет войти в монастырь.

Потребовался целый день, чтобы найти проход к монастырю. Он представлял собой широкую крутую лестницу, вырезанную прямо в горе. Ее размеры вызвали у Кайку страх. Ступени были вырезаны столетия назад, их края истерлись и выкрошились. Если ткачи действительно жили наверху, то они, должно быть, захватили монастырь, а не построили его. Эта лестница была намного старше самих ткачей. Погребенные под снегом статуи охраняли каменные ступени. Но когда Кайку очистила их, то увидела, что лики уже давно поросли мхом, пострадали от дождя и воды. По-видимому, бесконечная лестница вытянула остатки сил, и девушка дремала на ходу, поднимаясь вверх.

Изменение ритма шагов вывело ее из дремоты, и Кайку увидела, что находится на узкой тропинке, которая сворачивала к горам. Несколько каменных строений связывались друг с другом извилистыми дорожками. Жильеказалось старым и заброшенным, ставни выждающие скрипели на холодном ветру. Приземистые и неказистые домишкi, такие же, как и в Хайме, казались не слишком ветхими. Чуть дальше Кайку увидела каменный мост, словно выраставший над снежной бездной. Нигде не наблюдалось даже признака жизни.

К этому времени голод почти лишил ее сил. Кайку чувствовала, что еще немного, и она уже не сможет сделать ни единого шага. Шатаясь и спотыкаясь, она добралась до ближайшего дома и, толкнув приоткрытую створку ворот, вошла внутрь. Огляdevшись, девушка обнаружила, что оказалась в курятнике, правда уже давно опустевшем. В загончиках для цыплят еще оставалось заплесневевшее сено. И Кайку, собрав его в один угол, немедленно уснула.

***

Ее грубо вырвали из сна голодные колики в животе. Она пребуждалась с трудом, то и дело вновь проваливаясь в дрему, но спазмы не давали заснуть. Кайку долго лежала с закрытыми глазами, пока шарканье чьих-то ног по засыпанному сеном полу не отдалось болезненным уколом в сердце, заставив его колотиться от страха.

Кто-то склонился над ней. На мгновение Кайку показалось, что это призрак человека, убитого в пещере. Но открыв глаза, она, к своему огромному облегчению, поняла, что ошиблась. Плащ был сшит совсем из другого меха, а маска, смотревшая на нее, оказалась темно-синего цвета и деревянной. Кайку видела над собой круглое лицо дурачка с отвисшей нижней губой и широко раскрытыми от удивления темными глазами. Девушка попытала отползти назад, но уперлась спиной в каменную стену. Ружье лежало поблизости, но она не могла незаметно подтянуть оружие к себе.

Круглое лицо наклонилось над ней так низко, что девушка увидела выбритую макушку прямо перед своими глазами. Так дикое животное обнюхивает свою жертву, решая, можно ее съесть или нет. Кайку замерла.

Без единого звука круглое синее лицо отодвинулось и, казалось, потеряло к ней всякий интерес. Ткач выбрался из загончика и какое-то время еще рассматривал валявшуюся в курятнике утварь. Затем вышел, закрыв за собой ворота.

Сердце болезненно сжалось. Что это могло означать? Блуждая в горах, девушка ни разу не задумалась, что плащ мертвца, который она надела на себя, может сыграть с ней зловещую шутку. Теперь Кайку подозревала, что совершила непростительную оплошность. Что, если ткачи распознавали друг друга не только по маскам, но и по одежде? Что, если ткач, носивший эту красно-черную маску, хорошо известен? Отец Кайку, возможно, убил его, так же как она сама убила ткача в пещере. Если они обнаружат, что тот, кто носит измазанное кровью одеяние и красно-черный ухмыляющийся лик, не тот, кто...

Ее словно ударило громом. Это казалось настолько очевидным, что упустить из виду такой факт можно было только в

бреду. Ткачами становились исключительно мужчины. Ни одна женщина не допускалась в их братство. Конечно, изящность ее фигуры уродовала тяжелая, грубая одежда, выпуклости грудей скрыла сутулость, но если бы Кайку заговорила, то была бы тут же обнаружена.

Паника захлестнула ее и заставила вскочить. Подхватив винтовку, она поспешила к выходу курятника. Приоткрыв немного ворота, девушка с замиранием сердца выглянула наружу, боясь увидеть, как круглолицый ткач бежит к монастырю, чтобы поднять тревогу, но заметила лишь бредущую совсем в другую сторону фигуру, лениво спихивающую с дорожки мусор или рассматривающую камни.

Кайку осторожно вышла. Наступило утро, мучительно холодное и сырое. Запорошенные снегом края ущелья скрывал белый туман, выбирающийся из глубоких впадин. От этого казалось, что мост висит в воздухе над пропастью.

Кайку посмотрела на вход в монастырь. И внезапно испугалась. На что она надеялась, поднимаясь сюда? Почему пре-небрегла опасностью? Почему не повернула назад?

Острая боль в животе вернула ее в реальность. Она не могла позволить себе длительных раздумий, а уж о возвращении нечего было и мечтать. Это означало бы мучительную смерть от голода.

Кайку осторожно осмотрелась в поисках сторожей, старательно избегая встречи с круглолицым, убедилась, что все зданияпустуют, и двинулась по узкому каменному мосту к монастырю, согнувшись, словно стариk, и надеясь, что никто не подвергнет сомнению ее маскировку.

Фасад монастыря был строг и прост. Большие столбы держали покатую крышу, а ниже склонились четыре огромных статуи, четыре существа, похожие на людей, но в чешуе и с клыками. Приблизившись, Кайку увидела, что столбы испещрены тысячами крошечных, запутанных пиктограмм. Статуи сильно отличались от тех, что девушка рассматривала накануне на лестнице. Эти были вырезаны очень тщательно и как будто дышали. Тяжелые каменные ворота, ведущие в монастырь, оказались открытыми.

Кайку заколебалась. Глаза статуй словно прожигали насквозь, вызывая на коже противный зуд. Она оглянулась и увидела, что с другой стороны ущелья за ней наблюдает человек в круглой маске. Страх перед возможным разоблачением возвратился, но повернуть назад она не могла. Собравшись с духом, девушка шагнула вперед, в каменное горло монастыря.

Коридор, в котором она оказалась, не освещался. Кайку заметила в стенах отверстия для факелов, но в них ничего не было. В утреннем свете, проникающем через дверной проем, она видела с обеих сторон очертания безобразных тварей, тянувшихся к ней лапами или приготовившихся к прыжку. Дальше все скрывала темнота. Девушка двинулась вперед; тень бежала чуть сбоку, пока не растворилась в черноте коридора.

Глаза медленно привыкали к сумраку, но Кайку все равно шла вперед, постукивая перед собой посохом. Коридор показался таким же необитаемым, как и постройки за мостом, однако девушка понимала, что в любой момент может появиться кто-нибудь из ткачей. От этой мысли ей снова стало страшно, но голод гнал дальше.

Впереди мелькнул отблеск пламени, и она поняла, что кто-то движется навстречу. Девушка остановилась на верхней ступени лестницы, прислонившись к каменной стене, чтобы не упасть. Мерцающий факел приближался, и, наконец, Кайку смогла рассмотреть человека в пестром тряпье и в маске из покривевшей кости, изображавшей усмехающийся череп.

Ткач поднялся вверх и остановился несколькими ступеньками ниже. Она ссгутилась, чтобы скрыть в складках одежды округлые очертания фигуры. Сердце бешено заколотилось, угрожая вырваться из груди. Ткач внимательно рассматривал ее. Может, ждал, пока Кайку заговорит? Но девушка не могла открыть рот, не выдав себя. Короткая пауза показалась вечностью. Ткач что-то пробормотал, вручил Кайку свой факел и прошел мимо, уверенно ориентируясь в темноте. Она с облегчением вздохнула.

Ступени привели к развилке. Здесь из стен кое-где торчали факелы. Поколебавшись, девушка двинулась дальше. Чадя-

щий огонь отбрасывал теплый красноватый свет, разгоняя темноту. Кайку с любопытством озиралась по сторонам.

Стены, потолок и пол были сложены из массивных кирпичей песочного цвета. Внутреннее убранство не отличалось большой изысканностью, а немногие предметы обстановки расставлены случайно: здесь — пустая ниша, там — негромко развешанные на веревочках и негромко позвякивающие талисманы. Время от времени попадались крошечные резные идолы на полках. Иногда девушка замечала на стенах куски грубой ткани с какими-то неведомыми надписями.

Кайку силилась и не могла понять, по какому принципу это расставлялось и разевшивалось. Будто кто-то собрал осколки различных религий вместе: идолов из дальних стран, кукол язычников из джунглей Охамбы, резные статуэтки древних уголов, изображения богов пантеона Сарамира, включая и тех, имена которых давно всеми забыты. В одном месте девушка увидела высеченный фонтан — правда, высохший, — выполненный в классическом стиле, характерном для раннего периода Сарамирской империи.

Проходы раздваивались, а иногда от одного отходили сразу четыре. И вскоре Кайку безнадежно затерялась в подземном лабиринте монастыря. Она осматривала комнату за комнатой, приходя к заключению, что их устройством занимался какой-то сумасброд, не имевший ни плана, ни руководства. Девушка несколько раз проходила мимо других скрывающихся за масками ткачей, но они не обращали на нее внимания, и Кайку начала понемногу успокаиваться, убеждаясь, что маскировка хорошо скрывает ее пол.

После нескольких часов ходьбы по темным проходам и туннелям девушка натолкнулась на место, которое определила как некое подобие тюрьмы. По обеим сторонам неосвещенного коридора раздавалось шуршание и скребущие звуки.

Любопытство победило здравый смысл, и Кайку, крадучись, двинулась вперед, но как только ступила внутрь, воцарилась полная тишина. Даже шуршание прекратилось. Факел освещал только зарешеченные двери, оставляя в темноте тех, кто находился внутри.

Каких заключенных держали здесь ткачи?

Какое-то время она стояла в нерешительности, затем нерешительно шагнула к одной из ячеек, удерживая перед собой факел. Что-то жалось к стене за решеткой, какая-то тень...

Существо стремительно метнулось вперед и, врезавшись в решетку, просунуло в коридор когтистую лапу. Кайку пронзительно вскрикнула и отпрянула назад. Факел выпал из трясущейся руки и покатился к зарешеченной двери, осветив беснующуюся тварь.

Порченый. Девушка не раз видела ему подобных в горах, но те не наводили на нее такого ужаса. Это была бесформенная мерзкая куча, состоявшая из мускулов и зубов. Существо имело четыре лапы, но все различных размеров, от совсем тонкой, почти высохшей, до огромной, распухшей. Единственный глаз злобно моргал на почерневшем, отощавшем лице — или морде? — а ниже начиналась внушающая ужас путаница из недоразвитых конечностей и щупальца, закрученных вокруг друг друга. Вдоль спинного хребта торчали плавники.

— ...у-убью тееебя... — пробулькало существо на сарацинском языке, и сердце Кайку заледенело.

И внезапно из темноты, отовсюду, из каждой клетки, послышались ужасные звуки. Рев и блеяние, в которых проскальзывали искаженные слова просьб, проклятий, угроз и даже что-то похожее на плач. Кайку в страхе выскочила, подхватив факел. Но ее взгляд был прикован к чудовищу, которое заговорило первым. Оно медленно отступило вглубь, растворяясь в темноте, и оттуда произнесло еще несколько слов.

— ...посмотри-и-и, ч-ч-то сде-е-е-лали с-с-с нами-и-и...

Кайку со всех ног бросилась прочь. Она бежала, не останавливаясь, пока странные голоса не стихли, и только тогда в изнеможении прислонилась к стене, задыхаясь, чувствуя рвущееся наружу сердце. Нападение существа ошеломило ее, но то, что оно заговорило, его слова... Нет, ее рассудок просто не мог это вынести.

Порченые здесь, в обители ткачей? Причем взрослые. Разумные, сознающие себя, посаженные за решетку? Что это могло означать?

Стараясь отвлечь себя от тягостных раздумий, девушка устремилась вперед, окончательно утратив представление о том, где находится. Еще совсем недавно Кайку, с трудом передвигая ноги, тащилась по лабиринтам подземелей. Но пережитое в тюрьме монастыря потрясение заставило забыть о чувстве голода. Теперь она почти бежала, движимая желанием убраться как можно дальше от страшного места.

Через некоторое время Кайку услышала впереди приглушенный шум. Она уже долго шла неосвещенными коридорами и, не встретив никого по пути, решила, что забрела в сторону от тех переходов, которыми пользуются обитатели монастыря. Кайку собиралась возвратиться туда, где была возможность добыть хоть какую-нибудь еду. Но шум подстегивал любопытство, и девушка решила узнать его источник.

В конце туннеля мерцал свет, притягивая ее, как пламя неосторожного мотылька, и она заглянула в узкую щель в стене коридора, выходившую на широкий выступ под потолком огромного зала. Гул шел снизу.

Выступ закрывал от взгляда происходящее в зале, поэтому Кайку, извиваясь, словно червяк, протиснулась в щель и заползла на выступ.

Зал был украшен куда богаче, чем все то, что она видела здесь до сих пор. Каменное великолепие подчеркивали стены песочного цвета с витыми столбами и изогнутые в арки над гравированными золотом воротами. Выступ, на котором лежала девушка, располагался под самым потолком. В нишах напротив стояли фигуры огромных горгулий. Они искося смотрели на сородичей меньшего размера, сидевших ярусом ниже. В дальнем конце зала располагалась громадная статуя. Фигура, сидевшая на корточках и упирающаяся плечами в потолок, достигала пятидесяти футов в высоту. Все остальные каменные существа поражали воображение и повергали в трепет: безглазые монстры с зияющими утробами. Их размеры, казалось, бросали вызов здравому смыслу. Мерцающий свет, шедший снизу, делал статую еще более отвратительными.

Но внимание Кайку привлекло то, что находилось в центре зала. Источником света оказалась массивная скала, примерно

сорока футов в ширину и двадцати в высоту. Она не походила ни на один утес, какой Кайку когда-либо видела.

Очертания скалы казались совершенно асимметричными, словно она выросла, как растение или коралловый риф, укоренившись в полу и поднявшись к потолку. От скалы исходил странный, неестественный свет. Кайку прищурала глаза под маской, почувствовав тошноту и боль в животе.

«Я знаю, что это, — подумала девушка, чувствуя, как память маски проникла в ее сознание. — Это — колдовской камень».

Она пристально вглядывалась в источник власти ткачей, в их наиболее тщательно охраняемое сокровище.

Скалу окружили двенадцать ткачей, одетых, как и Кайку, в пестрые, лоскутные одежды с необычными масками, закрывающими лица. Присутствовал и тринадцатый. Его обнаженное, худое тело слабо билось, удерживаемое двумя ткачами. Кайку наблюдала, как они затаскивают пленника на площадку на вершине колдовского камня. Девушка догадалась, что произойдет, раньше чем один из палачей вытащил нож и перерезал несчастному горло.

Человек резко упал вперед лицом. Один из ткачей отошел, тогда как другой перевернул тело, разрезал его по всей длине, обнажив внутренности, а затем принялся небрежно вырезать внутренние органы, раскладывая их на скале. Сердце, почки, печень, кишki были изъяты в несколько минут.

Кайку наблюдал за происходящим без особого ужаса. Ее не волновала ни судьба жертвы, ни способ расправы. Но что-то в увиденном смущало. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы понять причину беспокойства.

Не было никакой крови. Конечно, труп истекал кровью, одежда палача и орудие убийства тоже залила кровь. Но скала, где все происходило, оставалась незапятнанной. Сердце, вынутое и отложенное в сторону, лежало совершенно сухое и чистое, словно яблоко. Колдовской камень иссушил его, выпил кровь.

Кайку нахмурилась. В этот момент колдовской камень стал гаснуть, и в зале сгустилась темнота, черная как смоль. Единственный источник света находился внутри скалы. Она вся по-

крылась сетью пылающих линий, похожих на вены. Огромный камень словно стал прозрачным, выставив на обозрение собственные внутренности. Каменное ядро пульсировало подобно человеческому сердцу, проталкивая яркую кровь по сосудам.

О, духи! Колодовской камень. Он живой.

Воспоминания пробудились в ней. И внезапно девушку осенило. Связи, которые она никогда прежде не замечала, стали очевидными. Одно тянуло за собой другое до тех пор, пока круг не замкнулся и Кайку не увидела всю картину целиком, как когда-то ее отец. Она мгновенно поняла, что выяснил Руито ту Макайма, почему он бежал и почему ткачи убили его за эти знания.

Колодовские камни были живыми. И так же как пыль в масках ткачей разрушала и коверкала их тела, так и колдовские камни портили и изменяли землю, в которой лежали.

Стремительно сменяющие друг друга видения хлынули в ее сознание.

Руито, детально изучающий на съемной квартире в Аксаками карту и ворох таблиц и свитков. Проект, над которым отец работал втайне в течение многих лет, сделал его подозрительным. В своем видении Кайку стояла рядом с Руито, когда к нему пришло озарение, хотя на самом деле ее там не было. Все свидетельствовало о том, что порченые рождались в том месте, где присутствовали ткачи. Отец понял, что источник заразы, распространившейся по Сарамиру, находится на территории монастыря ткачей, который строился на колдовских камнях. Как же никто не замечал этого прежде? Сколько людей убито, замучено, заточено в темницу, чтобы тайна не вышла наружу? Но Руито разгадал загадку и решил собрать доказательства. Поэтому отец пробрался сюда, увидел все своими глазами и убежал:

Но ткачи узнали. Каким-то образом они выяснили, что произошло, догадались, что тщательно скрываемая тайна вышла наружу. К тому времени, когда Руито возвратился на материк, им уже донесли. Они не могли позволить ему поделиться открытием со знатью.

Ткачи не позволили отцу покинуть дом, наблюдая за каждым движением, словно стервятники. Возможно, если бы он

сразу отправился в Аксеками и попытался рассказать об увиденном, ткачи убили бы только его. Но Руито вернулся домой, чтобы все обдумать и прийти в себя. И убийцы последовали за ним. И только тогда дали понять, что все кончено.

Отец знал, что его дни сочтены, что он узнал слишком много.

Кайку почувствовала, что ее душат слезы.

Спасения не было, и не было пути назад. Отец понимал, что его убьют и семью тоже, но они, по крайней мере, смогут покинуть этот мир с честью и достоинством вместо того, чтобы погибнуть от грязных тварей, нанятых ткачами. Он не позволил надругаться над своей семьей, не дал вторгнуться в их сознание, не допустил, чтобы над их телами издевались.

Теперь Кайку стало ясно, что не убийца, нанятый ткачами, отравил ужин в тот день, когда она умерла в первый раз. Это сделал ее отец.

Ткачи к тому времени обыскали квартиру в Аксеками и уничтожили все доказательства. А потом наслали на семью Макайма демонов тьмы. Но шин-шины пришли слишком поздно. И только благодаря силе и смелости Азары, один из членов семьи Руито выжил, чтобы поведать обо всем миру.

Глаза наполнились слезами. Она словно переживала то отчаяние и ужас, что испытал отец, задумав страшный план истребления собственной семьи. Неудивительно, что после возвращения из путешествия он был сам не свой. Осознание того, что он навлек беду на родных, сводила Руито с ума.

Ткачи убивали порченых в течение двухсот лет, проповедуя среди народа Сарамира ненависть к ним. Но ими двигали не благие побуждения очищения человечества и не религиозные соображения. Ткачи уничтожали следы собственных преступлений.

Источником власти ткачей был камень, чья ужасная сила заражала землю.

Осознание этого больше всего потрясло Кайку. Истощенная и напуганная, она выскользнула назад через щель в стене. Девушка не знала, как долго бежала, пока не упала в обморок.

Но встретила забвение с благодарностью.

Глава 23

Анаис ту Эринима, императрица Сарамира, стояла на смотровой площадке дворца.

Клубы дыма поднимались вверх с северного берега Керрин, затягивая вечернее небо. Воздух был сухим и горячим, словно в печке для обжига глины. Позади императрицы, на западе, сиял заходящий глаз Нуки, окрашивая горизонт яркими цветами. Ниже, в саду скульптур, причудливые тени падали на дорожки, проходящие между пьедесталами и зелеными лужайками.

Императрица положила тонкие, изящные руки на перила, защищавшие от падения в случае головокружения, и посмотрела вниз. Стражник в бело-синих доспехах, стоявший чуть дальше на посту, притворился, что ничего не замечает.

Больше всего на свете Анаис сейчас хотелось закричать, броситься с высоты и разбиться насмерть. Будет ли это означать конец, достойный песни или поэмы? Если бы поэт Залий был до сих пор жив, он создал бы шедевр, описав острый и неожиданный финал ее правления.

Город разрывало на части. Многие знатные семьи уехали в свои поместья, где собирали армии и выжидали, в какую сторону подует ветер. Двор разбежался. События последних недель усилили влияние ткачей.

Гражданская война была предрешена, и каждая семья рассчитывала, что им удастся отсидеться и пережить конфликт. В душе Анаис знала, что виновник ее несчастий находится во дворце. Это Виррч. Единственный выход, который видела императрица, оставил ее без связи с союзниками, а также и без ткача, который мог бы защитить от врагов. Виррч, возможно, посмел действовать втайне от хозяйки. Но он не мог открыто отказаться защищать Анаис или утаивать поступавшие сообщения. Иначе власть ткачей пошатнется. Если будет доказано, что Виррч замешан в происходящем, знатные семейства примут ответные меры. Но императрица подозревала, что это произойдет не раньше, чем они расправятся с ее ребенком.

Отчаяние каленым железом жгло грудь. Даже предполагаемые союзники были настроены против Анаис. Почему они все такие слепцы? Неужели годы ее правления ничего не значат?

О духи, это же ребенок. Ее единственный ребенок! Люция должна получить трон, она отпрыск рода Эринима!

Но какова цена материнской любви? Сколько людей должно умереть за ее дочь? Скольким предстоит расстаться с жизнью, прежде чем народ Сарамира увидит, что Люция не урод. Она шедевр гармонии и красоты!

Несправедливость существующего мира терзала Анаис. Императрица справлялась с беспорядками, пока обезумевший начальник стражи не разрушил все, арестовав Унгера ту Торрика. А затем, когда Анаис собралась освободить оратора и продемонстрировать людям великолодие их правителя, Унгер был найден мертвым, с размозженной головой. По городу молниеносно распространились слухи о том, что знаменитый Торрик предпочел умереть, не дожидаясь, пока палачи императрицы заставят его отречься от своих слов.

Она знала, что за этим всем стоит Виррч. Но доказательств не было.

— Анаис! — раздался чей-то крик.

Императрица очнулась от плаксивой мечтательности и посмотрела вниз, где ее приветствовал Зан ту Икэти. Женщина помахала в ответ и спустилась к вельможе. Зан встретил ее на ступеньках лестницы. Какое-то время они стояли и смотрели друг на друга. Затем Зан решительно обнял императрицу. Анаис удивилась, но ответила ему тем же.

— Чем обязана такой страсти? — прошептала она.

— Я вижу, что она нужна вам, — шепнул Зан в ответ.

Он разжал объятия, и Анаис устало улыбнулась.

— Неужели это так бросается в глаза?

— Только тем, кто знает вас так же хорошо, как я.

Анаис склонила голову в знак благодарности.

— Давайте прогуляемся, — предложила она.

Императрица взяла Зана под руку, и они направились в сад скульптур.

Статуи во дворце были памятниками старины, оставшимися со времен Тордия ту Винаксия. Только по счастливой случайности император выбрал Аксеками местом хранения своих

сокровищ. Первая столица Сарамира, Гобинда, подверглась стихийному бедствию, а Тордий не хотел, чтобы после его смерти сокровища были утрачены. Второй император оказался слишком чувствительным и творческим человеком, чтобы стать хорошим правителем. И, как гласит история Сарамира, его свергли представители династии Чо.

Одни скульптуры успокаивали Анаис, другие казались интересными, но лишь немногие вдохновляли. Она не была художником по натуре, иначе стала бы слишком чувствительной императрицей.

— События меняются в худшую сторону, Зан, — вздохнула Анаис, проходя мимо изящной фигурки из кости. — Люди становятся неуправляемыми. Императорская стража уже не может меня защитить, ее присутствие только раздражает народ еще больше. Каждый новый бунт рождает еще два. Квартал бедняков объят пожарами. Проклятые последователи Унгера ту Торрика разрушают мой город. — Ее глаза потемнели. — События складываются не в нашу пользу.

— Мое сообщение не поднимет вам настроение, Анаис. — Зан потер бородатую щеку ладонью.

— Я уже догадалась, — грустно усмехнулась императрица.

— Семья Керестин объединила своих союзников, и они идут на столицу с запада.

— А вы знаете, что войска во главе с Сонмагой ту Амаха движутся с юга? — Анаис посмотрела на него, пытаясь поймать взгляд Зана. — Зачем? Чтобы объединиться с Керестин?

— Сомневаюсь. — Зан выдержал ее взгляд. — По крайней мере, у меня нет таких сведений. Я полагаю, что Сонмага не собирается пускать семью Керестин в город.

— По крайней мере до тех пор, пока не войдет туда сам, — нахмурилась Анаис.

— Похоже, вы правы, — с сожалением вздохнул Зан.

Они замолчали, и тишину, установившуюся в саду, нарушил только хруст гравия.

— Скажите мне, Зан, — нарушила молчание Анаис. — Вы прибыли сюда только затем, чтобы сообщить мне о приближении армий противника?

Зан уставился на скульптуру впереди.

— Я прибыл сюда, чтобы просить вас пересмотреть решение о престолонаследнице.

— Вы хотите сказать, что я должна отказаться? — уточнила Анаис.

— Спасите Люцию. — Голос Зана звучал тихо и спокойно. — Оставьте трон тем, кто так желает его получить. Откажитесь от власти и сохраните дочь. Вы проведете в мире и процветании всю оставшуюся жизнь, и Люция будет в безопасности. Но сейчас ваше положение стремительно ухудшается, императрица. Вы знаете, что случится, если семья Амаха или семья Керестин возьмут город силой? — Зан, наконец, решился посмотреть на императрицу. Анаис молчала, с трудом сдерживая ярость. — Тогда я скажу, — продолжил он. — Вам, вполне вероятно, оставят жизнь. Но Люцию казнят. Они не станут рисковать своей властью, тем более что народ требует крови принцессы.

— А если я откажусь? — прошептала Анаис. — Они все равно доберутся до нее, Зан. Люция остается угрозой для них, даже если я оставлю трон. Мнения людей разделились. Одни ненавидят порченых, а другие колеблются, не зная, кого поддерживать. Люция — фигура, вокруг которой вторые могут объединиться. Не важно, кто захватит власть, Керестин или Амаха. Они все равно убьют Люцию. Девочку слишком опасно оставлять в живых, разве вы не видите этого? Единственный способ защитить своего ребенка — осться императрицей и уничтожить их!

Внезапно она поняла, что сорвалась на крик. Зан попытался обнять императрицу, чтобы успокоить, но она ударила его наотмашь.

— Не трогайте меня, Зан. У вас нет никакого права...

— Ну да, — горько усмехнулся Икэти. — Я уже слышал, что вы снова делите постель с супругом. Но я помню, когда вы...

— Это не ваше дело! — сверкнула Анаис глазами и побледнела.

Зан нежно провел ладонью по ее волосам.

— Простите меня, — печально произнес вельможа. — Я забылся. Сейчас не время для споров и обид. Над нами на-висла серьезная угроза.

Анаис поискала в его глазах насмешку, но увидела лишь за-боту и беспокойство. И успокоилась. Зан, почувствовав это, вновь заговорил:

— Если вы непреклонны в своем решении остаться на тро-не, Анаис, то позвольте союзникам помочь вам. Тысяча отря-дов будет в Аксеками через два дня, десять тысяч — через неделю. Вы сможете подавить восстание, обезопасить вашу жизнь и сделать город неприступным. Ни Амаха, ни Керестин не осмелятся его штурмовать.

— Зан, — устало промолвила Анаис. — Я доверяю вам. Но вы должны понять, что я не могу позволить такой армии войти в столицу. Слишком много знатных семей вовлечено в игру.

— До меня дошли слухи, что семья Бэтик предложила вам свои войска и вы согласились.

— Ваши шпионы ни на что не годны, мой друг. Мос дей-ствительно предложил мне войска, но я не приняла его помощь. Он заинтересован в моей защите, потому что хочет спасти сво-его сына и внучку. Дуруна, по всей вероятности, тоже лишат жизни, если враги возьмут Аксеками.

— Мос — глава семьи Бэтик, которая достаточно сильна, чтобы захватить трон, — напомнил Зан.

— Его сын уже владеет троном, — печально усмехнулась Анаис. — Я так и не расторгла брак с мужем, несмотря на его очевидную никчемность. И у Мosa нет причин думать, что я пойду на это сейчас.

— Вы все-таки полагаете, что сможете выстоять против своих врагов и удержать Аксеками, когда даже горожане про-тив вас? — спросил Зан.

— Со временем люди примут Люцию. Или я заставлю их принять ее. Сейчас горожане похожи на детей, бывающих в ис-терике, и если они не придут в себя, то будут наказаны. Я буду держать своих подданных в строгости.

Они завернули за угол и шагнули в длинную тень, отбрасываемую скульптурой каменной кобры или, возможно, фигурами мужчины и женщины, соединившимися в объятиях. Лучи вечернего солнца падали на скульптуры. Надвигался вечерний сумрак. Какое-то время они молча прогуливались, потом Анаис заговорила снова.

— Я должна извиниться перед вами.

Зан удивился.

— За что?

— Я была слишком самонадеянна. Я настолько увлеклась, стараясь обыграть своих противников, что не рассмотрела своего самого большого союзника. В течение многих недель я представляла Люцию членам благородных семей, пытаясь рассеять возникшие мифы. А вы поддержали меня в вопросе престолонаследия, даже ни разу не увидев ту, за кого боретесь.

Зан склонил голову. Анаис знала причину, по которой Икэти был на ее стороне.

— Вы как всегда правы. Я никогда не встречал Люцию. Вы окажете мне высокую честь, если представите наследницу.

Принцесса Люция, закончив дневные занятия, вышла в сад, располагавшийся на плоской крыше южного крыла императорского дворца, чтобы насладиться последними лучами вечернего солнца. Заэлис сопровождал ее. Девочка любила своего высокого, белобородого наставника. Он во всем потакал принцессе, а его глубокий певучий голос успокаивал. Люция знала, что учитель испытывает к подопечной только самые лучшие чувства. Она наслаждалась свободой, которую получала, оставаясь с наставником наедине. Заэлис был единственным человеком, при котором наследница могла не скрывать свои таланты.

Учитель и воспитанница сидели рядом на скамье в живописной беседке, густо увитой пышными причудливыми растениями. Кисти ягод свисали из глубины тропической зелени листьев. Насекомые гудели и жужжали, опыляя ароматные цветы или проносясь в воздухе над головами. На деревьях вокруг беседки расселились большие черные птицы. Вороны императорского дворца

признали Заэлиса, и учитель тоже привык к их присутствию. Они были самыми надежными защитниками юной наследницы. Сарамирские вороны привязывались к определенной территории, и это развило в птицах охранный инстинкт. Они неустанно, словно за неразумным птенцом, следили за Люцией.

— Вы чем-то обеспокоены? — поинтересовался Заэлис.

Люция кивнула. Наставник овладел искусством без слов понимать ее настроение, даже если на лице девочки не отражалось никаких чувств.

— Тем, что происходит в городе?

Девочка кивнула еще раз. Ей никто ничего не рассказывал, наставникам и охране дали указания сохранять в тайне происходящее вне королевских покоев, но Люция каким-то образом узнавала обо всем. Как можно скрыть что-либо от ребенка, который умеет разговаривать с птицами? Заэлис не обращал внимания на запрет императрицы и объяснял девочке все, что творится в городе. Но даже ему Люция не говорила о том, что узнавала о событиях в Аксеками от Госпожи сновидений.

— Во всем виновата я одна, — спокойно произнесла девочка. — Все началось из-за меня.

— Я всегда знал о ваших способностях, — решился на признание Заэлис. — И долго ждал, пока они проявятся.

Люция внимательно посмотрела на наставника.

— Вы будете присматривать за мной, не так ли?

— Конечно.

— Так же, как и моя мама?

Заэлис заколебался. Но не было никакого смысла скрывать правду, девочка видела его насквозь.

— Мы попытаемся, но императрица ничего о нас не узнает.

— Кто это — «мы»? — поинтересовалась Люция.

— Вы знаете — кто.

— Я никогда не слышала, чтобы вы назвали имена.

— В этом нет необходимости.

Люция ненадолго задумалась.

— Вы думаете, я опасна? — спросила принцесса через какое-то время.

— Я думаю, что ваше появление было неизбежно, — ответил Заэлис.

Казалось, она поняла его, но почему тогда насторожилась?

— Идет мама, — пробормотала девочка. И почти одновременно все вороны взлетели с хриплыми криками, плавно махая черными крыльями.

Спустя несколько мгновений, в поле зрения показалась императрица в сопровождении Зана ту Икэти. Анаис посмотрела на поднявшихся в вечернее пылающее небо воронов, но на ее лице не отразилось никаких чувств. Люция вместе с Заэлисом приблизилась к ним.

— Зан ту Икэти, позвольте представить вам мою dochь Люцию, — сказала императрица.

Но едва ли кто-то из них двоих услышал слова Анаис. Зан и Люция уставились друг на друга с изумлением. Императрица и Заэлис обменялись озадаченными взглядами. А затем глаза Люции наполнились слезами. Девочка бросилась к вельможе и схватилась ручонками за его пояс, уткнув голову прямо ему в живот.

— Люция! — воскликнула императрица.

Зан провел рукой по белокурым волосам наследницы императрицы, и в его глазах появилось замешательство. Принцесса внезапно отстранилась, еще раз пристально посмотрела на него сквозь слезы и, повернувшись, скрылась в зеленой листве сада.

Все трое еще какое-то время стояли, онемев. Первой пришла в себя Анаис.

— Зан, не могу даже подобрать слова, чтобы извиниться перед вами. Она никогда...

— Все в порядке, Анаис, — задумчиво, словно мысли его витали где-то далеко, произнес Зан. — Все хорошо. Думаю, мне лучше уйти. Я, кажется, расстроил наследницу.

Не дожидаясь ответа, Зан повернулся и медленно пошел к выходу. Анаис двинулась следом, оставив Заэлиса одного. Учитель отступил в беседку и опустился на скамью.

— Так, так, так, — бормотал он, и странная улыбка освещала его морщинистое лицо.

Глава 24

Азара убила еще раз, уже в Хайме.

Риск был ничем не оправдан, она не нуждалась в подпитке, но ей хотелось развлечься. В этой унылой деревушке для скучающей девушки не нашлось иной забавы. На этот раз она выбрала мужчину. Азара не испытывала уважения к мужскому полу и надеялась, что ее не будут мучить угрызения совести.

Жертва, пьяница и дебошир, считал темную короткую дорогу от трактира до своего дома полностью безопасной. Азара сумела доказать обратное.

Затем, спрятав тело в горах, она возвратилась к себе. Азара не боялась, что ее поймают. На теле не осталось никаких следов, которые указали бы на нее как на убийцу. Пьяница просто заблудился по пути домой и замерз. Или, возможно, сердце остановилось, не выдержав того количества спиртного, которое он в тот вечер залил в себя в трактире. Все деревенские жители знали о его невоздержанности.

Азара сидела в комнате одна. С самого начала путешествия она предпочла одиночество. С тех пор ничего не изменилось.

Обстановка комнаты на постоялом дворе не отличалась излишествами, как и все остальное в Хайме. В центре стояла широкая кровать, застеленная старыми шерстяными одеялами, побитыми молью. На стене у окна висел фонарь; по голому, дощатому полу гуляли сквозняки. Холодные ветры гор, ворковавшие снаружи, врывались через щели в стенах, ледяня тепло. Фонарь не горел, но Азару это совершенно не волновало. Она, словно кошка, видела ночью так же хорошо, как и днем. Девушка вслушивалась вочные звуки, в треск и скрежет, которыми отдавались хлипкие стены постоялого двора, когда по ним хлестал порывистый ветер.

Блаженство от подпитки было скоротечным, и когда оно оставило ее, Азара загрустила. Она сидела, скрестив ноги, на невзрачной кровати и смотрела в пустой угол. Одна, всегда одна. По-другому не получалось. Даже среди искаженных Азара не находила родственной души. Она была отражением, шифром без ключа, никем.

Не осталось никаких детских воспоминаний. Когда-то Азара сокрушалась, что не могла видеть себя в момент рождения. Ей казалось, что если бы удалось рассмотреть свое первое лицо, пусть сплющенное, сморщенное и красное, как у всех новорожденных, тогда бы она следовала какой-то установившейся линии, искала в своих жертвах сходство. Но этого не случилось. И теперь исправить что-то представлялось уже невозможным.

Мать умерла, так и не выносив младенца. Когда-то, очень давно, Азара разыскала место, где родилась. Там ей рассказали о женщине, которая забеременев, стала чахнуть и через три месяца скончалась. Но живот несчастной оказался столь велик, что врачи деревни разрезали его и нашли внутри живого, полностью развившегося ребенка. Азара не сомневалась, что это рассказывали про нее. Она высосала мать изнутри досуха.

Что случилось с ребенком, никто не знал. Возможно, его отдали приемным родителям или он умер в младенчестве. Было совершенно невозможно проследить свой собственный путь, поскольку в каждом новом месте она становилась другой.

Азара помнила нескольких матерей и отцов — приемных родителей, которые воспитывали ее.

С детским рвением она подсознательно изменяла себя, день за днем, представляясь в глазах новых родителей совершенным ребенком. Девочка околдовывала их, выполняя все их сокровенные желания. Но всегда, рано или поздно, наставало время уходить. Так бывало, когда кто-то из родственников замечал кардинальные изменения внешности, проходившие мимо внимания родителей, но бросавшиеся в глаза тем, кто встречал девочку довольно редко. Или когда Азара увлекалась, и тяга к переменам требовала слишком многих жизней. Или когда люди из любопытства начинали интересоваться, откуда девочка прибыла. Это значило, что нужно идти дальше, оставляя после себя только память о любопытной болезни, известной как Спящая смерть, разящей наугад и не оставлявшей на телах жертв никаких следов. Жизнь как будто просто покидала бренное тело.

Азара быстро росла. Когда ей исполнилось шесть лет, у девочки появилось страстное желание изменить внешность. И ин-

стинкт подсказал, как удовлетворить его. Знание пришло изнутри — так младенцы умеют сосать грудь, а подростки целоваться. Азара была умна и осторожна и не боялась попасться, хотя бывали случаи, когда она увлекалась. В юном возрасте желание подпитки мучило больше, потому что она росла так же быстро, как менялась. К тринадцати годам Азара имела тело и разум восемнадцатилетней девушки. В те годы она впитывала вместе с душами несчастных их опыт, знания и силу, обогащающие ее тело. Но эта способность ушла вместе с детством. Для Азары наступил новый период становления.

Неестественно быстрое развитие вынуждало к частой смене мест. Жизнь преподавала жестокие уроки. Но Азара была хорошей ученицей, поэтому избежала уничижения многих себе подобных. Она чуралась ткачей и сторонилась окружающих до тех пор, пока не овладела искусством мастерски изменять внешность.

Время шло, и сердце ожесточалось, а в душе накапливалась обида на весь мир. Девушка искала свидетельства своей прошлой жизни, но те фрагменты, которые удавалось найти, не давали ответа на мучившие ее вопросы. В конце концов Азара прекратила поиски. И все же чувство неудовлетворенности оставалось даже теперь, когда ей исполнилось восемьдесят лет. В ней не было сердцевины, внутреннего содержания. Она превратилась в зеркало, отражающее представления других людей о красоте, но под этим отражением ничего не было. Пустота, которая впитывала жизнь и никогда не заполнялась. Азара была объемным изображением, паразитом... всем, чем угодно, только не человеком.

Время предоставило ей возможность не раз измениться, и внутри и снаружи. Она несколько лет жила в образе мужчины, пока не поняла, что это ей не подходит.

Азара не раз пыталась бороться со своим желанием подпитки, но так и не смогла убедить себя в ценности жизни простых людей, которых сравнивала с рогатым скотом, но еще менее предсказуемым, чем волы и коровы. Остальные представляли для Азары опасность. Ткачи и знать могли выследить ее и убить, видя в ней угрозу. И хотя иногда она все еще испытывала что-

то похожее на чувство вины и сожаления, но эти чувства были сродни тем, что испытываешь, разбив красивую вазу.

Каждое изменение приводило к той же самой пустоте, той же самой скуче.

Вот поэтому Азара сидела сейчас в темноте, в холодной, пустой комнате и задавалась вопросом, сможет ли она когда-нибудь разорвать замкнутый круг.

Азара проснулась поздно утром, как раз перед тем, как раздался стук в дверь. Она поспешила оделась и, внутренне подобравшись, открыла.

На пороге стоял хозяин постоянного двора, худощавый человек с седыми волосами и почти беззубый. Азара едва скользнула по нему взглядом и уставилась на фигуру за его плечом. Их глаза встретились, и на бледном изможденном лице мелькнула слабая улыбка.

Кайку.

— Эта женщина искала тебя в деревне, — поспешил объяснить хозяин постоянного двора. — Расспрашивала всех в округе.

Кайку шагнула в комнату. Она стала в половину тоньше, чем была три недели назад, когда путешественники отправились в горы. Азара нежно обхватила бывшую хозяйку, и Кайку практически упала ей на руки. Бывшая служанка помогла бедняжке пройти в комнату и усадила ее на кровать.

— Принеси нам еды, — бросила Азара хозяину. — Мяса и рыбы.

— Она останется в этой комнате? — с неудовольствием поинтересовался он.

— Да, — коротко ответила Азара. — Именно так.

Закрыв дверь и повернувшись, она обнаружила, что Кайку крепко спит.

Они не покидали комнату целых три дня. Кайку почти все время спала, а Азара присматривала за ней. Девушка выглядела истощенной, измученной, и, посмотрев в ее глаза, Азара поняла, что подруга пережила не только физическое переутомление от

долго трудного пути. В первый день Кайку не проронила ни слова. Хранила она молчание и на второй день. Азара не приставала с расспросами, даже не поинтересовалась, нашла ли девушка монастырь. Но подсознательно она чувствовала, что Кайку достигла цели. У ее отца был такой же взгляд, когда он вернулся домой в лес Юна, незадолго до нападения демонов тьмы.

Азара ждала и охраняла девушку, пока Кайку не пришла в себя.

По ее требованию хозяин постоянного двора приносил еду прямо в комнату. За это ему хорошо платили. Денег у постояльцев было немного по столичным меркам, но здесь их ценность увеличилась многократно. Поначалу Кайку ела мало, а затем все больше и больше, восполняя потраченные силы. Ночью спали вместе, обнявшись. Азара попросила хозяина принести дополнительное одеяло, но Кайку все равно дрожала.

На третий день Кайку немного окрепла и, не ожидая вопросов, заговорила.

— Представляю, как тебе хочется узнать, где я была, — обратилась она к Азаре, сидевшей на краю кровати и расчесывавшей волосы.

— Такое желание у меня возникало, — ответила подруга.

— Прости, мне многое нужно было обдумать.

Азара закончила расчесываться и повернулась к Кайку, которая сидела, завернувшись в одеяло и обхватив колени.

— Ты много страдала.

— Не больше, чем заслуживаю, — нахмурилась Кайку и рассказала Азаре о том, что она видела и делала во время своих скитаний по горам, про убийство ткача, чью одежду она украла, про маску, о том, как пересекла барьер, за которым ткачи скрывались от мира. Она рассказала о монастыре и странных вещах, творившихся в его стенах, об ужасной тюрьме, полной страшных узников, и убийстве неизвестного мужчины.

Глаза Азары расширились, когда Кайку поведала, что увидала в зале, где хранился колдовской камень, и о видении, которое посетило ее, когда она надела маску. Она не заплакала, когда говорила об отце и его судьбе, но слезы стояли в потухших глазах. Наконец, девушка сообщила Азаре об истинной природе

колдовского камня. Ревниво охраняемый источник власти ткачей отправлял все вокруг. Кайку, Азара, Кайлин, наследница Людия... все они оказались просто побочным эффектом энергии колдовского камня, которую ткачи заключали в свои маски.

Во время всего рассказа Азара сидела, затаив дыхание от удивления. С каждым словом росли сомнения. Колдовские камни оказались источником болезни? Ткачи провоцировали рождение порченых, которых потом преследовали и убивали? Впервые за долгие годы Азара столкнулась с явлением, которое пробудило в ней интерес. Все прежние дела, сотрудничество с Красным орденом и Либера Драмах, служение в доме Макайма... все сошлось в тот момент, когда она вернула Кайку к жизни.

— Ты хоть понимаешь, что тебе удалось выяснить? — горячо спросила Азара. — Представляешь, что ты узнала? — Она схватила Кайку за руку. — Ты уверена? Уверена, что все это не бред, вызванный голодом и переутомлением?

— Я уверена, как никогда, — устало вздохнула Кайку. — Но все доказательства, все исследования отца сгорели вместе с домом. И я сомневаюсь, что какие-то записи уцелели в квартире в Аксеками.

— Это покончило бы с ткачами! — воскликнула Азара. — Если бы знатные семьи узнали, если бы мы смогли доказать это... Обман развеялся бы, как духи. Но даже если мы не сможем ничего доказать, по крайней мере зароним зерно сомнения! Почему никто не подумал об этом прежде?

— Они пробовали, — пояснила Кайку. — Но большинство ученых находятся под покровительством знати, которая в свою очередь во всем слушается ткачей. Несчастные случаи останавливали тех, кто мог продвинуться в своих исследований слишком далеко. Мой отец ни от кого не зависел и сохранял в тайне то, чем занимался, но даже его обнаружили.

Азара слушала, не перебивая.

— Как ты ушла оттуда? Из монастыря?

Кайку неопределенно пожала плечами.

— Это оказалось нетрудно.

Очнувшись от обморока, вызванного голодом и перенапряжением, девушка побрела назад, стараясь выбраться в цент-

ральную часть монастыря, в надежде найти там какую-нибудь еду. Помогала маска или нет, она не знала, но ей удалось прорваться на кухню, не столкнувшись по дороге ни с кем из ткачей. Среди котлов суетились невысокие смуглые повара и их помощники. Сморщеные лица карликов не выражали никаких мыслей, если они вообще умели думать. Повара показались Кайку безмолвными рабами ткачей.

Взяв со стола глубокую миску, девушка подошла к печи, где ей положили тушеных корнеплодов, похожих по вкусу на гибрид риса и картофеля, и куски темного, красного мяса, плавающего в масляном соусе. Кайку отошла в сторону и начала есть, немного сдвинув в сторону маску и низко наклоняясь над столом, чтобы никто не увидел ее лица. Горячая пища оказала поистине волшебное действие, и девушка почувствовала, что силы вновь возвращаются к ней. Кайку еще раз подошла к печи, и повара безропотно наполнили миску, не сказав ни слова и даже не посмотрев на нее. Она запомнила расположение кухни и в своих последующих блужданиях по монастырю всегда возвращалась туда.

Ей потребовалось еще несколько дней, чтобы выбраться. Но Кайку уже убедилась, что ее маскировка не будет раскрыта. Ткачи не проявляли к одинокой фигуре никакого интереса, и она не боялась встречаться с ними в лабиринтах и пещерах монастыря. Несколько раз девушка натыкалась на существа в масках, сидевшие в углу, раскачиваясь и бормоча тарабарщину. Иногда они выпрыгивали с громкими воплями из ниш в коридорах, а затем убегали. Вскоре Кайку поняла, что молчание ткача — самая незначительная причуда среди безумцев, населявших монастырь, и безбоязненно использовала это в своих целях.

У нее не было никакого плана, когда она попыталась найти выход на площадку перед мостом через ущелье. Возможно, она пошла бы назад через дикие горы, надеясь на благосклонность Шинту, но бог путешественников и удачи улыбнулся Кайку и открыл другой путь.

Когда, наконец, ей удалось выбраться из подземелий на режущий глаза свежим белым снегом свет, за мостом среди построек

наблюдалась какая-то деятельность. Кайку перебралась через ущелье и осмотрелась. Несколько дюжин кухонных работников таскали мешки и коробки вниз по огромной каменной лестнице, которая спускалась к подножью горы. Девушка проследила глазами их путь. Благодарение богам! Они загружали телеги! Разволновавшись от несказанной удачи, Кайку протиснулась мимо суетившихся при служников ткачей и стала спускаться вниз. Девушка не знала, удастся ли ей уехать, но понимала, что если не попытаться использовать эту возможность, то другой уже не будет.

Спустившись, Кайку увидела, что ее надежды оправдались. В три большие телеги с обкрученными цепями колесами уже запрягали быков. Несколько ткачей присматривали за погрузкой багажа. Оценив ситуацию, Кайку отказалась от мысли спрятаться в повозке и сделала то единственное, что смогла придумать, вознося молитву Шинту. На сиденье возницы могло поместиться три человека, но девушка уже убедилась, что на каждой телеге только один погонщик. И Кайку, вскарабкавшись на одну из телег, уверенно села рядом с возницей.

Прошел не один час, пока работники закончили погрузку. И все это время Кайку просидела, не двигаясь, молясь, чтобы ее ни о чем не спросили. Она положилась на безумие и разобщенность ткачей и надеялась, что это позволит выбраться из монастыря. Наконец, один из равнодушных низеньких работников забрался на сиденье рядом с ней. Он равнодушно посмотрел на спутницу, взял в руки вожжи, взмахнул кнутом, и быки потянули повозку вперед. Девушка с облегчением вздохнула. Похоже, логово ткачей отпустило ее.

Дорога до Хайма заняла несколько дней. Возницы разговаривали между собой на неизвестном диалекте, но к ней никто из них ни разу не обратился. Мужчины не смотрели, как она ест, куда и зачем отходит на привалах. В каком-то месте Кайку почувствовала, что они пресекают невидимый барьер ткачей, сияющую сеть, окружавшую монастырь. Но карликовые существа никак не отреагировали на преграду и спокойно преодолели препятствие. Кайку на мгновение растворилась в волнах счастья, испускаемых золотыми нитями, а затем снова оказа-

лась в реальном мире, ощущая колющую боль в сердце, которую мужественно вытерпела. За всю поездку девушка не обронила ни слова, и когда небольшой караван достиг Хайма, слезы счастья сами покатились по ее щекам при виде мрачной, запущенной деревушки.

— Когда мы въехали в Хайм, я нашла место, где можно спрятаться, и переоделась в свою одежду. Маску и плащ ткача запихала в свой мешок. — Она кивнула головой на бесформенный куль в углу комнаты. — Надеялась, что вы дождитесь меня. По крайней мере, один из вас.

Азара оставила невысказанный вопрос о Тэйне без ответа. И это сказало девушке все, что ей хотелось узнать. Она не стала больше ничего спрашивать.

— Кайку, то, что ты сделала... это просто потрясающе, — попыталась подбодрить подругу Азара.

— Потрясающе? — недоверчиво протянула Кайку и отвела глаза. — Нет. Я снова проклята. Разве ты не видишь? Я поклялась богам отомстить за смерть отца. Ткачи повинны в его гибели. Не один, а все. Как я могу... как один человек может справиться с ткачами? Как я могу уничтожить тех, кто убивает мыслью, кто внедряется в сознание человека? Моя задача невыполнима, а моя клятва осталась пустыми словами.

— Значит, ты должна возвратиться со мной на материк. К Красному ордену. Ты сделала здесь достаточно, Кайку. Более чем достаточно. Один человек не может уничтожить ткачей; но ты сделала больше, чем множество смельчаков-добровольцев, которые ушли до тебя. Ты больше не одинока, у тебя теперь есть союзники.

Кайку кивнула, хотя слова подруги не вернули ей уверенности.

— Ты права. Я обещала Кайлин, что вернусь. Меня больше ничто здесь не держит. Завтра мы уедем.

Ночь накрыла деревню темным покрывалом, холодная, ледяная ночь гор. Девушки поели и, раздевшись, заползли под одеяла, стараясь согреться. Мысль об отъезде не оставляла их, но оставались невысказанными еще кое-какие вопросы. Поэтому Азара нисколько не удивилась, когда подруга тихонько запла-

кала. Она хорошо знала, что занимало мысли Кайку, о чем та никак не решалась спросить.

— Он ушел, — прошептала девушка и, пододвинувшись, уткнулась Азаре в плечо.

Азара шумно вздохнула.

— Я все ему рассказала. О тебе, о себе. Это нужно было сделать. Тэйн должен знать правду.

— Отец, мама, бабушка Чоми, Машим... даже Мисани. А теперь Тэйн, — шептала Кайку. — Они все оставили меня... что еще меня ждет, Азара? Кого еще я потеряю?

— Каждый, к кому ты прикоснешься душой, оставит тебя, Кайку, — мягко произнесла Азара, стараясь щадить чувства подруги. — Пока ты не начнешь принимать себя такой, какая ты есть. Что было бы лучше: если Тэйн ушел сейчас или если бы сбежал, увидев твои глаза после того, как они вызвали пламя? Его самого раздирают противоречия, которые он должен решить, Кайку. Не падай духом. Возможно, он еще найдет тебя.

Ее слова вызвали новый приступ рыданий.

— Думаешь, Тэйн вернется? — всхлипнула Кайку.

— Возможно, — задумчиво ответила Азара. — А может, и нет. Он узнал и смирился. Возможно, Тэйн воспринял это глубже, чем мне показалось. — Она мягко погладила бедняжку по голове. — Ты не одна. Ты должна принять себя. Прекрати думать о себе как об одной из них. Они теперь будут тебя ненавидеть. Даже самый близкий поступит так, как Мисани: отвернется от тебя. Рядом с тобой не будет никого, кроме таких же, как ты. Сейчас рядом с тобой — я.

Кайку оторвалась от плеча Азары и вытерла глаза тыльной стороной ладони. Она видела перед собой светящиеся в темноте кошачьи глаза бывшей служанки.

«Какие у нее прекрасные глаза. И она, должно быть, не боится темноты, как боюсь ее я».

— Ты больше не с людьми, — продолжила Азара. — Задесь ограничения, правила, по которым жила до сих пор. Используй их только тогда, когда нужно замаскироваться. Почему ты должна следовать тому, чему тебя когда-то учили, если твои

наставники, не поколебавшись, расправились бы с тобой сейчас. Не слушай никого. Не подчиняйся. Сопротивляйся. Борись.

— Сопротивляйся, борись, — повторила Кайку, дотрагиваясь кончиками пальцев до щеки Азары.

Слова подруги поразили ее. Казалось, сердце было готово лопнуть от переполнявших его чувств. Кайку одновременно испытывала смятение, ужас и волнение, а кроме того, такую свободу, какой никогда не знала раньше. Что-то проскочило между девушками, какая-то искра. Их тела охватило жаром, и они, словно намагниченные, потянулись друг к другу. И в тот же момент Кайку нашла теплые губы Азары своими губами, и они отдались на волю мягких волн, которые окатывали их с головой, погружая в сладострастное блаженство.

Девушки таяли, сливаясь в одно тело, обрастаю одной общей кожей, под которой колотились два сердца. Их губы, сухие от ветра, пили волшебную влагу поцелуя и, увлажняясь, спускались ниже, исследуя неизвестную, но упоительно сладкую территорию. Рука Кайку скользила по изгибу талии подруги, по выпуклости ее бедра, чувствуя бархат кожи и тугие мускулы. Азара обняла ее за плечи и перекатилась, подминая под себя. В темноте слышалось ее ускоряющееся дыхание. Она сидела, наклонившись вперед, и Кайку чувствовал ласковые горячие ладони сначала на лице, затем на плечах, на шее, на твердых вершинах грудей, на плоском животе.

Дыхание Азары стало прерывистым. Кайку на секунду заскользила, все ли делает правильно и не слишком ли торопится, но мысли склонили под нарастающим возбуждением.

— Ты не должна... — шептала Азара, задыхаясь. — Не делай...

Но Кайку, охваченная порывом страсти, не слушала ее. Она приподнялась на кровати, дотянулась до лица подруги и осыпала поцелуями, медленно опускаясь по ее теплому телу вниз. Волосы Азары упали на лицо Кайку. Девушка расплесталась между коленями подруги и прижалась к ней все плотнее, словно хотела проникнуть внутрь и слиться воедино. Прикосновения твердых сосков Кайку к животу пронзили Азару словно гвозди.

— Не делай... Ты не знаешь, что делаешь... — протестующее бормотала Азара.

Но Кайку, вновь приподнявшись, нашла сосок Азары, мягко захватила его губами и втянула в себя, нежно и сильно. Та задрожала в неземном блаженстве, отбрасывая от лица волосы. Ее бедра сильнее прижались к животу Кайку, частое дыхание напоминало уже удушье.

Она грубо и сильно обхватила Кайку и толкнула на кровать, падая сверху. Пальцы, словно когти, сжимали голову подруги с обеих сторон. Азара припала к губам Кайку с тем хищным порывом, с каким тысячи раз приникала к своим жертвам. Что-то внутри пыталось остановить ее, но голод и желание были разбужены страстью Кайку, и внутренний голос не мог с ними совладать. Внезапно Азара поняла, что хочет забрать то, что находится внутри подруги. Ту жизнь, которую подарила, когда украла дыхание у Карии и отдала своей мертвой хозяйке. Часть Азары тогда ушла вместе с дыханием. Кусочек ее жизни попал в сердце Кайку. И Азара поняла, почему вернулась к Кайку после того, как та убила ее в лесу Юна.

Кайку чувствовала настойчивость подруги, но, охваченная возбуждением, не могла понять, что это: страсть, гнев или что-то совершенно другое. Азара целовала ее все сильнее и сильнее, и Кайку уже ощущала боль внутри, как будто сердце готовилось вырваться из груди. Азара всасывала в себя ее жизнь, не в силах остановиться, желая насытиться.

Неожиданно дверь в комнату распахнулась. Азара оторвалась от Кайку, и девушка откатилась на другую сторону кровати, задыхаясь, словно вынырнула из глубины. Ее тело ощутило близость смерти, хотя сознание ничего не поняло.

Кайку овладела паника, когда Мамак и три здоровых мужика ворвались, размахивая кирками и лопатами, и остановились посреди комнаты при виде открывшейся картины: две полуоголых женщины, возбужденные, застигнутые врасплох. Мамак бросил на них хитрый взгляд, а потом Кайку неожиданно закричала, и проводника отшвырнула какая-то сила.

Поток каны вырвался из нес, как табун испуганных коней вырывается из охваченной огнем конюшни. Окружающий мир вспыхнул бесконечным переплетением золотых нитей и жег ее изнутри, словно в венах вместо крови тек растопленный металл. Глаза налились кровью, а страх, страсть, удивление соединились в выбросе энергии. В переплетении нитей девушка видела бьющееся сердце Мамака, сеть вен и артерий, проходивших под тонкой кожей. И ее мысль разорвала проводника. Он вспыхнул и рассыпался горящим ливнем пылающей крови, забрызгивая своих ошеломленных приятелей и осыпаясь кусками обугленных костей. Азара закричала и бросилась назад, вспомнив о том, что произошло в прошлый раз, когда сверхъестественная сила вырвалась из Кайку.

Но следующий выброс произошел более целенаправленно. На этот раз Кайку смогла не только вызвать силу, но и распорядиться ею. Взмахом руки она уничтожила остальных мужчин в комнате, направив кану через их волокна. Пrijатели Мамака превратились в пылающие столбы огня. Завывания смолкли через несколько секунд, как только легкие обуглились, а глаза выпучились и лопнули. Один из них рванулся к Кайку — то ли жаждая мести, то ли моля о пощаде, — но лишь повалился на кровать и поджег ее.

Кайку почувствовала, что каны затухает, будто свеча под порывом ветра. Она возвращалась к нормальному состоянию. Золотые нити исчезли. Вспышка пламени озарила темную комнату.

Комната горела.

Ей потребовалось всего мгновение, чтобы прийти в себя и осознать происходящее. Азара уже вскочила, натянула рубашку и настороженно посмотрела на подругу. Похоже, она не могла решить, кто более опасен — огонь или тот, кто исторгал его. Воздух заполнился удущивым дымом, сильно запахло горящей плотью.

Кайку зашаталась, чувствуя головокружение. Попытка взять под контроль свою кану, чтобы не сжечь целиком всю комнату, едва не закончилась потерей сознания. Азара, увидев, что Кайку оседает на кровать, подхватила ее под руку.

— Вставай, — шипела она. — Мы должны идти.

Кайку не сопротивлялась, ее голова болталась как у марионетки, под полуопущенными веками еще полыхали красным глаза. Азара быстрым движением подхватила одежду и, перепрыгнув через горящие тела, выбросила ее в коридор. Затем, забросив за спину мешки и оружие, оттащила Кайку от кровати. Языки пламени уже лизали стены. Пылающие останки Мамака лежали на пороге, закрывая выход.

— Мы должны перескочить через него.

— Я не могу, — бормотала Кайку.

Азара довольно сильно шлепнула ее по спине. Кайку отскочила, вытаращив глаза.

— Прыгай, — зашипела Азара.

Кайку разбежалась и перепрыгнула через труп. Она сделала это стремительно, и пламя даже не успело коснуться ночной рубашки. Коридор показался ей ледяным по сравнению с комнатой, из которой она выскочила. Девушка услышала внизу шаги и голоса и, схватив штаны, принялась натягивать их поверх рубашки. Азара выскочила из комнаты следом за ней. Они успели кое-как одеться как раз к тому моменту, когда в коридоре появился хозяин постоялого двора с несколькими жильцами, несшими ведра с водой. В тот же момент в руках Азары оказалось заряженное ружье.

— Хочу предупредить, стреляю я хорошо. — Азара не отрывала глаз от прицела.

— Что случилось? — потребовал ответа хозяин.

— Наш бывший проводник устал ждать, пока мы найдем его второй раз, и решил освободить нас от наших денег, — усмехнулась Азара.

Она предположила это по их внезапному появлению. К тому же Тэйн неосторожно упоминал о деньгах во время пути в горах.

— Убирайтесь с дороги! — крикнул позади один из мужчин. — О духи, вы что, не видите, комната горит!

— Возьми наши мешки, — коротко бросила Азара подруге через плечо. Кайку устало послушалась. Тело ее как будто протыкали раскаленные иглы.

— Чего ты хочешь? — крикнул хозяин. — Дай нам потушить пожар! Это мое имущество!

— Нам нужны две лошади из твоей конюшни, — сообщила Азара. — Мы купим их у тебя или уведем силой. Выбирай!

— О боги! — внезапно воскликнул один из жильцов. — Посмотрите на ее глаза! — Он указывал пальцем на Кайку.

— Порченая! — прошипел кто-то.

— Да, порченая, — ответила Азара. — И она может сделать с вами то же самое, что с этой комнатой, если вы встанете у нее на пути. Немедленно дай лошадей, или мы будем стоять здесь, пока все не сгорит дотла.

— Пойдемте со мной, — бросил хозяин и кивнул жильцам. — А вы тушите огонь!

Обняв Кайку, Азара поспешила вниз по лестнице. Мужчины посторонились, бросая им вслед взгляды, полные ненависти и страха, и рванулись к комнате тушить пожар.

— Нам нужны хорошие лошади, — предупредила Азара. — Мы заплатим достойную цену.

Хозяин постоялого двора смотрел на них с нескрываемой злобой, но понимал, что удача идет к нему в руки. Он мог начать новую жизнь в новом месте, не таком мрачном и суровом.

— Деньги у вас при себе?

Азара кивнула.

— Тогда пусть все горят. Я поеду с вами. — Он махнул рукой.

Они мчались всю ночь, гоня лошадей на юг, через тьму и кусачий ветер, стремясь как можно быстрее удалиться от злосчастного Хайма. Кайку спала, привязанная, в седле, потому что канат выжгла все силы. Подруга вела ее лошадь за поводья.

«Какие странные пути выбирают для нас боги», — думала Азара, всматриваясь туда, где рассвет уже позолотил горизонт.

Глава 25

Ксаранский Разлом лежал к югу от Аксеками, заключенный между реками Ран и Зан. Об этом месте рассказывали страшные легенды. Его заселяли злые призраки и беспокойные духи, изменчивые и непостоянnyе.

История повествует о том, как Джаан ту Винаксий, древний владыка и основатель империи, построил первый город,

Гобинду, в знак поражения народа угатов. Земля тогда была плоская и зеленая, и Гобинда процветала, превратившись в великий город на берегах Зана. Но во времена правления Тория, сына Джаана, престол захватил третий император Бизак ту Чо.

Историки свидетельствовали о невоздержанности и разнозданности Бизака, его оргиях и распутстве. Наступил праздник Первого снега, день, в который приносились жертвы богу Оха, знаменующий начало нового года. Бизак, уставший после трехдневного празднования и беспробудного пьянства, не нашел сил прийти в храм и послал вместо себя дочь.

Гнев Оха был страшен. Легенды гласят, что той ночью мудрецы видели во сне огромного кабана, изрыгающего пламя и дым. Зверь поддевал огромными клыками землю и рвал ее на части. Мудрецы предупредили императора и посоветовали исправить ошибку и самому принести жертву Оха, напомнив, что он лишь император людей, а Оха — император богов. Но Бизак в своей гордыне не послушался совета. И на Сарамир обрушилась стихия.

Немногие смогли уцелеть после возмездия верховного божества. Но те, кто спасся, описывали ужасную картину. Земля ревела, раскальвалась и разлеталась на части, словно камни изпод молотка, погребая под собой население Гобинды. Из трещин вырвалась раскаленная магма. В небо поднялись тучи золы и закрыли солнце. Огромные куски суши уходили вниз, скалы рушились, полыхали молнии. И над всем этим раздавался визг и рев разгневанного кабана. Гобинда канула в разверзшуюся пропасть, и тьма поглотила великий город. Бизак ту Чо, его дочь и целая династия погибли.

Когда все успокоилось, земля лежала искореженная и растерзанная. Ран и Зан, чьи спокойные широкие русла горделиво несли свои воды на север, навстречу Керрин, превратились в извилистые бурные речушки с многочисленными водопадами.

В результате стихийного бедствия и образовался Каранский Разлом, Местность представляла собой лабиринт из расщелин, выступов, плато, долин, впадин. Через много сотен лет после катастрофы заброшенная территория заросла новой тра-

вой и деревьями, которые немного смягчили ее пустоту. Но о том, что здесь произошло, никогда не забывали. Место считалось проклятым, и люди редко посещали его. Духи встречались здесь на каждом шагу, лишь малая часть — доброжелательные, а большинство — злобные демоны.

Но некоторые смельчаки строили дома неподалеку от Ксаранского Разлома. Те, кто искал одиночества или хотел скрыться; кто, пренебрегая опасностями, мечтал найти редкие металлы и драгоценные камни, выброшенные на поверхность земли древним катаклизмом; те, кто не нашел себя ни в городе, ни в деревне и стремился начать все с самого начала. Существовало много причин, по которым люди селились в Ксаранском Разломе. Здесь проживали бок о бок множество маленьких общин, некоторые во взаимопонимании, а некоторые — во вражде. Но всем им было ясно одно: то, что происходит в Ксаранском Разломе, не должно стать известно остальным сарамирцам.

Кайлин ту Моритат сидела в седле на черной кобыле, возвышаясь на фоне утреннего неба.

Перед ней ступеньками спускались вниз каменные террасы, созданные самой природой. На каждой такой террасе располагалось небольшое поселение: тесно прилепившиеся один к другому дома, несколько лавок, обязательный трактир и грязные дороги с выбоинами. Мосты и лестницы связали друг с другом разные уровни. Здесь смешались десятки архитектурных стилей. Угловые, трехэтажные здания Южных Префектур вырастали из беспорядка низких приземистых домов Чоми Рин. Украшенные орнаментами строения с балконами соседствовали с незатейливыми домишками. Многие из них возникли двадцать, а то и больше, лет назад. Другие все еще строились, выставляя напоказ деревянные ребра и угловые балки. Большинство домов выросли тут примерно шесть лет назад, когда Либера Драмах начали привлекать новых членов, некоторые из которых обладали необходимыми знаниями.

Наверху, где ступени поднимались к скалам, находились пещеры. Входы в них украшали причудливые гравюры, внутри

стояли алтари богов, а дальше тянулся лабиринт лестниц и коридоров, сетью пронизывавших скалу.

С того места, где стояла Кайлин, все террасы были как на ладони. Внизу наблюдалось непрерывное движение — возводились башни. Суетились рабочие, подгоняемые окриками про рабов. Ступени были засыпаны кусками дерева, стружкой и щепками бамбука. Лебедки таскали вниз и вверх полные корзины, загружая снующие по извилистым дорогам телеги.

На плато несколько мужчин и женщин тренировались введении рукопашного боя, проводя выпады и нанося колющие удары. Здесь не существовало организованной армии, но Ксаранский Разлом был жестоким местом и не прощал неповиновения.

Сторожевые вышки маячили по краям плато, и часовые наблюдали за происходящим в лагере и за мрачными скалами, на висшими над ними. Соседнее поселение располагалось так, что увидеть его можно было только с края долины.

Кайлин сдержанно улыбнулась, и рисунки на ее губах выгинулись.

Это и был Провал, прибежище Либера Драмах, а также членов Красного ордена. Кайлин не могла не восхищаться руководителем их организации. Немногие знали о существовании места, где они укрывались. В течение многих лет Либера Драмах тайно вербовала и собирала добровольцев. Шайкам бандитов дали шанс покончить с жалким существованием и начать новую жизнь. Ученых поддержали в убеждениях и исследованиях. Простые люди, настроенные против ткачей и их приспешников, вошли в отряды тех, кто боролся против язвы на теле общества. К ним присоединялись лекари, аптекари, дезертировавшие солдаты, сбежавшие жены, бродяги, должники. Все находили здесь пристанище. Ядро Либера Драмах составляли избранные и давшие клятву проверенные люди. Они вели за собой сотни других, веривших в общее дело. Эти люди создали общество, свободное от ткачей и законов знати, что особенно ценилось теми, кто нашел здесь приют.

Кайлин до сих пор удивлялась тому, как этой отчаянной группе удалось остаться нераскрытым. Особенно если принять во вни-

мание, что многие из ее членов проводили большую часть времени далеко отсюда, занимаясь каждый своим делом. Они собирали сведения и вели разведку. Правда, среди простых людей слухи о Либера Драмах все же ходили, и кое-что достигло высших кругов, но, скорее всего, знать просто игнорировала их.

Ксаранский Разлом был местом, полным загадок и тайн. Здесь разрабатывались огромные незаконные плантации корня амакса, который бесперебойно и тайно поставлялся в город; здесь жили целые колонии людей, поклонявшихся запрещенным богам; здесь располагались монастыри, члены которых всячески избегали контакта с внешним миром. Двор и знать считали Провал недостойным своего внимания. За исключением, конечно, тех, кто уже стал членом организации. Либера Драмах имела свои глаза и уши даже в императорских судах и при дворе. И многие в обществе меняли отношение к искаженным, удостоверившись, что их отклонения не несут людям зла. Движение в поддержку наследницы набирало силу.

Наблюдение за Люцией и изучение ее возможностей велось давно. И сейчас Либера Драмах готовилась использовать сложившуюся ситуацию в своих целях. Необычные способности принцессы перестали быть тайной. Пришло время осуществить то, к чему они так долго готовились.

Кайлин развернула лошадь и направила ее вниз к покрытому травой выступу горного хребта. Там обосновались несколько новых членов организации.

Настало время собрать всех вместе.

— Невероятно, — восторженно произнесла Кайку. — Даже не верится. Восхитительно.

Девушка бесстрашно стояла на краю самого высокого плато Провала и с удивлением озирала раскинувшийся внизу пейзаж: лабиринт из крыш различных форм, цветов и размеров, перекрывающих друг друга словно разноцветная мозаика. Грязные улицы наполняли выходцы из разных уголков страны; такого разнообразия стилей в одежде ей встречать еще не приходилось. Полуденное солнце обжигало кожу. Птицы парили в голубой

бездне неба. Девушка подняла лицо вверх, закрыла глаза и почувствовала, что глаз Нуки смотрит на нее с высоты.

Азара сидела на большом, гладком камне, который торчал на краю заросшего травой плато. Она так и не поняла, что именно Кайку сочла восхитительным: сам Провал, чудесный солнечный день или вообще все увиденное.

Настроение Кайку улучшилось, стоило путешественницам отплыть от острова Фо и направиться по Джабазе назад в Аксеками. Но до столицы они так и не добрались. Капитан судна, на котором плыли девушки, предупредила, что в Аксеками беспорядки, и никто не может попасть туда по реке. Поэтому путницы высадились севернее города. Пересев на лошадей, которых купили еще в Хайме, они двинулись на юг, пересекли Керрин на пароме, а затем направились к Ксаранскому Разлому. Там Азара выбрала самый безопасный путь, ведущий к Провалу через скальный лабиринт.

Это было необычное путешествие. Кайку училась преодолевать ненависть к себе. Возможно, потому что рядом уже не было никого из близких, о ком она заботилась и кого любила. Ее семья умерла. Мисани и Тэйн отвернулись от нее, когда поняли, что она — порченая. Кайку, наконец, стала принимать себя такой, какая она есть. Отчаяние, нахлынувшее в тот момент, когда она осознала, что не может исполнить клятву, данную Охе, переросло в решимость довести задуманное до конца. К концу поездки она уже торопила Азару, томимая желанием добраться до Провала как можно быстрее, чтобы научиться управлять своей силой и отомстить ткачам.

И все же, прислушиваясь к голосу сердца, Кайку настороженно относилась к бывшей служанке. Азара решила, что поведение подруги в холодной комнате постоянного двора было продиктовано желанием отказаться от прежних жизненных правил, которые не имели к ней больше никакого отношения, и ничем больше. Проскочившая между ними искра симпатии таилась еще где-то в глубине сердец. Она проскальзывала в случайных взглядах, недосказанных фразах, но открыто ни одна так и не рискнула выяснить, что произошло в гостинице.

Кайку опасалась Азары еще и по другой причине. Она никогда не спрашивала, что случилось в той комнате, когда поцелуй превратился во что-то большее, чем просто слияние губ и языков, и подруга попыталась высосать из нее душу. Тогда Кайку почувствовала опасность инстинктивно и теперь постоянно была начеку. Но, тем не менее, она поехала в Провал.

Азара сняла с себя обязанности, возложенные на нее орденом два года назад, и испытывала удовлетворение от отдыха после хорошо выполненной работы. Устроившись на прогретой солнцем скале, она с любопытством и легкой улыбкой поглядывала на Кайку, которая восхищалась открывавшимся внизу пейзажем и радовалась ясному летнему дню.

— Я выражая тебе огромную благодарность, Азара, — промурлыкал рядом голос Кайлин. Азара встрепенулась, но ничем не выказала удивления от неожиданного визита. — Ты уберегла ее и доставила в сохранности. Кайку на самом деле очень важна для меня.

— Боюсь, я не смогла уберечь ее от всех напастей, — ответила Азара, даже не поднимая головы. — Но мне нужно кое-что рассказать тебе, Кайлин.

Кайлин удивленно подняла брови.

— В самом деле? Тогда я должна это услышать.

— Чуть позже, когда мы будем одни. — Азара решила, что сама выберет время и место для своего рассказа, но, не удержавшись, добавила: — Кайку уже начала контролировать свою канву. Конечно, это далось ей тяжело, но результат был. Похоже, случай редкий.

— Действительно редкий, — подтвердила Кайлин, не отрывая глаз от Кайку. — Но мы знали, что она очень сильна. Ты подвергала себя огромной опасности ради меня. Еще раз благодарю тебя.

— Я сделала это не ради тебя, а для себя самой, — поправила ее Азара. — Кайку заинтересовала меня. Я была рядом, когда она потеряла все, став отверженной. И наблюдала, как она обрела себя вновь. За время, которое я прожила в этом мире, мне довелось видеть всякое. Но ее история — исключение. Кайку

удивила меня и удивляет до сих пор. Я почти чувствую себя виноватой, что привела ее сюда. Ты можешь дурачить бедняжку своим альтруизмом, но не меня. Что ты задумала, Кайлин?

— Полагаю, ты ее любишь, Азара. — Кайлин улыбнулась, не ответив на вопрос. — А мне казалось, что сентиментальность чужда тебе.

— Мои сердце и душа еще не мертвы. Они просто запылились, им не хватает интереса в жизни.

Кайлин засмеялась, и этот звук заставил Кайку повернуться. Девушка пошла к ним навстречу.

— Я рада, что ты сдержала свое слово. — Кайлин наклонила голову в приветствии. — Нашла то, что искала?

— Можно сказать и так. — Кайку не захотела вдаваться в подробности.

— Настало время действовать, — произнесла Кайлин, пристально изучая Кайку. — Это — одна из причин, по которым я хотела встретиться с тобой именно здесь.

— Действовать? И что это значит? — потребовала разъяснений Кайку.

— Скоро все узнаешь, — пообещала Кайлин. — Но здесь присутствуют два человека, с которыми, как мне кажется, ты хотела бы встретиться. — Она махнула рукой, подзываая к себе двух новичков. Это были Мисани и Тэйн.

На мгновение Кайку утратила способность не только говорить, но и думать. Она не могла предположить, что такое возможно. Но к ней действительно подходила Мисани, еще более похудевшая, с длинными черными волосами, собранными в хвост на затылке. Остановившись на мгновение в нерешительности, она стремительно подалась вперед и обняла подругу. Кайку прижалась к ней, в свою очередь крепко обхватив Мисани. Они смеялись и рыдали одновременно.

— Я так счастлива, что ты здесь, — только и смогла прошептать Кайку.

Кайлин бросила торжествующий взгляд на Азару, которая усмехнулась ей в ответ.

Подруги долгое время не разжимали объятий. Кайку не могла понять, почему Мисани оказалась в Провале и что заста-

вило ее пересмотреть свои взгляды. Но она слишком хорошо знала подругу и оставила расспросы на потом. Наконец девушки отпустили друг друга, и Кайку повернулась к Тэйну, который смущенно улыбнулся.

— У меня было мало времени, чтобы подумать... — начал юноша, но закончить не смог.

Кайку прильнула к его груди. Тэйн смущился от ее близости, но и сам обнял девушку в ответ. Правда, послушника немного расстроило, что она выпустила его из объятий намного быстрее, чем Мисани.

Кайку вытерла слезы и улыбнулась Кайлин, которая пристально и невозмутимо наблюдала за сценой воссоединения.

— Люди могут появиться рядом, когда ты меньше всего ожидаешь. Вы вчетвером шли рука об руку, ваши маршруты беспрестанно пересекались. И они еще не раз пересекутся, пока не соединятся в единый путь.

— Откуда ты знаешь? — поинтересовалась Кайку.

— Ты сама найдешь ответ на свой вопрос, если присоединишься к Красному ордену.

— У меня есть выбор?

— Нет, если хочешь прожить еще год, — просто ответила Кайлин.

Кайку, заколебавшись, пожала плечами.

— Наверное, надо соглашаться.

Кайлин вновь засмеялась, отбросив голову назад, и белые зубы засверкали между красными и черными треугольниками на ее губах.

— Мне еще не доводилось слышать, чтобы мое предложение принимали так неохотно. Не бойся, Кайку, твое согласие — это не пожизненное обязательство. Ты всегда сможешь выйти из ордена, если пожелаешь. Мне нужно лишь твое согласие на обучение. И после этого ты вольна выбрать свой собственный путь. Согласна?

Кайку слегка поклонилась.

— Сочту за честь.

— Тогда мы начнем обучение, как только ты будешь готова.

***

В комнате кроме Кайлин находились еще три сестры. Они выглядели совершенно одинаково: темная одежда, красные полумесцы от глаз до щек, красные и черные треугольники на губах. Азара казалось странным их поведение, но она не теряла присутствия духа.

В зале совещаний Красного ордена по углам горели фонари. В убранстве комнаты преобладали красно-черные цвета. Помещение было темным, с черными стенами, украшенными темно-красными полотнищами. В центре зала находился круглый низкий стол такого же цвета, с жаровней, курившейся благовониями. Все сестры стояли, и лишь Азара сидела на стуле. Она уже давно поняла всю важность той новости, какую сообщила, и сейчас наслаждалась реакцией сестер.

— Ты доверяешь ей? — спросила одна из сестер, стройная блондинка.

— Полностью, — ответила Азара. — Я знала ее в течение многих лет. И она не станет лгать, особенно о таком.

— И все же никаких доказательств нет, — заметила другая сестра.

— Может, что-то и осталось в доме ее отца в Аксеками, — пожала Азара плечами, — но я сомневаюсь.

Кайлин глубокомысленно наклонила голову.

— Это подтверждает наши собственные догадки, дорогие сестры. Если ученый собрал такие свидетельства, что предпринял путешествие на Фо и подтвердил их, рискуя собой и семьей... — она замолчала.

— Мы должны связаться с остальными, — предложила третья сестра.

Азара удивленно подняла брови. Очевидно, в Красном ордене состояло намного больше людей, чем можно было предположить. И, похоже, они были слишком осторожны и не собирались в одном месте в больших количествах. Азара никогда не видела вместе больше четырех сестер. По отдельным намекам Кайлин она догадывалась, что сестры рассеяны по всему Сарамиру и занимаются поиском и подбором новичков,

таких как Кайку, или собирают сведения о других организациях. Но Азара предполагала, что есть еще одна причина, почему они не устраивают больших сборищ. Орден постоянно находился под угрозой уничтожения. Собираясь вместе, сестры подвергали себя риску быть обнаруженными ткачами: их объединенная канва легко прослеживалась по переплетениям нитей. Азара не сомневалась, что каждая сестра использует свои силы для распространения идей Красного ордена, но действовали они очень осторожно и в первую очередь заботились о том, чтобы укрепиться и обезопасить себя и организацию. У Красного ордена и ткачей было немало общего, как бы ни отрицала это Кайлин.

— Есть другой вопрос, — напомнила Кайлин. — Узники в клетках, на которых натолкнулась Кайку. Что это значит?

— Возможно, ткачи изучают действие, как действуют колдовские камни на живые существа. А может, ищут лекарства от порчи.

— Все может быть, — качнула головой Кайлин. — Возможно, это просто безумная прихоть. Или ключ к чему-то большему.

— Мы должны обдумать все, что узнали, — предложила белокурая сестра.

— Но пока ничего не меняется, — решительно повысила голос Кайлин. — Открытие Кайку — только первый шаг, крупное достижение, которое требует серьезного осмыслиния. Но с этим можно подождать. Мы должны распространить эти сведения и убедиться, что они дойдут до широких слоев общества. Нужно изучить и исследовать все факты. Но это в будущем. — Она сделала жест широкий, словно очищала умы сестер. — Сейчас перед нами стоит другая задача, Аксеками в руинах; город охвачен восстанием. Императорская стража не может подавить бунт. Армии Амаха и Керестин выясняют отношения и пока не собираются входить в столицу. Главный ткач Виррч пытается свергнуть императрицу и избавиться от ее ребенка. — Кайлин внимательно осмотрела каждую из сестер. — Этого нельзя допустить. Наследница — наша единственная надежда

доказать народу Сарамира, запуганному ткачами, что искаженные не несут зла. Меня не волнует, кто будет править империей, если династия Эринима лишится власти. Но я не собираюсь терять принцессу. Я встречала ее в снах и знаю кое-что о талантах Люции. Такими редкими способностями нельзя рисковать. Нельзя допустить, что девочка погибла по случайности, от удара мечом какого-нибудь солдата. Возможно, династия Эринима и сможет удержаться на троне, но я сомневаюсь в этом. Императрица встала против всего мира. И если она потеряет трон, Люция умрет.

— Тогда что ты предлагаешь? — поинтересовалась Азара.

— Мы с Либера Драмах разработали план, гарантирующий безопасность наследницы. Другой возможности спасти Люцию не существует. — Кайлин сделала паузу. — Мы предлагаем похитить принцессу.

Глава 26

Дверь прогнулась и сорвалась с петель под ударом короткого тяжелого тарана, которым орудовали двое солдат. Их командир Джайлис первым ворвался внутрь, перескочив через вывернутые створки и попав из яркого дневного света в мрачную темноту узкой каменной лестницы. Крики и звон доносились откуда-то снизу, и он помчался туда, в подвалы кожевенного завода, лязгая блестящими доспехами. Ну и зашапок! Нестерпимое зловоние переполнило легкие, забило нос, заставив закрыть рот стянутой с головы повязкой. Он задыхался, чувствуя пульсацию крови в висках. Следом за ним бежали солдаты, толкая друг друга, грохоча винтовками и мечами. Они, наконец, нашли логово преступников и теперь торопились покончить с ними.

Джайлис сбежал с лестницы в подвальное помещение, широкое, с низким потолком. У него не было времени осмотреться. Осталось лишь ощущение большого мрачного пространства да легкого звона металла впереди. Джайлис выхватил меч и скрестил его с мечом кинувшегося к нему врага. Удары следо-

вали один за другим, но в какой-то момент офицер пригнулся, уклонился от выпада и воткнул клинок в грудь противника. Джайлис прокладывал себе путь в комнату и, сразив еще двух человек, присоединился к своим солдатам. Мечи звенели резко и неблагозвучно, тела падали одно на другое по мере того, как к сражению присоединялись новые воины.

Джайлис отбросил назад очередного нападавшего и нанес ответный удар. До этого момента он не видел, с кем сражается, но сейчас внезапно осознал, что перед ним совсем еще юный парнишка, не защищенный латами, с лицом, искаженным уродливой гримасой ненависти. У командира императорской стражи не было времени предаваться размышлению о превратностях судьбы. Он сделал ложный выпад и, пронзив врага, отшвырнул тело в сторону.

Численное преимущество было на стороне обороняющихся, но они мало что могли противопоставить обученным, закованным в доспехи солдатам. Рука дрогнула, когда Джайлис проткнул шею следующего противника. Тому, похоже, было не больше восемнадцати — мальчишка. Солдаты императорской стражи теснили восставших, чтобы дать возможность войти в помещение подкреплению, все еще топтавшемуся на лестнице. Сопротивление оборонявшихся ослабевало.

Джайлис использовал секундную передышку, чтобы осмотреться. Подвальное помещение было большим и плохо освещенным, но потребовался один только взгляд, чтобы понять — сведения им дали верные. Расставленные вдоль стен столы заполняли скрученные в спираль трубки из латуни, колбы для очистки, часовые механизмы и взрыватели. Бочонки с порохом были аккуратно сложены возле поддерживающих потолок столбов. По углам валялся всякий хлам: обрезки металла, обрывки бумаги и тряпок. Но на столах все располагалось в строгой последовательности, чтобы сборка смертоносного оружия осуществлялась с соблюдением очередности и установленных правил.

Здесь помещалось сердце секретной армии Унгера ту Горрика: фабрика по производству бомб. Множество людей погибли от рук этих фанатиков, но еще больше от хаоса, который

сияло смертоносное орудие. Джайлис не испытывал никакой жалости к бунтовщикам. Они представляли угрозу династии Эринима и империи. И каждый удар его клинка очищал Аксеками от заразы.

И все же безумие, с которым повстанцы бросались на мечи императорской стражи, удивляло даже Джайлиса. Они не были профессиональными воинами, но никто не струсил и не попытался убежать. Вместо этого бунтари рвались в атаку и падали под ударами солдат, словно скошенная пшеница. Джайлис моргался каждый раз, когда брызги теплой крови попадали на лицо. Офицер задавался вопросом, ради каких высоких идей эти фанатики охотно идут на верную гибель.

В этот момент его внимание привлек треск винтовочных выстрелов, и солдат, стоявший слева, с коротким вскриком упал на пол. Выстрелы раздались снова. Упал еще один стражник, а за ним еще один. Джайлис быстро определил, откуда ведется стрельба. У дальней стены двое мужчин пробрались к стойке с винтовками и передавали оружие обороняющимся. Солдат позади Джайлиса уже подготовился стрелять. Командир императорской стражи грубо оттолкнул его.

— Не будь дураком! — крикнул он. — Отступаем! Выходите!

Они поступили рискованно и пошли на врага вслепую. Но в подвал вел только один путь, поэтому выбора у императорской стражи не было. И теперь Джайлис понял, что недооценил противника и его беспечность может дорого обойтись. Пользоваться огнестрельным оружием равносильно самоубийству! Подвальное помещение представляло собой одну огромную бомбу. Достаточно лишь малой искры, и все вокруг взлетит на воздух!

Но, вполне возможно, в этом и заключался план противника.

Солдаты рванулись к лестнице, но оборонявшиеся яростно накинулись на них, пытаясь перекрыть пути к отступлению.

Пальба усилилась, повстанцы стреляли, уже не целясь: во врагов, в союзников, куда попало. Джайлис пробивался к выходу

ду. Удушающее зловоние кожевенного завода разъедало легкие, солдаты метались в панике, не в силах вырваться на лестницу. Командир императорской стражи почувствовал, что падает, в груди нарастало жжение, движения окружающих замедлились, и чей-то голос шептал на ухо, что конец близок.

Он уже не услышал выстрела, который попал в бочонок пороха, и не видел вспышки. Кожевенный завод взлетел на воздух в чудовищном взрыве, разметавшем ближайшие улицы. Посыпались битые кирпичи, деревянные балки, крутясь в воздухе, с шипением падали в реку. Земля с грохотом сотрясалась. Задрожал даже императорский дворец. Огромный темный столб дыма поднимался к небу, омрачая прекрасный летний день.

— Вы знаете, что в моих словах есть смысл, Анаис.

Императрица пристально посмотрела на Моса, сидевшего напротив на подушках возле низкого столика. На столе стояли чаши с рисом, блюда с рыбой и крабами, выловленными в заливе Матакса. Дурун метался из одного угла в другой перед скамьей, установленной на широком балконе, под аркой, поддерживаемой двумя столбами. День выдался жаркий, но навес не пропускал в комнату солнечные лучи. Однако духота была настолько сильной, что даже легкий ветерок не приносил облегчения.

— О боги, жена, почему ты не хочешь послушать его? — воскликнул Дурун, откидывая назад длинные черные волосы. Он остановился и раздраженно посмотрел на Анаис. — Это единственный выход.

— Дурун, не вмешивайся! — приказал отец. — Ты все равно не поможешь.

Анаис, наколов на серебряную вилку маленький кусочек рыбы, положила его на свою тарелку, заставляя собеседников ждать, пока закончит трапезу. Дурун дрожал от напряжения, как собака на цепи, увидевшая кролика. Мос терпеливо наблюдал за невесткой.

— Я не вижу в этом особой необходимости. Аксеками больше не грозят взрывы бомб, фабрика по их производству уни-

тожена, — наконец сказала императрица. — Армия Унгера ту Торрика разгромлена.

— Вы правы, — согласился Мос. — Но ценой жизни двух отрядов императорской стражи. Вы слишком долго тянули, Анаис. Сейчас ситуация только ухудшится. Беспорядки сотрясают город, столица в огне. Армии семей Амаха и Керестин выясняют отношения пока за городскими стенами. Хаос порождает хаос, моя императрица. Аксеками распадается на части, и не в вашей власти остановить разрушение. Если Амаха или Керестин ударят по столице сейчас, то ваша армия не справится с народными восстаниями.

Анаис удивленно подняла брови. Речь обычно молчаливого Моса казалась отрепетированной. Видимо, он тщательно готовился к этому разговору.

— Прошу, послушай его! — Дурун с трудом сдерживался. — Позволь мужчинам моей семьи заняться решением проблем!

— Ах! — воскликнула Анаис. — Ты предлагаешь направить силы семьи Бэтик на поддержание общественного порядка?

Мос бросил сердитый взгляд на сына, но тот был слишком спесив и надменен, чтобы покраснеть. Наоборот, император фыркнул и отвернулся, демонстрируя безразличие к дальнейшему ходу беседы. Дурун совершил промах, раскрыл карты раньше времени, и теперь Мос должен был выкручиваться, потеряв преимущество в споре с Анаис.

— Да, — возмущенно бросил Мос. — Я знаю о вашей осторожности в вопросе применения сил в Аксеками. Вы привлекаете сюда только свою армию. Хотя меня это озадачивает. Неужели вы не видите, что мы преследуем те же интересы? Я потеряю не меньше вашего, если Аксеками падет. — Вельможа перевел дыхание. — Чтобы вы не думали, что я пугаю вас, предлагаю вновь возложить на императорскую стражу охрану дворца и городских стен Аксеками. Мои отряды будут использоваться только для подавления бунтов и восстановления порядка в городе, пока вы не передумаете.

— Я хотела бы направить их на защиту столицы, если армия Амаха или Керестин нападет на город. Это возможно?

— Конечно, — утвердительно кивнул Мос. — Здесь мой сын и внучка. — Дурун возмущенно фыркнул, выражая отношение к словам отца. Мос бросил на сына грозный взгляд и продолжил: — Я никому не позволю вломиться в город, если вы дадите мне такую власть. И чтобы доказать свою преданность империи, я, с вашего позволения, останусь во дворце. Я готов разделить ту же участь, что ждет вас, моего сына и Люцию.

— Это немалый риск, — спокойно заметила Анаис, забыв про еду. — Мало кто останется в живых, если нас постигнет неудача.

— Нет, Анаис, если мы объединим наши армии под защитой стен Аксеками, то не проиграем. Если бы Амаха и Керестин объединились, то вместе имели бы шанс победить. Но они разобщены, и у них нет ни малейшей надежды одержать победу.

Анаис на мгновение задумалась, возвратившись к еде.

Мос привел убедительный аргумент. Она хорошо понимала, что обстановка с каждым днем ухудшается. По правде говоря, императрица приняла решение еще до прихода Моса. Придется согласиться, у нее нет другого выбора. И как бы Анаис ни колебалась, не доверяя союзникам, но приглашать в столицу иностранную силу было еще опаснее. Какой бы выбор она ни сделала, всегда оставалась вероятность ошибки — учесть все факторы невозможно.

Риск был, но без риска не бывает побед.

— Очень хорошо, — кивнула Анаис. Мос широко улыбнулся. — Но никто из ваших людей не должен находиться во дворце. Даже личная охрана. Мы поняли друг друга?

Улыбка медленно сползла с лица вельможи, но он кивнул, уступая.

— Согласен. Я немедленно пошлю за моими войсками.

— Вы можете связаться со своим ткачом через Виррча, — брезгливо поморщилась Анаис. — Но будьте осторожны, не выдавайте наших тайн.

— Я сообщаю ткачам лишь самое необходимое, — поспешил успокоить ее Мос.

— Вместе с вами я смогу принять все необходимые меры, — заключила Анаис.

Женщина посмотрела на Дуруна, он ответил пустым, ничего не значащим взглядом. Вполне в духе императора — вести себя так, как будто это он, а не жена, принял решение. Анаис не считалась с мнением мужа и всегда контролировала его. Мысли и действия Дуруна диктовались одним органом, но, к сожалению, не мозгом.

— Я сейчас же найду Вирроча и поговорю с ним. — Мос встал из-за стола. — Лучше побыстрее покончить с этим.

— А что делать с Амаха и Керестин? — поинтересовался Дурун. Казалось, он не слышал ни слова из предыдущего разговора.

Мос недоуменно пожал плечами и потянулся, словно находился дома, а не в присутствии императрицы. Анаис усмехнулась, вновь убедившись в неумении вельможи вести себя подобающим образом.

— Пусть остаются там, где находятся, — пояснил сыну Мос. — Сонмага ту Амаха никогда не позволит Гриджа ту Керестин войти в город. В то же время он не осмелится напасть сам, повернувшись к армии союзника спиной. Давайте посмотрим, останется ли у них прежний запал, когда они увидят несколько тысяч наших воинов, вошедших в Аксеками. Я располагаю сведениями, что армия Сонмаги плохо вооружена, чтобы вести боевые действия, и у него нет времени для сбора дополнительной силы. И Гриджай понимает, что может победить Сонмагу, но потери, которые понесут его отряды, не оставят шанса войти в столицу. Наши враги в безвыходном положении. Самое лучшее, что может произойти, это если они переродутся и отправятся восвояси. И тогда у нас одной проблемой будет меньше.

Дурун встал возле отца. Анаис вышла из-за стола и кивком указала на дверь.

— Будем надеяться, что Оха благословит нас.

Мос низко поклонился.

— Вы приняли сегодня мудрое решение, Анаис. Страна находится в надежных руках.

— Посмотрим, — вздохнула императрица. — Посмотрим.

Наследница Люция ту Эринима стояла на коленях перед натянутым на деревянную раму холстом. Ее фигура, освещенная лучами вечернего солнца, отбрасывала на пол длинную тень. Девочка находилась на высокой террасе сада с полудня. Она расположилась на нагретых солнцем плитах каменного пола. Террасы спускались вниз, одна за другой, пока не упирались в высокую, окружавшую сад по периметру стену, скрывая его от посторонних взглядов. Глаз Нуки пробивался сквозь тонкие облака, затянувшие горизонт. Люция время от времени переводила взгляд с холста на открывавшийся перед ней вид, а затем снова обращалась к своему творению. Взяв в руки широкую мягкую круглую кисть, девочка обмакивала ее в одну из фарфоровых чашек с краской, стоявших рядом на камне, и наносила мазок на холст.

Техника письма, которую использовала принцесса, была довольно старой. В ней применялась смесь из воды, краски и сока, носившая название «тяжелая вода». Состав наносился на холст, закрепленный в деревянной раме, а сверху покрывался полупрозрачным лаком. Лак придавал картине объем, независимо от того, что было нарисовано. Такая техника позволяла художникам, используя краску и лак, получать трехмерное изображение. Когда картину заканчивали, ее сушили, и поверхность становилась гладкой, как стекло. Для усиления объемного эффекта возле нее ставили свечи.

— Здравствуйте, Люция. — Глубокий звучный голос отвлек девочку от работы.

Она присела на корточки и посмотрела вверх, прикрывая свободной рукой глаза от солнца.

— Здравствуйте, Заэлис, — улыбнулась наследница.

Наставник присел рядом. Его черное с золотом одеяние спадало вниз мягкими складками.

— Мне кажется, работа подходит к концу, — заметил он, склонившись над холстом.

— Еще один день, и я закончу, — подтвердила девочка, не отрывая взгляда от чашек с красками.

— Очень хорошо, — похвалил Заэлис.

— Кажется, получилось, — скромно кивнула Люция.

На мгновение воцарилась тишина.

— Вы на меня сердитесь? — поинтересовалась девочка.

— Вы провели на солнце весь день, — сказал наставник. —

И я полдня потратил на поиски. Ваша мать принимает строжайшие меры безопасности, чтобы защитить вас, Люция. Вам следовало хорошенько подумать, прежде чем исчезать таким образом. И не стоило сидеть весь день под лучами Нуки.

Люция горестно вздохнула. По голосу и манере поведения наставника принцессы поняла, что он не сердится, но все равно почувствовала себя виноватой.

— Мне нужно было уйти, — попыталась объяснить девочка. — Ненадолго.

— Даже от меня? — В голосе Заэлиса послышалась обида.

Люция кивнула. Она вновь посмотрела на закат, затем на холст и, выдавив капельку лака, нанесла его одним быстрым движением на картину.

Заэлис наблюдал за воспитанницей с невозмутимым лицом. Конечно, ей хотелось спрятаться. Такой чувствительной девочке, как Люция, тяжело выносить напряжение, царившее в коридорах дворца и просачивавшееся даже сюда, в сад. И хотя учитель очень заботился о безопасности принцессы, ему казалось, что усилия охраны напрасны против ее желания. Девочка знала, что все беспорядки, все смерти связаны с ее именем. Заэлис постарался убедить принцессу, что она не должна винить себя в обрушившихся на город бедах. И в то же время он не был уверен, что Люция вообще чувствует себя виноватой. Он вообще уже ни в чем не был уверен. Настроения и чувства наследницы оставались для него такими же непостижимыми, как океанские глубины.

Внезапно принцесса вскинула голову, и Заэлис от неожиданности вздрогнул. Учитель проследил за ее взглядом, не мечтательным и отсутствующим, как обычно, а внимательным и сосредоточенным. Девочка смотрела на север, где белый краешек Арии появился на горизонте, свидетельствуя о приближении ночи. Брови сошлись к переносице и дрогнули. Ярость, проявившаяся во взгляде, потрясла наставника. Он никогда не видел девочку такой. Но Люция почти сразу же отвернулась к картине, уйдя в себя.

— Что случилось? — поинтересовался Заэлис и, когда воспитанница не ответила, повторил вопрос: — Люция, что случилось? — Обычно наставник не проявлял такой настойчивости, но увиденное минуту назад заставило отступить от правил.

— Я кое-что услышала, — неохотно сообщила девочка, все еще не поднимая глаз.

— Что услышали? — допытывался Заэлис. Он оглянулся и посмотрел на север. — От кого?

— Нет, не обычные слова. Так говорят духи. — Люция потерла затылок. — Я слышала только эхо, шепот. Напоминание. Теперь все ушло.

Заэлис уставился на край Арии, сияющей вдалеке.

— Напоминание о чем?

— Сон! — выпалила принцесса. — Я видела сон. Я встретила Детей Лун. Они пытались мне что-то сказать, но я поняла не сразу. А потом... — Она немного наклонилась. — А потом у меня получилось. Они попробовали показать мне... Я не знаю, было ли это предупреждение или угроза... Я не знаю...

Заэлис испугался.

— Что они говорили, Люция?

Девочка повернулась и посмотрела ему в глаза.

— Что-то должно случиться, — прошептала наследница. — Что-то плохое... со мной...

— Вы же не знаете этого наверняка, Люция, — механически возразил Заэлис. — Не говорите так.

Она стремительно прижалась к наставнику и обняла его. Ее порыв застал Заэлиса врасплох, но он обнял девочку в ответ.

— Это всего лишь сон. Не нужно бояться снов.

Но через плечо девочки он все смотрел на горизонт, на холодную Арию. И в глазах учителя густел страх.

Виррч отдыхал. Он лежал голый, на постели в своих покоях. Его иссохшее сморщенное тело вызвало бы у постороннего презрительность и неприязнь. Худые уродливые руки были испачканы в крови. Она стекала по отслаивающейся коже лица, впалой груди, выпуклому животу и атрофированным гениталиям. Главный ткач напоминал новорожденного ребенка, скрючившегося на мятых серых простынях, стонущего и тяжело дышащего.

У объекта его недавнего внимания не наблюдалось никаких признаков жизни. Это была старуха, выбранная из прихоти после того, как Виррч передал сообщение Моса его ткачу. Необходимость выполнить это поручение оскорбила его.

Он был главным ткачом и позволял себе убивать столько людей, сколько хотел. Мало кто из ткачей заходил в своих безумных припадках так далеко. Выбирая жертву, Виррч не обходил вниманием и слуг. Эта старуха могла оказаться кухаркой или уборщицей, работавшей во дворце и, следовательно, у императрицы. Но он был уверен, что Анаис не будет возражать, даже если узнает. Императрица прекрасно понимала, на что идет, выбирая Виррча своим главным ткачом. Она сама отправляла слуг удовлетворять его прихоти. Слишком незначительная плата за такого могущественного ткача.

Старуха плавала в бассейне, красном от крови. Виррч пребывал в плохом настроении, потому что ему пришлось ждать. Но когда жертва прибыла, он яростно набросился на нее, нанося удар за ударом. Старуха умерла почти сразу же. Это только увеличило ярость ткача, и он рвал тело до тех пор, пока труп не утратил человеческие очертания.

Да, возможно, в последнее время он стал убивать чаще, чем прежде. Но Виррчу, как пауку в центре сети, требовалось постоянно питаться.

Начальник императорской стражи, арестовавший Унгера ту Торрика, плохо поддавался внушению, но у Виррча было время, чтобы воздействовать на старого служаку. Даже такой сильный и могущественный ткач, как он, не мог просто захватить сознание человека и взять его под свой контроль. Это требовало полной сосредоточенности и ограничивало передвижение. Начальник стражи мог догадаться, что им пытаются манипулировать. Поспешность всегда чревата провалом.

Виррч вспомнил о недавней попытке воздействовать на Зана, в результате которой погиб Табакса. Сейчас он уже сомневался, стоило ли идти на такой риск.

«Ты ошибся, Виррч», — сказал он себе.

С командиром императорской стражи главный ткач поступил осторожнее, воздействуя понемногу на сознание во сне, ночь за ночью настраивая офицера против Унгера, внушая, что тот получит награду от императрицы, если арестует злоумышленника. Когда Торрика взяли, Виррч убедил всех, что находился у императрицы, обезопасив себя от возможных обвинений. Как мало знала Анаис о методах ткачей.

Работа с изготавителями бомб потребовала от Виррча месяцев напряженного труда. С самого начала, как только возникли первые подозрения в отношении Людии, главный ткач взялся за дело. Еще до того, как он убедил Сонмагу ту Амаха послать во дворец вора-домушника Пурлоха, Виррч постоянно являлся в снах к простым мужчинам и женщинам. Постепенно они превратились в фанатиков и все большие времена проводили, изучая способы изготовления бомб.

Теперь дело оставалось за малым. Искрой стало известие о том, что наследница — порченая. По этому сигналу люди оставили работу, дома, семьи и стали убежденными террористами, как и предвидел Виррч. И когда все было готово, последовал следующий сигнал, который запустил в действие подрывной механизм. Арест Унгера ту Торрика.

Это был мастерский ход. Народные массы, покоренные обаянием и целеустремленностью Унгера, видели в нем выражение своих мыслей и интересов, лидера их политического движения.

Виррч собственноручно убил оратора, чтобы не допустить его чрезмерной популярности, сделав из него безвинную жертву произвола императрицы и подтолкнув горожан к бунту. Теперь изготовители бомб были мертвы, они предпочли смерть аресту, и круг замкнулся. Не было никаких свидетельств, связывающих Виррча со всеми этими событиями. Все внимание императрицы было приковано к городу, и главный ткач мог переходить к заключительному этапу своего плана.

Но не все шло гладко. Сознание все еще царапала мысль о Руйто ту Макайма. Из-за него ткач не чувствовал себя в безопасности. Как могло случиться, что ученый сумел достигнуть гор Лакмар и проникнуть в монастырь? Виррч до сих пор не понимал, как Руйто удалось достать маску, чтобы пройти через барьер. Но, к счастью, ученому не удалось так же беспрепятственно выбраться оттуда, оставшись незамеченным. Ловушки в сети оповестили обитателей монастыря о нарушении барьера. Шпионы проследили за Руйто до самого дома. Но ученый, потрясенный тем, что ему удалось узнать, предпочел укрыться в своем лесном поместье. Ткачей это устраивало, они просто следили за Руйто, чтобы понять, насколько он опасен, и что с ним делать. Наблюдение, как и многое другое, поручили Виррчу.

Главный ткач собирался выкрасть и допросить Руйто. Если бы это удалось, сейчас его не разъедало бы недовольство.

Но ученый перехитрил главного ткача. В ту ночь Виррчу был нанесен удар. Отец семейства подсыпал родным в пищу яд. Все Макайма заснули и больше не проснулись. Руйто ускользнул от него.

Демонов тьмы сложно вызвать, но еще труднее оказалось управлять ими. Люди не внушали Виррчу доверия. Шин-шины нужны были главному ткачу, чтобы вернуть маску. Демоны не наденут ее, не сболтнут лишнего и никогда не наведут на его след. Но прибегая к их помощи, ткач шел на огромный риск.

Шин-шины относились к слабой, низшей категории демонов и пробудились при первых поражениях земли колдовскими камнями. Не так просто оказалось попросить их выполнить задание. С шин-шинами, как и с любыми другими духами, прак-

тически невозможно наладить устойчивую связь, а сведения от них передаются на уровне трудно уловимых, зыбких впечатлений и чувств. Без влияния колдовского камня Виррч вообще не смог бы установить контакт с демонами тьмы.

А затем настал день, когда семье Макаима пришел конец. Но все прошло не так, как надо.

Виррч мог привести тысячу причин в пользу того, что волноваться не стоит, но существовала всего лишь одна, причиняющая ему беспокойство. Маска пропала.

Демоны тьмы оказались не в состоянии распознать, кому удалось скрыться. Их мозг работал совсем по-другому, не так, как у человека. Восприятие основывалось не на зрительных ощущениях, а на запахах и считывании ауры. Это делало шин-шинов превосходными шпионами, но в то же время ограничивало их возможности. Они не могли распознавать пол людей, внешность. Когда Виррч попытался выяснить, кто же ускользнул от них, демоны сообщали какие-то непонятные приметы. Ткач остался недоволен своими шпионами.

Кто забрал маску, так и осталось тайной. Ее украли два человека. Больше Виррч ничего не смог выяснить. Тела в доме сгорели без остатка. Процесс эксгумации так же оказался совершенно невозможен. В доме находилось слишком много людей, и определить, кто исчез, Виррч не смог. Правда, шин-шины отыскали тело Руито прежде, чем дом рухнул. Поэтому Виррч мог спокойно вздохнуть. Но, тем не менее, кто-то украл маску, и ткач не выяснил личность вора. Демоны тени шли по следу до самого Аксеками, но в городе им места нет, поэтому шин-шины даже не пытались проникнуть в человеческий улей и потеряли добычу.

Но особых причин тревожиться не было. Каковы шансы, что беглецы узнают, чем завладели и смогут воспользоваться маской? Наверняка они продадут ее какому-нибудь купцу, торговому театральным реквизитом. Сценарий за сценарием прокручивал Виррч в голове. Но к одному возвращался постоянно.

Что, если беглецы разгадают тайну маски и воспользуются ею?

Не имеет значения, тут же подумал Виррч.

Через несколько дней, самое большее через две недели, стальные челюсти капкана, который он установил вокруг императорского дворца, захлопнутся. К власти придут новые люди, которые будут править при поддержке ткачей. Возникнет беспрецедентный союз, в котором ткачи станут опорой трона.

Их время придет.

Глава 27

— Первый шаг... — мягко объясняла Кайлин, — первый шаг самый важный. И самый опасный.

Маленькая пещера, в которой они находились, освещалась одним-единственным факелом, разбрасывавшим по стенам криевые пляшущие тени. Здесь, несмотря на теплую летнюю ночь, царила прохлада.

Кайку с любопытством внимала Кайлин. Ощущение того, что они отрезаны от всего остального мира нависшей над ними скалой, приятно щекотало нервы. Пустая пещера представлялась девушке пузырем воздуха, окруженным оправой из камня, удерживающей его в себе. Узкий туннель, соединявший эту крошечную, изолированную капсулу с остальными пещерами Проловала, уходил вглубь. Кайку задавалась вопросом, куда же ведет черный коридор.

Она сидела, скрестив ноги, на плетеном коврике в центре пещеры. Волосы, влажные и спутанные, падали на лоб, глаза закрыты. Кайлин медленно двигалась вокруг ученицы, почти касаясь головой потолка. Ее шаги эхом отскакивали от стен пещеры. Она продолжала говорить, и ее голос воздействовал на Кайку, погружая в транс. Девушка слышала слова, и их смысл впитывался в ее сознание.

— Твоя канва сейчас походит на дикое животное. Пока сила не поддается контролю и готова вырваться наружу, стоит тебе разозлиться или развлечься. Прежде чем начать тренироваться, ты должна сначала заткнуть ей рот, посадить на привязь, приручить и обезопасить.

Кайку почему-то ощущала неловкость от происходящего. Хотя в течение всей прошедшей недели она внутренне готовила себя к занятиям с Кайллин, теперь ей стало страшно. Девушка боялась своей каны, боялась агонии, которая возникает после того, как сила закипает и вырывается наружу. Кайллин учила ее заклинаниям, которые будут успокаивать сознание, предупреждая о том, что ученица увидит или почувствует. Наставница обучала тому, что нельзя делать, когда каны начнет проявляться.

— Ты должна сопротивляться соблазнам. Каждый инстинкт будет подталкивать тебя напасть на меня, словно я твой враг. Но если ты только попытаешься, я убью тебя. — Голос Кайллин звучал ровно и монотонно. Она не угрожала, а предупреждала. — Я сольюсь с тобой, Кайку. Если бы у тебя не было способностей к ремеслу ткача, ты бы даже ничего не почувствовала. Но у тебя есть... защита. Я — инородный элемент в твоем сознании и теле, и ты попытаешься избавиться от меня. Не нужно. Ты должна оставаться спокойной и позволить мне делать мою работу. Я заткну рот зверю внутри тебя, но у меня ничего не получится, если ты будешь сопротивляться.

Кайку уже слышала эти слова и прежде, но то была лишь теория. На самом деле ничто не могло подготовить девушку к погружению. Никто до нее этого не делал. И что случится, если она не сможет себя контролировать?

Кайку уже знала ответ, но даже не допускала мысли, что можно отказаться и отступить.

Кайллин положила тонкие бледные пальцы на плечи девушки.

— Ты готова?

Кайку глубоко вздохнула, и ее веки задрожали.

— Да, — соглашалась она.

— Тогда начнем.

Зверь внезапно вырвался на свободу из своего логова со всей свирепостью и яростью, на которую только был способен. Он рычал, рвался из груди, как демон, опаляющий все вокруг. Глаза Кайку оставались закрытыми, но внутри взметнулось

бесконечное море золотых нитей, прекрасная ширь без границ, без начала и конца. Какое-то мгновение она ощущала только ужас — боль раздирала ее, жгущая изнутри каны рвалась наружу.

И тогда, внезапно, Кайку сориентировалась. Ее вел инстинкт, но куда — девушка пока не могла понять. Однако уже через мгновение Кайку начала разбираться в сложных и в то же время великолепных переплетениях Узора. Она легко распознавала золотистые нити. Это была ее сущность, ее территория в общем рисунке ткачей. Девушка чувствовала движущийся от сердца золотой поток крови, видела, как он просачивается через капилляры, чтобы кормить плоть. Ощущала, как воздух всасывается в легкие. Свивающиеся в плотный кокон тонкие волокна впускали воздушные массы внутрь и исторгали назад.

Но кроме всего этого, девушка ощущала что-то ужасное, неправильное. Мутное, злочастственное, вызывающее отвращение, вползающее внутрь, как болезнь, впитывающееся в нее словно кровь в тряпку, вызывающее страх...

Кайку увидела, как нечто проникло сквозь золотые нити к ее сердцу, тонкие щупальца света, скользящие по волокнам ее тела, ее мышцам, по всему телу. Все внутри взбунтовалось, требовало избавиться от непрошеного захватчика, немедленно удалить эту мерзость. Ее каны сверкала, угрожая сжечь постороннее тело, очистить внутренности огнем...

Нет!

Это Кайлин. Значит, ей нужно остановить кану, принять постороннее существо, несмотря на то что все внутри протестовало. Ее сила сопротивлялась попыткам обуздать ее, загнать в клетку, но сейчас Кайку чувствовала себя намного уверенней, чем во время прошлых попыток. Сила до сих пор оставалась внутри нее, и никак не могла прорвать ограждения, возведенные хозяйкой. Девушка смогла победить огонь.

Кайку снова и снова повторяла заклинания. Вторжение продолжалось, приближаясь к центру сознания. Ее захлестывали волны панического страха. Что она на самом деле знает о Кайлин ту Моритат? Кайку открылась этой женщине больше, чем

любовнику, предоставив право делать с собой все, что та захочет: вывернуть наизнанку легкие, разорвать сердце или перестроить мысли и превратить в бессловесного раба, исполняющего любую прихоть захватчика. Как можно довериться чужаку, позволить таинственному искаженному войти внутрь?

Кайку одернула себя и сконцентрировалась на заклинании. Слишком поздно, подумала она. Уже слишком поздно. Но все же желание избавиться от непрошшеного гостя росло, требуя выбросить его из своих внутренностей. Она снова и снова вспоминала слова Кайлин. «Твое сознание будет воспринимать меня как болезнь». Так и происходило. Девушка напрягала всю свою волю, стараясь сохранять спокойствие, пока муть оседала в ней.

Но чужие нити поспешно проникали в сердце, окутывая тело, и вот уже по ним скользит незнакомая сила, успокаивая возбужденные нервы, как приложенный к ожогу лед. Ее кана съежилась, и Кайку поняла, что самое худшее позади. Она больше не воспринимала вторжение Кайлин как болезнь. Похоже, наставнице удалось осуществить задуманное...

Провал был готов к любым опасностям, подстерегающим Ксаранский Разлом. Здесь не было профессиональной армии, но существовал специальный отряд, набранный из добровольцев. Главари бандитских шаек и благородные вельможи сидели рядом на военных советах, вырабатывая планы по защите Провала. Профессиональных военных не хватало, зато нашлось немало желающих защитить обретенную свободу. Предполагалось, что каждый человек в долине сможет встать в ряды ополчения, если возникнет такая необходимость. И тот, кто не умел стрелять, сражаться на мечах, заряжать баллисту, выступал в роли пушечного мяса.

Даже ночью, заполнившей расщелины Провала, обучение продолжалось при свете фонарей и костров. Все орудия были вычищены и проверены. Баллисты внушительно стояли на горных хребтах, подсвеченные огнем костров. Шахтерские тележки, наполненные боеприпасами, находились на всем протяжении

дорог, проходивших через плато. Регулярно совершались разведывательные вылазки.

Тэйн сидел на траве в тенистой долине. Местные жители предупредили юношу об опасности ночных прогулок в одиночестве, но послушник привык поступать по-своему и сейчас радовался, что предпринял такую вылазку.

Юноша смотрел на каскад террас, спускающихся вниз, освещенных сотнями фонарей. Окна зданий, наводнивших плато, призывающими мамили к себе мерцающим светом, словно звезды, упавшие на землю. Высоко в небе светила Ария. Ее плоский лик смотрел на юношу, а дымчато-белую кожу покрывали пятна голубых заплат. Созерцая эту красоту, Тэйн испытывал неземное блаженство. Послушник мысленно поблагодарил Энию и ощущал странное удовлетворение.

Последние недели стали для него переломным моментом. Все это время он, казалось, догонял самого себя. С того самого дня, как нашел в лесу Кайку, лежавшую без сознания. Девушка вошла в его жизнь, наполнив ее смыслом — впервые с тех пор, как мать и сестра оставили Тэйна.

Его послушничество в храме стало убежищем, где юноша пытался восстановить душу после совершенного преступления. Тэйн мало сожалел о том, что убил отца. Но именно это отдалило его от семьи.

Мать не умела жить без опоры на плечо мужа, а сестру изнасиловал собственный отец. Об остальных бедах и лишениях, выпавших на их долю, он уже никогда не узнает. В течение многих недель Тэйн разыскивал их, опрашивая жителей в близлежащих поселениях. Но женщины исчезли, словно дым на ветру. Тогда юноша ощущал вину и ужас от того, что совершил. Им овладело отчаяние, и он томился в пустом доме в течение многих недель. А потом ушел в храм богини Энию и стал послушником. Если он не мог излечить себя, то, возможно, ему удастся лечить других. Священники приняли Тэйна и позволили оставаться. Он постепенно привык к их порядкам, определенным обязанностям, и на время они стали частью его жизни.

Но на самом деле Тэйн себя обманывал. Он не испытывал особого рвения к изучению различных дисциплин или сильно-го желания посвятить всю свою жизнь служению богине Эню. Появление Кайку стало своеобразным катализатором неиз-бежного. Юноша все еще полагал, что Эню спасла его от ужас-ной смерти, постигшей всех остальных священников в храме, потому что ему предначертано выполнение особого дела. Он избранный. Богиня оставила его в живых, чтобы Тэйн помо-гал порченым. Нет, искаженным.

Когда послушник уехал из Хайма и отправился на юг, то хотел лишь скрыться от Азары. Он больше не желал терпеть ее насмешки, пристальный, выпытывающий взгляд. С другой сто-роны, Тэйн не мог сидеть сложа руки и ждать, пока Кайку вер-нется. Ему требовалось побывать одному и подумать. Он привык к одиночеству и частенько беседовал сам с собой. Раньше ему не требовалась компания, чтобы принять решение. Но теперь Тэйн нуждался в том, чтобы его выслушали и помогли.

«Ты верил, что твой путь предопределен богиней. Что ты спасен ради какой-то особой миссии. И вместе с тем верил, что нет для Эню более нечестивого существа, чем порченый. По-страйся, если сможешь, примирить одно с другим».

Слова Азары не давали юноше покоя всю дорогу, когда он сел на корабль в Пелис и поплыл обратно на материк.

Может, Эню испытывает его веру? Как следует поступить? Помочь порченым или преследовать их? Возможно, их всех объединяет одна цель: найти тех, кто натравливает шин-шинов?

Но какие бы мысли ни возникали в голове Тэйна, какое бы решение ни приходило, он все равно наталкивался на одно и то же противоречие. Порченые в любом случае являлись порож-дением болезни, поразившей землю. Как можно предполагать, что его жизненный путь, выбранный богиней Эню, совпадет с их дорогой?

Он думал об этом все время, пока плыл в Аксеками, но, сойдя на берег, тут же оказался поглощен суматохой, тво-рившейся в городе. И тогда юноша понял, что у него нет ни плана, ни цели, и ему даже некуда пойти. Все деньги, кото-

рые он взял с собой, быстро кончились, а заработать оказалось не так-то просто. Все это время Тэйн жил на средства Кайку и Азары. Дорога с острова Фо до Аксеками окончательно опустошила его карманы. Он хотел найти другой храм Эню, где его примут и не отвернутся. Но не в Аксеками. Беспорядки, охватившие столицу, мешали сосредоточиться и все обдумать. Он искал такое место, где смог бы обрести покой и возможность предаваться размышлениям о своем затруднительном положении.

И все-таки Тэйн не пошел в храм. Это означало бы поворот назад, возвращение в ту жизнь, из которой его вырвала Кайку. Он не забыл то чувство обретения себя, которое испытал, когда плыл с Азарой в Аксеками. Это чувство подсказывало, что в храме Эню он не получит ответы на волнующие его вопросы. И Тэйн отправился в храм Паназу.

Пробраться в город оказалось нелегко, но не все ворота столицы были закрыты. Многие в панике покидали город, и Тэйн воспользовался тем же путем, чтобы войти внутрь. Юноша не забыл про записку, оставленную Азарой. Он до сих пор не продвинулся ни на шаг в поисках ответов на свои вопросы, но понимал, что никогда не докопается до истины, если сойдет с выбранного пути. Все, что ему оставалось, это следовать заданным направлением. Юноша решительно отказывался принять мысль, что все его поступки продиктованы зовом сердца; он вообще не станет думать о Кайку.

А теперь Кайку возвратилась к нему. Новости, которые она сообщила, поразили всех, явив зло, которое несли ткачи. Кайку одна пробралась в дикие, незаселенные места и смогла возвратиться, принеся с собой нечто более ценное, чем все драгоценности в мире.

Ее поступок потряс Тэйна. Юноша всегда высокомерно полагал, что именно он, избранник богини Эню, должен быть в центре событий. Но именно Кайку нашла источник порчи, ухватившись за нить, оставленную ее отцом и дойдя до конца. Кто знал, как далеко потянется эта нить, куда могут завести предположения разных ученых о причине болезни?

Потребовалась храбрость и хитрость одного человека, чтобы раскрыть тайну. Но, чтобы восстановить утраченные сведения, понадобились усилия его дочери. Все, что священники из храмов Эню пытались узнать, проведя десятилетия в молитвах и размышлениях, было раскрыто порченой, проклятием природы.

Тогда почему он пошел с ней? Как свидетель? Как тот, кто должен охранять ее? Или такова была воля Эню?

Возможно, ты оказался здесь просто так, ответил сам себе Тэйн. Похоже, что никакого великого плана не существует, или, если все-таки существует, то он тебе не по зубам. Ты всегда был слишком погружен в себя. Именно поэтому из тебя не вышел бы хороший священник. Слишком много сомнений и нет безоговорочной веры.

Эти выводы не удовлетворили юношу, но пока он решил прервать размышления. Какими бы ни были ответы, послушник не сомневался в своем отношении к Кайку. Он последует за девушкой, куда бы она ни пошла. Тэйн никогда ее не предаст...

— Об этом не может быть и речи, — резко бросила Кайлин. — Она слишком ценна.

— Никто не знает этого лучше, чем я, — ответила Мисани. — Но если ты хочешь, чтобы пошла я, она пойдет со мной.

Мисани и Кайлин уставились друг на друга, не собираясь уступать одна другой. Кайлин возвышалась над миниатюрной аристократкой. Но Мисани не путал рост противницы и внушающая страх внешность. Девушки стояли в одной из верхних комнат дома, где располагался Красный орден, длинном здании с изогнутой крышей, увенчанной шпилем и балконами. В отличие от окружавших его ветхих лачуг, это строение было строгим и опрятным, с красно-черными вымпелами, развевавшимися над входом.

— Ты готова подвергнуть подругу опасности, Мисани, — нападала Кайлин.

— Нет, — воскликнула Кайку из угла, где стояла, прислонившись к стене. — Я сама попросила ее об этом.

— Возьмите с собой меня, — сказал Тэйн, стоявший у другой стены возле Азары, наблюдавшей за происходящим с едва заметной усмешкой.

— Зачем? — поинтересовалась Кайлин. — Ты же не солдат. Тебе доводилось когда-нибудь убивать? А зачем хочешь пойти ты, Кайку?

— Я дала клятву богу Оха, — объяснила Кайку спокойно. — Мои враги — ткачи. И они хотят убить Люцию. Я сделаю все, чтобы сорвать их планы.

— Тебе еще представится такая возможность. — Кайлин с трудом сдерживала охватившую ее ярость. — Когда закончишь обучение, то будешь обладать значительно большей силой, чем сейчас. Твоя смерть в императорском дворце не принесет никакой пользы.

— Кайлин, она права, — заступилась за Кайку Азара. — Стража дворца будет ждать воинов, таких, как ты собирались послать, а женщин и священника никто не заподозрит.

— Она все еще опасна! — прошипела Кайлин, ткнув пальцем в Кайку. — Она только начала учиться сдерживать свою кану. Если Кайку не сможет справиться с ней во дворце, все погибнут.

— Не надо драматизировать, — оборвала ее Азара. — Ты просто хочешь защитить свое приобретение.

Ярость сверкнула в глазах Кайлин, но Азара спокойно выдержала ее взгляд.

— Нас станет больше, Кайлин, — уточнила Мисани. — Ты попросила пойти меня и Азару, потому что нуждаешься в нас. Я, единственная из вас благородная дама, пожелавшая вернуться в Аксеками. Азара — моя служанка. Но я никуда не поеду, если Кайку останется здесь. И Тэйн, если желает, пусть присоединится к нам. Ты сама сказала, что у нас четверых одна дорога. Наши пути переплелись. Возможно, мы связаны вместе сильнее, чем ты думаешь.

Кайлин приготовилась возразить, но промолчала. Вместо этого, она подошла к Кайку.

— Ты не пожалеешь о своем решении?

Кайку пожала плечами.

— У меня нет выбора. Я же дала клятву.

— Клятвы можно воспринимать по-разному, — лукаво улыбнулась Кайлин. — Ну что же, хорошо. Тогда мы завтра же отправляемся в Аксеками. Все здесь присутствующие. Если не поторопимся, упустим свой шанс. С каждым днем опасность для Люции возрастает, и у нас остается не так уж много времени, если мои лазутчики говорят правду. — Она быстро прошла по комнате. — Мы выкрадем наследницу у ткачей из-под носа, — объявила Кайлин и удалилась.

Кайку улыбнулась Мисани в знак благодарности, стараясь не думать, во что позволила себя втянуть.

Глава 28

Армии семей Керестин и Амаха встретились на равнине к западу от Аксеками. Утреннее солнце безжалостно обжигало воинов своими лучами. Яркий свет отражался от мечей и винтовок, наконечников копий и пик, заставляя солдат прятать глаза и щуриться. К западу расположились войска Керестин; их золотые с зеленым знамена обвисли в душном безветрии. С востока находилась армия Амаха. Ее коричнево-красные штандарты перемежались с флагами вассалов. Пушки были выдвинуты на позиции. Дула орудий, направленные в сторону противника, уже приготовились, подобно демонам, изрыгать пламя. Армии разделяло поле с нетронтаной травой, на котором им придется сойтись в схватке, если не удастся избежать конфликта.

Численный перевес был на стороне Керестин. Армия Амаха приближалась к десяти тысячам человек, тогда как войска Керестин насчитывали значительно больше — море солдат колыхалось по краю поля битвы. С городских стен они напоминали две огромных полосы, сверкающие мечами, винтовками и латами.

Впереди выстроились пехотинцы. Солдаты стояли наготове, с мокрыми от пота волосами. Позади расположились стрелки, построенные шеренгами. Кое-кто отошел в сторону, чтобы

почистить и проверить оружие. В отдалении вытянулись палатки, начиная от самых простых защитного цвета и заканчивая огромными шатрами разнообразных форм. Если на передовой было тихо, то в тылу кипела работа. К лагерям постоянно подтягивалось подкрепление, поставлялись запасы провианта и боеприпасов. На востоке угрожающе нависли серые стены Аксеками, на фоне которых все происходящее внизу напоминало детскую игру. Они хорошо просматривались с любого места поля боя, изгибаясь вокруг города, возносясь к небу сторожевыми башнями. Позади серого барьера начинались беспорядочно разбросанные улицы, суетливо бежавшие к холму, на котором возвышался императорский дворец. Блеск его золотых стен слепил даже на расстоянии.

Две противоборствующие армии стояли на жаре, застыв в напряженном ожидании.

Войска Керестин выступили к Аксеками несколько дней назад, но были вынуждены замедлить продвижение к столице, чтобы соединиться с отрядами союзников. Дальнейшую задержку вызвала необходимость обойти земли семьи Колай вокруг залива Матакса. Колай твердо решил во что бы то ни стало объединиться с Сонмагой.

Представители рода Эринима сместили семью Керестин с трона без всякой войны.

Последний император династии Керестин, Мэмий, согнал императорскому совету по вопросу государственной важности, но обман обнаружили. Правитель благородно отказался от престола, не дожидаясь волнений. Отец Анаис сменил Мэмия на троне. Так началось правление династии Эринима. Императорская стража, присягнув на верность новому императору, уже не могла защищать интересы семьи Керестин, но древнему роду удалось сохранить армию и союзников. Потомки Мэмия не теряли надежды вновь завладеть троном. Затаившись, Керестин лишь выжидали, когда представится шанс вернуться на престол.

Сонмага ту Амаха был не менее честолюбив, однако численность армии не соответствовала амбициозным запросам

своего предводителя. Амаха ратовал за убийство наследницы. Тогда, по мнению вельможи, исчезнет главное препятствие в борьбе за престол, даже если Анаис останется у власти. Если бы эта проклятая девчонка Мисани исполнила приказание отца и передала Люции подарок, все бы уже закончилось. Амаха не хотел гражданской войны — в случае вооруженного противостояния слишком велика вероятность потерять с трудом завоеванные позиции. А вот лет через десять, когда он заручится достаточной поддержкой, его планы вполне могут осуществиться. Тогда бы Сонмага нанес смертельный удар по своим врагам. Но избавление от наследницы решило бы многие проблемы. В этом случае семья Керестин потеряла бы большую часть союзников, которые рассчитывали после восстановления на престоле потомков Мэмия пополнить свои сокровищницы или продвинуться при дворе.

Амаха хотел, чтобы Пурлох просто убил маленькую ведьму. Но вор согласился лишь выкрасть клочок ее волос. С тех пор, как ему заплатили, Пурлох исчез, и по сей день никто не мог сказать, где он скрывается.

Палатка Сонмаги казалась большим красно-коричневым островом, окруженным островками поменьше, в море брони. К ней постоянно подъезжали и отъезжали верховые, передавая сообщения с передовой. Запах человеческого и лошадиного пота заглушал все остальные запахи; шум стоял такой, что приходилось орать.

Войска Амаха пересекли Зан и расположились между армией Керестин и столицей. Сонмага не хотел гражданской войны, но пусть боги проклянут его, если он позволит сопернику войти в Аксеками без битвы.

Представители рода Колай прибыли рано утром в сопровождении двадцати верховых в тяжелой кожаной амуниции, раскрашенной в черно-белый цвет, с черными повязками на голове. Впереди ехал сам Аван ту Колай с высокомерно-брехливым выражением лица.

Воины Амаха расступились, пропуская прибывшую процессию. Факт приезда лично главы семьи свидетельствовал о чрезвычайной важности вопроса. Всадники направились прямо к палатке Сонмаги, где Аван спешился, и его проводили внутрь.

При виде гостя Сонмага поднялся. До этого Амаха сидел на шелковом ковре в середине палатки, изучая карту местности. У стен были расставлены низкие столы с едой, лежали, сваленные в кучу, белье, схемы и карты. Там же находилась и стойка с доспехами Сонмаги. Внутри было душно, но глаз Нуки не проникал сквозь стенки палатки, и жара ощущалась здесь меньше. Кроме того, плотная ткань приглушала звуки, доносящиеся снаружи.

— Аван, — обрадовался Сонмага. — Какие новости? — Такое обращение могло показаться почти оскорбительным, но сейчас никто не обращал внимания на соблюдение традиций и правил.

Аван бросил на союзника пристальный взгляд.

— Вы уже все знаете, — заявил вельможа.

Сонмага приподнял черную бровь, удивленный догадливостью союзника.

— Да, присаживайтесь.

Аван сел возле него на ковер, лежавший на полу. Сонмага налил в два кубка красного вина. Аван подождал, пока хозяин шатра первым сделает глоток, затем пригубил вино сам.

— Войска Бэтик приближаются к городу с востока, — произнес он. — Если бы они отправились из родового поместья, с севера на юг, мы давно бы их обнаружили. Но они пересекли Джабазу и обошли нас, поэтому мои разведчики не смогли застечь их продвижение. А сейчас Бэтик уже приближаются к городским воротам.

Сонмага с трудом сдержался от презрительных замечаний.

Вечные оправдания или извинения. Этот Колай не смог спрятаться даже с собственной дочерью. Если верить его рассказам, девчонка сбежала, и отец до сих пор не может ее разыскать. Для такого блестящего интригана, каким слывет при дворе Аван, его действия удивительно бесполковы. Глава рода Колай ока-

зался слаб и легко управляем, чем Сонмага с удовольствием и воспользовался.

Отряды Авана, присоединившись к армии Амаха, значительно увеличили ее численность. И если цена, которую ему придется заплатить за воинов, заключалась лишь в выслушивании комментариев Колай по вопросам тактики и стратегии сражения, то она на самом деле невелика.

— Вы предполагаете, что Гриджай знает о приближении армии Бэтик? — наивно поинтересовался Аван.

— Несомненно, — усмехнулся Сонмага. — Они будут в городе завтра к полудню. Императрица, очевидно, разрешила впустить их. Я не могу представить, что они собираются напасть на столицу. К тому же Дурун и Мос до сих пор во дворце.

— Неужели у вас и там шпионы?

— Они у меня везде, где что-то можно увидеть. — Сонмага не смог сдержать раздражения. Неужели у этого человека нет своих глаз и ушей во дворце? Это же знает каждый, даже прислуга. Если бы отряды семьи Бэтик попытались ворваться в Аксеками, то императорская стража немедленно убила бы Моса и Дуруна. Они присягали на верность императрице, а не ее мужу. Нетрудно заключить, что войска приближаются к городу с разрешения Анаис.

Аван понимающе кивнул. Сонмага незаметно наблюдал за союзником, потягивая из кубка вино.

— Кажется, мы попали в безвыходное положение, — размышляя, глубокомысленно изрек Аван.

Словно Сонмага и без него не понимал сложности ситуации.

— Сейчас меня больше заботит то, что предпримет Гриджай, — ответил Сонмага. — Он понимает, что никогда не попадет за стены Аксеками вместе с семьей Бэтик. Его единственная надежда — войти в город раньше, чем они. А для этого Керестин должен прорваться сквозь наши ряды.

— Тогда почему бы нам не уступить ему дорогу? — предложил Аван. Сонмага не поверил своим ушам. Колай попытался объяснить свою мысль. — Если мы и дальше будем стоять

на пути армии Керестин, это обезопасит столицу до прихода армии Бэтик. Тогда династия Эринима сохранит престол, и наследница сможет прийти к власти.

— Вы думаете, я не понимаю сложившейся ситуации? — взорвался Сонмага. — Вы думаете, что все это время я не искал способа добраться до наследницы императрицы и закончить то, что должна была выполнить ваша дочь? — Аван съежился перед нависшим над ним великаном. — Я не хочу, чтобы семья Керестин сидела на троне. Я хочу, чтобы династия Эринима продолжала властвовать, когда дочь Анаис умрет. И я не допущу ошибки и доберусь до принцессы, или это сделает население Аксеками. Тогда у меня будет время подготовиться к тому моменту, когда правление Анаис закончится. И когда императрица умрет, не оставив наследников, семья Амаха сможет столкнуться с самым сильным из врагов и потребовать трон, которого у нас никогда не было! Если семья Керестин войдет в Аксеками, то она будет править Сарамиром в течение многих десятилетий. Я не могу надеяться на то, что очередная глупость их императора снова лишит род Керестин престола. Я могу лишь остаться здесь, закрывая их войскам дорогу, и ждать. Отряды Бэтик могут сейчас поддержать императрицу, но тысячи солдат не будут защищать Люцию все время. Я настроен на долгую игру, Аван. И пока мое время нанести удар еще не пришло.

Колай опустил глаза, устыдившись своего необдуманного предложения. Сонмага возмущенно фыркнул и поднялся. Аван остался сидеть на месте, склонив голову, словно слуга.

— Встаньте, Аван. — Амаха сделал великолепный жест рукой. — Нам не стоит ссориться. Вы теперь знаете, что мы не можем отступить. Я полагаюсь на вас. Отбросьте ненужные колебания.

Ответ был прерван раздавшимся поблизости внезапным взрывом. Грохот и вспышка пламени проникли сквозь полотняные стенки палатки. Сонмага грязно выругался от неожиданности. Снаружи раздались крики. Последовал новый взрыв, и

за ним приглушенный грохот пушек, треск рвущихся зажигательных бомб, разносивших горящую жидкость.

— О боги, этот ублюдок решился напасть на нас! — взревел Сонмага.

До вельмож донесся отдаленный боевой клич армии Керестин, начавшей наступление. Нескончаемая лавина сверкающих пик и мечей неслась на врага с диким ревом, сметая все на своем пути, как горный поток. Со стороны войск Амаха тоже раздались крики. Генералы отправляли солдат вперед, чтобы отразить атаку.

— Не предполагал, что он посмеет! — бушевал Сонмага, подскочив к стойке и торопливо натягивая доспехи. — Идиот! Разве не понимает, что погубит нас обоих?

Внезапно он почувствовал сильный рывок. Сонмага обернулся и столкнулся лицом к лицу с Аваном, который подскочил к союзнику стремительно, как змея.

— Вы не подумали о многом, — усмехнулся Колай.

Длинный кинжал вспыхнул в его руке и воткнулся Сонмаге под бородатую челюсть, пронзив мозг. Великан пошатнулся, широко раскрыв рот. Глаза налились кровью, но жизнь уже оставила его, унесенная одним ударом клинка. Тело Сонмаги обмякло, сила ушла из мускулов. Аван отстранился и вытащил кинжал. Его бывший союзник упал лицом вперед и замер.

Колай взглянул на поверженного Сонмагу. О духи, насколько же он оказался легковерен! Поверить в то, что семья Колай пожелает зависеть от Амаха только потому, что у нее противоречия с Керестин. Сонмага оказался ограниченным человеком, очевидно не понимавшим, что политический союз, сохраняемый в тайне, намного сильнее. Показная вражда между Керестин и Колай одурачила всех, за исключением немногих. Сонмага оказался не из их числа.

Аван шагнул из палатки. В войсках Амаха царила неразбериха. Отряды семьи Колай повернули против своих недавних союзников. Гриджай ту Керестин через Авана был хорошо осведомлен о планах Сонмаги. К тому же появление отрядов се-

мыи Бэтик означало, что времени почти не осталось. Сонмага и его армия стали препятствием, которое необходимо удалить.

Началась резня.

Аван откинул полог палатки и выскочил наружу, в духоту и жару летнего дня. Вокруг царил хаос: солдаты метались и сталкивались друг с другом, звенели мечи, лошади становились на дыбы, прокладывая себе дорогу в давке. Огненные языки лизали воздух, темный дым поднимался клубами к небу. Шум битвы извещал о столкновении на равнине двух армий. Тысячи воинов сошлись в бою. Аван прокладывал себе путь к лошади, которую держал под уздцы один из его приближенных. Он стремительно вскочил в седло и уже сверху заметил, как в палатку Сонмаги вбежал слуга. Но вельможа воткнул шпоры в бока лошади, и ловить его было поздно. Теперь они знали, кто совершил преступление. Но отряды Колай теснили солдат Амаха, угрожая взять противника в клещи, подобные клешням крабов из залива Матакса, принесшим ему благосостояние. Авану показалось, что до него донеслись проклятия, и улыбка коснулась его губ.

Единственное, что омрачало триумф, так это судьба Мисани. Если бы она только поверила ему, как и полагается хорошей дочери. У Аvana не было намерения убивать наследницу, поскольку тогда большая часть союзников отвернулась бы от него. Колай подменил зараженную ночную рубашку еще до того, как Мисани отправилась во дворец. Он не стал рисковать своей дочерью и репутацией семьи ради Сонмаги. Колай собирался сказать Амаха, что болезнь не подействовала на Люцию. В конце концов, кто знает, насколько порченые восприимчивы к болезням? Но Мисани подвела, не выполнив отцовской просьбы... и потеряла его доверие. Мертвa она или жива, Аван не слишком заботился об этом. Дочь доказала, что не может беспрекословно выполнять его приказы. И Мисани больше не интересовала отца. У него теперь были огромные планы.

Присутствие кружащей над полем смерти возбуждало вельможу, и его худое лицо расплылось в улыбке.

Как же он любил эти игры...

Глава 29

Наступила ночь. Но и она не принесла успокоения жителям Аксеками. Наоборот, темнота усилила страх и панику. Западные стены города атаковали войска семьи Керестин. Воздух сотрясали выстрелы пушек. Солдаты метались между огненных вспышек, и их фигуры отбрасывали дрожащие тени на городские стены. На сторожевых башнях толпились люди. Треск выстрелов перекрывал рев сражения. Кипящее масло лилось на головы захватчиков огненным водопадом, и снизу раздавались предсмертные вопли. Лестницы с громким стуком ударялись о стены, и тут же оказывались отброшенными назад, стряхивая уже карабкающихся по ним солдат на землю. Горячий ветер разносил по городу приказы командиров, вопли раненых и крики нападающих.

В свете трех лун толпы мужчин патрулировали улицы города с факелами в руках и самодельным оружием. Все сестры вышли в эту ночь на небо: огромная Ария, яркая Иридима, зеленая Нерин. Пока луны находились в разных точках, но в скором времени их орбиты должны были сойтись в опасной близости. Приближался лунный шторм.

Никто не спал этой ночью.

Ворота в Аксеками были закрыты. С одной стороны, чтобы не впустить захватчиков, а с другой, чтобы прекратить беспорядочные передвижения жителей. Многие горожане забирались на стены помочь императорской страже. Желание защитить свой город от захватчиков пересило ненависть к императрице и наследнице. Сине-белые латы императорской стражи смешались с одеждой простых людей, которые пришли со своим оружием дать отпор армии врага. Недели волнения и насилия на улицах разогрели кровь жителей Аксеками. И в то время, когда половина горожан объединилась против захватчика, рвавшегося в город, другая половина бунтовала и мародерствовала, требуя впустить осаждавших в столицу и передать трон семье Керестин.

Стража в восточных воротах не пропускала пытающихся попасть в город людей ни днем, ни после наступления сумерек.

Торговцам, везущим товары, горожанам, стремившимся попасть домой, — всем отказывали в проезде за городские стены. Путники разбивали палатки прямо у дороги, ожидая, когда откроют ворота. Проезд разрешали только вельможам, имеющим пропуск, подписанный императрицей.

Когда к воротам подъехала простая закрытая телега, запряженная парой быков, в которой сидели невзрачный, худой молодой человек и его стройная, очень высокая жена, командир стражников уже открыл рот, чтобы приказать им свернуть с дороги, как и многим другим путникам. Но когда он заговорил, то произнес совсем не те слова, которые собирался. Офицер потом так и не понял, почему приказал охране открыть ворота и пропустить людей без пропуска. И почему, оправившись от наваждения, не распорядился разыскать телегу. Но единственное, что командир стражников ясно помнил, были зеленые глаза молодой женщины, которые внезапно потемнели и налились кровью.

Отъехав подальше от городских ворот, путники остановились в коротком переулке, заканчивающемся тупиком. Бледно-зеленые от лунного света дома, возвышающиеся с двух сторон, пустовали. Молодой человек снянул с телеги брезент и отбросил его в сторону, чтобы выпустить людей, скрывающихся на дне повозки. Они тихо высакивали на дорогу, разминая занемевшие члены, и собирались вокруг возницы и молодой женщины. Это была Кайлин ту Моритат, удивительно красивая без внушающей страх символики Красного ордена. Волосы женщины, перевязанные на затылке кожаным шнурком, открывали лицо с острыми чертами и кошачьими глазами. Мужчину, жуликоватого вида разбойника лет двадцати с озорной улыбкой и грязными белокурыми волосами, звали Джугай. Он руководил всей операцией, несмотря на присутствие в команде Кайлин. Джугай представлял Либера Драмах, объединявший другие организации, нашедшие приют в Провале. Красный орден был одной из них.

Мисани отряхнула дорогую одежду, расчесала и уложила волосы, приняв помощь Азары. Кайку многозначительно взглянула на Тэйна, тот поднял бровь, кивнув на Мисани, словно

хотел сказать: «какая чистюля!» Кайку не смогла сдержать улыбку. Это была шутка. Молодые люди отлично понимали, как много сейчас зависит от внешнего вида Мисани. На утро ей была назначена аудиенция у императрицы.

— Закончена самая легкая часть нашего дела, — обратился к спутникам Джугай. — С этого момента все должны быть начеку. Мисани и Азара, на соседней улице ждет экипаж, который отвезет вас в безопасное место. Утром вы отправитесь во дворец в установленное время.

Девушки понимающие кивнули.

— Остальные проведут ночь менее приятно, — усмехнулся Джугай. — Отсюда пойдем пешком. Нас ждут.

Девять человек отправились в город, как только Мисани с Азарой ушли. Кроме Кайку, Тэйна, Джугая и Кайлин в вылазке принимали участие еще пять человек, выбранные за хитрость и военные навыки. Ходить по улицам Аксеками в одиночку было сейчас слишком опасно.

Джугай повел своих соратников вниз по узким переулкам и кривым улочкам, уходя все дальше от Керрин. Даже сюда доносились крики солдат, атакующих западную стену. Ночь наполняли тревожные звуки. Не раз они слышали топот ног бегущих людей, сопровождающийся гневными криками и проклятиями. Сегодняшним вечером улицы были пустынны, мирные горожане предпочитали сидеть дома, и чтобы не натолкнуться на погромщиков, Джугай повел спутников окольными путями. Им предстояло попасть в Квартал Бедняков.

Покосившиеся дома теснились на узких улочках, наваливаясь друг на друга. Кое-где деревянные стены обрушились, и развалины соседствовали с еще крепкими зданиями. Рассохшиеся ставни уже не закрывали темных окон. На пепелищах оставы домов пугали прохожих почерневшими ребрами. Самодельные мосты через реку переходили в сужающиеся улицы, лестницы из окон поднимались прямо на крыши. Казалось, люди покинули квартал, но Кайку постоянно чувствовала, что за ними наблюдают. Она исподтишка бросила взгляд на окна и успела заметить отрянувшие лица. Мерцающий свет торопливо угас.

сал внутри домов при их приближении. Джугай преднамеренно вел небольшой отряд в стороне от главных дорог, чтобы избежать нежелательных встреч. Что за опасность ждала их впереди? Заговорщиков не посвятили в детали плана похищения наследницы по соображениям безопасности. Но неизвестность лишь возбуждала Кайку. Девушка чувствовала уверенность оттого, что за спиной у нее висит винтовка, а к поясу пристегнуты ножны с мечом.

— Здесь. — Джугай внезапно остановился перед некогда заколоченной дверью заброшенного дома.

Сейчас доски уже были вырваны, и дверные косяки щетинились ржавыми гвоздями. Он пропустил всех внутрь и, перед тем как зайти самому, осмотрел улицу, убеждаясь, что все спокойно. Какая удача, подумала Кайку с облегчением. Отряду повезло, что они смогли пройти почти через весь город, не столкнувшись ни с грабителями, ни с бунтовщиками. Но куда они направятся теперь, из самого центра Квартала Бедняков?

Внутри дома царила темнота, еще более глубокая, чем на улице. Бледно-зеленый мерцающий свет трех лун, пробивающийся сквозь щели в деревянных стенах, не рассеивал ее, а лишь усиливал ощущение близкой опасности.

Независимо от того, что находилось в этом доме раньше, он уже давно пустовал. Об этом свидетельствовали кучи щебня, обломки досок, мусор, которым были завалены узкие комнаты. Насекомые гудели в душном ночном воздухе над телом недавно издохшей собаки.

— Где он? — резко спросила Кайлин, ни к кому не обращаясь.

— Внизу, — ответил Джугай. — Пойдемте.

Он повел их мимо пустых комнат в самый конец коридора и там, в угловой комнате, указал на люк в полу. Джугай потянул за кольцо, и в открывшемся проеме путники увидели шаткую деревянную лестницу, ведущую вниз. Где-то в глубине мерцал слабый свет.

— Это мы, — приглушенно сообщил кому-то Джугай и начал спускаться. Остальные последовали за ним.

Отряд оказался в подвале. В теплом, влажном воздухе пахло плесенью. В свете фонаря было видно, как сильно выкрошились старые каменные стены. Когда Кайку спустилась вниз, мужчина, державший фонарь, о чем-то шептался с Джугаем. Он выглядел худым и изможденным, в глазах металось беспокойство. Короткие седые волосы свидетельствовали о том, что ему не меньше сорока.

Последний член отряда спустился вниз, закрыв за собой люк.

— Все здесь? Хорошо. — Джугай откашлялся. — Хочу познакомить вас с человеком, который будет нашим проводником. С самого начала высказывались сомнения относительно того, может ли такая многочисленная группа проникнуть во дворец, не говоря уже о покоях наследницы. Но наш ловкач смог проделать этот путь без всякой посторонней помощи. Он добрался до покоев наследницы и находился так близко от принцессы, что сумел отрезать прядь ее волос. Это — Пурлох ту Ириси.

У пятерых заговорщиков вырвались восторженные восклицания. Кайку и Тэйн, никогда не слышавшие о Пурлохе, вопросительно посмотрели друг на друга. Юноша положил руку ей на плечо и слегка его сжал. Присутствие Тэйна немого успокаивало девушку и вселяло уверенность.

— Мы сможем пройти там, — сказал Пурлох, приблизившись к темной нише в стене.

Он поднял повыше фонарь, и пораженные заговорщики увидели в стене узкое отверстие.

— Это трубы городской канализации. Они тянутся к холму, а оттуда ко дворцу. Я пользовался ими прежде. Правда, не знаю, открыт ли до сих пор этот путь, или его обнаружили и перекрыли. Но думаю, этого не произошло. Здесь никто не ходит без крайней нужды.

Один из мужчин подошел к лазу и заглянул внутрь, в темноту.

— А что внизу?

— Не знаю и не хочу знать, — ответил Пурлох. — Но в последний раз мне что-то послышалось.

— Что ты слышал? — настаивал мужчина.

— Это не имеет никакого значения, — оборвал расспросы Джугай. — Зажигайте фонари, и в путь. Дамы, я должен заранее извиниться за зловоние, но...

— Не будь идиотом. — Кайлин усмехнулась — тут уж не до учтивости. — Мы не такие слабые, как может показаться. Каждая из нас легко разорвет твоё сердце всего лишь силой мысли.

Джугай смущенно улыбнулся, почувствовав странное беспокойство и неловкость. Взгляд его скользнул оценивающе по Кайку. Трудно поверить, что эта девушка может кого-то разорвать. На несколько мгновений Джугай замешкался.

— В такой приятной компании прогулка станет наслаждением! — наконец нашелся он.

Кайку никогда не думала, что сможет оказаться в сырьем подземном мире городской канализации. Зона видимости ограничивалась влажной дугой света, изогнувшейся по туннельным стенам. Дальше только дрожащая черная пропасть, поглощавшая мерцающий свет фонарей. В воздухе стояло невыносимое зловоние. Тэйна все время мучительно рвала, и это продолжалось даже после того, как желудок полностью освободился от пищи. Еще несколько мужчин страдали так же, как и он. Кайку пока удавалось бороться с тошнотой. Кайлин же, казалось, вообще не чувствовала никакого запаха.

Городские коллекторы Аксеками раскинулись под землей сетью каналов, дамб и шлюзовых ворот с широкими каменными дорожками для рабочих. Учитывая события наверху, заговорщики были уверены, что ночью здесь никто не работает. Но мысль об опасностях, таящихся во мраке, не давала покоя.

Кайку не сводила глаз с Пурлоха. Девушке показалось, что вор чем-то напуган. Его глаза метались по теням на стене. Пурлох отскакивал от каждого шороха и непонятного предмета, будь то крыса, царапающая пол коготками, или куча мусора, колышущаяся на воде возле каменного выступа дорожки. С чем он столкнулся в прошлый раз? Что так испугало вора? Действи-

тельно ли этот человек проникал в императорский дворец? И почему согласился помочь им? Что привело Пурлоха в ряды заговорщиков? Размышая над этим, девушка вспомнила ответ Мисани на вопрос, как она оказалась в Провале.

— Ты должна увидеть ее, чтобы все понять. Принцесса завоюет тебя одним только взглядом.

Что это значит? Пурлоха очаровала наследница? Неужели Люция на самом деле такое необыкновенное создание?

Заговорщики шли молча по бесконечному темному коридору коллекторов. Мир вокруг сжался до размера светового пятна от фонаря. Тишину нарушали монотонные звуки капающей воды. Пурлох вел отряд по памяти, поднимаясь по сужавшимся труbam, перебираясь через водные потоки по тонким металлическим мостам. Вонь не ослабевала, но им ничего не оставалось, как двигаться дальше. Под землей придется идти до самого рассвета, объяснил Пурлох. Необходимо пробраться в подвалы дворца к утру, если заговорщики хотят осуществить свои планы.

Кайку переполняли сомнения. Тэйн шел впереди, и перед глазами девушки все время мелькала его бритая голова и худощавая фигура. Она чувствовала свою вину перед юношей за то, что втянула его в это дело. Кайку и сама не знала, во что влезла, но это был ее путь. Она с детства была сильной и упрямой. Именно поэтому в одиночку отправилась в горы. Кайку совсем не была уверена в успехе ни тогда, ни сейчас. Но принятое решение повлияло на Тэйна, который решил сопровождать ее, руководствуясь лишь ему известными убеждениями.

Кайку старалась не обращать внимания на чувства Тэйна. Послушник последовал за ней из леса Юна и остался рядом даже после того, как узнал, что она — порченая. Кайку видела, что он влюблен, и не могла отрицать, что испытывает к послушнику те же чувства. Но было бы безрассудством считать, что юноша прыгнет к ней в постель по одному ее слову. Игра с мужским сердцем представлялась Кайку опасной и жестокой, и она не желала принимать в ней участие. Это было бы неправильно сейчас, когда она только начала достигать согласия с собой, со своей новой силой и новой жизнью, с Азарой...

Воспоминания о ночи в Хайме заставили девушку покраснеть. Страсть, вспыхнувшая в ней в тот момент, подавила другие чувства. Но то было кратковременное помутнение, чтобы придавать ему какое-то значение. У нее просто закружилась голова от речей Азары насчет освобождения от прежних привязанностей. Но эйфория очень скоро прервалась появлением Мамака... нет... тем ужасным чувством, которое она испытала, когда Азара поцеловала ее в последний раз.

Кайку старалась не думать об этом. Точно так же, как и о том, что ей удалось узнать в монастыре ткачей. Если думать обо всем, то голова просто лопнет.

Нужно сосредоточиться на том, что ждет впереди. Всем другим мыслям нет пока места.

Все внутри замерло, и на мгновение Кайку застыла, как и ее спутники, испуганные звуком, раздавшимся в тишине. Все обратились в слух. Звук приближался, отзываясь эхом из противоположного туннеля. Скрипучий визг походил на лязг ржавого колеса.

— Это они, — прошептал Пурлох.

— Кто? — потребовал разъяснений один из заговорщиков. — Это может быть все, что угодно. Скрежет трубы или ворот...

— Нет, — спокойно сказала Кайлин. — Я чувствую их. Они приближаются. — Она обвела глазами спутников, задержав взгляд на Кайку. — Мы не можем столкнуться с ними здесь. Бежим!

Следующий скрежещущий звук стал ответом на ее слова. Он был громче предыдущего и звучал намного ближе. Пурлох бросился бежать, поскользываясь на мокрых камнях. Остальные последовали за ним так быстро, как только могли. Дорожки, которые шли по краю грязных стоков, внезапно показались уже, чем были до сих пор. Свет фонарей беспорядочно метался вокруг, отражаясь в черных глазах крыс и каких-то других неизвестных существ, разбегавшихся при их приближении. Скрипучий визг раздавался все чаще и становился ближе. Такие ужасные безжалостные звуки не могло издавать ни одно живое

существо. Они многократно отражались в темноте и, казалось, приближались одновременно со всех сторон. Кайку почувствовала, как внутри все сжалось.

Демоны. Шин-шины, подумала девушка, и внезапно ею овладела дикая паника.

Заговорщики помчались по ступенькам, поднимаясь вверх рядом с каскадом водопадов грязной воды. Тэйн, споткнувшись, упал на колени, и его опять вырвало. Кайку налетела на него и стала поднимать. Страх придал ей сил. Юноша старался подняться, путаясь в ремне от винтовки, висевшей за спиной. Остальные умчались вперед, бросив Кайку и Тэйна в темноте. Ни у одного, ни у другого не было фонаря.

— Подожди! — крикнула девушка, выкручивая винтовку из руки Тэйна. Леденящее кровь завывание пронизывало темноту позади них.

— Шевелитесь! Сюда! — Джугай спрыгнул к молодым людям и, подхватив Тэйна, помог ему подняться.

Не выпуская руки юноши, он потащил его за собой вверх по лестнице. Кайку почти наступала им на пятки. Позади девушка слышала какое-то шлепанье, словно что-то ползло по лестнице. Но она не осмеливалась бросить взгляд назад. Кайку задыхалась, и ей постоянно приходилось торопить Тэйна.

Они ворвались в огромную круглую пещеру, от которой лучами отходили пять туннелей. Вода стекала из них в большой бассейн, в центре которого находился дренажный колодец, накрытый круглой решеткой, а сверху ржавым люком. Его сдвигали, когда уровень стоков повышался, и нужно было сбрасывать излишки воды. Но сейчас воды в бассейне почти не осталось. По краю пещеры бежала узкая тропинка, но беглецы собирались в середине, прижимаясь друг к другу.

Скрипучий визг, эхом отскакивая от стен пещеры, доносился из темной утробы туннелей. Кайку и Тэйн, преодолев мелкий грязный поток, присоединились к своим спутникам. Тэйна снова вырвало.

А затем, неожиданно, визг прекратился. Наступила тишина, лишь у ног бурлила вода. Пурлох забормотал молитву. Мечи

и винтовки были наготове, глаза людей устремились на выходы из туннелей. Мерцающий свет фонарей освещал всю пещеру, позволяя видеть происходящее. Если бы фонари оказались не такими мощными или погасли, то в полной темноте ничто не смогло бы спасти заговорщиков.

Кайку чувствовала, что дрожит, но не от холода, а от напряжения. Ее кана неподвижно застыла внутри, подавленная каким-то образом Кайлин, но сейчас Кайку страстно желала ощутить в себе присутствие силы, чтобы противостоять тому, что ползало за ними следом.

Существо медленно оторвалось от воды и поднялось на выходе из того туннеля, по которому заговорщики только что бежали. Черная сутулая фигура в лохмотьях, с грязными волосами, свисающими на лицо, с которых капала гнилая вода. Из заплесневевшего наряда торчали длинные руки с когтями, бескровные и ободранные. Единственный глаз блестел из-под спутанных волос, уставившись на Кайку парализующим пристальным взглядом. Смердящее дыхание вылетало из открытого рта.

— О боги! И здесь такой же! — закричал кто-то.

Кайку на мгновение перевела взгляд в сторону, чтобы посмотреть на второе существо, которое вывалилось на свет из другого туннеля. Оно оказалось худым, наполовину сгнившим трупом с отвисшей нижней челюстью и отслаивающейся кожей на лице. Существо передвигалось резкими прыжками, его голова болталась на тонкой шее, но блестящие глаза не отрывались от людей, теснившихся в центре пещеры.

— Что это такое? — прошептал Джугай.

— Маку-шэнг, — ответила Кайлин. — Духи грязной воды. Они подбрали трупы, которые здесь можно найти, и вселились в эти тела.

— Еще один! — закричал кто-то из мужчин.

Следующее существо оказалось ужасно толстым и голым. С одной стороны живота зияла рваная рана, через которую просматривались гниющие кишki.

— И здесь!

— С этой стороны тоже!

Казалось, кучка людей в центре пещеры окружена. Демоны не делали никаких попыток приблизиться, только сверлили жертв злобными взглядами. Свистящий шепот бежал вдоль стен пещеры. Звуки, издаваемые жуткими тварями, были настолько резкими, что у беглецов заложило уши. Кайку колотила дрожь.

Внезапно длинноволосый демон, вытянув грязную руку вперед, оглушительно завыл. Его волосы, качнувшись, открыли лицо. Кайку бросила боязливый взгляд на ужасный морщинистый лик из разлагающейся плоти и длинных редких зубов.

И тогда демоны напали.

Маку-шэнг беззвучно вырывались из темноты и наводняли пещеру. Винтовка Джугая ревела и плевала огнем, долгое эхо выстрелов разносилось по лабиринтам коллекторов. Голова толстого демона разлетелась на мелкие осколки костей и гниющих мозгов, дождем осипавшихся в тухлую воду. Мужчины, подняв повыше фонари, пустили в ход клинки, врубаясь в мертвые тела и легко рассекая истлевшие мышцы и сухожилия. Разложившиеся тела разваливались под ударами мечей и падали в воду. Но спустя мгновение, те же самые твари, которых они только что разрушили пополам, вновь поднимались из темных стоков, в то время как отрубленные ноги бесполезно дергались позади.

— Мы с ними не справимся! — выкрикнул кто-то и спустя несколько секунд уже завопил от боли.

Темный демон, бросившись на него, вцепился зубами в горло. Крики сменились бульканьем, и фонарь, выпав из рук жертвы, с шипением упал в воду. В пещере потемнело. Оставшегося света не хватало, чтобы рассмотреть существа, продолжавшие окружать отряд.

Кайку торопливо вскинула винтовку и нажала на спуск, целясь в надвигающегося на нее длинноволосого демона. Но вместо выстрела раздался сухой щелчок. Порох в винтовке отсырел, и оружие оказалось бесполезным. Скаля длинные страшные зубы, демон рванулся к девушке. Откуда-то выскоцил Тэйн и с громким криком вонзил меч в мерзкого гада. Кайку отбросила

винтовку и вытащила из ножен меч. Но демон уже с воплем пятился назад, хватаясь за клинок Тэйна костявыми пальцами. Он отступил на несколько шагов; в его глазах мерцала холодная ярость. И почти тут же из воды прямо перед Тэйном вырвался еще один маку-шэнг. Холодные руки вцепились в юношу, а изогнутые зубы вонзились в мышцы ноги.

Тэйн вскрикнул от мучительной боли, отшатнулся и изо всех сил ударил клинком по шее демона. Но хотя он почти перерубил монстру горло, ужасные зубы по-прежнему не выпускали добычу. Меч почему-то плохо слушался Кайку, но она наносила удар за ударом, стараясь помочь товарищу. Наконец демон разжал зубы и упал в воду. Юноша приподнял раненую ногу и силой впечатал ботинок в голову маку-шенга, почувствовав, как череп разваливается под подошвой.

Кайку ощущала вокруг себя вибрацию нитей создаваемого Узора и поняла, что в драку вступила Кайлин. Ее глаза запали и потемнели, налившись кровью, свидетельствуя о том, что она подготовилась использовать нечеловеческую силу. Три маку-шенга отлетели в стороны и, с хрустом ударившись о стены пещеры, развалились на кусочки, пораженные вырвавшейся каной Кайлин. Окружавшие людей темные существа с визгом отскочили, но затем бросились в атаку с удвоенной яростью. Круг защитников в центре пещеры распался, прорванный нападавшими, и теперь каждый бился обособленно. Мерцающие фонари почти не давали света, и Кайку время от времени погружалась в темноту. Кто-то нападал на нее, девушка отражала удары, чувствуя прикосновения чего-то холодного и вонючего на своем лице, когда меч пронзал мертвую плоть. Отступая в ужасе, Кайку споткнулась о крышку люка. Паника вызвала у нее приступ тошноты, она потеряла равновесие и упала. Холодная грязная вода всплеснулась и сомкнулась над ее головой.

Крепко сжав губы, затаив дыхание, Кайку попыталась выбраться на поверхность, но длинноволосый демон навалился на нее, вцепившись длинными, костявыми пальцами в горло, и погрузил в беспросветную темноту. Девушка не могла дышать, не могла кричать. Ей оставалось лишь наносить клинком удары, каждый раз

отсекая от нападавшего куски прогнившей плоти. В конце концов Кайку победила, но тело, навалившееся на нее и удерживающее на дне, оказалось слишком тяжелым. Ее захватила животная паника. Легкие горели, использовав последний остававшийся в них воздух. Сознание покидало Кайку, накрывая ее искрящимся одеялом. Сверху еще доносились смутные звуки, всплески, треск винтовочных выстрелов, визг макушенгов, когда каны Кайлин разрывала кого-нибудь из них. Но все это исчезало, отступало, и перед закрытыми глазами пронеслось видение: гладкая дорога, которая уже вела ее однажды в поля Омехи, и хранитель ворот Йору, слегка приоткрывший створки. «Возможно, теперь, — подумала Кайку, — когда все кончено... возможно, на сей раз... я смогу присоединиться к брату...»

Но что-то в этом рисунке было не так, какие-то части разорвались и перепутались. Связанные узелки распадались. Сознание покидало девушку, но внутри что-то оставалось, пробуждаясь и пытаясь выбраться из защитного кокона, сплетенного мастерством Кайлин. Это шевелилась каны, успокоенная и подавленная, но не уничтоженная. Даже после того как мозг принял смерть, внутренняя сила не согласилась с этим, отчаянно выпутываясь из ловушки.

— Кайку! — закричал Тэйн.

Юноша крутил головой, пытаясь обнаружить хоть какие-то признаки местонахождения девушки, которую потерял в хаосе сражения. Но единственный уцелевший фонарь, охраняемый, словно сокровище, одним из заговорщиков, почти не давал света, отбрасывая лишь слабые отблески на грязную воду. Наконец глаза послушника зацепились за скрючившуюся под водой фигуру демона, прижимавшую что-то ко дну. Тэйн увидел тонкую руку, выглядывавшую из-под тела в лохмотьях. С душераздирающим воплем он прыгнул в воду. Демон поднял голову. И в это мгновение каны Кайку наконец вырвалась наружу. Тэйн отшатнулся, закрывая руками лицо. Демон издал дикий крик и взорвался. Огненный шар осветил темную воду. Пылающее существо, теряя ошметки кожи, ссыпающиеся с него словно шелуха, отлетело на несколько шагов и с шипением рухнуло вниз.

Остальные маку-шенги вновь завизжали. Тэйн не обращал ни на что внимания, думая только о Кайку. Юноша тянул ее к себе из зловония и грязи. И наконец бледное лицо девушки с прилипшими волосами оказалось на поверхности. Открытые темно-красные глаза слепо уставились в пустоту.

— Нет! Нет! Не ее! — закричал юноша, не понимая, к кому обращена его страстная просьба: к богам или судьбе.

Тэйн сунул в ножны зазубренный меч, не думая о демонах, роившихся в темноте, и, обхватив Кайку, потащил по воде к тропинке на краю пещеры.

Кайлин, освещаемая единственным мерцающим фонарем, внушиала ужас. Разметавшимися черными волосами и глазами, горящими красным огнем, она напоминала демона. Поднимая руки вверх, а затем резко опуская их, воительница посыпала свою кана по нитям жизненных рисунков, разрывая тела маку-шенгов. И каждый раз Кайлин чувствовала, как дух демона незримо вылетал из бесполезного теперь трупа, слегка колеблясь вдалеке над грязной водой в поисках нового тела. Джугай бесстрашно сражался рядом. Его винтовка стреляла без перерыва, исторгая огненные вспышки.

Внезапно раздался ужасный пронзительный вопль одного демона. Остальные приостановили нападение, оттянувшись на безопасное расстояние от сбившихся в кучу защитников, впиваясь в них сверкающими глазами. Снова начались перешептывания, хотя рты демонов не открывались. Джугай держал палец на спусковом крючке, Пурлох испуганно жался к нему. Тела четверых из пяти членов Либера Драмах плавали в темной воде среди гнилых останков. Уцелевший молодой человек, которого звали Эспин, высоко поднимал фонарь, прижимая к себе окровавленный клинок и готовясь отбивать следующую атаку.

Немного поколебавшись, демоны отступили, уходя из света в тень так же быстро, как и появились. Туннели в стенах пещеры словно проглотили их, и маку-шенги исчезли.

Джугай с облегчением вздохнул.

— Ушли? — поинтересовался он у Кайлин.

— Они возвратятся. Нам нельзя здесь оставаться. — Она обвела глазами пещеру и увидела, что Тэйн вытащил на узкую тропу Кайку. — О боги, — выдохнула Кайлин и бросилась на помощь. — Эспин! Неси сюда фонарь!

Губы Кайку посинели, темно-красные глаза остекленели, длинные волосы намокли и облепили лицо. Тэйн в панике разжал губы девушки и пытался вычистить набившуюся внутрь слизь.

— Она дышит? — поинтересовался Пурлох, бросая быстрые взгляды на туннели позади из опасения, что маку-шенги возвратятся.

Тэйн не обратил на вора никакого внимания.

— Ты можешь что-нибудь сделать? — потребовал он ответа от Кайлин.

— Она выскользнула из моей ловушки, пробив все барьера, — удивленно, словно сама не верила в свои слова, сказала Кайлин. — О боги, эта девушка еще более талантлива, чем я предполагала. — Она внимательно посмотрела на Тэйна. — Если я попробую вмешаться, ее канва взбунтуется. И это убьет Кайку.

— Тогда я сам все сделаю, — вспылил послушник.

Он положил скрещенные руки на грудь девушки и несколько раз сильно надавил. Затем прижался своими губами к губам Кайку и выдохнул воздух в ее легкие. «Как несправедлива и жестока жизнь. Это наш первый поцелуй, а ее губы холодны и мертвы». Но он продолжал, ни на минуту не останавливаясь, чередуя нажатия на грудь с вдуванием в легкие воздуха. Все остальные смотрели на юношу, как на сумасшедшего. Никто из отряда не знал приемов спасения захлебнувшихся людей. Тэйн на научили этому священники храма Эню.

— Очнись, прошу тебя! — кричал юноша, резко надавливая на грудь. — Это еще не конец твоей дороги! Ты дала клятву. Вспомни о клятве. — Его дыхание несло горячую жизнь в заполненные водой легкие Кайку. — Где твое проклятое упрямство? Почему ты так легко сдалась? — не унимался Тэйн.

И словно сам Омеха спустился вниз и положил руки на грудь мертвой женщины. Она судорожно дернулась и возвратилась в

жизнь, кашляя и выплевывая из себя тухлую воду коллектора. Ее все рвало и рвало, а Тэйн смеялся от радости, стоя на коленях. Но затем у него по лицу потекли слезы, когда он возносил благодарственную молитву богам. Джутай хлопал его по спине, поздравляя и называя чудотворцем. Судорожная рвота постепенно стихла, и теперь Кайку лежала, словно рыба, выброшенная на берег, слабая, но живая.

Кайлин в изумлении покачала головой, удивляясь тому, сколько жизней удалось спасти ее ученице.

Глава 30

Наступил рассвет, а сражение все продолжалось.

Войскам семьи Керестин не удалось пробить городские стены. Мощные западные ворота по-прежнему были закрыты. Если бы отряды Керестин сражались только с императорской стражей, то они давно одолели бы противника за счет перевеса в численности. К тому же расчет был сделан на то, что стражи занимаются подавлением бунта и наведением порядка в столице. Но неожиданно для нападавших большая часть горожан присоединилась к защитникам Аксеками. Какие бы чувства они ни питали к наследнице, но сейчас дело шло о защите их собственных домов, и горожане были настроены дать решительный отпор захватчикам. Поэтому число защитников оказалось в несколько раз больше сил нападавших. Гриджай ту Керестин всю ночь бесился от злости, а когда глаз Нуки показался на горизонте, приказал удвоить усилия по захвату городских стен. Но войска семьи Бэтик быстро приближались с востока, стараясь добраться до Аксеками еще до наступления ночи. Едва они пройдут через городские ворота, Керестин проиграет битву, и безопасность династии Эринима будет обеспечена.

Анаис сидела на троне рядом с мужем. Ее лицо было непроницаемо спокойным. Солнце освещало комнату сквозь высокие окна. Несмотря на то что утро только началось, стояла невыносимая жара. Слуги обмахивали императрицу и ее мужа большими опахалами, но это не приносило облегчения. Стражники

потели, испытывая ужасный зуд в своих металлических доспехах. Пурпурные и белые флаги династии Эринима безвольно обвисли на стенах. Жаровни испускали ароматный дым.

Дурун пребывал в ужасном настроении. Он кутил почти всю ночь. Императрица боролась за выживание, разрабатывала планы, высушивала донесения, поэтому он ушел и напился. Когда Дурун пришел к жене ночью, Анаис отвергла его. Воспоминание об отказе объединялось с жаркой духотой утра, страдания от похмелья усугубились ранним пробуждением и необходимостью тащиться в тронный зал.

Двери распахнулись, и дворецкий объявил:

— Госпожа Мисани ту Колай.

Девушка в темно-синем платье с длинными волосами, завязанными лентой такого же цвета, вошла в тронный зал. Ее нервность скрывала маска невозмутимости, под которой Мисани давно привыкла таить истинные чувства. Позади нее шла Азара в простом белом платье, сложив руки перед собой, как и положено служанке. Красные пряди в волосах исчезли, поскольку были несовместимы с ее нынешним положением. Кожу лица Азара выбелила столь искусно, что ее красота еще больше бросалась в глаза. Девушки шли по ковровой дорожке, ведущей к тронам из резного дерева и драгоценных металлов. Там восседала стройная светловолосая Анаис рядом с высоким темноволосым мужем, одетым во все черное.

— Ну и наглость, Мисани ту Колай, — заявил Дурун, прежде чем были произнесены официальные приветствия.

Мисани взглянула на него. Но даже тени удивления не мелькнуло на ее лице в ответ на грубость императора.

— Я приветствую вас, императрица Анаис ту Эринима, — произнесла девушка и поклонилась. Затем повернулась к Дуруну и склонилась перед ним, но уже не столь низко. — И вас, Дурун ту Бэтик. Могу я узнать, чем вызвано такое обращение ко мне? — Мисани обратилась к ним на высоком сарамирском, как принято разговаривать лишь с правящей династией. Хотя Дурун, по ее мнению, и не заслуживал такого обращения.

Анаис бросила на девушку холодный взгляд.

— Оставь свои игры, Мисани. Я согласилась принять тебя только из-за чрезвычайности ситуации. Говори, что ты хочешь.

«Все идет не так, — подумала Мисани. — Совсем не так».

Что-то произошло. Мисани добилась аудиенции императрицы под предлогом заверения правящей династии в своей лояльности. Но истинная цель была намного сложнее. Попросив Анаис немедленно принять ее, девушка нарушила правила дворцового этикета. Но она действовала по плану, прикладывая все усилия для того, чтобы сегодня утром Люция осталась одна. У каждого была своя роль в этом деле. План мог провалиться, если бы императрица отправилась навестить девочку в тот момент, когда заговорщики попытаются похитить наследницу. Анаис всегда сопровождала большая охрана, поэтому ее нужно было отвлечь. И Мисани подходила для этой цели как нельзя лучше.

Но чем она вызвала такую враждебность со стороны императорской четы? Это могло оказаться серьезной помехой для выполнения задания.

— Я прибыла сюда, чтобы заверить вас в своей преданности, — учтиво пояснила Мисани. Дурун презрительно рассмеялся, но девушка решила не обращать внимания на выходки императора. — Когда во время прошлой аудиенции вы удостоили меня высокой чести и представили наследнице Люции, я еще не определилась в выборе своего политического союзника. Мне известно, что мой отец выступил против вас в союзе с Сонмагой ту Амаха. Но я хочу заверить вас в своей преданности и поддержке. Прошу простить настойчивость, с которой я добивалась этой встречи. Мне нужно было сообщить вам о своем решении прежде, чем конфликт с отцом зайдет слишком далеко. Но что бы ни случилось, какие бы шаги он ни предпринял, я хочу, чтобы вы знали о моей преданности вам и наследнице.

— Твоей преданности? — крикнул Дурун и топнул ногой. — О боги, я, должно быть, все еще пьян! Здесь стоит дочь Авана и предлагает нам свою поддержку, когда ее отец день назад предал Сонмагу и теперь участвует в штурме стен Аксеками! Что ты можешь знать о преданности и верности? Ты сама предаешь сейчас

отца, пойдя против его воли! Его кровь изменника течет и в твоих венах. В чем будет выражаться твоя поддержка, Мисани? Ты отговоришь Авана от нападения на столицу? Ответь мне! Что ты можешь нам предложить?

Слова императора поразили Мисани. Теперь все стало ясно. Когда ее отец поддерживал Сонмагу, по существу защищавшего город от армии Керестин, он действовал в интересах правящей династии. Все так и было, когда девушка отправилась в Провал. Расчет делался на то, что Анаис с удовольствием примет поддержку Мисани ту Колай. Это было необходимо, на этом строился план по проникновению в императорский дворец и похищению наследницы. Но, как оказалось, не все можно предусмотреть.

Мисани ничего не знала о секретном союзе между ее семьей и семьей Керестин. Отец хранил это в тайне. Он был одним из захватчиков, и Мисани по-прежнему оставалась его дочерью в глазах всего общества. Девушка поняла, что ступила в логово врагов. Она нервно осмотрелась и заметила Моса, стоявшего вблизи тронов. Сложив на груди руки, он пристально наблюдал за ней.

— Отвечай, Мисани ту Колай, — жестко и сердито потребовала Анаис. — Что заставило тебя явиться во дворец?

Мисани решилась на отчаянный шаг.

— Позор за предательство моего отца ложится и на меня, — промолвила девушка, вставая на колени и кланяясь так низко, что волосы упали ей на лицо. Азара последовала ее примеру, как и подобало поступить хорошей служанке. — Это позор всех членов семьи Колай. Узнав о намерениях отца, я отвернулась от него. Его предательство обесчестило семью. Я молю о вашем милосердии. Я разделю с вами и вашей дочерью любую участь. И, несмотря на то что меня зовут Мисани ту Колай, я отрекаюсь от своих родных навсегда.

Анаис, нахмурившись, встала, с недоверием глядя на девушку.

— Ты знаешь лучше других, Мисани, что судьбу благородного семейства разделяют все его члены. Преступления

отца — это и твои преступления. И расплата неизбежна. — Императрица развела руками. — Тебе это известно не хуже, чем мне.

Какая несправедливость. Как подшутили над ней боги! А все, казалось, должно было пройти так легко и просто. Мисани скрылась бы еще до того, как императрица поняла, что ее дочь пропала. А теперь... теперь...

Анаис печально покачала головой.

— Я никогда не пойму, какую цель ты преследовала, направляясь сюда, Мисани. Ты была так хороша в дворцовых играх. — Императрица ступила назад и, сев на трон, махнула рукой своим стражам. — Казните их.

Глаза Кайку открылись от скрежещущих металлических звуков, и она подскочила. Ей показалось, что вернулись макушенги и их ужасные крики, похожие на визг ржавых ворот, отзываются эхом через тунNELи коллекторов. Тэйн удерживал девушку, обняв за плечи.

— Успокойся, — прошептал он. — Все в порядке. Это всего лишь сон.

Она успокоилась в объятиях юноши, слушая ровное биение его сердца. Постепенно Кайку начала осознавать окружающую ее действительность. Молодые люди находились в маленькой, сырой комнатке, освещенной единственной лампой. В помещении стояла вонь от одежды, пропитанной сточными водами. И Кайку чувствовала во рту мерзкий вкус, который, похоже, никак не ослабел. Промокшие и измученные заговорщики, спавшие здесь же, поднялись, когда Кайку проснулась, и начали собираться. Девушка не помнила, как попала сюда. Но ее продолжали преследовать воспоминания о холодной воде коллектора, сомкнувшейся над головой, и горящих ненавистью глазах бросившегося на нее демона.

Вновь раздался скрежет, и Кайку поняла, что кто-то поворачивает ключ в закрытой двери. Значит, пришло время исполнить то, зачем они проникли в город.

Девушка вспомнила спор в темном подземелье о том, что делать с мертвыми товарищами. Джугай не хотел оставлять их маку-шенгам, но и унести тела уцелевшие заговорщики не могли. Кайку не без содрогания подумала, что им пришлось обезглавить мертвых, чтобы демоны грязной воды не смогли в них поселиться. Тэйн предложил взять ее на руки, но Кайку запротестовала, доказывая, что вполне может идти сама. Освещая себе дорогу единственным уцелевшим фонарем, спасшиеся вновь побрали по направлению к дворцу.

Маку-шенги больше не преследовали их. Демоны испытывали на себе силу Кайлин и расползлись по туннелям в поисках более легкой добычи. Кайку шла, покачиваясь, опираясь на крепкое плечо Тэйна. Юноша прихрамывал на одну ногу, страдая от болезненного укуса демона. Но рана оказалась не глубокой, и ее достаточно было просто перевязать. Из всего остального Кайку помнила только наваливающуюся безграничную усталость. Когда они добрались до комнатки, в которой она сейчас проснулась, Кайлин сообщила, что еще рано и можно отдохнуть.

— Я предлагаю всем поспать, — пробормотала она. — Утром, если все будет хорошо, мы встретимся с руководителем Либера Драмах. Он поведет нас дальше.

Тэйн попытался расспросить ее. Кайлин уже не первый раз упоминала об этом человеке, но всегда отказывалась организовать с ним встречу, не желая подвергать заговорщиков опасности.

— Все остальное не имеет значения, — оборвала она распросы. — Сегодня все тайны откроются.

Кайку поспала, но несколько часов во власти забвения показались мгновениями. И сейчас Тэйн мучил ее бессмысленными вопросами о том, как она себя чувствует.

Сам Тэйн выглядел намного хуже. Изможденный, качающийся, с восковой кожей и ярко блестящими глазами, он явно заболел, подхватив какую-то заразу в коллекторе или от укуса маку-шенга. Кайку слегка удивляло, что, наглотавшись сточной воды, она не испытывает недомогания. Девушка догадыва-

лась, что канка уничтожает все чужеродное, попадающее внутрь ее организма. И, кроме того, она чувствовала себя настолько утомленной и измученной, что не могла отличить болезнь от усталости. Вряд ли когда-нибудь ей было хуже, чем сейчас.

Железный замок наконец щелкнул, и дверь распахнулась, впустив внутрь свет новой лампы, сразу смешавшийся с тем, что уже освещал комнатку. Фонарь держал в руках человек средних лет, высокий и широкоплечий, с коротко подстриженной белой бородой и завязанными на затылке волосами.

— Кайлин. Джугай, — сказал он вместо приветствия. — Что случилось с остальными?

— Мы столкнулись с неприятностью, — сообщил Джугай. — Рады вас видеть.

— Пойдемте, — предложил незнакомец, и они вышли из комнаты.

Мужчина закрыл за ними железную дверь. Заговорщики оказались в сырьом подвале, где в затхлом воздухе сильно ощущался запах плесени. Незнакомец внимательно осмотрел горстку людей, стоявших перед ним. Из десяти, что вошли в городской коллектор, выжило шестеро.

— Дальше все идет по плану, — начал неизвестный. — Ваша знатная подруга благополучно вошла во дворец сегодня утром. Сейчас она должна встретиться с императрицей и ее мужем-идиотом в тронном зале. Наследница, как обычно, бродит по саду на крыше дворца. Я приготовил вам одежду слуг и сложил ее в том месте, где вы можете помыться. Ваш теперешний вид мгновенно привлек бы внимание стражи. — Он посмотрел в сторону Кайку. — Я ожидал увидеть только одну женщину. Приношу свои извинения. Тебе придется надеть то, что есть.

Кайку была слишком занята мыслями о Мисани, чтобы отвечать. Она просто слегка поклонилась. Мысли о подруге посещали ее сознание даже во время ужасного путешествия через коллектор. И хотя Мисани поручили самое безопасное дело из всего, что им предстояло, Кайку не могла не волноваться.

— Не все присутствующие знакомы со мной, — продолжил седобородый мужчина. — Позвольте представляться.

Я — Заэлис ту Унтерлин, наставник наследницы Люции ту Эринима. А кроме того, я основатель Либера Драмах... — Казалось, он хотел рассказать о себе что-то еще, но передумал. — Времени очень мало. Идите за мной, — приказал он, и заговорщики послушались.

Они находились в старом, заброшенном здании тюрьмы. Тэйн задавался вопросом, сколько сотен лет этому сооружению. И сколько императоров и императриц находились в неведении относительно маленькой, незаметной железной двери, которая вела в городской коллектор. Он перевел взгляд на Пурлоха, изумляясь тому, как этот человек смог все разузнать, пробился через лабиринты труб один, без проводника, и не только пробрался во дворец, но нашел дорогу к самому охраняемому объекту.

Пурлох отчетливо понимал, что удача в очередной раз улыбнулась ему, и он вновь пробрался сюда и провел своих спутников. Но он сделал это не для них, а для Люции. Вор чувствовал себя виноватым перед принцессой. Тэйн не мог этого знать, но Пурлох винил себя в том бедствии, которое поразило Сарамир. Он позарился на деньги Сонмаги и выдал всем тайну Люции. Но сегодняшней ночью вор искупил свою вину перед наследницей. Пурлох не смог бы спокойно жить, если бы этот безмятежный, неземной чистоты ребенок умер из-за его жадности.

Заэлис привел заговорщиков в маленькую, темную комнату, которая, похоже, когда-то была умывальной для охраны и заключенных. Пара простых старых кранов извергала воду, разбрызгивающуюся на черных, гладких каменных плитах. Стопка одежды лежала на низком стеллаже в углу.

— Как видите, вода все еще идет. Я сумел открыть краны, но, к сожалению, их невозможно закрыть. Поэтому, не медлите, — сказал Заэлис.

Они помылись парами, женщины первыми. Вода была теплой и чистой, горячее солнце нагревало трубы, по которым она текла. Отскоблив грязь, покрывавшую тело, так тщательно, как только могла, Кайку натянула мужскую одежду. Кайлин в это же время облачилась в наряд, соответствующий ее полу. Кайку

меньше всего волновала собственная внешность. Она так же легко носила мужскую одежду, как и женскую. Одетая в простые серые брюки и свободную рубашку, запахнув ее, как принято у женщин справа налево, девушка вышла из умывальной.

Остальные члены их группы тоже помылись и переоделись. Заэлис приказал оставить оружие, которое нельзя спрятать под одеждой. Сначала заговорщики запротестовали, но Заэлис взглядом заставил их замолчать.

— Слуги не носят мечи и винтовки! — пояснил он. — Наше оружие — хитрость. Если все это обнаружат в сердце императорского дворца, то я очень сомневаюсь, что кто-то из нас сможет воспользоваться мечом или винтовкой. Пурлох присмотрит за всем, что мы здесь оставим.

Кайку взглянула на вора, который казался смущенным тем, что не идет дальше. Но он выполнил свою работу. Пурлох привел их во дворец и дальше не станет рисковать собой. Заэлис проведет небольшой отряд в сады на крыше дворца, выбрав безопасный путь. Кроме того, вор должен будет вывести их из дворца, поэтому его жизнь нельзя подвергать опасности.

В шестером заговорщики вышли из заброшенного тюремного корпуса и перебрались через большую решетку, оказавшись в помещении склада, в котором стояли бочки с какой-то засохшей едой.

— За стенами этого склада вы — слуги, — объяснил Заэлис. — Ведите себя соответственно. Моего присутствия будет достаточно, чтобы избавить вас от расспросов.

С этими словами он вывел заговорщиков из склада и направился во дворец.

Под бронзовой маской мерцали полуслепые глаза главного ткача.

Он находился в своих покоях. В другом углу комнаты бродил тощий шакал, пережевывая остатки еды. Два дня назад Вирроч потребовал, чтобы ему привели шакала. Теперь он не мог толком вспомнить, зачем ему животное, но подозревал, что шакал понадобился для поисков девочки, которая все еще скрывалась где-то в покоях. Похоже, это была не самая лучшая идея.

Виррч не видел девочку в течение многих недель, но все же пребывал в полной уверенности, что не убил ее. До сих пор главный ткач замечал признаки ее пребывания в своих покоях: вещи оказывались сдвинутыми с постоянного места, пропадала кое-какая еда. Она пряталась где-то в многочисленных комнатах, безрезультатно пытаясь найти выход. Девочка была хитра — оставаться в живых так долго... Он уже почти начал уважать ее.

Какая-то странная дрожь пробежала по Узору, и Виррч вспомнил, что уже ощущал ее. На его уродливом лице проступило беспокойство.

С самого рассвета он был занят, очень осторожно плетя сеть по императорскому дворцу, но ему все время чудилось чье-то присутствие. Накануне вечером Виррч ощутил подергивание полотна, незнакомую вибрацию, подобную движению другого павука на краю его сети. Колебания были слишком слабыми, чтобы исходить от другого ткача. Это произошло, когда Виррч спал, одурманенный корнем амакса, который курил на ночь, приходя в себя после погружения в рисунок. Он с трудом проснулся. Но к тому времени, когда главный ткач очнулся настолько, что мог приступить к поискам нарушителя, вибрация сначала уменьшилась, а потом и вовсе исчезла.

Он не представлял себе, что это могло быть. Нарушитель спокойствия сумел закрыться от него. Это взволновало Виррча.

Теперь главный ткач снова что-то почувствовал. На этот раз подергивания нитей казались слабее. Но сейчас он тут же начал активный поиск и поэтому узнал знакомую вибрацию. Открытие внезапно испугало Виррча.

Тот, кто нарушил рисунок вчера вечером, находился во дворце. И это сделала не наследница.

Виррч вновь закрыл глаза, погружаясь в Узор. Он разыскивал повреждения в нитях, направляя в подозрительные места свое сознание, исследовал, дотрагивался рукой. Нарушитель закрылся от него и ушел.

Ощущал присутствие Виррча и спрятался.

Главный ткач почувствовал, что руки стали липкими от пота. Не может быть! Кто, кроме ткачей, может создавать Узоры и рисунки? Даже Люции не под силу управлять нитями и сплести их. Разве ребенок умеет создавать сложное полотно, воздействующее на чужие умы? У наследницы не хватит для этого способностей.

Но главный ткач по-прежнему ощущал чье-то присутствие и пытался разыскать чужака в своей сети. Непрошеный гость понял, что его ищут, и затаился.

Виррча охватила тревога. Вмешательство могло иметь только одно объяснение. Независимо от того, кто вторгся в рисунок, чужак хочет сорвать его планы! Если это не очередное изобретение ткачей, то наверняка к нему пробрался враг. Виррч отчаянно искал нарушителя, но тот исчез, словно призрак.

Решение пришло неожиданно. Вокруг дворца ждали последние оставшиеся в живых подрывники с изготовленными собственноручно бомбами. Слуги и разнорабочие, считающие себя армией Унгера ту Горрика, полагали, что выполняют его заветы. Они доставили бомбы, и теперь скрывали их в корзинах, в буфетах, в вентиляционных шахтах или привязывали к своим телам.

Виррч больше не мог ждать, особенно теперь. Пора.

По нитям рисунка главный ткач отдал команду к началу.

Зээлис вел заговорщиков по коридорам, находящимся на самом нижнем этаже дворца и отданым в распоряжение слуг. Здесь не было ни тонкой отделки, ни роскоши верхних помещений — только голые стены, лишенные украшений. Было невыносимо жарко, арочные окна и экраны отсутствовали. Душный воздух снаружи, проникая сюда, смешивался с паром из кухни и дыханием тысячи работающих людей. Помещения освещались фонарями, установленными в нишах. Они давали достаточно света для маленьких душных комнат. Эта часть дворца находилась под землей, погребенная в основании холма. Именно здесь исполнялись самые неприятные и непристойные поручения.

Заговорщики, не торопясь, шли к цели. Слуги, спешившие по своим поручениям, не обращали на них внимания и проходили мимо, быстро кланяясь Заэлису. Одежда выделяла наставника Люции среди всех остальных. Стекающий от жары по лицам заговорщиков пот делал их похожими на слуг и скрывал болезненный вид Тэйна. Кайку чувствовала, что напряжение понемногу отпускает ее. Она успокоилась, поняв, что их не воспринимают как заговорщиков. Опустив глаза, как и подобает слуге, девушка шла вперед.

Она ощутила колебания нитей полотна одновременно с Кайлин. Это мог быть только главный ткач Виррч. Кайлин выразительно посмотрела на Кайку. Если бы ее кана находилась под контролем, то она стала бы невидимой для того, кто разыскивает их. Но сила девушки вырвалась на свободу, поэтому Кайлин расширила защитное поле, окружив им и Кайку. Та удивленно посмотрела на спутницу. Глаза Кайлин потемнели и стали вместо зеленых темно-карими. Если бы сестра применила больше силы, то они налились бы кровью, и выдали их.

— Заэлис, — прошептала она, когда возле них не было слуг. — Виррч ищет нас. Отведи меня в безопасное место. Я не могу сейчас вступать с ним в контакт.

Вместо ответа Заэлис просто кивнул. Он свернулся из центрального коридора в другой, более узкий, и пошел мимо комнат, где прачки кипятили и стирали белье. Кайку встревожила. Неужели ткачи проведали о ней? Как они узнали о клятве, данной Охе, и обещании отомстить за свою семью? Она почувствовала, что воздух вокруг нее наполнился движением, словно грубые пальцы погрузились внутрь полотна и перебирают нити, воздействуя на чужие умы. Эти невидимые манипуляции могло обнаружить только чутъе искаженного. Ей вдруг захотелось окунуться в рисунок. В ответ кана шевельнулась внутри. Девушка, сцепив зубы, огромным усилием подавила в себе это губительное желание.

Время, похоже, замедлило свой бег. Предчувствие беды давило на плечи, словно свинцовый саван. Кайку наткнулась на невидимый барьер. Она еще не поняла, в чем причина беспокойства, но чувствовала — что-то должно случиться, и, похо-

же, времени предпринять ответные действия уже не осталось. Они могли только ждать. Кайку повернулась и посмотрела на Кайлин. Их глаза встретились, и девушка поняла, что сестра почувствовала то же самое. А через несколько секунд раздалось несколько взрывов.

Армия Унгера приступила к активным действиям.

Глава 31

В первую секунду Мисани с ужасом подумала, что ей отрубят голову прямо здесь, на глазах у императрицы. Стоя на коленях, она со страхом ожидала своей участи. Кроме всего прочего, девушку терзала мысль, что ее казнят без суда и следствия, как простую служанку за провинность. Но спустя несколько минут ее грубо схватили и поставили на ноги. Анаис и Дурун сидели на тронах и спокойно наблюдали за происходящим. Лицо императрицы оставалось бесстрастным, а ее муж презрительно ухмылялся. Девушка догадалась, что благородное происхождение все-таки не позволит обойтись с ней без соблюдения формальностей, даже если она оказалась предательницей. Ее отведут в специальное место и там отрубят голову. Мисани позволят умереть достойно, а не как собаке рядом с троном императрицы.

Мос стоял у стены и с невозмутимым лицом ждал, что будет дальше. Девушка встретилась с ним взглядом, но его глаза были пусты. Он не собирался помогать ни ей, ни Азаре. «Значит действительно все кончено», — подумала Мисани.

Но тут неожиданно прогремел взрыв.

Оглушительный грохот потряс всю комнату. Задрожали даже стены. Стражники, конвоировавшие Мисани и Азару, повалились на спину, сбитые взрывной волной. Оглушенные, они тщетно силились подняться с пола. Прошла еще секунда, и за первым последовал второй взрыв. На этот раз еще ближе. С потолка посыпалась штукатурка, кое-где по стенам поползли трещины, стекла задребезжали в окнах. Несколько охранников пригнулись к полу, потянув Мисани за собой. Из разных кон-

цов дворца доносились крики о помощи, плач женщин, вопли детей, перемежаемые раскатами новых взрывов. Дурун вскочил на ноги, придерживаясь за спинку трона, чтобы не упасть. Мос озирался по сторонам, стараясь понять, что происходит. Злость исказила его бородатое лицо.

— Что это? — закричала Анаис испуганным, дрожащим голосом. — Что это?

— Нападение! Дворец атакован! — Вопли охраны были ответом на ее вопрос.

Парадные двери в тронный зал распахнулись от взрывной волны, и в комнату ворвалось несколько дюжин стражников с обнаженными мечами. Мисани, удерживаемая охранником, вначале подумала, что это прибыло подкрепление. Но через мгновение поняла, что ошиблась. Воины никого не собирались охранять. Перед ними стояла другая задача — убить императрицу.

Мечи, сверкая в лучах утреннего солнца, обрушились на защитников императорской четы, рассекая доспехи, плоть и кости. Стражи, еще не пришедшие в себя после оглушающих взрывов, оказались не в состоянии обороняться, и многие были зарублены прежде, чем успели выхватить оружие. В тронном зале воцарился хаос. Остатки охраны, преданные Анаис, скрепотчились перед возвышением, на котором стояли троны, создав защитный барьер.

Мисани поползла к дверям. Ее конвой ухватил девушку за лодыжку, и она со злостью пнула его ногой, попала в лицо и, похоже, сломала нос. Солдат болезненно вскрикнул и выпустил Мисани. И тут же Азара бросилась к ней и закрыла своим телом.

В тронном зале стоял ужасный шум: звучали дикие выкрики, звенели мечи. Девушки оказались в центре схватки, посреди вордоворота из сине-белых доспехов. И нападавшие, и защищавшиеся носили форму императорской стражи, так что разобрать кто враг, а кто друг было невозможно. Какой-то мужчина споткнулся о них и вскинул окровавленный меч. Мисани сжалась в испуге. Нанес бы солдат удар или нет, увидев перед собой благородную

госпожу, сказать невозможно, но Азара, ни секунды не раздумывая, подскочила и ударила его по горлу ребром ладони. Стражник упал на колени, выронил меч и, схватившись за шею, несколько мгновений ловил посиневшими губами воздух, затем повалился набок и больше не шевелился.

— Бегите! — крикнул Мос сыну, стоя на ступенях лестницы, ведущей к возвышению.

В руках он сжимал огромный кривой меч. Выбранное оружие отражало его характер. Мос предпочитал мощь изяществу. Позади него Анаис пыталась отдавать какие-то бесполезные указания, но ее никто не слушал. Голос императрицы тонул в шуме сражения. Мaska спокойствия и высокомерного безразличия слетела, и теперь она была просто испуганной, дрожащей от ужаса женщиной. Ее предали. Кто-то из врагов ворвался во дворец. И если сейчас они здесь, значит, могут добраться и до...

— Люция! — в панике закричала императрица и рванулась вперед.

Муж ухватил ее за руку.

— Бежим! — Дурун оттащил жену от трона.

Нападавшие прорвались через парадный вход, но позади возвышения существовала и другая дверь. Она вела в комнаты, где императорская чета отдыхала перед официальными приемами. Преданные Анаис стражники защищали проход к этой двери, обеспечивая императрице и императору возможность спасения.

Они уже сбегали по ступеням, когда через цепь защитников прорвался высокий широкоплечий солдат и подскочил к императрице. Но вместо беззащитной женщины перед ним оказался Мос с занесенным для удара мечом. Солдат отшатнулся от неожиданного противника, но Мос уже со свистом опустил клинок на его плечо. Рассеченный пополам, враг рухнул на пол с удивленным выражением на лице.

— Рудрек! — закричал Дурун, подталкивая императрицу к безопасному выходу. Один из стражников выскочил из рядов защитников и побежал к императору. — Немедленно! — про-

шептал он так, чтобы никто не подслушал. — Найди Люцию и приведи ее в Зал Солнца.

Рудрек торопливо кивнул и убежал, не беспокоясь о соблюдении правил дворцового этикета. Он был старым солдатом, понимающим, что сейчас не время для церемоний. Дурун полностью ему доверял. Анаис немного успокоилась. Она цеплялась за супруга, впервые радуясь его силе. Императрица всегда отличалась мужеством, несмотря на утонченные манеры, изящную фигуру и небольшой рост, но еще никогда в жизни не сталкивалась с угрозой физического насилия, за исключением любовных игр в спальне, когда забавлялась там с Дуруном. Теперь она чувствовала исходящую от мужа уверенность и мощь.

Их сопровождали шестеро стражников, остальные сдерживали нападавших. Обезумевшая от паники, императрица горько сожалела, что предприняла попытку посадить dochь на трон...

Кайку кашляла, задыхаясь в едком дыму. Подошвы ботинок скользили по битому щебню. Поблизости она слышала треск и рев огня, горячий обжигающий воздух врывался в темный коридор. Крики о помощи, приказы и команды отдавались оглашающим звоном в ее ушах. Девушка прикрыла лицо рукой и, прищурив слезящиеся глаза, стала пробираться вперед сквозь мрак в поисках товарищей.

Она потеряла их из виду в первые секунды взрыва. Бомба, разорвавшаяся поблизости, уничтожила большую часть прачечной и разрушила коридоры. Взрывная волна бросила Кайку на пол, сверху на нее посыпались осколки камней. От разрушительного грохота заложило уши. Через некоторое время сознание прояснилось, и она смогла осмотреться. Коридоры, которыми они совсем недавно проходили, оказались разрушены, и Кайку не представляла, в какую сторону надо двигаться. Оставшиеся в живых и обезумевшие от ужаса слуги пробирались через горячие комнаты. Густой дым затягивал помещения плотной пеленой. Кайку ощупала себя и, убедившись, что все в порядке, решила пробиваться через коридоры в верхнюю часть дворца. К этому времени девушка уже поняла, что осталась одна.

Взрыв вызвал панический страх среди слуг. Пробегавшие мимо люди не могли понять, почему их спокойный, стабильный мир внезапно превратился в грохочущий и пылающий ад. Несколько человек, встретившихся девушке, шли совершенно спокойно с безмятежными лицами и смотрели куда-то вдаль с идиотскими улыбками. Похоже, взрыв стер их сознание, словно пыль.

Гудящее пламя распространялось по помещениям. Огонь с радостью пожирал все, что попадалось по пути. Кайку уже начала сомневаться, что сможет найти своих товарищей в этом безумии; шансов пробраться к выходу становилось все меньше. Но девушка не теряла надежду.

Сквозь звон в ушах Кайку расслышала крик. Трусливый голос в подсознании нашептывал, что она ничем не сможет помочь ему, как и любому другому, оказавшемуся в этой преисподней. Голос уговаривал поберечь себя, потому что задача, которую она должна выполнить, намного важнее жизни какого-то слуги. Но Кайку приказала ему замолчать и бросилась на помощь кричавшему.

Она пробилась в комнату с пылающими стенами, отпихнула в сторону тлеющий стул и, пригнувшись, увернулась от языка пламени. Пробежав через комнату, Кайку нырнула в узкий дверной проем.

До взрыва здесь находилась прачечная. Сейчас вода в корытах кипела, одежда и простыни, сложенные в кучи, превратились в золу. Дальняя стена обрушилась. И через дым Кайку увидела кучи кирпича, штукатурки, обломки перекрытий, листы железа, сорванные с крыши. Посмотрев на потолок, она заметила бегущие лучами глубокие трещины — и верхняя комната в скором времени грозила рухнуть.

Вновь раздалась мольба о помощи, и взгляд наткнулся на мужчину, пытающегося выбраться из корыта. Его кожа почернела от ожогов, а вместо одной ноги торчал окровавленный обрубок. Искалеченный взрывом, несчастный, пытаясь спастись от огня, бросился в корыто с водой. Но вода кипела, и он варился там, словно омар, не в силах выбраться. Мужчина погибал, и

Кайку ничем не могла помочь ему. Слезы хлынули у нее из глаз от беспомощности и жалости.

И неожиданно, сквозь пелену слез, она заметила какое-то движение в другом конце комнаты.

Кайку протерла глаза и глубоко вздохнула, удостоверившись, что сознание не оставило ее. В углу комнаты она увидела маленькую девочку в простой одежде. Длинные, волнистые, светлые волосы рассыпались по ее плечам. Она смотрела на происходящее странным отсутствующим взглядом. Ее тоненькая фигурка не состояла из плоти и крови. Девочка была призраком, духом, дрожащим в воздухе, словно отражение в зыби воде. Она шла по комнате к погибающему человеку, не обращая внимания на пламя и пар. Кайку, остолбенев, наблюдала, как призрак опустил руку в воду, и она тут же перестала кипеть, словно кастрюля, снятая с огня. Человек в корыте повернулся, чтобы посмотреть на нее, и на его изуродованном лице появилось благодарная улыбка. Тогда призрак положил ему на голову свои маленькие ручки, и глаза мужчины закрылись. Со вздохом он погрузился в воду.

Затем девочка-призрак посмотрела на Кайку широко раскрытыми глазами.

...помоги мне...

Слова, казалось, доносились издалека и были едва слышны, словно после того, как они вылетели изо рта призрака, еще проходило какое-то время. Потолок над головой подозрительно затрещал, и лицо девушки исказил страх. Она бросилась назад и едва успела выскочить из комнаты, как верхний этаж обрушился вниз. В воздух взметнулись новые языки пламени, пыль и дым клубами валили из дверей.

Кайку, прикрыв руками лицо, заглянула в комнату, где под грудами битого камня остался призрак.

— Выход здесь! — закричал кто-то, и Кайку повернула голову в ту сторону. Кричавший человек исчез, и на его месте в дверном проеме появился призрак.

Кайку начала пробираться к нему, карабкаясь через груды битого камня, обломков досок, отворачиваясь от языков пламе-

ни. Призрак светился мягким светом впереди. Девушка пытаясь приблизиться к нему, пригибаясь к земле, чтобы избежать дымного пыльного облака, колышущегося в воздухе. Рядом что-то кричали другие люди, стремящиеся выбраться наружу до того, как все рухнет. Но Кайку не обращала на них внимания, следуя за призраком. Инстинкт вел ее вперед, и девушка доверяла ему.

— Кайку! — раздался голос, и Тэйн схватил ее за плечо.

Она сжала запястья юноши, убеждаясь, что это не сон, но не отвела глаз от девочки и не сбавила шаг.

— Что с тобой? — недоуменно спросил Тэйн, стараясь не отставать.

— Разве ты не видишь ее? — удивилась девушка.

— Кого?

Кайку нетерпеливо мотнула головой.

— Тогда иди со мной.

— А как же остальные?

— Они смогут позаботиться о себе сами, — уверенно ответила девушка.

Призрак милосердно уводил Кайку от страшных развалин, и вскоре она обнаружила, что воздух стал чище, и можно дышать без рези в груди. Тэйн шел рядом, не задавая никаких вопросов. Все это время маленькая прозрачная фигурка держалась перед ними, не приближаясь и не удаляясь.

Огонь остался далеко позади. Коридоры, по которым торопливо шли молодые люди, становились все более оживленными, их заполняли стражники и придворные. Ни один человек не заметил девочку-призрака, проходившую среди них. По их поведению Кайку догадалась, что во дворце начались какие-то беспорядки. Но у нее не было времени, чтобы задуматься об этом — она неотступно следовала за призраком.

Кайлин, Заэлис и Джугай миновали полосу дымных коридоров, уходя все дальше от огня — туда, где стены все еще стояли, и духота не затрудняла дыхание. Когда начались взрывы, большинство слуг разбежалось, надеясь отсидеться в ка-

ком-нибудь убежище, поэтому заговорщики могли беспрепятственно передвигаться по дворцу.

— Сюда, — сказала Кайлин, и они последовали за ней в тесную кухню без окон, где что-то тушилось в котле на небольшом огне. От пара, выбивающегося из-под крышки, запотели каменные стены. Железные кастрюли и сковородки, обычно висевшие над плитой, валялись по полу, сброшенные взрывами. Кайлин осмотрелась. — Подойдет, — одобрила она свой выбор.

— Для чего? — недоумевал Заэлис. — Мы должны убраться как можно дальше от огня.

— Мне никто не должен мешать. Я должна быть спокойна. Сюда никто не придет. Какое-то время мы будем оставаться довольно далеко от огня.

— О боги, кто видел Эспина? — Джугай откашлялся и пригладил покерневшие от сажи волосы. — И кто знает, что случилось с остальными?

Кайлин видела Эспина лежащим в куче битого кирпича с окровавленным лицом и сломанной шеей. Он попал под удар взрывной волны и погиб.

— Тэн и Кайку сами позаботятся о себе, — холодно бросила женщина.

Это не значило, что она поставила крест на Кайку, на которую возлагала столько надежд. Но сейчас перед ней стояла очень важная задача, которую необходимо было выполнить без промедления.

Заэлис никак не мог успокоиться от пережитого.

— Бомбы? Бомбы в императорском дворце? О боги, что творится здесь? Это катастрофа! — в волнении воскликнул он.

— Это дело рук Виррча, — пояснила Кайлин.

Она оттащила в сторону несколько стульев, расчищая себе место, и встала лицом к котлу. Мужчины, затаив дыхание, наблюдали, как она вдохнула, расслабляя плечи. Запах тушеного мяса наполнил кухню. Кожу покалывало от горячего воздуха. Но ничто, казалось, не беспокоило сестру. Она закрыла глаза и раздвинула пальцы разведенных в сторону рук. Голова ее низ-

ко склонилась, и женщина выдохнула. Когда Кайлин подняла голову и открыла глаза, цвет их изменился, и все поняли — она видела то, что недоступно им.

— Мне предстоит встреча с главным ткачом. А вы с Джугаем найдите наследницу. Мы пока не побеждены. Этот хаос может оказаться нам на руку.

Заэлис, соглашаясь, кивнул, и они с Джугаем ушли. Дверь хлопнула, и молодая женщина осталась одна.

Кайлин медленно перемещалась в океане света, образованном из миллионов крошечных золотых нитей, движущихся крохотными волнами. Как всегда, эйфория заполнила ее сразу же после погружения в сотканный рисунок, накапливаясь под сердцем и распространяясь по всему телу. Дыхание замирало от красоты невидимого мира, который окружал ее. Всего лишь краткое мгновение Кайлин позволила себе наслаждаться этим. А затем выработанная многодневными тренировками дисциплина направила чувства в нужном направлении, рассеяв фальшивые обещания вечного счастья.

Обретя ясный ум, женщина устремила свое сознание вглубь сети, перескакивая от нити к нити подобно пальцам арфиста. Она отделяла подлинные волокна рисунка от тех, из которых свиты веревочки марионеток, неосведомленных кукол в императорском дворце. Кто-то издалека управлял событиями. Кайлин ощутила искажение рисунка, окружавшего людей во дворце, и поняла, что они находятся под чьим-то влиянием. Им казалось, что они сами являются зачинщиками беспорядков, но истинный организатор оставался в тени. Он бы и скрылся, если бы Кайлин не выследила его.

Поэтому она бросилась между нитями, отыскивая маленькие зацепки и соединяя их в единую нить, ведущую к пальцам кукольника. И, наконец, когда все было готово, Кайлин пошла вдоль волокна к его началу.

Виррч с рассвета не вставал с привычного места. Он сидел, скрестив ноги, на полу посередине спальни. Останки старухи были сдвинуты к стене, где шустрый шакал украдкой стащил

несколько кусков. Конечно, Виррч всегда мог пресечь воровство нахального зверя и найти сбежавшую девочонку, которая пряталась где-то поблизости. Он, возможно, использовал бы для этого рисунок полотна, чтобы остановить их сердца или раздробить им кости. Но это детская забава не доставила бы главному ткачу никакого удовольствия. Его поразило, что девочка оказалась достаточно умна, чтобы не напасть на него, когда он входил в рисунок или спал. Она бы умерла, как только приблизилась на расстояние ярда, попытавшись воспользоваться его видимой беззащитностью. Если девочка не жульничает, то и он будет действовать честно. Виррч дождется, пока она выберется из своего убежища и сдерет с нее кожу. Единственный ключ от двери висел у него на шее. Девчурка не могла выйти из покояв. Будет забавно наблюдать, как долго она продержится.

Женщины. Лукавая порода. И даже слишком лукавая, если верить свидетельствам прошлого. Ткачами могли стать только мужчины, и на то были свои основания: дети не слишком дисциплинированы, а женщины слишком хороши. Это выявилось на самой ранней стадии использования колдовских камней. Способности женщин управлять нитями полотна, внедряясь в рисунок, намного превосходили таланты мужчин. Плетение Узора должно быть сущностью натуры. Мужчины могли подчинять это свойство своим желаниям лишь силой, неуклюже и черство. Женщины делали это виртуозно, становясь частью рисунка. Они получали свое умение от природы, как и лунные циклы. В те первые годы безумия, в спрятавшемся среди гор поселке, где теперь находился огромный монастырь Аддерах, женщины едва не превзошли мужчин в могуществе. Но в горняцком поселении их было не слишком много. Женщин, девушек и девочек жестоко убили. Единожды соприкоснувшись с колдовским камнем, мужчины утратили совесть. С того самого дня в братство могли вступить лишь взрослые мужчины, искавшие знаний или власти.

По этой же причине в практику вошло убийство младенцев с признаками искажения. За прошедшие столетия не раз отмечалось, что такие дети рождались с элементарной способнос-

тью управлять рисунком. По какой причине это происходило — то ли колдовские камни как-то непосредственно повлияли на их родителей, то ли через зерно, овощи и фрукты, выросшие на отравленной земле, — ткачи так и не смогли понять. К тому времени они уже закрепились в обществе, доказав знати свою необходимость. Простые люди боялись странных детских талантов, поэтому никто не препятствовал ткачам в истреблении порченых. Это касалось не только тех, кто умел использовать нити рисунка, но и всех остальных детей с отклонениями. Они должны умереть, чтобы тайна ткачей не вышла наружу.

Но сейчас у Виррча не было времени для воспоминаний. Он обыскивал дворец, распределив свое сознание, пытаясь найти место в рисунке, через которое чужак проник накануне. Бомбисты не шли в расчет. Они стали жертвами собственных изделий. Виррч был вынужден осуществлять прямой контроль на заключительном этапе. Существовала угроза, что марионетки в последний момент передумают. Но, к своему удивлению, главный ткач убедился, что они остались верными своим убеждениям до конца.

После взрыва злоумышленник на какое-то время утратил свою защиту. Но Виррч в это время занимался другими делами и, к сожалению, не мог его атаковать. Теперь главный ткач сконцентрировал все свое внимание, чтобы снова определить местоположение нарушителя. Паника во дворце содействовала выполнению его замыслов. И теперь он должен был в первую очередь разобраться с неизвестным врагом.

Но Виррч слишком давно оставался главным ткачом. Он чересчур долго использовал одни и те же техники исследования рисунка и перемещения внутри него. Ткач отвык от противодействия. Он внедрялся, вкручиваясь, в рисунок и не замечал «черную вдову», ползущую по краю его паутины, пока она не оказалась почти рядом.

Слишком поздно Виррч понял свою ошибку. То, что он принимал за неуклюжую попытку проникновения, относилось совершенно к другой категории. Даже самый сильный из ткачей оставил бы разрывы там, где прошел, кусочки нитей и за-

путанные петли. Его сегодняшний противник струился через рисунок подобно шелковой нити, не оставляя за собой никаких следов. Это могла сделать только женщина. И теперь Виррч видел, что предки были правы, избавляясь от противо-положного пола.

Он в ужасе отпрянул, осознав, что незнакомка уже проникла внутрь его защиты. Не заботясь о последствиях, Виррч ударили по ней. Но нарушительница, передвигаясь, словно дыхание ветра, умело увернулась. Дергая за нити, она придвигалась все ближе, пользуясь тем, что он отвлекался на ложную вибрацию. Главный ткач запаниковал, стараясь вспомнить старые приемы, которые когда-то хорошо знал. Но это было задолго до того, как он пресытился совершенствованием своего мастерства. Безумие стерло память, и Виррч не мог соединить обрывочные воспоминания.

— Убирайся прочь! — громко завопил он в тишине.

Шакал вздрогнул и отбежал, царапая пол когтями.

Ткач повернулся внутрь, чувствуя продвижение противника по нитям паутины, связывавшей его с внешним миром. Обезумев, он начал вязать узлы, устраивая западни и загоны из волокон, переходящие в лабиринты, где незваная гостья уйдет в вечность. Но Виррч мог лишь чувствовать ее присутствие и, оказавшись не в силах остановить, пытался хоть как-то задержать. Ткач не знал, кто эта незваная гостья и где находится, не представлял, куда наносить удар.

И она, казалось, появлялась одновременно сразу со всех сторон, стремительно перемещаясь, пощипывая и подергивая волокна, посыпая ложный сигнал внутрь сверкающих нитей поля битвы. Виррч суетился, находясь во власти нарастающей паники, пытаясь ввести врага в заблуждение, но это не давало должного эффекта. И ткач в отчаянии понял, что арсенал его средств беден. Виррч увидел, насколько примитивна его система управления рисунком. Его, самого могущественного среди ткачей. Но он так долго наслаждался собственным превосходством, что умение приспособливаться превратилось в труху и осыпалось. Ему не удастся убить незнакомку.

Осознав это, Виррч уменьшил защиту. Его маневр насторожил нарушительницу и заставил заколебаться. Главный ткач получил время, в котором так остро нуждался. Он вытянул из полотна длинные нити и, смотав их в огромный клубок, засосал его внутрь. Слишком поздно враг разгадал его маневр. К этому времени ему уже никто не мог помешать. Виррч выбросил клубок из себя, вложив в это всю силу, какая у него оставалась. Снаряд распутился и рассыпался на миллион нитей, которые разлетались по всему полотну, беспорядочно закручиваясь и сплетаясь. Сильный, громкий сигнал, оглушительное оповещение всех ткачей в Сарамире и за его пределами. Злоумышленник закачался на нитях от силы этого крика, бессловесного вопля предупреждения всем братьям: «Остерегайтесь! Остерегайтесь! Женщины в паутине!»

Но недаром Виррч столько лет занимал место главного ткача. Среди бесчисленных нитей была одна, сильно отличающаяся от остальных, предназначенная для конкретного объекта. И в темной бездне четыре демона подняли головы, и глаза их засверкали.

Сообщение было простым и выражалось не языком, а эмпатической вспышкой. Изображение Люции ту Эринима, наложенное на запах тела и указание местонахождения — этого было вполне достаточно, чтобы шин-шины вышли на охоту.

Убить.

В это время Кайлин нанесла удар — «черная вдова» ужалила, появившись из ниоткуда. И Виррч осознал, что она про скользнула мимо барьеров и достигла сердца. Его чувства оказались парализованы, контроль над рисунком полотна утерян. Он оказался совершенно беззащитен. Главного ткача охватил дикий животный ужас, он почувствовал, как женщина намотала на палец нить его разума. А затем, с треском разорвала ее.

В своих покоях главный ткач Виррч закричал, судорожно выпрямился и повалился на пол.

И вновь наступила тишина. Прошло, наверное, больше часа, прежде чем шакал осмелился приблизиться к телу. И

минуло еще столько же, прежде чем в комнату заглянула маленькая девочка в изодранной одежде с грязным лицом. Она смотрела на Виррча, дрожа от страха и голода. До нее не донеслось никакого шума, кроме мягкого всплеска того, что зовется вечностью.

Главный ткач лежал голый, уткнувшись лицом в свои лохмотья. Густая темная кровь, сочившаяся из носа, рта и глаз, вытекала из-под маски, собираясь в лужу на грязных плитах пола. Успокоившийся шакал вылизывал ее.

Девочка наблюдала за этим, не в силах поверить в случившееся. Она боялась ловушки. Только когда шакал начал обгрызать пальцы Виррча, до нее дошло, что ткач мертв.

С рыданием девочка приблизилась к лежавшему на полу телу. Шакал с рычанием отступил. На шее Виррча висел медный ключ. Она протянула руку и потащила его к себе, готовая тут же убежать, если главный ткач шевельнется. Но ничего не произошло. Какое-то время девочка пристально смотрела на труп и, наконец, плонула на него. Но тут же, испугавшись, что зашла слишком далеко, подбежала к входной двери и вырвавшись на свободу. Шакал возвратился на прежнее место, чтобы продолжить обед.

Глава 32

— Кто мог это сделать? — вопрошала императрица. Дурун широко шагал по высоким коридорам дворца, его длинные черные волосы подрагивали на плечах. — Кто решился напасть на нас в тронном зале?

— Кто бы это ни был, он ответит за все, — ответил император. — А теперь поспешим.

Анаис ощущала растущее внутри беспокойство. Супруги находились в малопосещаемой части дворца, где располагались кабинеты ученых, комнаты для гостей и старые пустые залы, которыми уже давно не пользовались. Шестеро стражников с обнаженными мечами шли за императорской четой следом, как телохранители. Один, по имени Хаттен, служил во дворце много

лет, и владычица уже имела возможность убедиться в его превосходности. Другого, которого звали Иттрий, Анаис знала хуже, но помнила его лицо и была убеждена, что он не из тех стражников, которые напали на них в тронном зале. Лица остальных тоже казались знакомыми, но императрица не помнила имен.

И все же, несмотря на охрану, она боялась. Мятежи, взрывы, внезапное нападение — все это было кем-то организовано. Но для чего? Кого хотели лишить жизни: ее или Дуруна? А может, ее любимого ребенка? Сейчас, охраняемая всего лишь шестью стражниками, императрица чувствовала себя ужасно уязвимой. Кто бы ни организовал беспорядки в городе, он отлично знал, что делал. Дворец остался практически без охраны. Почти всех воинов отправили усмирять бунтующих горожан или защищать стены столицы. Отряды семьи Бэтик прибудут в Аксеками только вечером. А ведь еще даже не полдень, и помощи ждать неоткуда.

— Люция, — простонала Анаис, не в силах сдержать беспокойство. — Где Люция?

— Я послал Рудрека забрать ее. Вы разве не слышали? — прорычал Дурун. — Мы скоро с ней встретимся.

Он прав. Безопасность Люции сейчас под угрозой. Принцессу спрятали. И спрятали хорошо. Но слишком много людей знали, где находится наследница. Если враг пробрался во дворец, девочке лучше быть рядом с родителями. Они смогут скрыть дочь в укромном месте, о котором никто не знает.

Императрица посмотрела на мужа. Дурун, конечно, грубиян и бездельник, но в своем неистовом гневе он проявил свои немногие положительные качества. Муж часто мстил тем, кто нападал на него. Его сила попросту сметала противников. Анаис не сомневалась, что Дурун справится с любым, кто перейдет ему дорогу. Императрица почувствовала неуместное сейчас вожделение. Иногда под влиянием любовной лихорадки и страсти Дурун напоминал того мужчину, которого она могла бы полюбить. Но эти приступы случались редко и быстро проходили. И тогда император снова превращался в бездельника, за которым она была замужем долгие годы.

Дурун привел их в Зал Солнца. Анаис почти забыла о его существовании, но сейчас, несмотря на произошедшие события, пожалела, что так редко заглядывала сюда. Зал потрясал своей красотой: большой купол, покрытый позеленевшей и потускневшей позолотой, с огромными, имеющими форму лепестка, окнами, симметрично изогнутыми вниз. Утренний свет, проходя через витражные стекла, распадался на разноцветные лучи и окрашивал зал во множество оттенков. Пол был выложен по кругу мозаикой, а стены обшиты деревом и украшены золотом. По периметру зала располагались галереи. На них когда-то рассаживались члены Государственного совета во время заседаний. Сейчас, как и многие верхние этажи дворца, зал пустовал. Остались только воспоминания о его былой красоте и величии.

— Где Люция? — с волнением спросила императрица.

Она слышала, как жалобно прозвучал ее голос. Но в эти минуты Анаис была не великой императрицей, а слабой женщиной. Она ненавидела себя за это, но ничего не могла поделать. Нападение на тронный зал потрясло владычицу. Анаис впервые довелось смотреть в глаза людей, которые намеревались убить ее. Это превратило королевскую власть в шутку, в игру, которой она забавлялась, отдавая приказы, управляя жизнью и смертью своих подданных, защищенная стенами непрступного дворца. Теперь кто-то ударил по ней, близко к сердцу, и тот смертельный ужас, который Анаис ощутила, совсем не легко было скрыть.

Кто это был? Виррч? Похоже. Но теперь императрица приобрела тысячу врагов. Бомбы были местью армии Унгера ту Торрика. Анаис казалось, что она стерла подрывников с лица земли. Оказывается, что нет. И они отплатили за смерть своих братьев...

Одна из шести дверей распахнулась, и в зал вошел Рудрек с Люцией. Принцесса послушно шла вслед за стражником. Взгляд у девочки был, как всегда, отсутствующий, а в выражении лица смешались недоумение, любопытство и безмятежность — казалось, малышка знает гораздо больше о предмете своего интереса, чем должна.

Анаис вскрикнула от радости и, подбежав к дочери, опустилась на колени и обняла ее. Она боялась даже подумать, что захватчики могли лишить жизни ее прекрасное дитя. Задрожав, императрица еще крепче сжала в объятьях Люцию, но девочка, откинув назад волосы, все так же рассеянно смотрела прямо перед собой. Наследница казалась чем-то озабоченной. Но Анаис была слишком занята своими мыслями и не заметила тревогу дочери.

— Доложи мне о том, что происходит внизу, — потребовал Дурун.

— Они поднялись на несколько этажей выше тронного зала.

— Что с моим отцом?

Рудрек нахмурился, вопрос поставил его в тупик.

— Я покинул тронный зал тогда же, когда и вы, мой император. Мне удалось пробраться в сад на крыше дворца. Я нашел там Люцию и привел сюда. У меня нет для вас никаких новостей.

Дуруна, казалось, удовлетворил его ответ.

— Очень хорошо. Значит, никто не знает, что мы здесь. Пусть все так и остается, пока не выяснится, кто в ответе за сегодняшний произвол.

— Никто не знает, что мы здесь, — подтвердил Рудрек. — Мне возвратиться в тронный зал и поискать вашего отца?

— Нет, останься, — быстро сказала Анаис, вставая с коленей. — Нам нужна охрана.

Дурун согласно кивнул. Люция прижалась к платью матери.

— Мы должны идти, — внезапно прорычал Дурун. — Мы никому не можем доверять, пока враг не найден.

— Предлагаю пойти в Башню Северного Ветра, — сказал Иттрий. — Там только одна толстая дверь, ее легко забаррикадировать. Ваши величества будут в безопасности, пока мы соберем подкрепление и расправимся с заговорщиками.

— Согласен, — кивнул Рудрек. — Что скажет моя императрица?

Анаис что-то хмыкнула, и стражники восприняли это как знак одобрения.

До Башни Северного Ветра можно было добраться, пройдя от Зала Солнца по длинному мосту, находящемуся на головокружительной высоте. Перила и внешние решетки моста покрывала позолота, ярко сиявшая в солнечных лучах. Его внутренняя поверхность была не менее красива — парапеты украшены фресками, а каменные плиты покрыты темным лаком. Внизу виднелись покатые стены дворца, украшенные арками, а впереди — тонкий шпиль башни, гладкая золотая игла, устремившаяся в небо, как монумент духу, который заставлял дуть северные ветры. Еще три башни возвышались позади, на западном, восточном и южном концах императорского дворца.

Небольшая процессия вышла на открытую площадку и остановилась. Горячий ветер шевелил одежды.

Крыша башни почернела от сидящих на ней воронов. Птицы громоздились на сужающейся вершине и устроились на подоконниках арочных окон, рассевшись по всей длине. Сидя вплотную друг к другу, они занимали декоративные парапеты с обеих сторон моста и беспокойно ждали чего-то. Вороны внимательно разглядывали прибывших черными блестящими глазами, словно о чем-то догадываясь.

Анаис почувствовала, как дрожь пробежала у нее по спине. До нее донесся шепот Рудрека, читающего молитву. Дурун бросил осуждающий взгляд на Люцию. Но девочка, не обращая на него внимания, пристально смотрела на птиц.

— Что нам делать? — обратился Иттрий к Дуруну.

— О боги! Это всего лишь птицы! — закричал император, но его голос прозвучал не так уверенно, как ему хотелось.

Дурун взял за руку Анаис и потянул ее за собой, выводя спутников на центр моста. Жаркий ветер хватал за одежду, словно пытался сбросить вниз. Справа на идущих недоброжелательно смотрел сквозь легкие облака яркий глаз Нук.

Дурун, очевидно, надеялся, что вороны испугаются при их приближении. Но этого не случилось. Птицы переговаривались, перепрыгивали с места на место, чистили перья, прихорашиваясь, взмахивали крыльями, но постоянно наблюдали за процессией.

— Это твоих рук дело, не так ли? — злобно прорычал Дурун. Грубо оттолкнув Анаис, он ухватил Люцию за тонкое запястье. — Это твои проклятые птицы!

Внезапно он фыркнул, отпустил девочку и, выхватив меч, вонзил его в грудь Рудрека прежде, чем тот успел отреагировать. Хаттен и Иттрий одновременно вытащили клинки. Но прежде чем первый нанес удар императору, меч второго пробил сердце Хаттена. Он вскрикнул от удивления и боли и, захлебнувшись в собственной крови, упал, уставившись в небо слепыми глазами.

Птицы закаркали, захлопали крыльями, подняв ужасный шум. Но Дурун уже схватил Люцию за шею, приставив лезвие к ее горлу.

— Ты заставишь их убраться! — закричал император. — Первая птица, попытавшаяся напасть, будет стоить тебе жизни, маленькая ведьма!

Вороны замолчали и затихли, они сидели, не двигаясь. Казалось, что в знойный летний день внезапно повеяло холодом. Иттрий шагнул к императрице, угрожающе занеся над ней клинок. Четверо других стражников бесстрастно наблюдали за происходящим. И без слов было ясно, что это сторонники Дуруна. Только Рудрек и Хаттен не были вовлечены в заговор и поплатились за свою преданность императрице жизнью.

Яростно сверкая голубыми глазами, Анаис с ненавистью уставилась на мужа. Все произошло мгновенно. Предчувствия оказались верны, и теперь она получила недостающие доказательства. Правда обрушилась на несчастную женщину, лишая надежды.

Дурун. Все произошедшее — его рук дело. Ее мужа.

И она сама разрешила ввести войска в столицу.

Внезапно Анаис почувствовала слабость в ногах и попятилась, по-прежнему не сводя взгляда с Дуруна. Теперь она все поняла. Все ее опасения оказались верны. Мос и его сын состояли в заговоре с...

— Виррч, — прошептала императрица. — Вы сговорились с Виррчем.

Дурун усмехнулся.

— Конечно же. Ткачи были недовольны тем, что вы наставляли, чтобы Люция сменила вас на троне. Виррч сам предложил нам помочь. Но все началось намного раньше, жена. Как вы думаете, сколько времени потребовалось, чтобы найти людей, преданных семье Бэтик, и внедрить их в ряды императорской стражи? Восемь лет я ждал этого дня, Анаис. Восемь лет, начиная с того момента, как родилась она. — Император еще крепче обхватил Люцию.

Восемь лет? У Анаис закружилась голова, ей показалось, что мост закачался и вот-вот обрушится. Горькая правда открылась несчастной и шипами вонзилась в сердце, заставляя его кровоточить.

— Я знаю, как тugo вам пришлось, Дурун, — смузенно произнесла она. — Император, но только на словах. Наш брак был лишь частью сделки, выгодной для семьи Бэтик. Я знаю, как вы расстраивались, но это...

— Речь не обо мне, Анаис. — Дурун бросил взгляд на воронов, а потом вновь на жену. — Решается судьба всей империи. Вы позволили стране расколоться на два лагеря из-за своей девчонки.

— Нашей дочери! — закричала императрица.

— Нет, — отрезал Дурун. — Вашей дочери. Вы думаете, что я позволю обвести себя вокруг пальца? Разве не странно, что у нас не было других детей, которые могли бы заявить свои права на трон? Вас не удивляет, что мы так долго пытались зачать наследника, а вы забеременели всего один раз?

— В чем вы меня обвиняете? — выкрикнула Анаис. Ей было стыдно, что муж затрагивает такие вопросы в присутствии слуг. И она терзалась оттого, что теперь будет с ней и с Люцией.

— Я не могу иметь детей, жена, и никогда не мог! — Дурун словно выплюнул эти слова. — Этот чудовище в моих руках — плод чужого семени. И каждая ее черта напоминает мне, что я рогоносец.

Императрица знала, что он прав. Анаис почувствовала, как ее глаза наполняются слезами, и рассердилась на себя, что не

может сдержать их. Глаз Нуки обвиняющее смотрел на нее из-под тонкой пелены облаков на востоке. Боги знали, что сделала женщина, и все происходившее было возмездием, которого она так долго боялась. Это случилось так давно. И императрица надеялась, что события восьмилетней давности ушли в прошлое и забылись. Но, оказалось, Дурун все знал. И теперь это дорого обойдется ей и ее семье.

Анаис вытерла слезы. Она подозревала, всегда подозревала... но никогда не была до конца уверена. Но сейчас она не станет лгать и просить прощения. Только не у него.

— Да, я спала с другим! — выкрикнула императрица в лицо Дуруну. — А вы думаете, легко мне приходилось, когда весь дворец знал о том, что мой муж развлекается со шлюхами и служанками? Что мне надо было делать? Закрыть глаза на ваши шалости и ждать, пока вы заметите меня и снизойдете до ласк? Будьте вы прокляты! Я — императрица Сарамира, а не малограмотная забитая жена рыбака!

— Так кто это был? — Дурун яростно сверкнул глазами, заставляя ее замолчать. — Торговец? Уличный музыкант? — Он посмотрел на Люцию. Девочка держалась спокойно, словно кукла. — Нет, у нее благородные черты. Кто-то из придворных?

— Вы никогда не узнаете этого, — презрительно улыбнулась Анаис.

Но она давно поняла, кто отец девочки, и не сомневалась, что ее дочь тоже знает правду. Она инстинктивно почувствовала это, когда однажды увидела его в саду. Императрица верила, что и он узнал Люцию. Зан ту Икэти. Их роман был скоротечным, но очень бурным, полным страсти и ласк. Она зачала сразу, словно ее лоно ждало ребенка, устав от пустого семени Дуруна, несмотря на травы, которые императрица пила, чтобы предотвратить беременность. Неужели это действительно Зан? Или все-таки Дурун, с которым она спала почти каждую ночь после измены, чтобы заглушить угрызения совести. Что, если это был Зан и девочка вырастет похожей на него? Что, если он попытается предъявить права на свою дочь?

И все же, несмотря на все колебания, женщина не прервала беременность. После стольких попыток ребенок — любой ребенок — был слишком дорог, чтобы отказываться от него. Как ей могло прийти в голову, что Люция — дочь не ее мужа? Анаис заставила себя поверить, что Дурун отец дочери, и ничего не сказала Зану. Преемственность на троне была важнее открывшихся отклонений девочки, и императрица удивительно легко убедила себя в том, что Дурун отец Люции. Анаис просто забыла о романе с Заном. Девочка походила на мать, а не на Зана или Дуруна.

— Не имеет значения, кому вы отдались, — бросил Дурун. И она расслышала в его голосе ярость. — Ваша оскверненная родословная закончится здесь, Анаис. Вероломное нападение боевиков Унгера ту Торрика, и императрица с наследницей мертвы. Как единственный оставшийся в живых, я неохотно соглашусь стать императором, истинным правителем Сарамира. — Дурун наслаждался, рассказывая о своих планах. Вороны сидели неподвижно. Анаис наконец-то находилась в его власти. Много лет он сидел на троне как марионетка, много лет пребывал в тени женщины — обманутый муж без власти. Он не позволил бы жене умереть прежде, чем она узнает, как ему удалось перехитрить ее. — С наступлением ночи императорская стража присягнет мне на верность как единственному оставшемуся в живых члену императорской семьи. И наши войска захватят город. Гриджай ту Керестин может бессмысленно колотиться в наши стены. Ему не под силу взять Аксеками. Совет утвердит меня как императора, у него не будет выбора.

— А Виррч? Что вы пообещали ему? — воскликнула Анаис.

— Виррч мертв, — спокойно сказала Люция.

— Замолчи, — разозлился Дурун.

— Госпожа сновидений убила его. — Девочка словно не слышала его.

— Я приказал тебе замолчать!

Вороны пошевелились, черная рябь прошла через сплошное покрывало из клювов и перьев.

— Мой император, — занервничал Иттрий, — пора завершать наше дело и уходить отсюда.

Дурун хотел ответить, но в этот момент его рука взорвалась.

Анаис закричала, когда горячие капли крови обрызгали ее лицо. Но этот крик заглушил мучительный вопль ее мужа, размахивающего пылающим обрубком руки, которая только что сжимала меч. Люция, почувствовав, что он ее уже не держит, с криком отскочила в сторону. Ее длинные белокурые волосы горели. В это же время вороны взлетели огромным черным облаком. И воздух наполнился хлопаньем крыльев.

Иттрий, замерев от испуга при виде кружящих над головой птиц, не обращал внимания на Анаис. Императрица подбежала к дочери и принялась тушить ее волосы. Волосы на голове Дуруна тоже пылали, шелковистые черные пряди облизывали языки огня. Он беспомощно мотал головой. Иттрий, внезапно прияд в себя, подскочил к Анаис, склонившейся над дочерью. Поколебавшись несколько мгновений, чтобы пересилить охвативший его внезапно страх, изменник всадил меч в спину императрицы.

Дикий крик, вырвавшийся из горла Анаис, заглушил карканье снижающихся воронов. Боль была невыносимой, но страшнее боли был ужасный холод, окутавший ее словно саван. Она почувствовала лишь слабый толчок, когда Иттрий вытащил клинок, разрывая внутренние органы и мышцы. И тут же из раны хлынула темная кровь. Анаис начала проваливаться в сиюю зыбь, сознание покидало ее. В отчаянии императрица прижимала к себе Люцию, вглядываясь в бледное лицо ребенка. Слезы текли по ее щекам, а по спине расползалось влажное багровое пятно.

Иттрий, повернувшись, чтобы убежать, увидел на другом конце моста бритоголового мужчину и молодую женщину с глазами, налитыми кровью. Это были Тэйн и Кайку. Их внезапное появление заставило стражника остановиться и обдумать дальнейшие действия. Кто они: друзья или враги? Удастся ли ему убить обоих? Может, это они виноваты в том, что случилось с Дуруном? Это мысли, обычные для опытного солдата, промелькнули в голове за несколько секунд, но воронам их хватило, чтобы спикировать на предателей.

Иттрий заорал, когда птицы окружили его, цепляясь когтями за голову и лицо, словно тысячи крошечных ножей вырывали куски его плоти. Солдат открыл рот, чтобы закричать еще раз, но вороны тут же принялись рвать клювами язык. Они выклевали глаза. Стражник упал на землю, сжимаясь и хрюпя. Но птицы были неутомимы, и вскоре на теле предателя не осталось ни одного живого места. Другие стражники подверглись таким же мучениям, прежде чем умерли.

И тогда вороны принялись за императора. Они били его крыльями по лицу и телу. Волосы на голове Дуруна все еще тряслись. Он отшатнулся и, не удержавшись на ногах, с ужасным воплем перевалился через парапет и упал с моста. Его последний крик долгим эхом разнесся по воздуху.

Когда Кайку и Тэйн подбежали к упавшей императрице, все уже стихло. Только вороны хлопали крыльями, расклевывая трупы стражников. Анаис, задыхаясь и рыдая, прикрывала собой дочь. По спине все больше расползалось темное пятно, и кровь, пропитав рукава платья, стекала тоненькими ручейками на каменные плиты. Кайку присела возле императрицы и неожиданно прикоснулась к ее плечу.

— Она жива? — спросил Тэйн.

Анаис с трудом отодвинулась, наполненные слезами глаза, не отрываясь, смотрели на дочь. Лицо императрицы посерело и постарело. Люция неподвижно лежала, закрыв глаза. Ее спина была сильно обожжена, нити зеленого платья почернели и сжалась. Девочка едва дышала, пульс слабо прощупывался. Но принцесса не очнулась, даже когда Анаис потормошила ее.

Призрак, который указывал Кайку и Тэйну дорогу по дворцу и привел на мост, оказался наследницей. Девочка тащила их в это место преднамеренно, зная, что ей грозит опасность.

Но оказалось, что они прибыли слишком поздно.

— Помоги ей. Она... моя дочь... — Анаис задыхалась.

Кайку кивнула. И императрица впервые увидела цвет ее глаз. Анаис закашлялась, и кровь побежала изо рта. Кайку заплакала. Перед ней лежала императрица Сарамира. Когда-то Анаис была почти мифическим существом. Миллионы сражались и умирали

по ее команде, флотилии пересекали океаны ради нее. Императрица была подобна Богу. И все-таки она оказалась всего лишь человеком, маленькой умирающей женщиной. Кайку слушала, как Тэйн молится, обращаясь к Нокту и Омехе, совершая прощальный обряд над императрицей. И горе захватило душу девушки.

В этот момент Анаис сильно схватила Кайку за руку, словно надеялась, что та станет якорем, который не даст ей уйти. Глаза императрицы были широко открыты, но она уже ничего не видела.

— Я боюсь... — прохрипела Анаис. — О боги, как я боюсь.

Кайку погладила императрицу по волосам, смешанным с кровью.

— Тсс, — прошептала она. — Умирать не так уж страшно.

Но девушка никогда не узнала, услышала ли императрица ее слова. Глаза Анаис померкли — императрица Сарамира скончалась.

— Счастливого пути, — прошептала Кайку и зарыдала.

Девушка подняла лицо к небу и увидела воронов, круживших над мостом черным покрывалом. Блестящие глаза птиц устремились на наследницу.

— Нам нужно идти, — решительно промолвил Тэйн и, неуважительно оттолкнув императрицу, легко поднял ребенка на руки. Вороны в испуге затрепетали, но юноша не обратил на них внимания. — Я не могу помочь ей здесь. Девочке нужен врач.

Кайку молча встала и еще раз посмотрела на умершую. В груди она ощущала жжение, как бывало всегда после использования каны. Это была реакция на удар, нанесенный ею по небольшой цели — руке Дуруна.

Девушка повернулась и последовала во дворец за Тэйном, несшим на руках наследницу Сарамира.

Глава 33

Императорский дворец охватила паника.

Взрывы посеяли больший хаос и смятение, чем могли предположить нападавшие. Ученые бежали спасать драгоценные рукописи или произведения искусства из комнат, охваченных огнем.

Слуги носились с ведрами воды, пытаясь тушить пожар. Дети громко кричали, разыскивая матерей. Воины императорской стражи пребывали в растерянности. Не понимая, кому доверять, солдаты не могли предпринимать какие-либо осмысленные действия. Семья императрицы скрывалась в убежище, но никто не знал, где оно находится. Чуть позже чье-то тело было обнаружено у основания Башни Северного Ветра. Но оно оказалось так изуродовано воронами, что его нельзя было опознать. Лишь много часов спустя по кольцам на пальцах в погибшем признали Дурунту Бэтика, бывшего императора Сарамира. Тело императрицы обнаружили чуть позже.

Но сейчас в этой суматохе никто не обращал внимания на двух слуг, несущих на руках раненную девочку. Не удивлял обитателей дворца даже тот факт, что служанка, облаченная в мужское платье, прикрывала глаза рваной тряпкой, опираясь на плечо бледного спутника.

Кайку мучило сознание того, что ее *кана* чуть не погубила наследницу. От одной только этой мысли мороз пробегал по коже.

Сейчас они спешили в комнаты для прислуги, где заговорщиков поджидал Пурлох. Они не думали о других. Они не думали о себе. Только о спасении девочки.

(*Азара!*)

Азара поймала Мисани за рукав и потянула ее в коридор, начинавшийся за статуей Йору. В обычно прохладных безлюдных переходах императорского дворца царило безумие. Слуги и солдаты бегали туда-сюда, громко стуча ботинками по полу. По коридорам эхом разносилась выкрики команд.

От измятой одежды пахло потом. Девушки сбежали из тронного зала, воспользовавшись всеобщим замешательством. В пылу завязавшейся битвы стражники больше не проявляли интереса к благородной dame и ее служанке. Сохранившие верность и предавшие безнадежно смешались. А после того как ускользнул и Мос ту Бэтик, на поле битвы не осталось командиров. Солдаты не обращали внимания на советников в халатах и писцов, оказавшихся в зале, как в ловушке. И Мисани с Аза-

рой сбежали, затерявшись в толпе. Лишь один стражник попытался остановить девушек, но Азара тут же расправилась с нападавшим. Мисани до сих пор все еще не осознала увиденное, но сейчас на размышления не было времени. Скорый суд императрицы и нависшая было угроза смерти так потрясли ее, что она не думала ни о наследнице, ни о планах Либера Драмах — только бы найти безопасное укрытие.

— Что такое? — недовольно спросила она, когда Азара грубо схватила ее за рукав.

((Азара.))

Ее звала Кайлин. Уже не первый раз сестра разговаривала с Азарой издалека.

Она сосредоточилась, мысленно создавая изображения, поясняющие, что произошло, стараясь представить все как можно яснее. Азара не умела передавать слова. Но сейчас и образов было достаточно.

Кайлин все поняла и так же ответила набором изображений, дополнив их указаниями.

— Что случилось? — потребовала объяснений Мисани.

Азара моргнула, и контакт пропал.

— Кайлин удалось разделаться с Виррчем. Теперь у нее развязаны руки, и весь дворец в ее распоряжении. Сестра будет нашими глазами и поведет нас. — Азара развернулась и направилась в другую сторону. — Идем, у нас еще есть дело.

— Что еще? — Тон Мисани ясно свидетельствовал, что она не собирается возвращаться в пекло.

— Кайку и Тэйн нашли наследницу, — объяснила Азара. — Мы должны встретиться с ними. Кайлин отведет нас туда.

— Кайку? — ахнула Мисани, и они побежали.

Внезапно прогрохотал сильный взрыв, от которого затряслась стены. Это рванули склады пороха в подвалах. Кайку споткнулась и упала. К молодым людям приближался топот ног и лязг брони. Тэйн с ужасом увидел отряд стражников, бегущих прямо на них. Он перекинул Люцию на плечо, а свободной рукой поднял Кайку и оттащил к стене, закрывая наследницу сво-

им телом. Но воины даже не обратили на них внимания и пронеслись мимо.

— Я больше не могу. — Голова Кайку безвольно поникла. — Я так устала.

Но Тэйн не слушал ее. Оставив на мгновение Люцию, он поставил на ноги Кайку. Девушка протестующее застонала.

— Успокойся, — прошипел Тэйн, услышав новые шаги. Подняв наследницу, юноша положил руку Кайку себе на плечо, и они двинулись дальше.

Кайку, покачиваясь, брела рядом с Тэйном, ненавидя его за то, что он заставляет ее бежать, когда можно уснуть, и ненавидя себя за свою эгоистичность. У них на руках был ребенок, который мог умереть в любую минуту.

Тэйн уверенно двигался вперед. После стольких лет блуждания по лесным дорогам ему не составляло труда найти нужный путь в упорядоченных коридорах дворца. Под его руководством они быстро пробрались вниз, в комнаты для прислуги. Удача улыбалась им, и на пути не встретилось никаких препятствий.

— Тэйн! Кайку!

Беглецы встрепенулись, услышав свои имена. И надежда в измученных душах расправила крылья, когда они узнали голос кричавшего. Их догнали Азара и Мисани. Затем все вместе заговорщики отправились туда, где ждала Кайлин.

— Кайку, ты ранена? — воскликнула Мисани, увидев завязанные глаза подруги.

Кайку резко покачнулась, но Азара поймала и поддержала ее.

— Она использовала свою кану, — успокоила Азара. — Ее силы истощены. Но сон поможет восстановиться.

Мисани перевела взгляд на Тэйна, державшего на руках ребенка. Юноша выглядел больным, в затуманенных глазах остался лишь страх за наследницу.

— Нельзя тратить время впустую, — решительно сказала Мисани. Вопросы подождут. — Пойдемте.

Дым сгущался. Ядовитые пары поднимались к потолку. Отдаленные вопли и призывы о помощи уже не трогали сердца

заговорщиков. Из стен сыпались кирпичи, под ногами валялся щебень. Мимо пробегали люди, перепачканные в саже. Стояла невыносимая духота.

Беглецы уже почти добрались до места назначения, когда наткнулись на трех стражников.

Удача отвернулась от них. Стражники сбежали из тронного зала, не приняв участия в сражении. Растревавшись и не понимая, где друг, а где враг, они скрывались в подвалах дворца, среди слуг, избегая кровопролития, продолжающегося несколькими этажами выше.

Элой рок вывел заговорщиков прямо на них. И кто бы ни были воины, предатели или верноподданные, они бы не позволили вынести наследницу за пределы дворца.

Тэйн, бежавший впереди, едва не налетел на солдат. Его товарищи остановились в квадратной комнате, очевидно прачечной, из которой выходили три коридора. Деревянные стойки для сушки покосились. Висевшее на них белье съежилось от высокой температуры. Коричневые кирпичи стен треснули от взрывной волны, и пол был усыпан осколками камней.

Беглецы так удивились присутствию солдат, что не успели принять соответствующее их одежде выражение лиц. Лишь Мисани высокомерно выпрямилась, но ее усилия не принесли желаемого результата.

— Что это? — один из стражников снял винтовку и направил дуло на Тэйна.

Двоих других последовали примеру товарища, встревоженные появлением странной процессии.

— Девочка ранена! — закричал Тэйн. — Пропустите нас!

— Я видел ее в тронном зале. — Один из стражников ткнул пальцем в сторону Азары, затем перевел глаза на Мисани. — И эту тоже. Императрица приговорила их к смерти.

Ни Тэйн, ни Кайку не отреагировали на эту новость. Юноша лихорадочно искал варианты спасения, но не видел выхода, а Кайку едва держалась на ногах.

— Тогда вам следовало оставаться в тронном зале, а не прятаться здесь, среди слуг, — спокойно ответила Мисани. —

Иначе вы такие же предатели, как и те, кто попытался убить императрицу.

Тэйн испугался ее смелости, но стражники на мгновение опешили и задумались, пытаясь решить, как лучше ответить на обвинение.

— Эта девочка, — произнес один из стражников. — Посмотрите на ее одежду. Она не служанка.

— Это — наследница, — с угрозой в голосе сообщил второй.

— Не может быть! — воскликнул третий.

Второй стражник прищурился со злостью.

— Я раньше охранял покой наследницы. Это точно наследница.

У Тэйна засосало под ложечкой, когда один из охранников похотливо посмотрел на Мисани.

— Какая удача. Шинту улыбается нам. Этот ребенок — монстр и должен умереть. — Он прицелился в Тэйна и выстрелил.

Но ничего не случилось. Порох не загорелся. Винтовка дала осечку.

В ожидании следующего выстрела все замерли. Кроме Азары. Девушка подскочила к ближайшему охраннику, ударила локтем в челюсть и вывернула в сторону его винтовку. Раздался выстрел. С потолка посыпалась серая пыль. Тэйн сунул девочку в руки Кайку, но та была слишком слаба, чтобы удержать даже столь легкую ношу, и обе оказались на полу. Стражник, стрелявший первым, откинулся винтовку и выхватил меч. Тэйн подскочил к нападавшему и оттолкнул его к стене. Но болезнь отняла у юноши слишком много сил, и удар получился не таким сильным. Солдат охнул и, обхватив противника, врезал коленом в живот. Юноша согнулся от боли, пытаясь восстановить дыхание. Мисани тащила Кайку в дальний угол комнаты, оставив лежащую без сознания наследницу.

Противник Азары оказался сильнее, чем она ожидала. Тогда как большинство мужчин не выживали после первого удара, этот смог оттолкнуть ее назад, пытаясь дотянуться до винтовки. От его неловкого движения раздался выстрел, но, к счастью, пуля

вновь попала в стену, никого не задев. Азара, стремительно рванувшись вперед, захватила руку стражника и вывернула ее назад. Вскрикнув от боли, солдат рухнул на пол, собственным весом ломая предплечье. Кости громко хрустнули, но вопль затих под ботинком Азары, вдавившей ногу ему в лицо.

В то же самое время Тэйн отпихнул своего противника и уже собрался нанести удар, как вдруг краем глаза заметил, что третий стражник поднял винтовку. Юноша резко обернулся, пытаясь увидеть, в кого тот целится.

В голове сразу пронеслась мысль, что это могла быть Кайку. Но стражник выбрал своей жертвой наследницу, лежащую на полу в центре комнаты.

Тэйн находился слишком далеко, чтобы помешать солдату нажать на спусковой крючок. И юноша просто бросился вперед, закрывая собой маленькую девочку.

Огненный шар с силой ударили в грудь, отшвырнув назад. Тэйн, покачнувшись, начал медленно оседать на Люцию.

Он слышал, как кто-то выкрикивал его имя, но все вокруг плыло перед туманящимся взором.

Вновь раздались выстрелы, и на пол с глухим стуком рухнули оба стражника. Мисани и Азара вздрогнули и одновременно обернулись. В одном из проходов стоял Джугай с дымящейся винтовкой в руках. Из-за его плеча выглядывал Заэлис.

С громким криком на середину комнаты выбралась Кайку, сдирая с лица тряпку. Отчаяние придало ей сил. Упав на колени возле юноши, она громко звала Тэйна. Но послушник уже не мог ответить. Все звуки вокруг казались приглушенными и притупленными. Тело начало цепенеть.

Мисани вытащила из-под него ребенка и передала девочку Заэлису. Наставник обменялся встревоженными взглядами с Джугаем. Состояние наследницы вызывало серьезные опасения.

— Верни его! Азара, верни его! — надрывно кричала Кайку.

Азара склонилась и посмотрела на Тэйна. Его глаза смотрели куда-то в даль, словно им уже не за что было зацепиться в этом мире. Загорелая кожа побледнела, на лбу выступил холодный пот. Яркое алое пятно крови с черными пороховыми

вкраплениями расплзлось по груди юноши. Пуля прошла насквозь, разворотив все внутренние органы.

— Я не могу этого сделать, — печально вздохнула девушка.

— Верни его, — вновь крикнула Кайку, с рыданиями обнимая умирающего юношу.

Если бы у нее оставалась хоть капля каны, она использовала бы ее, независимо от последствий, чтобы восстановить внутренности, сшить рану, оживить. Сама судьба подарила Кайку этого мужчину. Он много дней был ее товарищем, не покидая ни на миг. А она ничего не дала взамен, закрывая от него свое сердце. Сейчас, оплакивая юношу, Кайку понимала, что сожалеть о свершившемся слишком поздно. Несмотря на то что душа отказывалась принять уход Тэйна, разум сурово сообщал, что время его пришло, и ничто не могло вернуть назад ее друга.

Тэйн силился, но слова не шли с языка. Почти все мысли просачивались каплями в пустоту, не задерживаясь в мозгу. Но те, что успевали зацепиться за сознание, давали ответы, которые он искал так долго.

Почему он оказался здесь? Почему Эню уберегла его от демонов тьмы, направила по одной дороге с Кайку? Теперь Тэйн знал. И ответ был настолько ясен, что юноша поразился своему невежеству и слепоте.

Эню послала его сюда умереть вместо наследницы.

«Я задолжал богам жизнь, — думал Тэйн, — и наконец заплатил свой долг».

Мысли путались в голове, но в одном Тэйн был твердо уверен: наследница представляет огромную ценность для мира, даже для богов. Этот ребенок нужен всем. И если за ее спасение он заплатил своей жизнью, то боги простили его.

Юноша сосредоточил взгляд на Кайку, пристально всматриваясь в красные, как у демона, глаза. Глаза порченой, но все же сейчас они казались умирающему самыми красивыми в мире.

Он вглядывался в лицо обнимавшей его Кайку. Даже искаженное печалью, оно было прекрасно, и Тэйн не мог отвести глаз. Но постепенно любимый образ исчезал, а вместо него расстипалось огромное полотно, сотканное из золотых волокон. И

от этого великолепия юноша почувствовал такой восторг, какого еще ни разу не ощущал. Он сделал свою работу и сделал ее хорошо. Теперь его ждали поля Омехи.

И пусть он чувствовал небольшую обиду, понимая, что стал заложником в игре богов, но по крайней мере они позволили ему умереть на руках любимой женщины.

Глава 34

Уцелевшие заговорщики выбрались из Аксеками под покровом сумерек. Все оказалось достаточно просто. Внимание горожан было приковано ко дворцу и восточным воротам, через которые в столицу входили войска семьи Бэтик. Огонь все еще бушевал в большой усеченной пирамиде, устремившейся в небо на самом высоком холме Аксеками.

Среди всей этой суматохи никто не заметил крытую телегу, направлявшуюся к южным воротам. И даже несмотря на строжайший приказ никого не выпускать, часовые мгновенно открыли запоры после обмена несколькими словами с закутанной в платок женщиной, которая сидела рядом с возницей. Заговорщики оставили Аксеками позади, кипеть и бурлить в собственном гневе.

Через две мили они свернули с дороги к заброшенному карьеру. Там беглецы бросили телегу и оседлали семь быстрых лошадей. Сторож, вышедший навстречу, встревоженно смотрел на ребенка, которого держал Заэлис.

— Это она? — почтительно поинтересовался он, сверкая глазами в зеленом лунном свете.

Чувствовалось, что воздух наэлектризован до предела. Завтра или на следующий день... пройдет совсем немного времени, и начнется лунный шторм. Заговорщикам следовало торопиться, чтобы избежать разгула стихии.

— Да, — кивнул Заэлис. — Нам нужно ехать. Каждая секунда приближает ее к смерти.

Мужчина помахал на прощание рукой, провожая взглядом удаляющиеся фигуры, и возвратился к ветхой хижине, которая несколько дней заменяла ему кров.

Это был первый перевалочный пункт среди многих, разбросанных по пути к Провалу, где заговорщиков ждали свежие лошади и запас еды. Скорость играла весьма существенную роль в их планах. Они должны были исчезнуть с наследницей без следа, не оставив никаких улик. Даже утомленных лошадей тщательно прятали до того времени, пока животные не отдохнут и не примут прежний вид. Если бы бегство оказалось замеченным и Мос организовал погоню, то Провалу угрожала бы большая опасность. Слишком много невинных жизней ставилось под удар. Провал еще не был подготовлен к войне и не мог дать отпор императорским войскам. Людям пришлось бы покинуть обустроенное место, задаваясь вопросом, как руководители могли решиться на похищение наследницы, навлекая на всех беду.

Сторож попробовал заснуть, но почти всю ночь проворачивался с боку на бок. Только к рассвету ему удалось забыться, и сны, которые он увидел, были ясными и странными. Утром он едва вспомнилочные кошмары, но одно видение прочно врезалось в память.

Сторож мог поклясться богами, что видел, как какие-то существа на длинных веретенообразных ногах с горящими, словно фонари, глазами двигались по краю карьера как раз перед рассветом.

В то утро заговорщики скакали долго, не обращая внимания на усталость. Когда наконец Заэлис разрешил остановиться, с холок лошадей падала клоками пена, а губы были разодраны удилами. Отряд уже давно свернул с дороги и двигался по заросшим травой равнинам сельской глубинки Сарамира. Беглецы устроились на привал под огромным деревом, одиноко стоявшим на склоне холма. Воздух наполнял музикальный треск насекомых, прятавшихся в густой траве. Яркие цветы источали удивительный аромат. Но красота летнего дня не радовала заговорщиков.

Кайку заснула почти сразу же, едва слезла с седла. Остакт пути девушка держалась из последних сил, стараясь не потерять сознание, несколько раз едва не свалившись с лошади. Джугай развел огонь и занялся приготовлением еды. Заэлис, положив Люцию на траву, устроился вместе с Кайлин возле

принцессы. Мисани, Азара и Пурлох сидели в стороне, прислонившись к стволу дерева, измученные и утомленные.

Они сделали это. Они выкрали наследницу из-под носа императорской стражи и смогли ускользнуть. Удача сопутствовала заговорщикам. Время, выбранное для похищения, совпало с взрывами во дворце и попыткой Дуруна тайно убить Люцию и императрицу. Поэтому сейчас никто во дворце не мог сказать, где находятся члены императорской семьи, живы они или мертвые. И возможно, стражники до сих пор не обнаружили отсутствия наследницы, полагая, что девочка находится в каком-нибудь тайном убежище.

И все же они не чувствовали себя победителями, потому что принцесса находилась между жизнью и смертью. Если ее не удастся спасти, то все усилия окажутся совершенно бесполезными, а смерть товарищей бессмысленной.

Люция безжизненно лежала на траве. Дыхание ее с трудом улавливалось. От белокурых волос мало что осталось. Когда Заэлис осторожно отодвинул их в сторону, заговорщики увидели ужасные ожоги на затылке и шее, обугленную плоть, сочущуюся сукровицей.

— Что с ней? — спросил наставник негромко. — Почему она не приходит в себя?

— Ожоги очень глубокие, — пояснила Кайлин.

— Ты можешь вылечить ее?

Кайлин покачала головой. Даже без зловещего макияжа она выглядела очень впечатляюще.

— Я не решаюсь вмешиваться. Люция — необыкновенная девочка. Остается надеяться, что внутренняя сила удержит наследницу, пока мы не вернемся в Провал.

Кайлин посмотрела на Кайку, которая спала, свернувшись клубком. Без нее ребенок бы погиб. И из-за нее же девочка все еще могла умереть. Кайлин не собиралась брать на себя ответственность за то, что Кайку воспользовалась своей каной, не научившись ею управлять.

Мисани чувствовала себя опустошенной. Ее едва не казнили. Она изменила свое отношение к отцу. И все, что когда-то

привлекало ее, теперь опротивело. Жизнь ее круто изменилась, и дорога назад была закрыта. Она стала изгояем.

Девушка посмотрела на спящую Кайку. Лицо подруги казалось спокойным и безмятежным. *По крайней мере, я не одна*, подумала Мисани, и эта мысль принесла небольшое облегчение.

Достав запасы провианта из седельных сумок, заговорщики приготовили завтрак и поели. Заэлис, смешав мед с теплым молоком, попытался напоить Люцию, и, к его великой радости, она сделала несколько глотков. Сердце сжалось от умиления и горечи. Такое нежное создание, такое хрупкое...

— Я хочу уйти, — произнес кто-то за его плечом. Заэлис обернулся и увидел Пурлоха.

— Понимаю, — с грустью ответил наставник. — Я очень благодарен тебе. Ты проявил настоящую храбрость, согласившись еще раз вернуться во дворец.

Пурлох равнодушно кивнул. Вор не чувствовал никакого удовлетворения от того, что сделал. Проход через коллекторы до сих пор вспоминался с содроганием. Но боги смилиостивились, обратный путь они проделали уже по поверхности, избежав встречи с ужасными маку-шенгами. Кроме того, Пурлоха не оставляло чувство вины. Если бы не он, возможно, Люция выросла бы, научившись скрывать свои отклонения, получила бы трон. Если не он...

— Я выполнил свое обещание, — наконец произнес вор, стараясь не смотреть на истерзанную Люцию. Это было выше его сил. — Я отправляюсь на восток. Вы меня больше не увидите.

— Пусть тебе сопутствует удача, — промолвил Заэлис.

— И тебе.

Пурлох бросил взгляд на обожженного ребенка и вышел. Выбрав себе лошадь покрепче, чтобы пересечь горный хребет, домушник вскочил в седло и уехал, ни разу не оглянувшись.

Остальным участникам опасного путешествия тоже пришла пора отправляться в путь. Они потушили костер и разбудили Кайку. Девушка все еще чувствовала сильную усталость, но несколько часов отдыха принесли долгожданное облегчение. Оседлав лошадей, путники поскакали на юг к Провалу. Там ждал долгожданный покой, там они будут в безопасности.

Вечером они сменили лошадей и отправились дальше, несмотря на наступающую ночь. Кайку почти ничего не помнила. Она все время дремала, но руки крепко сжимали поводья, направляя лошадь в нужную сторону. Мисани ехала рядом, поддерживая подругу, чтобы та не упала. Путники осознавали, что это не безопасно, но другого выхода у них не было. Они не могли вести лошадь Кайку под уздцы, как это сделала Азара на острове Фо. Ехать вдвоем на одном коне тоже оказалось невозможно. Когда на счету каждая минута, любая задержка в пути может навлечь беду.

Наконец беглецы вновь устроили привал, разбив лагерь между огромных камней. Они развели небольшой костер, убедившись, что огонь не заметен издалека. Ночь была теплой. Маленького костерка хватало, чтобы разогреть воду и приготовить еду. Джугай, разбирайсь в травах, готовил настой, помогающий бодрствовать ночью на посту. Он пил его, понимая, что не может спокойно спать, пока заговорщики не вернутся в Провал. Азара, как и Джугай, несла бессменную вахту, охраняя сон товарищей. Ей хватало короткой передышки, чтобы восстановить силы. Остальные дремали на подстилках в свете трех лун.

Дорога из северной части Ксаранского Разлома до Аксеками заняла несколько дней. Заэлис полагал, что назад они смогут вернуться намного быстрее и достигнут Провала к концу следующего дня. Наследнице становилось все хуже. Девочка часто бредила, ее лихорадило и тряслось, точно от холода. Если бы Тэйн не погиб, он смог бы облегчить страдания бедного ребенка, промыв рану, чтобы воспрепятствовать заражению. Остальные заговорщики не обладали такими знаниями. Отвар, приготовленный Джугаем, не дал никаких результатов. Они лишь протирали лицо девочки влажным платком и постоянно меняли повязку на затылке. Кайлин послала сообщение сестрам, приказав им выехать навстречу и привезти с собой врача. Но, глядываясь в бледное лицо ребенка, она боялась, что наследница умрет в дороге от полученных ожогов.

Весь следующий день путников преследовали неприятности. Лошадь Мисани сломала ногу, провалившись в кроличью нору.

Девушка вылетела из седла, но, к счастью, осталась невредима. Зато кобылу пришлось застрелить. Теперь Мисани ехала вместе с Кайку. Та уже почти пришла в себя, но разговаривала мало и все время плакала, тоскуя по Тэйну. Путникам пришлось сбавить скорость. К счастью, Мисани оказалась очень легкой, а лошадь — довольно сильной, чтобы выдержать двоих.

Но на этом беды не кончились. Глаз Нуки к полудню раскалился докрасна, и путники изнемогали от жары. Мисани стало дурно. Скорее всего, она получила солнечный удар. Но Заэлис не делал остановок даже для еды. У наставника слезала кожа с обгоревшего в солнечных лучах лица, оно чесалось и ныло, но сейчас, когда на чаше весов лежала жизнь наследницы, его собственная боль была не в счет.

С наступлением сумерек путники почти умирали от усталости и голода, а дыхание Люции участилось. Девочка задыхалась. Они со страхом смотрели на ночное небо, где вырисовывался бледный диск Арии. С запада к нему приближалась яркая Иридима и зеленая Нерин. Воздух стал тяжелым и наполнился металлическим привкусом. Облака, возникшие ниоткуда, быстро неслись по небу.

Отряд добрался до границ Ксаранского Разлома, когда обрушился лунный шторм.

Ненастьезвестило о своем прибытии пронзительным визгом, от которого лошади испуганно заржали и задрожали. Фиолетовые молнии с треском вспыхивали между рваными облаками, несущимися в водовороте атмосферных вихрей высоко над землей. Перед путниками внезапно выросли изломанные скалы, смятенные катаклизмом, поглотившим древнюю столицу Гобинду вместе с правителем династии Чо. Время, дожди и ветра сгладили искореженную землю, но до сих пор нетрудно было заметить то место, где проклятый город внезапно рухнул в бездну.

Путники, пытаясь скорее добраться до убежища, нахлестывали лошадей. От визга лунных сестер закладывало уши, и первые капли теплого дождя упали на землю. Через несколько мгновений небо словно распахнулось, свирепо выплескивая на людей потоки воды. Заэлис, не останавливая коня, торопливо

завернул свою бесценную ношу в одеяло. Путники направили лошадей между огромными камнями и, соскользнув по пологим склонам, уже покрытым жидкой грязью, исчезли в лабиринтах Ксаранского Разлома.

К тому времени, как они добрались до места встречи, сгустилась непроглядная тьма. Огромные валуны возвышались подобно мифическим каменным великанам. Жуткие фиолетовые вспышки мерцали в ущелье, сопровождаемые оглушительным грохотом рвущегося неба. Мисани, ехавшая с Джугаем, чтобы дать лошади Кайку отдых, вздрогнула от страшного звука.

— Почему мы останавливаемся? — прокричала Кайку. Ее голос потонул в реве шторма.

Заэлис огляделся по сторонам, всматриваясь в темные валуны.

— Кайлин? — Он с сомнением посмотрел на сестру.

— Нас должны встретить, — подтвердила девушка. — Врач и те, кто понесет носилки. Они знают, что нельзя опаздывать.

— Но они опаздывают, — волновался Заэлис.

— Вижу, — спокойно ответила Кайлин.

Щелчок взводимой Азарой винтовки заставил всех насторожиться. Джугай нервно всматривался в темноту.

Взгляд Кайку упал на ручей, тонкой струйкой стекавший в маленькое углубление у подножия скалы. Она не могла сказать, какое предчувствие заставило ее наклониться и прищурить глаза. Но в этот момент вспыхнувшая в ночи жуткая молния осветила ущелье, и девушка увидела, что прозрачная дождевая вода смешалась с чем-то темным, вытекающим из-за скалы. Кровь. Кайку, не отрываясь, смотрела на медленно густеющий водоворот в лужице.

— Ваши люди мертвы, Заэлис! — выкрикнула она, чувствуя, как каждая клеточка впит об опасности. — Это — западня! Поехали!

В ее голосе звучал такой ужас, что никто не задавал вопросов. Все действовали очень быстро, без всяких разговоров. И это спасло им жизни.

Они едва успели пришпорить лошадей, как два шин-шина спрыгнули со скалы как раз на то место, где всего лишь не-

сколько секунд назад стояли путники. Вторая пара демонов гналась поверх валунов. Их сверкающие глаза уставились на добычу, а веретенообразные длинные ноги быстро несли тварей по неровной поверхности. Сверкающая молния расколола пополам небо, и мир снова погрузился во тьму. И только горящие красные глаза демонов, чувствовавших присутствие Люции, не отступно следовали за беглецами.

— Быстро! Все в разные стороны! — прокричала Кайлин.

Намотав на кулак поводья лошади, она повернулась к спутникам. Обломки скал и вздыбившаяся земля создали каменный лабиринт, в котором человек мог потеряться навсегда. Но сейчас Кайлин беспокоило не это. Бегство было для них единственным спасением. Она не могла защитить своих товарищей от четырех демонов тьмы без помощи сестер.

Заэлис, прижав к себе крепче Люцию, пришпорил лошадь и направил ее в узкий проход между двумя огромными гранитными плитами. Кайку последовала за ним. Азара не стала тратить время, протискиваясь в узкую щель, и поскакала напрямик, вниз по грязному склону. Джутай, придерживая Мисани, последовал за ней. Кайлин свернула на другую тропу.

Небо рычало от ярости и вспыхивало огнем. Сильные порывы ветра пытались ослепить и выбросить из седла. Кайку, сгорбив плечи под струями дождя, хлеставшими ее по спине, старалась не потерять из виду Заэлиса. Тот скакал впереди, прижимая к себе ребенка, прячась за валунами и деревьями. Дважды он едва не разбил голову девочки о выступы скалы. Заметив это, Кайку выругалась. Сама она прижималась к шее лошади, стараясь не зацепиться за камни, и даже не позволяла себе оглянуться на преследователей.

«Вы не доберетесь до меня, — с неожиданной злостью подумала Кайку. — Однажды я смогла вас убить, и сделаю это снова».

Всадники выскоцили на небольшую равнину, узкую полосу земли, поросшую намокшей травой, с выступающими на поверхность камнями. Нахлестывая лошадь, Кайку рванулась к линии деревьев, видневшихся впереди. Выбрав момент, она бросила взгляд через плечо.

За ними гнались три шин-шина. Один мчался по равнине, а два других следовали за добычей по камням. Демоны походили на живые тени, темные облака с горящими глазами, выслеживающие жертву.

Внезапно до нее донесся крик Заэлиса. Четвертый демон выскочил из-за деревьев, с визгом перегородив дорогу. Лошадь Заэлиса испуганно заржала и взвилась на дыбы. Копыта попали на скользкую каменную плиту, и Кайку с ужасом увидела, как животное рухнуло на землю, подминая под себя всадника и его ношу. Обеими руками Заэлис по-прежнему прижимал Люцию к груди. Кайку расслышала хруст ломающейся кости, когда на ноги наставника упала лошадь. Он взревел от боли, но Кайку уже была рядом.

— Дайте ее мне! — отчаянно выкрикнула она, с трудом удерживая лошадь на месте.

Заэлис сделал над собой усилие и приподнял ребенка насколько смог. Кайку подхватила Люцию и едва не свалилась с коня под весом умирающей девочки. Она подтянулась на поводьях, выпрямляясь в седле, и оказалась лицом к лицу с демоном тьмы. Девушка отпрянула от неожиданности. Но в этот момент прогрохотала винтовка Азары, прочертив огненный след в темноте, и шин-шина отбросило в сторону силой выстрела. Демон закрутился, его черные ноги судорожно задергались. Три других твари рванулись в сторону, откуда раздался выстрел. Еще один с завыванием подскочил в воздух, объятый пламенем. В расщелине между камнями появилась Кайлин; ее глаза горели красным огнем.

— Бегите! — вопил лежавший на земле Заэлис.

Его звучный голос ломался от боли. Лошадь уже поднялась и ускакала.

Кайку не нужно было повторять дважды. Она вонзила шпоры в бока бедного животного, и лошадь стремительно понеслась к деревьям, видневшимся вдалеке, преследуемая завываниями лунного шторма, под внимательными взглядами лунных сестер.

Всадница погрузилась в темный, влажный лес, где каждая тень таила опасность и каждое неверное движение обещало вне-

запный конец. Шумели раскачивающиеся деревья, хрустели ломающиеся ветки. Кайку с трудом отворачивалась от падающих сучьев, прикрывая одной рукой лицо наследницы, а второй крепко удерживая поводья.

Земля пошла под уклон, и она едва удержалась в седле. Животное скользило вниз между деревьями, не в силах остановиться, и вслед катились камни, вывернутые копытами из мокрой земли. Девушке казалось, что вот-вот наступит момент, когда удача отвернется от них, и лошадь со всего размаха врежется в дерево, расплюшив Кайку и ребенка на ее руках.

Но крутой склон закончился так же внезапно, как и начался, и лошадь с седоками на спине влетела в узкий овраг с текущим по дну неглубоким, но бурным ручьем. Они промчались по мелководью, поднимая за собой столбы брызг. Кайку понимала, что рассчитывать на помощь теперь не приходится. Трудно надеяться, что товарищи последуют за ними, а тем более, смогут найти. Девушка молилась, чтобы и шин-шинам не удалось их настигнуть, но боялась оглядываться.

Стены оврага, казалось, сужались. И вскрики Кайку сливались с пронзительными звуками шторма, эхом отскакивая от каменных стен. Сощурив глаза, чтобы хоть как-то защитить их от хлещущего дождя, девушка все равно не могла ничего рассмотреть.

Впереди их ждал обрыв. Инстинкт все-таки предупредил, какая-то часть подсознания распознала изменения в бурном потоке, и Кайку с силой натянула поводья, раздирая жеребцу рот, чтобы остановить его бег. Животное взвилось на дыбы. Кайку крепко прижимала к себе Люцию, чтобы не скатиться вниз, на острия скал и верхушки деревьев, качавшихся на дне обрыва в бледном свете лунных сестер. Копыта скользили на влажных камнях, и она чувствовала холодный липкий страх, понимая, что сейчас наступит конец. Но Шинту улыбнулся им, и лошадь смогла опуститься на четыре копыта всего в нескольких дюймах от края. Кайку пристально вглядывалась в темную бездну. Ее трясло при мысли о бездонной пропасти и острых зубцах скал...

Грубым рывком она развернула жеребца — и как раз во время. Два демона спрыгнули с верхушек деревьев. Их горящие глаза уставились на ребенка.

— Вы не получите ее! — выкрикнула Кайку.

Лошадь пятнилась боком, не слушаясь поводьев. И девушка увидела, что слева овраг не обрушился круто вниз, а переходит в утес с ровной площадкой. Но Кайку понимала, что животное не сможет подняться вверх. А она сможет.

Девушка спрыгнула с седла и перекинула худенькое тельце Люции через плечо, словно мешок. Ребенок, конечно же, нуждался в более бережном обращении, но времени на нежности не оставалось.

— Вы не получите ее! — прокричала она, и лунный штурм проревел ей в ответ.

Мокрые камни выскальзывали из-под ног, пропасть манила к себе, раскрывая черную пасть. Дважды Кайку с трудом удавалось сохранить равновесие. Добравшись до площадки, она увидела небольшой лесок, тянувшийся от основания утеса. Девушка бесстрашно бросилась в темное убежище ветвей деревьев, хотя и знала, что от шин-шинов нигде нельзя спрятаться.

Кайку задыхалась, кровь стучала в ушах, когда она протискивалась сквозь темную, сырую преисподнюю леса. Девушка не могла бежать быстрее, чем демоны. Она рассчитывала укрыться где-то до рассвета или до тех пор, пока не придет подмога. Внезапно в голову пришла сумасбродная мысль. Если бы сейчас удалось найти Ипи, как когда-то это получилось у Азары... Но Ипи живет только в густых дремучих лесах, а это была всего лишь небольшая рощица.

«Ты не можешь скрыться. Ты не можешь опередить их. Думай!»

Ее сознание предательски крестилося вокруг каны, дремлющей внутри нее силы, которая причинила так много боли. Но она еще не пришла в себя после прошлого раза и на успех новой попытки не рассчитывала.

Деревья внезапно расступились, и девушка оказалась на плоском выступе залитого дождем скалистого утеса, устремив-

шегося в ночное небо. Три луны нависли над ней. Их края, на-кладывались друг на друга в середине гнезда клубящихся обла-ков, рассекаемого зигзагами огненных молний. Бледный лунный свет освещал мокрую каменную плиту под ногами Кайку. Де-вушка качнулась и остановилась.

— Нет... — прошептала она.

Ровная поверхность скалы обрывалась в пропасть. Оста-вался лишь один путь, тот, которым она пришла.

Кайку рассыпалась визг шин-шинов за деревьями и в ужасе вздрогнула. Выбора не было.

Отчаявшись, девушка подбежала к краю скалы. Возмож-но, там есть дорога вниз, возможно, все не так уж плохо, и на дне окажется озеро или река, и она сможет спрыгнуть туда...

Но пропасть оскалилась острыми обломками камней, напо-минающими хищные челюсти, ожидающие новую жертву.

Кайку оглянулась, сжимая безжизненное тело Люции, за-вернутое в мокре одеяло. Три демона тени выползали из-за деревьев. Шин-шины приближались, освещенные лунным све-том, пригнувшись к земле, с жадным блеском в красных глазах.

Кайку крепче прижала к себе ребенка, чувствуя, как трепе-щет в груди маленько сердце Люции. Демоны замерли перед прыжком, зная, что добыча в их власти и не может оказать со-противления. У Кайку перехватило дыхание, и она бросила взгляд в пропасть, оценивая глубину. Дождь хлестал по кам-ням, и потоки воды стекали вниз.

«Умирать не так уж страшно», — вспомнила Кайку свои слова, сказанные императрице. Но ей самой еще так много нужно сделать. Еще не исполнена клятва. Нужно начать новую жизнь. Она не хотела умирать здесь.

Люция пошевелилась и захныкала.

— Т-ш-ш, — прошептала девушка, не спуская глаз с при-ближающихся демонов. Ногой она нащупала выступ над про-пастью. — Я не отда姆 тебя им, Люция.

Ветер раздувал одежду и слегка подталкивал в пропасть. Кайку подумала, что ей уже больше не доведется ощущать его дуновение на лице. Захотелось заплакать.

Демоны тьмы внезапно замерли и подняли головы к небу. Кайку в замешательстве наблюдала за ними. Что случилось?

Порыв ветра сдул пелену дождя с площадки, и, казалось, в лужах что-то замерцало. Демоны тени забеспокоились, один из них неуверенно отступил назад.

Кайку обернулась, но позади по-прежнему мерцало пятнистое лицо Арии. Рядом располагался белый диск Иридимы с синими трещинами и полосами и прятавшийся между сестрами зеленый шар Нерин.

Кайку снова повернулась к чудовищам, и у нее перехватило дыхание. Теперь девушка отчетливо видела радужное переливающееся сияние, висевшее в воздухе. На ее глазах перламутровое мерцание сформировалось в три облака. Шин-шины в замешательстве попятились назад.

Перламутровые облака росли на глазах, блестящие дождевые капли сливались в призрачные нереальные силуэты.

Воздух замер, и очертания духов стали отчетливо видны. Девушка замерла.

Большие стройные женские фигуры с пышными волосами, спадающими на плечи и спины, излучали бледный холодный свет. Длинные, тонкие, прозрачные одежды развевались на ветру, облегая руки и ноги. Странные украшения раскачивались в такт движениям. Их лица постоянно изменялись подобно отражению лун в озерной воде. Тонкие костлявые пальцы заканчивались длинными, крючковатыми ногтями. Они смотрели сверху вниз на Кайку и наследницу, и от взглядов духов в жилах стыла кровь. Кайку показалось, что она заглянула в глаза вечности и обнаружила там пустоту. Это ощущение потрясло ее, и все внутри задрожало от страха.

В ужасе Кайку вспомнила все те легенды, что слышала в детстве. Они появлялись только по ночам, похожим на эту, принося смерть, беды и разрушения. Но бывали случаи, когда эти существа возникали, чтобы уберечь кого-то, защитить, сохранить чью-то жизнь. Духи лунной бури. Дети Лун.

Духи повернулись к шин-шинам, и демоны тьмы осторожно отступили, прижимаясь к земле. Они съежились и испуган-

но заскулили. Кайку была потрясена, увидев, как существа, которых она смертельно боялась, униженно склоняются перед гигантскими женщинами-духами, обладающими над ними абсолютной властью. Но Дети Лун не успокоились на этом. Яркие мечи выскоились из-под развевающихся, сверкающих одежд. Шин-шины взвизгнули, топчась на одном месте, как бабочки, приколотые к листу бумаги. Они не могли убежать. Сверкнули мечи...

Расправа была короткой и ужасной. Демоны тени дергались и сжимались. Сияющие мечи рвали и кромсали их тела. Дети Лун с наслаждением рубили демонов, отсекая от них куски мяса светлыми, влажными от дождя клинками. Разлетающиеся по сторонам брызги крови превращались в пар. Радостные, ликующие крики духов лунной бури смешивались с визгом шин-шинов и уносились в разодранное стихией небо.

Через несколько минут все было кончено.

Кайку дрожала под ветром и дождем, по-прежнему крепко прижимая к себе наследницу. Ее ужас нисколько не уменьшился после исчезновения шин-шинов. Духи лунной бури вновь обратили к девушке свои ужасные глаза. Они медленно подпывали, пока не остановились рядом. Кайку словно вросла в землю.

В страхе девушка крепко зажмурилась. О боги, почему она не спрыгнула в пропасть? Так было бы лучше, чем столкнуться с этими существами. Она почувствовала странное опустошение и равнодушие. Душа устала выносить ужас, боль, усталость и смирилась с ожидавшей ее участью.

«Делайте свое дело. И закончите его поскорее».

Кайку вновь открыла глаза и увидела перед собой одного из Детей Лун.

Дух встал на колено, оказавшись с девушкой на одном уровне. Широкое, вселяющее ужас лицо приблизилось к Кайку, изучая ее.

Внезапно существо подняло руку и дотронулось до драгоценной ноши длинным изогнутым ногтем указательного пальца. Девушка почувствовала, как дрожь пробежала по ее телу, и

ощутила что-то такое, чего не могла высказать словами. Ее словно поднимало изнутри, как будто внезапно тело стало невесомым. Такой исступленный восторг она чувствовала прежде лишь дважды: когда впервые прикоснулась к смерти и погрузилась в рисунок Узора. Но сейчас благовейный трепет угрожал поглотить ее целиком. Она чувствовала себя песчинкой в океане.

А затем порыв ветра швырнул прямо в лицо колкую волну дождя, и она зажмурилась. Открыв глаза, Кайку обнаружила, что Дети Лун ушли.

Она стояла на краю пропасти. По-прежнему лил дождь, лунный шторм разрезал темные облака зигзагами молний. Не переставая дрожать, девушка отступила от края пропасти и подняла лицо к небу, ощущая теплое прикосновение дождевых капель. Ошеломленная, она не заметила, как девочка на ее руках зашевелилась и открыла глаза. Кайку пришла в себя только тогда, когда Люция обняла ее за шею и спросила:

— Ты видела моих друзей?

Кайку кивнула, плача и смеясь одновременно.

Глава 35

Недели плавно переходили в месяцы, и лето подходило к концу.

Члены Либера Драмах какое-то время находились в постоянной боевой готовности, ожидая возмездия из Аксеками. Шпионы внимательнее, чем когда бы то ни было, прочесывали территорию Ксаранского Разлома. Но время шло, из столицы не приходило никаких вестей. Наследницу никто не искал.

Жители Провала даже не догадывались, кем была эта восьмилетняя девочка. Тайну принцессы знало только ограниченное число людей, принадлежавших к верхушке организации. Для всех остальных Люция оставалась просто девочкой, спасавшейся от войны или чего-то другого. Обычное дело в Провале.

Люция полностью оправилась от ожогов, но шрамы так и остались. Кожа на затылке и шее сморщилась. И хотя краснота со временем исчезла, на месте ран остались бугристые розовые

пятна. Принцесса, к удивлению окружающих, предпочла не отращивать волосы, а оставить их короткими, как у мальчишки. Когда Заэлис мягко указал, что длинные волосы могли бы скрыть шрамы, наследница лишь задумчиво посмотрела на него, очевидно, пропустила замечание мимо ушей.

Сначала учитель вел себя по отношению к Люции словно отец. Его сломанная нога срослась неправильно и теперь ужасно болела, затрудня员 передвижение. Но даже страдания не уменьшили решимости Заэлиса удерживать девочку в изоляции от других детей из опасения, что кто-то причинит ей вред. Люция никогда не знала, что такое свобода, никогда не жила вне позолоченной клетки.

В день вступления нового императора на трон Мисани пришла побеседовать с Заэлисом. Она была как никогда настойчива.

— Теперь она не наследница, — указала девушка на Люцию. — И не нужно с ней так обращаться. Иначе это может вызвать подозрение.

Ее слова возымели действие. Заэлис наконец сдался и позволил девочке пойти в школу. Кайку и Мисани относились к принцессе как к младшей сестре. Люция росла странной задумчивой девочкой, но что-то в ней притягивало людей. Поэтому не прошло и недели, как она подружилась со всеми детьми Проловала. Но Заэлис продолжал волноваться до тех пор, пока Кайлин не показала ему воронов, в последнее время облепивших крыши домов и деревья.

— Они присмотрят за ней намного лучше, чем ты, — усмехнулась сестра.

Что касается Кайку, то впервые за последнее время девушка ощущала спокойствие и умиротворение. Здесь, в Ксаранском Разломе, она не считала себя порченой. Это слово потеряло свое значение. Кайку больше не испытывала ни страха, ни унижения, которые так тяготили ее. Впервые с тех пор, как ткачи убили семью Макайма, девушка могла быть собой, отложив на какое-то время свои обязательства. Не то чтобы она решила нарушить клятву данную Охе, но впереди была целая жизнь.

И, кроме того, Кайку уже нанесла врагам решающий удар. Ее рассказ о колдовских камнях вызвал негодование членов Либера Драмах.

Пусть думают, рассуждала про себя Кайку. Она же проживет до конца лета беззаботно. Ткачи могут подождать. Их время еще не пришло.

Но сначала нужно многому научиться. С ней занималась Кайллин, а иногда другие сестры, время от времени приезжавшие в Провал. Постепенно Кайку приручила кану. Она учились не бояться своей силы, а дорожить ею и бережно использовать. Развитие способностей оказалось непростым делом и требовало много времени. Но первые шаги на этом пути принесли большую радость, чем она могла себе вообразить.

Они с Мисани поселились вместе в одном из домов, находившемся в середине каскада скалистых плато, сформировавших основу Провала. Этот дом долгое время пустовал, и Зээлис решил передать девушкам жилище за все то, что они сделали для наследницы и заговорщиков. Кайку с Мисани с благодарностью приняли дар. Дружба стала намного крепче и сильнее, чем раньше.

Кайку часто вспоминала Тэйна, даже чаще, чем ей хотелось. Появившись в ее жизни на краткий миг, юноша оставил в душе девушки неизгладимый след. И только когда он ушел, она смогла это понять. Но к тому времени было слишком поздно.

Маска отца хранилась в шкафу. Время от времени Кайку вынимала ее и рассматривала. Иногда она испытывала странное желание надеть ухмыляющийся лик, вновь ощутить знакомый запах и пережить воспоминания отца. Время от времени, темными ночами Кайку слышала, как маска зовет ее. В такие ночи она ворочалась без сна, но никогда не подходила к шкафу. Иногда девушка даже собиралась выкинуть маску, но наутро всегда забывала об этом.

Что касается Азары, то она уехала вскоре после того, как стало ясно, что никто не собирается искать Люцию в Провале. Это случилось теплым летним вечером, когда Мисани и Кайку сидели, наслаждаясь тишиной и покоем, на склоне у дома. Там и

нашла их Азара, неожиданно сообщив, что уходит. Куда пойдет и когда возвратится, знала только она сама. Но Кайку запомнила взгляд, когда девушки обнялись на прощание и поцеловали друг друга в щеку. В тот момент, когда показалось, что их губы могут соприкоснуться, она ощутила отвращение, смешанное с желанием. Тогда Азара, опустив глаза, улыбнулась странной улыбкой и ушла. Кайку часто вспоминала эту улыбку. И в глубине души тосковала по бывшей служанке.

Дни шли, лето заканчивалось. Девушки привыкли к новым условиям и новой жизни. К тому же теперь среди них жил мальчик росток надежды, ребенок, от которого зависело их будущее. Девочка, которая могла получить трон и изменить мир к лучшему.

Принцесса росла. Все, что зависело от заговорщиков, они сделали. И теперь оставалось лишь ждать.

Новый император Сарамира вышел из зала совета под крики неодобрения, гулким эхом разносящиеся по коридорам дворца. Лицо его было мрачным и хмурым. Но он и не ожидал другой реакции совета на свое заявление. Представители благородных семейств, которые совсем недавно радостно приветствовали его восхождение на престол, сегодня выступили против. Но выражить недовольство они теперь могли лишь яростными криками. Совет лишился своей власти. Знатные семьи не решались открыто выступить против императора, едва оправившись от конфликта и не желая быть втянутыми в другой. Не осталось сильных противников, которые могли объединиться против него. Семья Амаха полностью уничтожена в сражении под Аксеками. Керестин и Колай, погубив основную часть своей армии в безуспешной попытке захватить столицу, были вынуждены отступить с пустыми руками. Теперь они залывали раны в провинции, не решаясь показаться при дворе.

Император Мос ту Бэтик, пройдя через высокие тяжелые двери, оказался в своих апартаментах.

Это была та самая комната, в которой он когда-то встречался с Анаис, желая предупредить о заговоре Виррча и Сон-

маги. Похоже, тогда императрица все-таки подозревала, что это он и его сын, а не Сонмага, сговорились с главным ткачом.

Комната нисколько не изменилась с тех пор. Она не пострадала при пожаре, охватившем дворец во время мятежа и уничтожившем много ценных вещей. Но всепожирающий огонь не входил в планы Мosa. Предполагалось, что Виррч сумеет пресечь беспорядки, воспользовавшись своей способностью проникать в разум людей. Но главного ткача убили при весьма загадочных обстоятельствах.

Мос не хотел этого. Он всегда мечтал о том, чтобы Дурун взошел на трон, прославив семью Бэтик. События, к сожалению, развивались так, что отцу пришлось взять на себя обязанности сына, погибшего при невыясненных обстоятельствах. Все пошло совсем не так, как планировалось. Но Мос не мог допустить, чтобы смерть Дуруна оказалась бесполезной. Семья Бэтик получила вожделенный престол, и теперь Сарамир ждут перемены.

Император посмотрел по сторонам, стараясь освободиться от гнетущих мыслей. Огромный барельеф из слоновой кости, изображавший двух летящих птиц, по-прежнему красовался на одной стене. Хотя на улице дул легкий ветер и дверь на балкон была распахнута, в комнате стояла ужасная духота. У низкого стола из черного дерева разместились две кушетки. Но ожидающий Мosa посетитель стоял.

— Император Мос, — раздался скрипучий голос из-под маски.

— Главный ткач Какро, — ответил Мос.

Император подошел к столу и налил себе вина и залпом осушил стакан. Главный ткач выжидающе молчал.

— Все сделано, — наконец произнес Мос.

Главный ткач проницательно посмотрел на императора.

— Вы — человек слова. Тогда наш договор остается в силе. Мос устало кивнул.

— Знать не выступит против меня. Ткачам будут предоставлены все привилегии и почести благородных вельмож. Вам

разрешат присутствовать при дворе, в суде и в совете. Ваш голос будет иметь такой же вес, как любой другой благородной семьи. Вам разрешено приобретать земли на равнинах Сарамира и селиться там. Вы теперь не просто советники и посредники для связи, вы — политическая сила, имеющая собственные права.

— И, конечно, вы не должны забывать помощь, которую оказали вам ткачи, — заметил Какр. — Вы, император Сарамира, будете помнить, кто возвел вас на трон.

— Боги свидетели! — поклялся Мос. — Мы делали одно дело, и я человек чести! Я никогда ничего не забуду. Теперь мы союзники. Главное, чтобы вы поддерживали меня на троне.

Какр, соглашаясь, наклонил голову.

— Я предвижу длительные и взаимовыгодные отношения между семьей Бэтик и ткачами, — произнес он.

— Надеюсь, — попытался улыбнуться Мос, но не сумел скрыть проскользнувшее в голосе отвращение.

Какр ни единым движением не показал, что заметил гримасу недовольства на лице императора. Он попрощался и оставил Мosa наедине с его тяжелыми мыслями.

Император вновь налил вина. Большой и крупный, он не боялся опьянения. Со стаканом в руке Мос вышел на балкон и почувствовал на лице обжигающий взгляд Нуки, рассеивавшего по улицам Аксеками яркий свет. Это его город. Он издал новые законы и порядки, по которым теперь будет жить его народ. Династия Эринима уничтожена, и теперь во всей стране воцарится мир и покой.

Мос скользил глазами по холму, на котором стоял императорский дворец, по императорскому кварталу, по шумному Рыночному району, докам, искрящейся под солнечными лучами реке Керрин. Взгляд ушел дальше, к равнинам, к далекому горизонту.

Тело наследницы императрицы так и не нашли. Она пропала бесследно. Лучшие шпионы не смогли ничего обнаружить, хотя поиски продолжались до сих пор. Подобно фантому, призраку,

наследница исчезла. Возможно, она погибла в пожаре. Но император не верил в это.

Только Виррч мог бы рассказать, что произошло и почему все пошло не так, как они планировали. Мос не понимал, что заставило главного ткача преждевременно отдать приказ смертникам взорвать бомбы. Ему никогда не узнатъ, что случилось на мосту между дворцом и Башней Северного Ветра. Люди Моса обнаружили императрицу, которой кто-то нанес удар в спину. И в то время как все стражники, лежавшие рядом, были обклеваны воронами почти до костей, тело Анаис оказалось нетронутым. Почему так случилось? Была ли воздействована черная магия или это просто игра случая — сейчас не имело значения. Намного важнее выяснить, кто за этим стоит. И что произошло с Люцией.

Мос вновь обвел взглядом открывавшийся перед ним пейзаж. Где-нибудь там, вдали, лишенная своих прав, скрывается наследница, растет, окружает себя верными людьми. Он ощущал это.

Когда-нибудь Люция возвратится в Аксеками, и тогда могущественная империя рухнет.

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АС
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ**

**ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква****

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. (495) 727-16-15
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр-т, д. 132, т. (495) 172-18-97
- м. «Медведково», ТЦ «ХЛ Мытиши», Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, т. (495) 641-22-89
- м. «Новослободская», д. 26, т. (495) 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (495) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, т. (495) 268-14-55
- м. «Таганская», б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Коломенская», ТЦ, пр-т Андропова, вл. 25, т. (499) 612-60-31
- м. «Китай-город», ул. Маросейка, д. 4/2, стр. 1, т. (495) 624-37-33 (30-34)
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О. г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru**

**Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71**

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

**Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru**

**Изключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

**Вудинг Крис
Клеймо Порчи,
или Ткачи Сарамира**

Редактор Е. Богатырева
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерная верстка: О. Попова
Технический редактор О. Панкрашина
Младший редактор Е. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

**ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.**

**Качество печати соответствует
качеству предоставленных диапозитивов**

Люди Сарамира не могут, не должны пострадать от таинственной Порчи. Гарантия тому — могущество магов — Ткачей, чья сила вот уже много веков хранит Сарамирскую империю от демонического Зла, угрожающего ей разрушением. Каждый порченый подлежит немедленному уничтожению — иначе последствия будут ужасны. Ибо всякий, отмеченный клеймом Порчи, обладает колдовскими способностями, слишком огромными и непредсказуемыми, чтобы не представлять опасности для обитателей Сарамира.

Так было.

Но теперь главный из Ткачей узнает:
наследница престола — порченая.

Кто рискнет убить законную принцессу,
любимую дочь жестокой, решительной императрицы?

Но, с другой стороны, кто захочет видеть на троне
женщину, способную в одночасье превратиться
в одержимое демонами чудовище?

Страна — на грани гражданской войны.

Потомки знатнейших семейств уже схлестнулись
в битве за сарамирскую корону. Императрица
отказывается верить Ткачам, считая
их подозрения пустым вымыслом.
Катастрофу уже не остановить?..

Всё
Дракона

ISBN 978-5-17-054149-2

9 785170 541492